

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Дальневосточного отделения Российской академии наук**

На правах рукописи

ИЗОТОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
РОССИИ В АТР: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА И ЭФФЕКТОВ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)**

Специальность 08.00.14 – Мировая экономика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук,
академик РАН
Минакир П.А.

Хабаровск

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	15
1.1. Этапы, стадии и направления международной экономической интегра- ции в условиях процессов глобализации и регионализации	15
1.2. Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методики оценки эффектов	28
ГЛАВА 2. НАПРАВЛЕНИЯ И ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АТР	46
2.1. Экономическая интеграция в АТР в условиях процессов глобализации и регионализации	46
2.2. Эффекты торгово-экономической интеграции в АТР: влияние процес- сов глобализации и регионализации	54
2.3. Торговые мегаформаты в АТР: структурные соотношения, динамиче- ские проявления и перспективы сближения	68
ГЛАВА 3. ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АТР	79
3.1. Закономерности и особенности интеграции экономики России с зару- бежными странами	79
3.2. Динамика торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР	91
3.3. Проблема интеграции российской экономики со странами АТР	96
3.4. Торгово-экономическое сотрудничество России с КНР: особенности, риски и возможные эффекты интеграции	100
ГЛАВА 4. ЭФФЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ С ТОРГОВЫМИ МЕГАФОРМАТАМИ АТР	112
4.1. Динамика торговли России с мегаформатами АТР	112
4.2. Оценка эффектов интеграции России с торговыми мегаформатами АТР	118
4.3. Косвенные эффекты для России от создания торговых мегаформатов АТР	124
ГЛАВА 5. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ	132
5.1. Дальний Восток России как оператор расширения торгово- экономических взаимодействий российской экономики со странами АТР	132
5.2. Тенденции торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР	140
5.2.1. Торговые взаимодействия	140

5.2.2. Инвестиционные взаимодействия	143
5.3. Потенциал институциональных модернизаций на Дальнем Востоке как инструмента активизации международных взаимодействий	147
ГЛАВА 6. ПОТЕНЦИАЛЫ ВНЕШНИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ	162
6.1. Интеграционный потенциал торговых взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР	162
6.2. Сравнительный потенциал торговых взаимодействий дальневосточных субъектов Российской Федерации со странами АТР	170
6.3. Оценка потенциала инвестиционных взаимодействий Дальнего Востока с зарубежными странами	184
ГЛАВА 7. СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СО СТРАНАМИ АТР	197
7.1. Риски изоляционизма для России и Дальнего Востока	197
7.2. Интеграция со странами АТР: преимущества и вызовы для национальной и дальневосточной экономики	206
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	225
ПРИЛОЖЕНИЕ I. ПЕРЕЧЕНЬ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В АТР	252
ПРИЛОЖЕНИЕ II. МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТОВ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В РАМКАХ МОДЕЛИ ЧАСТИЧНОГО РАВНОВЕСИЯ	255
ПРИЛОЖЕНИЕ III. ПОТЕНЦИАЛ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РОССИИ С РЕГИОНАМИ КНР	263

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. За последние три десятилетия (1990-е – 2010-е гг.) заметное расширение торгово-экономических взаимосвязей между странами стало возможным благодаря интеграционным процессам в мировой экономике, причем наиболее отчетливо – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)¹, на который в конце 2010-х гг. приходилось более половины мировой экономики и торговли. Несмотря на то, что к настоящему времени практически все страны АТР являются членами ВТО и, соответственно, взаимоотношения между ними регулируются практикой глобального мультилатерализма, процесс экономической интеграции² в субглобальной экономике имеет свою специфику с точки зрения протекания процесса регионализации и попыток создания крупных торговых форматов (мегаформатов) – ТТП³, ВПТТП⁴, ВРЭП⁵ и в рамках АТЭС⁶. Сближение стран АТР за счет обоюдного снижения различного рода барьеров, сдерживающих торгово-экономические взаимодействия, создает условия для развития их экономик. С одной стороны, данное сближение способствует расхождению в развитии между странами, расширяющими торгово-экономические соглашения и принимающими активное участие в построении торгово-экономических форматов, и странами, развивающимися в условиях периферийной автаркии в АТР. С другой стороны, нарастающее усложнение текущих механизмов взаимодействий между странами АТР способно выступить в качестве сдерживающего фактора расширения торгово-экономической интеграции в субглобальной экономике, эффекты от глобализации могут существенно превалировать над эффектами от регионализации, а создание конкурентных мегаформатов может создать предпосылки для фрагментации в АТР.

Быстрое развитие интеграционных процессов в АТР является, с одной стороны, вызовом для России, которая в последнее время все более акцентирует свои экономические взаимодействия именно на восточном направлении, а с другой стороны – потенциальным фактором интенсификации процессов экономического роста и благосостояния. Именно поэтому идея географической диверсификации торгово-

¹ К АТР в диссертационном исследовании отнесены страны и экономические территории Тихоокеанского кольца (Австралия, Бруней, Вануату, Восточный Тимор, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, Кирибати, КНДР, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Маршалловы острова, Мексика, Микронезия, Науру, Никарагуа, Новая Зеландия, Новая Каледония, Палау, Панама, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Россия, Республика Корея, Сальвадор, Самоа, Сингапур, Соломоновы острова, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Тувалу, Уоллис и Футуна, Фиджи, Филиппины, Французская Полинезия, Чили, Эквадор, Япония), а также Монголия и Мьянма. Являясь частью глобальной экономики, АТР в исследовании также именуется как субглобальная экономика.

² Термин «экономическая интеграция» в исследовании используется для описания сближения национальных экономик и их групп при нивелировании тарифных, нетарифных и институциональных барьеров, сдерживающих торгово-экономические взаимодействия между ними. При этом экономические взаимодействия могут экстенсивно наращиваться без существенного снижения барьеров между странами, что соответствует «экономической кооперации» между ними.

³ Транстихоокеанское партнерство.

⁴ Всестороннее и прогрессивное соглашение Транстихоокеанского партнерства.

⁵ Всестороннее региональное экономическое партнерство.

⁶ Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.

экономических связей России за счет сближения со странами АТР стала одной из наиболее широко обсуждаемых как в политических, так и в академических кругах.

В практической экономической политике стремление России к диверсификации политических и экономических связей в пользу стран АТР, и прежде всего территориально близких стран Восточной Азии, выражается как стратегия «поворота на Восток». Однако до настоящего времени, несмотря на некоторые попытки расширения своего присутствия на рынках стран АТР, российская экономика в целом остается за рамками торгово-экономической интеграции в АТР, находясь во «втором эшелоне» подобного рода взаимодействий. Это объясняется наличием ряда эндогенных и экзогенных ограничений для сближения с субглобальной экономикой. В качестве эндогенных ограничений выступают особенности функционирования российской экономики, которые определяют вектор российской внешнеэкономической политики. Экзогенными ограничениями являются барьеры во внешней среде, сдерживающие расширение торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР. Фиксация данных ограничений ведет к реальной изоляции российской экономики в рамках субглобальной экономической системы, что будет иметь очевидно негативные последствия для национальной экономики и уровня благосостояния населения. Торгово-экономическая интеграция в рамках тихоокеанской субглобальной экономической системы для интенсификации позитивных эффектов требует нивелирования ограничений на сближение с экономиками АТР.

Особое значение данный аспект приобретает в условиях возможного конкурентного выбора для российской стороны с точки зрения расширения экономических взаимодействий с формирующимися торговыми мегаформатами в АТР в условиях многовекторности внешнеэкономических отношений России, а также текущего сближения с китайской экономикой.

Возможности непосредственного включения России в процесс торгово-экономической интеграции с субглобальной экономикой главным образом связаны с развитием Дальнего Востока, который территориально относится к АТР, имея со странами этой группировки протяженную сухопутную и морскую границы. Ввиду значительных расстояний от основных рынков сбыта России, расположенных в западной части страны, экономика Дальнего Востока на протяжении последней четверти века тесно связана с близлежащими рынками стран АТР, снижение барьеров взаимодействия с которыми способно нарастить взаимную торговлю. Дальний Восток может выступить в качестве «оператора» расширения торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР, что способно обеспечить функционирование экономики макрорегиона как части российской экономики, при активном ее включении в систему субглобальной экономики¹.

¹ В исследовании анализ и оценки в целом представлены до 2018 г. включительно, что связано с ограничениями в получении статистических данных для Дальнего Востока России, к которому отнесены девять субъектов Российской Федерации: Амурская область, Еврейская автономная область (ЕАО), Камчатский край, Магаданская область, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область,

Несмотря на многочисленные исследования разнообразных эффектов торгово-экономических взаимодействий в АТР, перспектив формирования и сближения мегаформатов в субглобальной экономике, оценки сравнительных эффектов интеграции в АТР, связанные с разграничением влияния процессов глобализации и регионализации, не получили достаточного развития. В научной литературе приводятся хоть и многочисленные, но фрагментарные результаты отечественных и зарубежных исследований политического и экономического взаимодействия России со странами АТР, оценки экзогенных и эндогенных ограничений на участие российской стороны в интеграционных процессах, а также сравнительных эффектов торгово-экономической интеграции России с перспективными мегаформатами, в которые входят ключевые экономики АТР. В частности, несмотря на то, что за последние два десятилетия особенно заметным является увеличение масштабов торгово-экономических взаимодействий России с КНР, а также политическое сближение двух стран, разработка сценария расширения российско-китайских торговых взаимодействий с точки зрения соотношения эффектов интеграции, а также определение долгосрочных рисков таких взаимоотношений для российской стороны отражаются в научной литературе не в полной мере.

К числу нуждающихся в существенном повышении уровня системности относятся исследования факторов, потенциала и сравнительной интенсивности торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России с рынками товаров и капитала АТР. Нуждается также в углублении исследование проблем совмещения институциональных режимов функционирования экономик, имеющее особое значение в современных условиях. Реализуемые в последние годы меры государственной политики для достижения целей ускоренного развития экономики Дальнего Востока, в том числе за счет расширения торгово-экономических отношений со странами АТР, не сопоставляются с опытом других стран, имеющих сходные с Россией институциональные и структурные характеристики, что способно ограничить их результативность.

Нерешенность описанных проблем в изучении торгово-экономических взаимодействий со странами АТР, особенно касающихся регионального аспекта¹, обусловила выбор направления, цели и задач диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика изучения процессов и эффектов экономической интеграции национальной экономики с глобальной и субглобальной экономиками является многоаспектной и отражена в большом количестве исследований как зарубежных, так и отечественных.

Хабаровский край и Чукотский автономный округ (ЧАО). В исследовании под макрорегионом понимается Дальневосточный федеральный округ (ДФО) или Дальний Восток, под регионом – основная административно-территориальная единица страны.

¹ Региональный аспект экономической интеграции в исследовании понимается как проявление эффектов от нивелирования торгово-экономических барьеров для национальной экономики в целом на региональные подсистемы.

Базовые теоретические и методологические основы изучения стадий и механизмов интеграционного процесса были заложены в рамках классических исследований Дж. Вайнера, Б. Балассы, Дж. Мида, Дж. Липси, К. Ланкастера, Р. Триффина, Дж. Бхагвати и других. Теоретические исследования интеграционных процессов в условиях протекания процессов глобализации и регионализации отражены в работах Р. Болдуина, Дж. Уоллея, Д. Родрика, П. Нири, В. Этира, П. Кругмана, Л. Калиендо, Р. Финстры, Дж. Ромалиса, А. Тэйлора, Е. Лимера, Дж. Левинсона, М. Бешкара, Г. Гроссмана, Э. Хэлпмана, М. Крейнина и других.

В современных условиях изучение механизмов интеграции носит междисциплинарный характер, охватывая институциональные аспекты функционирования политических и экономических систем, что было отражено в работах следующих исследователей: Р. Болдуина, Г. Гроссмана, Э. Хэлпмана, М. Крейнина, Дж. Макларена, К. Багвелла, Р. Стейгера, Г. Магги, Н. Нанна, М. Фуджиты, Ж.-Ф. Тисса, П. Ваннакота, А. Алесины, А. Сайкса, М. Кордена, Д. Хаммелса, П. Кленова, П. Кругмана, Т. Гокана, К. Ямамото, Д. Хаммелса, К. И, Дж. Ишии и других.

Особое значение в исследовании эффектов интеграции, а также барьеров торгово-экономических взаимодействий занимают работы Дж. Вайнера, Б. Балассы, Г. Хаберлера, Я. Тинбергена, П. Кругмана, С. Байера, Дж. Андерсона, Й. Йотова, Т. Зилкина, Дж. Бергстранда, М. Ларча, Г. Ки, А. Никиты, М. Оларреги, Д. Хаммелса, П. Кленова, Д. Нови, М. Аллена, Н. Каванабе, Н. Нанна, А.А. Левченко, Д. Де Розы и других. Институциональные ограничения и опосредованные эффекты процесса регионализации затронуты в исследованиях Дж. Бхагвати, П. Мартина, Т. Майера, М. Зоеинга, К. Хаякавы, Н. Цинцзи, Т. Матсууры, Т. Иошими.

Среди российских исследователей теоретических и политических аспектов торгово-экономической интеграции в глобальной и субглобальной экономиках следует отметить С.А. Афонцева, И.С. Королева, В.В. Михеева, М.Ю. Головнина, Б.А. Хейфица, А.Н. Федоровского, В.С. Загашвили, А.С. Булатова, А.В. Кузнецова, Ю.М. Шишкова, Л.Б. Вардомского, Н.А. Волчкову, Н.А. Турдыеву, Е.Ю. Винокурова, А.М. Либмана, С.А. Караганова, Л.А. Аносову, Л.С. Кабир, Д.И. Ушкалову, Г.П. Глинкину, А.П. Портанского, А.И. Погорлецкого.

Теоретические исследования процессов расширения торгово-экономических взаимодействий в АТР затронуты в работах К. Акаматсу, К. Коджимы, Ф. Кимур, А. Куно, К. Хайякавы, К. Фреунда, Е. Орнеласа, М. Окабе, В. Торбеке, Р. Болдуина, Т. Окубо, Р. Помфрета, Д. Хиратсуки. Текущие и перспективные оценки эффектов крупных торговых соглашений в АТР были отражены в исследованиях П.А. Петри, М. Пламмера, Ф. Чжая, Ч. Ли, Дж. Вана, А. Абдул-Рахима, Дж. Франкеля, А. Роуза, Б. Локвуда, Д. Ква, С. Вея, И. Фергюссона, К. Бергстена, Б. Вилльямса, Дж. Уоллея, Й. Фукунаги, И. Исоно, О. Кадо, Л. Инга, С. Хаманаки, Дж. Менона.

За последнее время широкое распространение получили оценки эффекта границ для анализа сравнительной интегрированности регионов страны с нацио-

нальным и зарубежным рынками, основополагающие теоретические конструкции которого были заложены Дж. Андерсоном, Е. Ван-Винкупом, Дж. МакКаллумом, Ж. Сантос Силвой, С. Тенрейро, Й. Йотовым, Д. Агностевой, С. Байером, Д. Таглиони, К. Хидом, Т. Майером, М. Оливейрой, Р. Пьермартини.

Исследования эндогенных рисков функционирования современной экономики России отражены в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей: Е.Г. Ясина, А.Л. Кудрина, Е.Т. Гурвича, П.А. Минакира, В.М. Полтеровича, С.М. Гуриева, С.М. Дробышевского, М. Алексеева, Ш. Вебера, Л.М. Григорьева, С. Ледяевой, К. Кархунена, Н.А. Волчковой, А.А. Мовчана, М. Ван Игена, И. Гилла, И. Изворски, Д. Айкьюта, А. Санги, Г. Космидоу, Дж. Дамгаарда, Т. Елқджаера, Н. Йоханнсена, Н. Вандайка, А. Шлейфера и других.

Оценки эффектов интеграции российской экономики с глобальной и субглобальными экономиками, в том числе с некоторыми странами АТР представлены в исследованиях следующих авторов: С. Адоуры, Л. Де Соузы, Н.А. Турдыевой, Н.А. Волчковой, К.В. Юдаевой, А.В. Алексеева, А.Ю. Кнобеля, Б.В. Чокаева, Я.Д. Лисоволика, А.С. Каукина, Г.И. Идрисова. По регионам России оценки диверсификации экспорта были представлены в работах И.Л. Любимова, М.А. Гвоздевой, М.В. Казаковой, К.В. Нестеровой, С.М. Кадочникова, А.А. Федюниной. Оценки косвенных эффектов для российской стороны от «неучастия» в интеграционных процессах в АТР отражены в исследованиях П.А. Петри, М. Пламмера, Ф. Чжая, К. Кавасаки.

При изучении факторов и эффектов интеграции национальной экономики с рынками капитала выделяются исследования Б. Бхаллы, К. Гокменоглу, С. Надима, К. МакГована, М. Бургера, Е. Янчовичиной, Дж. Уолша, А. Назира, М. Топалы, Е. Городниченко. Для современной российской экономики, в том числе для ее регионов, факторы привлечения прямых иностранных инвестиций рассматривались в работах И.М. Драпкина, А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой, Г.И. Идрисова, Б.В. Таганова, А.А. Гладышевой, С. Ледяевой.

Возможности включения России в процесс интеграции со странами АТР связаны с развитием регионов Дальнего Востока. В процессе исследования закономерностей торгово-экономических взаимодействий регионов Дальнего Востока со странами АТР в диссертационном исследовании использованы методологические, методические и экспериментальные достижения научной школы Института экономических исследований ДВО РАН под руководством академика П.А. Минакира. Концептуальные положения о расширении торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР были сформулированы П.А. Минакиром, В.С. Немчиновым, Р. Скалапино. Проблематика торговых и инвестиционных взаимодействий регионов Дальнего Востока с зарубежными рынками, преимущественно со странами АТР, затрагивалась в исследованиях П.А. Минакира, Н.П. Рыжовой, К.И. Тошкова, И.В. Ясеновской, О.В. Кузнецовой, А.Г. Адмидина, Е.И. Деваевой. Влияние торговых потоков на результирующие экономические показатели

макрорегиона рассматривалось в исследованиях Н.Н. Михеевой, Л.И. Власюк, А.В. Белоусовой. Общие вопросы расширения торгово-экономических взаимосвязей Дальнего Востока со странами АТР, в особенности с китайской экономикой, затрагивались в исследованиях П.А. Минакира, П.Я. Бакланова, Н.П. Рыжовой, В.Е. Кучерявенко, А.В. Островского, И.П. Глазыриной, С.В. Севастьянова, М.В. Александровой, А.Т. Габуева. Исследования результативности мер государственной политики, реализуемых для достижения целей ускоренного развития экономики Дальнего Востока России, проводились в работах П.А. Минакира, А.Н. Демьяненко, Е.Л. Мотрич, С.Н. Леонова, Н.П. Рыжовой.

Диссертационное исследование основывается на теории международной интеграции, новой теории торговли, а также на положениях институциональных исследований, дополняя их выводы.

Цель исследования заключается в оценке эффектов экономической интеграции России, а также потенциала торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР.

Достижение данной цели предполагало решение следующих **задач**:

- определить этапы, стадии и направления, а также систематизировать теоретические и методологические подходы к объяснению механизмов и оценке эффектов международной экономической интеграции;
- выявить особенности интеграционных процессов в АТР, сформулировать вызовы, сдерживающие сближение экономик в АТР, а также оценить эффекты экономической интеграции в субглобальной экономике;
- оценить эффекты торгово-экономической интеграции России с КНР, а также определить ограничения такого рода взаимодействий;
- оценить эффекты расширения торговой либерализации России с торговыми мегаформатами АТР, а также получить оценку косвенных эффектов для российской экономики от «неучастия» в торговых мегаформатах субглобальной экономики;
- проанализировать целевые ориентиры текущих мер государственной политики по реализации интеграционного потенциала Дальнего Востока России, выявить институциональные ограничения их реализации;
- оценить потенциал торговых взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР;
- оценить факторы взаимодействия экономики Дальнего Востока России с зарубежным рынком капитала, в том числе со странами АТР;
- определить и сравнить стратегии экономических взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР.

Предмет исследования – интеграционные процессы в мировой экономике на региональном уровне.

Объекты исследования – торгово-экономические взаимоотношения России и ее приграничного макрорегиона – Дальнего Востока со странами АТР.

Методологическая основа исследования. В диссертационной работе применялись общенаучные методы исследования (комплексный метод, системность, сравнение, обобщение, анализ и синтез, абстракция), методы экономических исследований (экономико-статистический анализ, эконометрические методы и т. д.). В исследовании использованы методологические подходы новой теории торговли и теории международной интеграции, концепции функционирования политических рынков и политэкономии торговой политики. Для количественных оценок эффектов и влияния различного рода факторов применялись структурная, гравитационная модели и модель частичного равновесия.

Информационная база исследования главным образом основывается на исследованиях российских и международных ведущих научно-исследовательских организаций, специализирующихся в изучении фундаментальных процессов, протекающих в глобальной и субглобальной экономиках, а также в российской экономике в целом и дальневосточной в частности, среди которых: Институт экономических исследований ДВО РАН, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт экономики РАН, Институт Дальнего Востока РАН, Экономический факультет МГУ им. Ломоносова, Российская экономическая школа, НИУ Высшая школа экономики, Московский центр Карнеги, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО), Национальное бюро экономических исследований (NBER, США), Центр перспективных исследований и международной информации (CEPII, Франция), Институт международной экономики Петерсона (PIIE, США), Азиатский банк развития (ADB, Филиппины).

В диссертационной работе для получения количественных оценок использовались материалы международных, национальных и региональных статистических органов, которые позволили сформировать исходные массивы данных, на основе восстановленной, не противоречащей друг другу, системно представленной статистики. База данных для России основывалась на официальных данных Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) России, Федеральной таможенной службы России и территориальных таможенных управлений, Центрального банка России, РА «Эксперт» и других источников информации. Для получения оценок по зарубежным экономикам были использованы международные и национальные базы данных: Организации объединенных наций (ООН), Всемирного банка, ВТО, МВФ, Организации экономического сотрудничества и развития,

Центра перспективных исследований и международной информации, Государственного статистического комитета КНР, Таможенного управления КНР и других.

Обоснованность и достоверность результатов, выносимых на защиту, основывается на: применении современных концепций, теоретических подходов и методических рекомендаций формирования массивов данных и их использовании для получения количественных оценок; сравнении результатов, полученных в диссертационной работе, с оценками и выводами других исследователей; сопоставлении результатов диссертационной работы с оценками, полученными в рамках различных методических подходов.

В диссертационном исследовании получены следующие **научные результаты**:

1. Эмпирически подтверждено, что при общем положительном влиянии процессов глобализации на интеграционные процессы в АТР для стран, осуществляющих пролиферацию торговых соглашений, эффект от регионализации превалировал в долгосрочном периоде над эффектом от глобализации, объясняя проявление экономического эффекта домино в АТР.

2. На основе оценки эффекта границ выявлено наличие монополии для российских экспортеров на рынке Китая, доказано, что условием для увеличения поставок российских товаров на китайский рынок и формирования положительных эффектов от создания зоны свободной торговли между странами является нивелирование торговых барьеров на региональном уровне в КНР.

3. Доказано, что в случае неучастия России в интеграционных проектах в АТР возрастает риск дедиверсификации российского экспорта. Измерено соотношение выигрышей и потерь для экономики России при создании зоны свободной торговли с торговыми мегаформатами АТР. Разработан сценарий создания зоны свободной торговли России с группами стран, входящими в мегаформаты АТР.

4. Обосновано, что расширение торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР возможно только в случае совмещения институциональных режимов. На основе декомпозиционной оценки эффекта границ определен диапазон потенциального увеличения торговли Дальнего Востока России со странами АТР.

5. Показано, что увеличение интеграционных взаимодействий Дальнего Востока России с рынком капитала АТР возможно в случае улучшения инвестиционного климата в национальной экономике в целом за счет снижения региональных эндогенных рисков, создания экономических стимулов для обновления основных фондов и повышения прибыльности предприятий, стимулирования инновационной деятельности и конкуренции.

6. Выполнена оценка возможностей и рисков интенсификации внешнеэкономических связей Дальнего Востока в зависимости от реализации стратегий «участия» и «неучастия» России в интеграционных процессах со странами АТР. Доказано, что стратегия «неучастия» России в интеграционных проектах в АТР кон-

фликтует со стратегией развития экономики Дальнего Востока, основанной на ее открытости.

Научная новизна результатов определяется:

- декомпозиционными оценками эффектов интеграции в АТР с точки зрения разграничения влияния процессов глобализации и регионализации;
- разработкой сценариев «участия» и «неучастия» российской стороны в интеграционных процессах со странами АТР на основе оценок торгово-экономических эффектов;
- выявлением ограничений в текущих способах государственной политики России расширения торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР;
- оценкой потенциальных значений расширения торговых взаимодействий Дальнего Востока при интеграции России со странами АТР и оценкой факторов раскрытия интеграционного потенциала макрорегиона с глобальным и субглобальным рынками капитала.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что ее выводы могут быть использованы для определения закономерностей расширения торгово-экономических взаимодействий, позволяя обосновать необходимость проведения политики экономической интеграции с крупными и близкими рынками для получения положительных эффектов национальной экономикой. Используемые в диссертационной работе методики позволяют получить более точные оценки последствий торгово-экономической интеграции между странами АТР, между Россией и странами АТР для национального и регионального уровней, учитывая различные факторы, в том числе институциональные. На основе вариантов сравнительной целесообразности заключения торговых соглашений с мегаформатами и отдельными странами АТР предложенная в диссертационной работе методика учета возможностей и ограничений, связанных с нивелированием торгово-экономических барьеров России со странами АТР, позволяет выявить направления корректировки текущей российской внешнеэкономической политики. Особое значение полученные выводы могут иметь для разработки мер, способствующих трансформации региональной политики России с точки зрения интенсификации торгово-экономических связей с зарубежными странами, а также для корректировки существующих инструментов государственной политики Дальнего Востока в части определения потенциала и факторов расширения его торгово-экономических взаимодействий с ключевыми экономиками АТР. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в учебном процессе при преподавании теории внешнеторговой политики, в рамках разделов науки о международных отношениях, охватывающих экономические аспекты проблем международных взаимодействий. Оценки и сформулированные на их основе выводы могут представлять интерес для специалистов в области мировой экономики и

международных отношений, региональной и институциональной экономики для преподавания и изучения соответствующих дисциплин.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования представлялись на зарубежных конференциях, семинарах и круглых столах, среди них: Тридцатый российско-японский научный симпозиум ученых ДВО РАН и района Кансай (Осакский университет экономики и права) (Япония, г. Осака, 2014 г.); Международная научная конференция «Сотрудничество между Дальним Востоком РФ и Северо-Востоком КНР: возможности и вызовы» (КНР, г. Харбин, 2012 г.); ARTNeT (UN ESCAP) Workshop: «Emerging Trade Issues in Asia and the Pacific: Meeting Modern Policy Challenges» (Таиланд, г. Бангкок, 2012 г.); 6th KIEP–ERI Seminar «Korea-Russia Economic Dialogue toward Economic Integration in North-east Asia» (Республика Корея, г. Сеул, 2011 г.); Third International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development (КНР, г. Харбин, 2010 г.); 4th KIEP–ERI Seminar «Korea and Russian Far East: Changing Circumstances and Chances for Economic Cooperation» (Республика Корея, г. Сеул, 2009 г.).

Научные результаты диссертационного исследования также были представлены на международных, всероссийских и региональных конференциях, семинарах и круглых столах, проведенных в России: в Институте экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, 2004–2019 гг.); в Дальневосточном институте управления РАНХиГС (г. Хабаровск, 2005–2007 гг., 2018–2019 гг.); на «25-ом российско-японском симпозиуме ученых Дальнего Востока и района Кансай, Япония» (г. Хабаровск, 2009 г.); на Первом Российском экономическом конгрессе (г. Москва, 2009 г.); на «29-ом российско-японском симпозиуме ученых Дальнего Востока и района Кансай, Япония» (г. Хабаровск, 2013 г.); на Втором Российском экономическом конгрессе (г. Суздаль, 2013 г.); на Экономическом форуме стран Северо-Восточной Азии (г. Владивосток, 2013 г.); на Осенней конференции молодых ученых в новосибирском академгородке (г. Новосибирск, 2013–2014 гг.); на Пятой международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (гг. Благовещенск–Хэйхэ–Харбин, 2015 г.); 11th KIEP–ERI Joint International Seminar «Changes in the Global and Domestic Economic Conditions and Future of Development of the Far East» (г. Биробиджан, 2016 г.); на Третьем Российском экономическом конгрессе (г. Москва, 2016 г.); на IX Международном научно-практическом Форуме «Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта» (г. Москва, 2017 г.); 13th KIEP–ERI Joint International Seminar «Searching for Common Ground of Korea's New Northern Economic Policy and Russia's Far East Development Policy in the Changing Geopolitical Environment of the Korean Peninsula and Northeast Asia» (г. Хабаровск, 2018 г.); на Международной научной конференции «FarEastCon» ДВФУ (г. Владивосток, 2018–2019 гг.); на Международной научной конференции «Современные вызовы и будущие контуры валютной системы, монетарной политики и финан-

совой архитектуры Европы и России» (РУДН) (г. Москва, 2019 г.); на XX–XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (НИУ ВШЭ) (г. Москва, 2019–2021 гг.) и других.

Публикации по теме исследования. Соискателем опубликовано по теме диссертационного исследования лично и в соавторстве 38 работ, из них: одна авторская монография, 35 статей в рецензируемых научных журналах в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, из которых 9 научных статей входят в международные базы цитирования Web of Science и Scopus.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, семи глав, заключения, библиографического списка литературы, трех приложений. Основной текст изложен на 224 страницах, включает 38 таблиц и 22 рисунка. Библиографический список литературы состоит из 431 источника, в том числе 296 на иностранном языке.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1. Этапы, стадии и направления международной экономической интеграции в условиях процессов глобализации и регионализации

За последнюю четверть века (1994–2018 гг.) товарные потоки в мировой экономике существенно увеличились по причине снижения барьеров во взаимной торговле между странами: товарооборот вырос более чем в девять раз; средняя импортная пошлина сократилась в три раза, средневзвешенная – в два раза; доля в мировом импорте товарных групп, торгуемых беспошлинно, увеличилась более чем в два раза, составляя половину его стоимости¹. С точки зрения основных экономических парадигм внешняя торговля является важным источником экономического роста и рассматривается как необходимый элемент рационального распределения ресурсов, а также повышения производственной эффективности². Поскольку внешняя торговля создает стимулы для создания совершенно новых продуктов и повышения качества существующих, она способна генерировать экономический рост и создавать условия для развития экономики³.

Общая открытость экономических систем, а также построение модели экономики, ориентированной на экспорт, показали впечатляющие результаты в целом ряде стран и их регионов. Преимущество ориентированной на экспорт модели экономического роста перед импортозамещающей доказано в целом ряде эмпирических исследований⁴. Стратегия импортозамещения, активно применявшаяся в 1960-е и 1970-е гг. в целом ряде стран мира⁵, в большинстве из них привела к катастрофическим последствиям. К настоящему времени от подобного рода стратегии отказались практически все страны мира, поскольку такая протекционистская политика приводит к стимулированию высокочатратной обрабатывающей промышленности (за счет дополнительного «налога» на экономических агентов⁶). Подобные практики характеризуются очень ограниченными возможностями для

¹ Рассчитано по: Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFoldersreportFolders.aspx>; Tariff data by Country / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en> (дата обращения: июль 2020).

² Подробно: Spence M. The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multi-speed World. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 320 p.

³ Подробно: Helpman E. Understanding Global Trade. Cambridge, Massachusetts, London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 232 p.

⁴ Balassa B. Exports and Economic Growth: Further Evidence // Journal of Development Economics. 1978. Vol. 5. Pp. 181–189; Henriques I., Sadorsky P. Export-Led Growth or Growth-Driven Exports? The Canadian Case // Canadian Journal of Economics. 1996. Vol. XXIX. Pp. 540–555; Hye Q., Wizarat Sh., Lau W. Trade-led Growth Hypothesis: An Empirical Analysis of South Asian Countries // Economic Modelling. 2013. Vol. 35. Pp. 654–660; Rahman M., Mustafa M. Dynamics of Real Exports and Real Economic Growths in 13 Selected Asian Countries // Journal of Economic Development. 1997. Vol. 22. Issue 2. Pp. 81–95.

⁵ См., например: Prebisch R. The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems // Economic Bulletin for Latin America. 1962. Vol. 7. Pp. 1–22.

⁶ Laux-Meiselba W. A Note on Import Substitution versus Export Promotion as Strategies for Development // Kyklos. 1989. Vol. 42. Pp. 219–229.

экспорта продукции обрабатывающей промышленности при замедлении роста внутреннего рынка¹. Зачастую политика импортозамещения, осуществляемая для целей поддержки определенных общественных и бизнес-групп, приводит к переделу внутреннего рынка и подавлению конкуренции².

Внешнеторговая открытость является необходимым условием сбалансированного роста любой экономики мира. Заметное расширение торговых взаимосвязей между странами стало возможным благодаря интеграционным процессам в глобальной и субглобальной экономиках.

Термин «экономическая интеграция» используется для описания взаимозависимости национальных экономик (их групп), участвующих в международных экономических обменах. Одним из первых понятие «экономическая интеграция» сформулировал Б. Баласса: как процесс она представляет собой различные меры, ведущие к подавлению дискриминации во взаимодействиях между национальными экономиками, и как этап в таком процессе, в рамках которого нивелируется дискриминация в различных областях³. Б. Баласса подчеркнул, что «...появление национальных экономик стало создавать искусственные барьеры между ними в виде тарифных и нетарифных ограничений, препятствуя мобильности рабочей силы, капитала и предпринимателей и т. д. Кроме того, экономические взаимодействия между странами затрудняет национальная экономическая политика: фискальные, социальные и денежно-кредитные меры. Таким образом, создается дискриминация во взаимодействиях между национальными экономиками, способствуя их дезинтеграции. <...> Принимая во внимание эти различия, представляется целесообразным ограничить использование термина «экономическая интеграция» для обозначения интеграции только на международном уровне»⁴.

Также Б. Баласса разграничил понятия «экономическая кооперация» и «экономическая интеграция»: «...экономическая кооперация включает в себя различные меры, направленные на гармонизацию экономической политики и уменьшение дискриминации, процесс экономической интеграции включает в себя меры, которые влекут за собой подавление некоторых форм дискриминации, т. е. устранение дискриминации в пределах определенной области»⁵. Несмотря на то, что впоследствии стали появляться уточняющие дефиниции термина «экономическая

¹ Grabowski R. Import Substitution, Export Promotion, and the State in Economic Development // The Journal of Developing Areas. 1994. Vol. 28. Issue 4. Pp. 535–554.

² Bruton H. Import Substitution // Handbook of Development Economics. 1989. Vol. 2. Pp. 1601–1644; Rozenwurcel G. Why Have All Development Strategies Failed in Latin America? / United Nations University. Research Paper 2006/012. 2006. 21 p. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/rp2006-12.pdf> (дата обращения: июль 2020).

³ Balassa B. The Theory of Economic Integration: An Introduction // The European Union. Ed. by B.F. Nelsen, A.C.-G. Stubb. London: Palgrave, 1994. P. 126; Balassa B. Towards a Theory of Economic Integration // Kyklos. 1961. Vol. 14. Issue 1. P. 5.

⁴ Balassa B. Towards a Theory of Economic Integration // Kyklos. 1961. Vol. 14. Issue 1. P. 4.

⁵ Balassa B. Towards a Theory of Economic Integration // Kyklos. 1961. Vol. 14. Issue 1. P. 4–5.

интеграция»¹, определение Б. Балассы в исследовательском сообществе не является объектом для серьезных критических замечаний². В диссертационном исследовании термин «экономическая интеграция» используется для описания сближения национальных экономик и их групп при нивелировании тарифных, нетарифных и институциональных барьеров торгово-экономических взаимодействий между ними³.

Интеграция реализуется на основе двух- и многосторонних соглашений между странами / группами стран мира. Снижение барьеров торгово-экономических взаимодействий между странами – участницами соглашений в процессе создания двух- и многосторонних торговых форматов получили названия «билатерализма» и «мультилатерализма»⁴ соответственно⁵. С точки зрения географии распространения интеграция имеет глобальное, субглобальное и межстрановое измерение. В масштабах мировой экономики интеграционный процесс определяется как глобализация; между группой стран, т. е. в рамках субглобальной экономики, – регионализация; между двумя странами – двусторонняя интеграция.

С точки зрения масштаба снижения тех или иных барьеров между странами / группами стран интеграция может быть «негативной» («поверхностной») или «позитивной» («глубокой») ⁶. «Негативная» интеграция предполагает устранение торговых барьеров на основе принципа отсутствия дискриминации. «Позитивная» ин-

¹ «Экономическая интеграция», например, понималась некоторыми исследователями как процесс, связанный с использованием всех потенциальных возможностей эффективного разделения труда между странами субглобальной экономики. Подробно: Hosny A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*. 2013. Vol. 2. Issue 5. P. 133.

² Впоследствии понятие «дискриминация», подразумевающая в рассматриваемом контексте ущемление интересов одной из сторон интеграционного процесса, уступило место понятию «барьеры», которые понимаются как препятствия, сдерживающие экономические взаимодействия.

³ Торгово-экономические взаимодействия между странами могут расширяться без существенного снижения барьеров, что соответствует «экономической кооперации».

⁴ De Rosa D.A. Regional Integration Arrangements: Static Economic Theory, Quantitative Findings, and Policy Guidelines / The World Bank. Policy Research Working Paper No. 2007. 1998. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-2007> (дата обращения: октябрь 2020); Panagariya A. Preferential Trade Liberalization: The Traditional Theory and New Developments // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. Issue 2. Pp. 287–331.

⁵ Помимо билатерализма и мультилатерализма некоторыми исследователями выделяется процесс «унилатерализма», т. е. снижение барьеров внешнеторговых взаимодействий какой-либо страной в одностороннем порядке. Подробно: Ethier W.J. Regionalism in a Multilateral World // *Journal of Political Economy*. 1998. Vol. 106. Issue 6. P. 1224; Baldwin R.E. Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade / NBER. Working Paper 12545. 2006. September. 47 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w12545> (дата обращения: октябрь 2020); Wonnacott P., Wonnacott R.J. The Economic Case for Reciprocal Trade Negotiations: Gains from Both Imports and Exports // *International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups* / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 167–186.

⁶ Подробно: Tinbergen J. *International Economic Integration*, (second edition). Amsterdam: Elsevier, 1965. 142 p.; Chauffour J.-P., Maur J.-C. Beyond Market Access: The New Normal of Preferential Trade Agreements / The World Bank. Policy Research Working Paper 5454, 2010. URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/1813-9450-5454> (дата обращения: октябрь 2020).

теграция, помимо нивелирования барьеров, проявляется в создании новых институтов и их инструментов или изменении существующих¹.

Выделяются шесть этапов интеграционного процесса² с точки зрения действия сторон по снижению либо нивелированию барьеров внешнеэкономических взаимодействий. Частичные по охвату торговые соглашения (ЧТС), зоны свободной торговли (ЗСТ) и таможенные союзы (ТС) являются первоначальными этапами двух- / многосторонней экономической интеграции. В соответствии с ЧТС сокращение различного рода ограничений распространяется только на определенные товарные группы. ЗСТ предполагает значительную либерализацию торговли между странами-участницами с точки зрения сокращения тарифных мер и нетарифных ограничений, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам. В случае создания ТС страны вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран. Более зрелым форматом интеграции является создание общего рынка, предполагающего сравнительно свободное перемещение капитала и трудовых ресурсов. Экономический и полный экономический (политический) союзы являются самыми высокими уровнями интеграции, предполагающими, помимо создания единого рынка товаров, услуг, капитала и труда, координацию экономической политики, унификацию институциональных норм и появление надгосударственных органов. Данные этапы формируют так называемую лестницу интеграции³ между странами / группами стран (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Основные этапы экономической интеграции («лестница интеграции»)

Действия сторон	Этапы					
	ЧТС*	ЗСТ	ТС	Общий рынок	Экономический союз	Полный экономический союз
Отмена таможенных тарифов и квот	+/-	+	+	+	+	+
Общий таможенный тариф к третьим странам	-	-	+	+	+	+
Свободное движение факторов производства	-	-	-	+	+	+
Гармонизация экономической политики	-	-	-	-	+	+
Унификация экономической политики	-	-	-	-	-	+

Примечания. * – ЧТС, рассматриваемые как аналог преференциальных торговых соглашений, в некоторых исследованиях разделяются на два вида, предполагающие снижение торговых барьеров в одностороннем и двустороннем порядке. Функционирование «валютного союза» рассматривается в рамках экономического союза.

Источники: Balassa V. Towards a Theory of Economic Integration // *Kyklos*. 1961. Vol. 14. Issue 1. P. 1–5; Lipsey R.G., Smith M.G. Multilateral versus Regional Trading Arrangements: Substitutes or Complements? // *International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups* / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 92; Limão N. Preferential Trade Agreements // *Handbook of Commercial Policy. Volume 1B* / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. New Holland, 2016. P. 286.

¹ «В общем случае позитивная интеграция должна заключаться в создании всех институтов для оптимума благосостояния, который может быть достигнут централизованным путем». Подробно: Tinbergen J. *International Economic Integration*, (second edition). Amsterdam: Elsevier, 1965. P. 79.

² Изначально Б. Балассой выделялось пять этапов интеграции, без создания полного экономического союза.

³ Афонцев С.А. Единое экономическое пространство: предпосылки успеха интеграции // *Экономическая свобода и государство: друзья или враги* / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2012. С. 143.

С точки зрения последовательности снижения барьеров выделяются в явном виде две модели интеграции¹: линейная, предполагающая поэтапное продвижение по «лестнице интеграции»; нелинейная – отсутствие заданной интеграционной последовательности в рамках «лестницы интеграции», формирование смешанных интеграционных форм и отказ от достижения максимально возможного уровня интеграции.

Считается, что первым многосторонним торговым форматом в мире являлось Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), заключенное в 1948 г. 23 странами, а к 1994 г. количество стран – членов данной организации увеличилось до 128², став глобальным торговым соглашением. К основополагающим принципам ГАТТ относят следующие: отсутствие дискриминации (в рамках режима наибольшего благоприятствования (РНБ), т. е. предоставление каждой из сторон другой стороне не менее благоприятных условий, какие она предоставляла любой третьей стороне – стране – участнице ГАТТ; в рамках «национального режима» – предоставление равных условий для торговли отечественными и импортными товарами на внутреннем рынке); прозрачность (публичность торговой политики); обоюдность (взаимное сокращение торговых барьеров); гибкость (поиск путей для компенсации ущемленным сторонам); принятие решений на основе консенсуса³. При этом признается, что ГАТТ специализировалась в продвижении преимущественно «поверхностной» интеграции⁴.

Создание Всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 г. на основе ГАТТ позволило включить в процесс торговой либерализации подавляющее большинство стран мира, а также расширить принципы торговых взаимодействий на многие виды услуг, на гармонизацию правил интеллектуальной собственности и на усовершенствование процедур урегулирования споров⁵. Включение в ВТО большинства стран мира⁶ позволяет определить данную организацию как глобальный формат интеграции.

Процесс проявления билатерализма и мультилатерализма в рамках той или иной субглобальной экономики определяется как «регионализм»⁷. Причем в от-

¹ Подробно: Ушкалова Д.И. Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 158–170.

² Grossman G.M. The Purpose of Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. P. 380; McCulloch R. The International Trading System and Its Future // The Oxford Handbook of International Commercial Policy / Ed. by M.E. Kreinin, M.G. Plummer. Oxford University Press, 2012. P. 2.

³ Baldwin R. The World Trade Organization and the Future of Multilateralism // Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30. Issue 1. P. 97–98.

⁴ Maggi G. International Trade Agreements // Handbook of International Economics. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. P. 352.

⁵ Grossman G.M. The Purpose of Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. P. 380.

⁶ По состоянию на 2018 г. только 25 стран не являлись членами ВТО. Подробно: Members and Observers / WTO. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (дата обращения: июль 2020).

⁷ Понимаемый первоначально как сближение стран, расположенных на одном континенте. Подробно: Ethier W.J. Contemporary Regionalism // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 129;

личие от мультилатерализма, процессы билатерализма и регионализма (в дальнейшем – регионализация) имеют более продолжительную историю¹. Наряду с возникновением ГАТТ и включением новых стран-членов в мире стали формироваться субглобальные интеграционные объединения с широким по охвату количеством стран-участниц². Следует заметить, что, согласно нормам ГАТТ, создание двух- и многосторонних преференциальных соглашений в общем случае было запрещено, поскольку данные соглашения рассматривались как нарушение РНБ, при этом допускалось их заключение в случае установления свободной торговли между странами³.

Хронологически выделяются две стадии процесса регионализации⁴: «ранний регионализм» (конец 1950-х – начало 1980-х гг.); «современный регионализм» (конец 1980-х гг. по настоящее время). Среди главных параметров разделения двух стадий регионализации выделяются следующие: мотивы интеграции; формат интеграции; стратегия взаимодействия с третьими странами⁵ (табл. 1.2).

«Ранний регионализм», или «регионализм первой волны», основывался на концепции «традиционного» регионализма, предполагая последовательное расширение интеграции за счет сфер, в которых взаимодействие осуществляется в преференциальном режиме⁶ при основополагающей роли политических мотивов и высокой степени институционализации, связанной с последовательной передачей на наднациональный уровень функций экономического регулирования в рамках каждого последующего этапа «лестницы интеграции»⁷. С точки зрения стратегии взаимодействия с третьими странами для периода «раннего регионализма» было характерно создание барьеров, что исходило из рассмотрения субглобального интеграционного объединения в форме таможенного союза как закрытого

De Rosa D.A. Regional Integration Arrangements: Static Economic Theory, Quantitative Findings, and Policy Guidelines / The World Bank. Policy Research Working Paper No. 2007. 1998. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-2007> (дата обращения: октябрь 2020).

¹ Речь идет о торговом соглашении между Великобританией и Францией 1860 г. (договор Кобдена – Шевалье). Данные страны впервые заключили обоюдное ЧТС, предоставив друг другу РНБ в торговле. Подробно: Grossman G.M. The Purpose of Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. P. 380.

² Имеются в виду так называемые региональные интеграционные объединения.

³ Lipsey R.G., Smith M.G. Multilateral versus Regional Trading Arrangements: Substitutes or Complements? // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 98.

⁴ Ethier W.J. Contemporary Regionalism // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 120–135; Ethier W.J. Regionalism in a Multilateral World // Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106. Issue 6. Pp. 1214–1245.

⁵ Подробно: Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция в условиях процессов глобализации и регионализации // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 5. С. 7–24.

⁶ Ушкалова Д.И. К вопросу об эволюции интеграционных процессов в современном мире // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 6. С. 129.

⁷ Афонцев С.А. Единое экономическое пространство: предпосылки успеха интеграции // Экономическая свобода и государство: друзья или враги / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2012. С. 141–142.

торгового блока¹, страны-члены которого снижают торгово-экономические барьеры только между собой, при этом выстраивая / сохраняя барьеры с другими странами². Соответственно, по отношению к третьим странам в рамках закрытого торгового блока реализовывалась политика импортозамещения, охватывая главным образом рынки промышленных товаров.

Таблица 1.2

Две стадии процесса регионализации: отличительные черты

Отличительный признак	Ранний регионализм	Современный регионализм
Ведущая роль интеграции (мотивы интеграции)	Правительства (политические мотивы)	Частный сектор (экономические мотивы)
Модели интеграции (формат интеграции)	«Линейная» («лестница интеграции»)	«Нелинейная» (ЗСТ и ЗСТ+ являются основными форматами интеграции)
Стратегия взаимодействия с третьими странами (стратегия развития торговых взаимодействий)	Преимущественно закрытый торговый блок (импортозамещение)	Преимущественно открытый торговый блок (экспортная ориентация)
Уровень институционализации	Высокий*	Низкий
Охват рынков	Преимущественно рынки промышленных товаров	Рынки товаров, услуг, капитала
Уровень экономического развития стран-членов	Близкий*	Разный

Примечания. * – для зрелых форматов в рамках «лестницы интеграции». ЗСТ в расширенном формате обозначается как ЗСТ+.

Источники: Ethier W.J. Contemporary Regionalism // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 120–135; Hosny A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. Vol. 2. Issue 5. P. 139; Афонцев С.А. Единое экономическое пространство: предпосылки успеха интеграции // Экономическая свобода и государство: друзья или враги / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2012. С. 143; Ушкалова Д.И. К вопросу об эволюции интеграционных процессов в современном мире // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 6. С. 129.

Вплоть до конца 1980-х гг. большинство исследователей придерживалось мнения о существовании универсальной модели формирования субглобальных интеграционных объединений согласно «лестнице интеграции». Действительно, несколько групп стран Латинской Америки и Африки³ прилагали усилия в создании глубоко интегрированного общего рынка, выступающего единым субъектом в глобальной экономике, однако в рамках модели «линейной интеграции» лишь группе европейских стран удалось впоследствии перейти к более зрелым форматам, т. е. к созданию общего рынка и далее – экономического союза.

Следующая стадия регионализации («современный регионализм» или «регионализм второй волны») являлась неизбежным следствием: практики мультила-

¹ Wei S.-J., Frankel J.A. Open versus Closed Trade Blocs // Regionalism versus Multilateral Trade Arrangements / Ed. by T. Ito, A.O. Krueger. NBER-EASE, 1997. Pp. 119–140. URL: <http://www.nber.org/chapters/c8598> (дата обращения: июль 2020).

² В определенной мере обоснование создания закрытых торговых блоков было описано в теореме Оямы – Кемпа – Вана, согласно которой любая группа стран может создать ТС таким образом, чтобы ни одна из стран – членов ТС не пострадала, т. е. существует такой общий тариф, при котором благосостояние всех стран ТС не ухудшается. Подробно: Ethier W.J. Contemporary Regionalism // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 121.

³ Например, Андское сообщество наций, Центрально-Американский общий рынок, Восточно-Африканское сообщество, Западно-Африканский экономический и валютный союз и т. д.

терализма в рамках механизмов ГАТТ¹, способствовавших снижению общего уровня тарифной нагрузки на взаимные торговые потоки большинства стран мира; невозможности создания последующих интеграционных форм в рамках модели «линейной интеграции», в том числе по причине разного уровня экономического развития, институциональных и структурных особенностей экономик. Помимо Европейского союза (ЕС), другие страны и объединения стран согласно модели «линейной интеграции» не смогли преодолеть первоначальные этапы «лестницы интеграции», и неизбежно функциональная составляющая заключаемых ЗСТ (как наиболее распространенного формата интеграции) стала расширяться за счет охвата других сфер экономических взаимодействий, предполагающих, в частности, либерализацию торговли услугами, что способствовало появлению ЗСТ в расширенном формате (ЗСТ+). При этом М. Пламмер² выдвинул следующие критерии ЗСТ+: широкий охват групп торгуемых товаров и перечня обмена услуг; гармоничные и симметричные правила происхождения товаров; передовая практика прохождения таможенных процедур и связанных с ними мер; защита прав интеллектуальной собственности, связанных с торговлей товарами и обменом услугами; применение национального режима для прямых иностранных инвестиций (ПИИ³); прозрачное и справедливое разбирательство споров и антидемпинговых процедур; реализация политики государственных закупок на принципах прозрачности и отсутствия дискриминации; политика поддержания конкуренции; недискриминационные и прозрачные технические барьеры.

В результате торговые соглашения стали заключаться в логике «нелинейной интеграции», т. е. стали смешанными, характеризующимися некоторыми чертами общего рынка. Более того, с точки зрения гармонизации сфер расширения взаимодействий, рассматриваемых в контексте многосторонних согласований ВТО, обязательства сторон стало возможным трансформировать следующими способами: в рамках обычных положений ВТО; в рамках специальных, но за рамками обычных положений ВТО («ВТО+»); за рамками ВТО («сверхВТО»)⁴.

Как показал анализ заключенных торговых соглашений, наряду с вопросами, связанными со снижением тарифных и нетарифных барьеров исключительно для рынка товаров, в рамках «современного регионализма» они функционально охватывают также аспекты, связанные с услугами и факторами производства. Более

¹ Ethier W.J. Regionalism in a Multilateral World // *Journal of Political Economy*. 1998. Vol. 106. Issue 6. Pp. 1214–1245; Baldwin R. The World Trade Organization and the Future of Multilateralism // *Journal of Economic Perspectives*. 2016. Vol. 30. Issue 1. Pp. 95–116.

² Plummer M.G. Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia // *The World Economy*. 2007. Vol. 30. Issue 12. Pp. 1771–1796.

³ ПИИ далее в исследовании понимаются как категория трансграничных инвестиций, при которых резидент одной страны контролирует или имеет значительную степень влияния на управление предприятием, являющимся резидентом другой страны (подробно: Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж / Банк России. 2019. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth-kom-di/ (дата обращения: октябрь 2020).

⁴ Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. Beyond the WTO? An Anatomy of EU and US Preferential Trade Agreements // *World Economy*. 2010. Vol. 33. Issue 11. Pp. 1565–1588.

того, торговые соглашения распространяются на институциональные аспекты функционирования национальных экономик (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Распределение общего количества подписанных торговых соглашений
в зависимости от «широты» охвата рынков и «глубины» барьеров в рамках
«современного регионализма»¹

Барьеры	Рынки				
	Товары	Товары и услуги	Технологии (интеллектуальная собственность)	Капитал	Труд
Тарифные барьеры	100%	63%	79%	76%	58%
Тарифные барьеры и нетарифные ограничения	98%	64%	81%	78%	59%
Тарифные барьеры и внутренняя экономическая политика	89%	66%	83%	78%	62%
Тарифные барьеры и прочая политика	60%	70%	92%	92%	77%

Примечания. 100% – всего торговых соглашений в мире по состоянию на 2011 г. Тарифные барьеры включают импортные пошлины; нетарифные ограничения – квотирование, антидемпинг, компенсационные меры и прочие меры (стандартизация товаров, таможенные процедуры и прочие технические барьеры); барьеры, связанные с внутренней экономической политикой – политика поддержания конкуренции, государственная поддержка и государственные закупки; барьеры, связанные с прочей политикой – региональное и отраслевое сотрудничество, финансовое содействие.

Источники: Limão N. Preferential Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1B / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 279–367; Ederington J., Ruta M. Nontariff Measures and the World Trading System // Handbook of Commercial Policy. Volume 1B / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 211–277.

В условиях «современного регионализма»² основной движущей силой интеграции стали выступать экономические мотивы, что связано со значительным увеличением масштабов торговли внутри транснациональных корпораций (ТНК)³, потребовавшей снижения барьеров привлечения ПИИ⁴, в результате чего процесс производства стал сильно фрагментирован, а различные этапы производства конечного продукта стали выполняться в разных странах⁵. В отличие от «раннего регионализма», предполагавшего взаимные уступки по доступу на рынки, при «современном регионализме» для развивающихся и транзитных стран важнейшим аспектом стало обеспечение притока капитала и технологий из развитых стран в обмен на экономические реформы⁶.

¹ Между развивающимися странами в рамках торговых соглашений «широта» охвата рынков регистрируется в заметно меньшей степени. Подробно: De Melo J., Olarreaga M. Trade Related Institutions and Development / FERDI. Working Papers P199. 2017. URL: http://www.ferdi.fr/sites/www.ferdi.fr/files/publication/fichiers/p199-ferdi_de_melo_and_olarreaga.pdf (дата обращения: октябрь 2020).

² Или «нового регионализма». Подробно: Dür A., Baccini L., Elsig M. The Design of International Trade Agreements: Introducing a New Dataset // The Review of International Organizations. 2014. Vol. 9. Pp. 353–375.

³ Hummels D., Ishii J., Yi K.M. The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // Journal of International Economics. 2001. Vol. 54. Issue 1. Pp. 75–96.

⁴ Kreinin M.E., Plummer M.G. Effects of Regional Integration on FDI: An Empirical Approach // Journal of Asian Economics. 2008. Vol. 19. Issue 5–6. Pp. 447–454; Ethier W.J. Contemporary Regionalism // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 122.

⁵ В какой-то мере данный процесс можно рассматривать как «интеграцию снизу». Подробно: Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. М.: «Издательство: Экономика», 2011. 333 с.

⁶ Подробно: Baldwin R. The World Trade Organization and the Future of Multilateralism // Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30. Issue 1. P. 111.

Постепенно стало практиковаться создание открытых торговых блоков, подразумевающих нивелирование барьеров между странами-участницами и снижение ограничений во взаимодействиях с третьими странами, опираясь на механизмы ВТО¹ с точки зрения отсутствия дискриминации, применения РНБ и связанности ставок таможенных пошлин². Отсутствие прогресса в рамках Дохийского раунда ВТО в 2001 г., предполагающего снижение торговых мер и неторговых ограничений между развитыми и развивающимися странами для облегчения доступа к рынкам друг друга, способствовало еще большей мотивации для стран к заключению двух- и многосторонних торговых соглашений³.

Можно заключить, что современной стадии регионализма присущи следующие черты: отсутствие институциональных иерархических структур; создание открытых торговых блоков; сочетание мер, связанных с внешней торговлей, а также движением факторов производства с согласованием правил регулирования экономической деятельности в рамках национальных экономик, в том числе гармонизация технических стандартов, режима доступа на рынки и т. д.⁴ В рамках «современного регионализма» при заключении торговых соглашений важными моментами стали являться: подбор «естественных» торговых партнеров с точки зрения их географической близости⁵ и размера рынка (также характерно для «раннего регионализма»)⁶; объединение одной или нескольких малых стран с большой страной или блоком стран; проведение глубоких односторонних реформ, в том числе одностороннее нивелирование барьеров, в первую очередь малыми странами; функционирование ЗСТ+ как основного формата интеграции, т. е. включая черты более зрелых интеграционных форм; конкуренция за ПИИ⁷.

Как показывают исследования⁸, выгода для национальных экономик от международной торговли в долгосрочном периоде объяснялась снижением импортных пошлин в результате процесса мультилатерализма. Средневзвешенные им-

¹ Bagwell K., Staiger R.W. The Design of Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 435–529.

² Связанность ставок таможенных пошлин – обязательство страны не повышать указанные в перечне тарифных обязательств ставки пошлин на конкретные товары выше уровней, обозначенных в перечне.

³ Baldwin R. The World Trade Organization and the Future of Multilateralism // Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30. Issue 1. Pp. 95–116; Whalley J. Why Do Countries Seek Regional Trade Agreements? / NBER. Working Paper 5552. 1996. 37 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w5552.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Grossman G.M., McCalman P., Staiger R.W. The "New" Economics of Trade Agreements: From Trade Liberalization to Regulatory Convergence? / NBER. Working Paper 26132. 2019. 66 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w26132> (дата обращения: октябрь 2020).

⁵ Следует заметить, что за последнее время выявлено меньшее влияние фактора удаленности на экономические взаимодействия стран. Подробно: Lipsey R.G. Technology and Globalisation // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 226–238.

⁶ Krugman P. The Move toward Free Trade Zones // Economic Review. 1991. Vol. 76. Pp. 5–25; Freund C., Ornelas E. Regional Trade Agreements // Annual Review of Economics. 2010. Vol. 2. Pp. 139–166; Baier S.L., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Widely Differing Effects of Free Trade Agreements: Lessons from Twenty Years of Trade Integration // Journal of International Economics. 2019. Vol. 116. Pp. 206–226.

⁷ Ethier W.J. Contemporary Regionalism // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 124.

⁸ Caliendo L., Feenstra R.C., Romalis J., Taylor A.M. Tariff Reductions, Entry, and Welfare: Theory and Evidence for the Last Two Decades / NBER. Working Paper 21768. 2015. 62 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w21768> (дата обращения: октябрь 2020).

портные пошлины поэтапно снижались: вначале развитыми странами (Западная Европа, США, Канада и Япония), далее – развивающимися и транзитными экономиками¹. К 2018 г. в мире функционировало 19 ЧТС, 250 ЗСТ и 17 ТС, из которых в расширенном формате – 1, 143 и 5 соответственно. Массовое заключение торговых соглашений, наряду с механизмами ГАТТ/ВТО, способствовало общему снижению средневзвешенной таможенной ставки на импорт в мире (рис. 1.1).

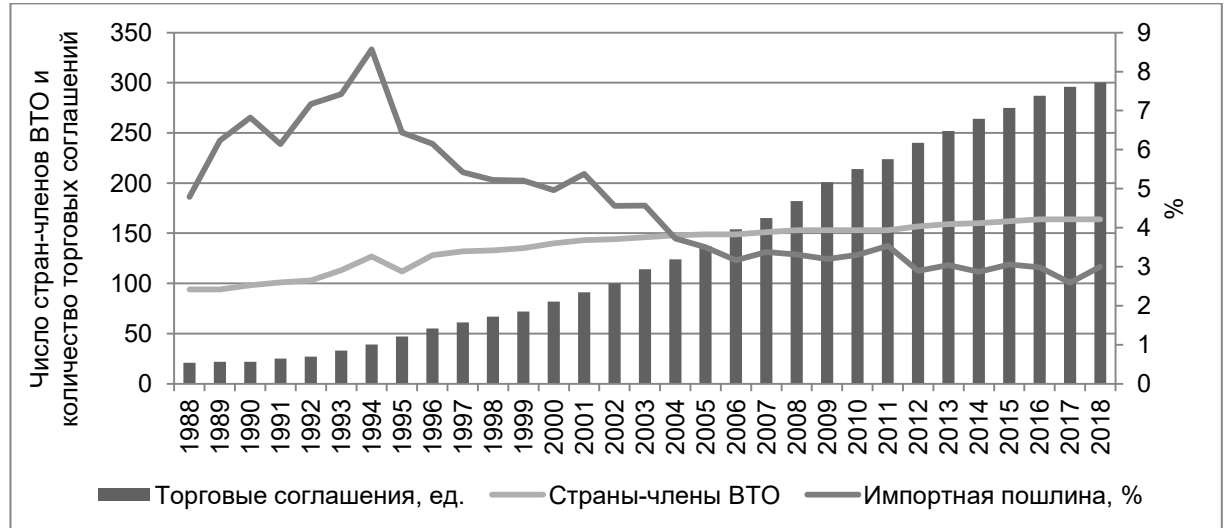


Рис. 1.1. Число стран – членов ВТО, количество торговых соглашений (левая ось) и импортная пошлина в мире (правая ось)

Примечания. До 1995 г. приведена численность стран – членов ГАТТ. Превышение числа стран – членов ГАТТ над числом стран – членов ВТО для 1995–1997 гг. объясняется переходным периодом для вступления в ВТО некоторых стран ГАТТ. Количество действующих торговых соглашений и стран – членов ВТО приведено на рисунке накопленным итогом; показаны значения применяемой средневзвешенной импортной пошлины.

Источники: рассчитано по: Regional Trade Agreements Database / WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx>; Tariff data by Country / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Несмотря на общее снижение барьеров в глобальной торговле, некоторые исследователи видят в процессе регионализации риски для свободной торговли². Одновременное участие стран в различных торговых соглашениях способствовало значительному усложнению и несистемной фрагментации глобального экономического пространства по причине искажения правил свободной торговли и проявления дискриминации³. Высказываются мнения⁴, что заключение торговых соглашений в ряде случаев было политическим актом, не имея под собой каких-либо экономических оснований. Тем не менее снижение барьеров в торговых

¹ Baldwin R.E. Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade / NBER. Working Paper 12545. 2006. September. 47 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w12545> (дата обращения: октябрь 2020).

² Bhagwati J. Regionalism and Multilateralism: An Overview // New Dimensions in Regional Integration / Ed. by J. De Melo and A. Panagariya. Cambridge University Press, 1993. Pp. 22–51.

³ Bhagwati J. Termites in the Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade. New York: Oxford University Press, 2008. 139 p.

⁴ Baldwin R. The World Trade Organization and the Future of Multilateralism // Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30. Issue 1. P. 107.

взаимодействиях способствовало увеличению масштабов глобальной торговли¹, укрепляя, в свою очередь, мирные взаимоотношения между странами, значительно увеличивая издержки вооруженных конфликтов между ними².

Современный процесс регионализации неизбежно привел к попыткам создания крупных торговых форматов (мегаформатов), к которым способно присоединиться большое число стран-участниц, заключивших торговые соглашения. В результате реализующиеся двух- и многосторонние торговые соглашения, в том числе в расширенном формате, стали рассматриваться в качестве основы для построения более масштабных форм экономической интеграции в мире³. Фактически источником создания многосторонних торговых соглашений выступили субглобальные центростремительные силы, способствующие взаимному сближению национальных экономик по причине преодоления различного рода барьеров, ограничивающих их взаимодействия.

В 2000-е гг. стали проводиться многосторонние переговоры о создании мегаформатов в статусе ЗСТ и ЗСТ+, которые были бы способны абсорбировать большое число заключенных торговых соглашений, упорядочив торгово-экономические взаимодействия, как между странами-членами, так и с третьими странами⁴. В настоящее время многосторонние соглашения по созданию двух торговых мегаформатов были подписаны⁵, и еще по трем ведутся консультации⁶. Попытки создания мегаформатов повышают риски фрагментации глобальной экономики, а также исключения некоторых крупнейших экономик мира из процессов гармонизации торговых связей в той или иной субглобальной экономике, притом, что реализация механизма «мягких преференций» в отношении третьих стран позволяет избежать дискриминации, во всяком случае, на первоначальном этапе⁷.

Действительно, обсуждение и создание различных крупных торговых форматов с одной стороны генерирует процесс системной фрагментации мировой торгово-экономической системы, с другой – создает условия для дальнейшей общей либерализации торговли с точки зрения снижения нетарифных барьеров, допол-

¹ Cipollina M., Salvatici L. Reciprocal Trade Agreements in Gravity Models: A Meta-Analysis // *Review of International Economics*. 2010. Vol. 18. Issue 1. Pp. 63–80.

² Martin P., Mayer T., Thoenig M. The Geography of Conflicts and Regional Trade Agreements // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2012. Vol. 4. Issue 4. Pp. 1–35.

³ Baldwin R.E. Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade / NBER. Working Paper 12545. 2006. September. 47 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w12545> (дата обращения: октябрь 2020).

⁴ Okabe M. Impact of Free Trade Agreements on Trade in East Asia / ERIA. Discussion Paper Series. ERIA-DP-2015-01. 2015. 49 p. URL: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2015-01.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁵ В 2016 г. было заключено ТТП, на основе которого, после выхода США, в 2018 г. подписано странами – участниками ВПТТП в формате ЗСТ+. В 2020 г. было подписано в формате ЗСТ ВРЭП.

⁶ Обсуждаются возможности создания: Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства в формате ЗСТ+; Азиатско-Тихоокеанской ЗСТ на основе форума АТЭС; Трехсторонней ЗСТ между странами, входящими в Сообщество развития Юга Африки, в Восточноафриканское сообщество и в Общий рынок Восточной и Южной Африки.

⁷ Baldwin R. The World Trade Organization and the Future of Multilateralism // *Journal of Economic Perspectives*. 2016. Vol. 30. Issue 1. P. 114.

няя функции ВТО¹. Некоторые исследователи предполагают², что наряду с процессами регионализации и фрагментации глобальной экономики отчетливо проявляется необходимость трансформирования ВТО. Данное обстоятельство обусловлено в том числе неспособностью ВТО на основе действующего принципа консенсуса принять удовлетворяющие решения как для участников глобальных цепочек стоимости, так и для стран, развивающихся вне данного процесса, а решением данной проблемы является создание необходимых институтов на субглобальном уровне, поскольку такого рода производственные отношения формируются в рамках крупнейших рынков, в которых сосредотачиваются усилия по заключению крупных торговых форматов, особенно в рамках АТР³. Тем не менее «современный регионализм» основывается на нормах ВТО, а механизмы данной организации имеют ключевое значение для сохранения уже достигнутого уровня торгово-экономической либерализации и урегулирования торговых споров⁴. С этой точки зрения создание мегаформатов свидетельствует скорее о гибкости глобальной торговой системы.

Следует также заметить, что наряду с перспективой дальнейшей фрагментации глобальной экономики в конце 2010-х гг. стали проявляться процессы дезинтеграции, связанные, прежде всего, с наращиванием барьеров рядом ключевых экономик мира⁵. Торговый протекционизм становится серьезным препятствием для роста мировой экономики⁶, и в среднесрочной перспективе на глобальном уровне может наблюдаться появление масштабных торговых конфликтов, а также «эрозия» системы многостороннего регулирования торговых взаимодействий, связанная с кризисом институциональной основы ВТО⁷. Данное обстоятельство, наряду с фрагментацией мировой экономики, способно существенно повлиять на интеграционные направления в субглобальном измерении.

Таким образом, в современных условиях интеграционные процессы осуществляются в рамках «нелинейной» модели, что стало порождать смешанные интеграционные форматы. Процессы глобализации и регионализации стали существенно дополнять друг друга, поскольку механизмы ВТО имеют ключевое значение для сохранения уже достигнутого уровня торгово-экономической либерализации и

¹ Baldwin R. WTO 2.0: Global Governance of Supply-Chain Trade / CEPR. Policy Insight 64. 2012. December. 24 p. URL: http://www.cepr.org/sites/default/files/policy_insights/PolicyInsight64.pdf (дата обращения: июль 2020).

² Портанский А.П. Многосторонняя торговая система и перспективы ее реформирования. Москва, ИМЭМО, 2015. 151 с.

³ Загашвили В. Застой в ВТО как проявление кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 5–12.

⁴ Афонцев С.А. Россия среди «чужих» партнерств // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 104–118.

⁵ Афонцев С.А. Политика и экономика торговых войн // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1. С. 193–198.

⁶ Bekkers E., Teh R. Potential Economic Effects of a Global Trade Conflict: Projecting the Medium-Run Effects with the WTO Global Trade Model / WTO. Staff Working Paper No. ERSD-2019-04. 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.30875/7dc4c62e-en> (дата обращения: октябрь 2020).

⁷ Например, по причине злоупотребления рядом стран (прежде всего США) правом введения барьеров ввиду обеспечения национальной безопасности в рамках статьи XXI ГАТТ.

урегулирования торговых споров. Процесс регионализации стал создавать условия для расширения товарообмена в мире, в том числе благодаря формированию открытых торговых блоков, тем самым дополнив функции ВТО и значительно увеличив издержки конфликтов между странами. По мере приближения к пределу в сокращении тарифных барьеров в торговле очевидным способом для расширения экономических взаимосвязей для ряда стран мира является снижение нетарифных барьеров и дальнейшая гармонизация внутренней экономической политики. Также ряд реализующихся торговых соглашений стал рассматриваться как основа для заключения торговых мегаформатов.

1.2. Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методики оценки эффектов

Важным компонентом теоретического анализа международной экономической интеграции является изучение способов функционирования интеграционного процесса, понимаемых как механизмы. В зависимости от элементов интеграционного процесса выделяются различные теоретические модели, описывающие механизмы интеграции (*табл. 1.4*).

Принятие решения о свободной торговле правительствами. С точки зрения политэкономии торговой политики важным аспектом является механизм принятия решения национальным правительством в пользу свободной торговли / интеграции. Спрос внутри страны на внешнеэкономическую политику задает вектор в принятии таких решений¹. Учитывая потребность в защите отечественного рынка, политические институты определяют, как эти требования воплощаются в реальную торговую политику. В условиях демократии политики стремятся выиграть выборы для получения властных полномочий. Как только политики обретают властные полномочия, они реализуют внешнеэкономическую политику, находясь под влиянием лоббистов. Таким образом, механизм принятия решения относительно интеграции включает следующие стадии: электоральную конкуренцию; переговоры по законодательству; лоббирование².

При анализе конкуренции за голоса избирателей часто рассматривается модель «медианного избирателя»³ (*median voter model*), в которой квалифицированные избиратели отдадут предпочтение низким барьерам для импорта, а неквалифицированные избиратели выступают за высокие барьеры. Каждая из конкурирующих политических сторон старается ориентироваться на интересы «медианного», или усредненного, избирателя. Заинтересованные в победе политики будут

¹ Фактически речь идет о политических рынках, на которых осуществляется обмен мероприятий экономической политики на стимулы со стороны экономических субъектов.

² Подробно: McLaren J. *The Political Economy of Commercial Policy // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 109–159.*

³ Помимо модели «медианного избирателя» выделяются также модели «голосования» и «политической поддержки». Подробно: Grossman G.M., Helpman E. *Identity Politics and Trade Policy // The Review of Economic Studies. 2020. rdaa031. Pp. 1–28.*

предлагать более высокие барьеры в том случае, если их соперники предлагают барьеры ниже тех, которые соответствуют предпочтениям средней части электората.

Таблица 1.4

Теоретические модели, описывающие механизмы международной экономической интеграции

Элементы интеграционного процесса	Описание механизма интеграции
Принятие решения о свободной торговле правительствами	Модели эндогенного спроса на внешнеэкономическую политику: «медианного избирателя»; «коллективного действия»; «лоббирования». Стратегии «борьбы» и «адаптации»
Возникновение новых интеграционных форм	Модели «непреодолимой силы», «обратной связи» и «спонтанной интеграции»
Разработка торгового соглашения	Подходы к разработке двух- и многосторонних соглашений на основе моделей интеграции «снизу вверх» и «сверху вниз»
Заключение торговых соглашений	Определение стратегии интеграции в рамках моделей теории игр («дилемма заключенного»); механизмы ограничения влияния «внутренних» акторов в рамках теории «внутренних обязательств»
Создание торговых форматов	Модели «консолидации» и «расширения» стран-участниц, модель «внутренних клубов»
Сближение внутренних мер регулирования между осуществляющими интеграцию странами	Модель внутриотраслевой торговли с отличающимися предпочтениями по странам
Сопряжение институциональных и структурных особенностей стран	Прямое и обратное воздействие институтов на сравнительные преимущества стран, модели интенсивного использования контрактов и дифференциации номенклатуры торгуемых товаров
Сближение на отраслевых рынках	Модели внутриотраслевой и внутрифирменной торговли, модель фрагментации

Примечания. В таблице отражены основные модели, объясняющие механизмы международной экономической интеграции из разных научных дисциплин. Элементы интеграционного процесса отражают тенденции «современного регионализма», не рассматривая аспекты создания «валютных союзов».

Источники: McLaren J. The Political Economy of Commercial Policy // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 109–159; Grossman G.M., Helpman E. Protection for Sale // American Economic Review. 1994. Vol. 84. Issue 4. Pp. 833–850; Bagwell K., Staiger R.W. The Design of Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 435–529; Maggi G. International Trade Agreements // Handbook of International Economics. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 317–390; Nunn N., Trefler D. Domestic Institutions as a Source of Comparative Advantage // Handbook of International Economics. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 263–315; Lancaster K. Intra-Industry Trade under Perfect Monopolistic Competition // Journal of International Economics. 1980. Vol. 10. Pp. 151–175; Fujita M., Thisse J.-F. Globalization and the Evolution of The Supply Chain: Who Gains and Who Loses? // International Economic Review. 2006. Vol. 47. Issue 3. Pp. 811–836; Hummels D., Ishii J., Yi K.M. The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // Journal of International Economics. 2001. Vol. 54. Issue 1. Pp. 75–96; Baldwin R.E. Sequencing Regionalism: Theory, European Practice, and Lessons for Asia / ADB. Working Paper Series on Regional Economic Integration No. 80. 2011. 71 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28886/wp80-baldwin-sequencing-regionalism.pdf>; Hamanaka S. Institutional Parameters of a Region-Wide Economic Agreement in Asia: Examination of Trans-Pacific Partnership and ASEAN + Free Trade Agreement Approaches / ADB. Working paper series No. 67. 2010. 29 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30457/wp67-hamanaka-institutional-parameters.pdf>; Grossman G.M., McCalman P., Staiger R.W. The "New" Economics of Trade Agreements: From Trade Liberalization to Regulatory Convergence? / NBER. Working Paper 26132. 2019. 66 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w26132> (дата обращения: октябрь 2020); Афонцев С.А. Россия среди «чужих» партнерств // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 104–118.

С другой стороны, процесс переговоров по законодательству¹ и процесс лоббирования могут быть смоделированы в рамках механизма «коллективного

¹ Переговоры по законодательству также описываются механизмами создания коалиций.

действия»: принятие решений строится на том, что реализация политики приносит выгоды группе в целом, но не отвечает интересам отдельных избирателей.

При этом небольшая, но сплоченная и хорошо осведомленная группа может принять на себя роль основной группы и, соответственно, определять вектор решений по либерализации торговли, преодолевая так называемое коллективное действие. В итоге заинтересованные группы мотивируют политиков в продвижении решений относительно расширения / нивелирования внешнеторговой либерализации¹, поскольку доступ к финансовым ресурсам помогает политикам приобрести еще больше голосов².

Наличие или отсутствие эндогенного спроса на интеграцию влияет на выбор национальными правительствами стратегий взаимодействия с третьими странами, которые снижают торгово-экономические барьеры друг с другом. Данные стратегии могут быть сведены к «борьбе» и «адаптации»³. Стратегия «борьбы» связана с отстаиванием национальной экономикой суверенных прав на создание барьеров в торгово-экономических взаимодействиях с другими странами. Стратегия «адаптации» предполагает снижение барьеров национальной экономикой для последующего заключения торгового соглашения с другими странами.

Возникновение новых интеграционных форм. Другим аспектом является механизм последовательности в заключении торговых соглашений, заключающийся в том, что изменение экономической политики стран делает возможным возникновение таких интеграционных форм, которых не было раньше. В рамках модели «непреодолимой силы»⁴ (juggernaut effect model) объясняется кумулятивное нарастание либерализации торговли и, соответственно, новых интеграционных форм. Начальные условия в интеграционном процессе являются важным аспектом, т. е. решения правительства зависят от «переменной состояния», которая изменяется в ответ на предыдущие политические решения. Механизм обратной связи представляет собой комбинацию «переменных состояния» прошлых и настоящих политических решений. Фактически численность ориентированных на экспорт и конкурирующих с импортом фирм влияет на решение правительства по снижению барьеров во взаимодействии с какой-либо страной / группой стран, что, в свою очередь, влияет на численность фирм, являясь проявлением процесса «кумулятивной причинности», т. е. взаимодействия различных факторов, усиливающих действие друг друга. В некоторых случаях снижение барьеров между

¹ Grossman G.M., Helpman E. Protection for Sale // American Economic Review. 1994. Vol. 84. Issue 4. Pp. 833–850.

² Лоббирование рассматривается равновесным по Нэшу между импортозамещающим и ориентированным на экспорт секторами, при котором лоббисты используют ресурсы для передачи т. н. ренты от одного бизнеса к другому, поэтому размер такой «ренты» отражает безвозвратные потери для экономики.

³ Причем политические субъекты часто делают свой выбор в пользу стратегии «борьбы», а экономические – в пользу «адаптации». Подробно: Афонцев С.А. Россия среди «чужих» партнерств // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 104–118.

⁴ Baldwin R.E. Sequencing Regionalism: Theory, European Practice, and Lessons for Asia / ADB. Working Paper Series on Regional Economic Integration No. 80. 2011. 71 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28886/wp80-baldwin-sequencing-regionalism.pdf> (дата обращения: октябрь 2020).

странами происходит без взаимной либерализации, например, отечественные экспортеры могут лоббировать решение правительства к открытию отечественного рынка для иностранных поставщиков для поддержания конкурентоспособности по сравнению с другими странами, что в случае многих стран, реализующих подобную практику, приводит к «спонтанной интеграции» без каких-либо соглашений между правительствами.

Разработка торгового соглашения. Выделяются два механизма (подхода) разработки двух- и многосторонних торговых соглашений¹. Во-первых, подход «сверху вниз» предполагает создание наднационального органа, который устанавливает торговую политику для каждой страны – члена объединения. Во-вторых, между странами в рамках подхода «снизу вверх»². Критически важным элементом обеспечения эффективности торговых объединений является защита «прав собственности» на инструменты политики, по изменению которых осуществляется торг (переговоры) между сторонами. Торговые соглашения обычно разрабатываются в соответствии с подходом «снизу вверх»: каждое национальное правительство обладает правами собственности на реализацию инструментов своей политики, при этом могут потребоваться дополнительные правила для обеспечения соответствующих прав собственности (например, по доступу на рынок); правительства сначала обсуждают правила (на многосторонней основе), а затем торгуются по поводу изменения политики в рамках правил. Корректно разработанное торговое соглашение должно гарантировать, что нетарифные меры не будут использоваться ненадлежащим способом, для того чтобы не подорвать доверие к согласованным тарифным обязательствам³.

Заключение торговых соглашений. Важным аспектом в рамках политэкономии торговой политики являются механизмы взаимных соглашений между сторонами с точки зрения расширения свободной торговли или принятия решения об ужесточении политики протекционизма (торговая война). Подобные механизмы часто описываются в рамках теории игр. Например, на основе «дилеммы заключенного» (prisoner's dilemma) указывается на преимущество взаимных соглашений, а не действий одностороннего порядка⁴: каждая сторона выиграет от ограничения своей свободы выбора в том случае, если на такие же условия согласится страна-партнер по переговорам.

¹ Bagwell K., Staiger R.W. The Design of Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 435–529.

² Описывается механизмом переговоров между правительствами в рамках теории транзакционных издержек.

³ Также снижение барьеров в рамках торгового объединения может привести к внешним эффектам для третьих сторон, что лежит в основе дебатов о преференциальной и многосторонней либерализации торговли.

⁴ Wonnacott P., Wonnacott R.J. The Economic Case for Reciprocal Trade Negotiations: Gains from Both Imports and Exports // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 177.

Исходя из этого, существует два мотива подписания национальными правительствами торговых соглашений¹. Во-первых, торговые соглашения могут помочь правительствам избежать «дилеммы заключенного», которая, в свою очередь, определяется внешними эффектами торговой политики. Во-вторых, торговые соглашения могут помочь национальному правительству создать механизм ограничения влияния «внутренних» субъектов (акторов), таких как промышленное лобби или отдельные субъекты, принимающие инвестиционные решения, что описывается в рамках теории «внутренних обязательств» (domestic commitment theory).

Желание избежать негативного исхода в рамках «дилеммы заключенного» объясняется массовым заключением торговых соглашений в мире, которое проявляется в эффекте домино², означающем расширение двух- или многосторонних торговых соглашений за счет новых стран-членов, с целью нивелирования негативных последствий от неучастия в объединении. Следует заметить, что выделяются два вида эффекта домино: экономический и политический. Экономический эффект домино³ предполагает, что фирмы в одной стране оказывают давление на свое правительство с целью заключения торгового соглашения, чтобы обеспечить им равные условия игры, особенно если их экспортные интересы ущемляются. В этом случае фирмы играют решающую роль в интеграционном процессе. Политический эффект домино⁴ предполагает, что основной движущей силой создания интеграционных соглашений являются не интересы бизнеса, а опасения национальных правительств их изоляции в условиях процесса субглобальной экономической дипломатии, т. е. укрепление и демонстрация дипломатических связей со страной-партнером по отношению к соперничающим странам является целью расширения торговых соглашений.

Создание торговых форматов. Заключение большого количества торговых соглашений привело к возникновению эффекта «чаши спагетти»⁵, проявляющегося в значительном усложнении процедур двух- и многосторонних торговых взаимосвязей вследствие неоднородности правил торговой политики по таким ключевым вопросам, как отраслевые субсидии, правила происхождения товаров, квотирование и лицензирование, антидемпинговые меры, технический регламент и пр. Одним из наиболее очевидных способов преодоления негативного влияния на торговлю усложнения различных процедур взаимодействия между странами яв-

¹ Maggi G. International Trade Agreements // Handbook of International Economics. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 317–390.

² Hamanaka S. Institutional Parameters of a Region-Wide Economic Agreement in Asia: Examination of Trans-Pacific Partnership and ASEAN + Free Trade Agreement Approaches / ADB. Working paper series No. 67. 2010. 29 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30457/wp67-hamanaka-institutional-parameters.pdf> (дата обращения: октябрь 2020).

³ Baldwin R. A Domino Theory of Regionalism / NBER. Working Paper 4465. 1993. September. 23 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w4465.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Ravenhill J. The 'New East Asian Regionalism': A Political Domino Effect // Review of International Political Economy. 2010. Vol. 17. Issue 2. Pp. 178–208.

⁵ Kimura F., Kuno A., Hayakawa K. Does the Number of RTAs Matter? Empirical Analysis on the Spaghetti Bowl Phenomenon / Keio University. 2006. 21 p. URL: <https://faculty.washington.edu/karyiu/confer/GJ06/papers/kimura-kuno-hayakawa.pdf> (дата обращения: июль 2020).

ляется гармонизация торговых соглашений с точки зрения их объединения в торговые мегаформаты. С этой точки зрения выделяются два возможных механизма создания торговых мегаформатов: «консолидация» (consolidation) и «расширение» (expansion)¹.

Механизм «консолидации» предполагает: заключение нескольких двусторонних соглашений между основными заинтересованными странами; гармонизацию заключенных двух- и многосторонних соглашений; заключение единого субглобального соглашения, охватывающего все заинтересованные стороны и последующее приостановление действия ранее заключенных двух- и многосторонних соглашений. В качестве отправной точки для создания торгового мегаформата в рамках механизма «расширения» является многостороннее соглашение между несколькими странами (более трех стран), которое впоследствии включает новых субглобальных членов, готовых участвовать в таком соглашении, без ранее заключенных между ними соглашений.

Важным механизмом при создании торговых форматов является вероятность проявления сегрегации внутри торгового блока, т. е. «внутренних клубов»², особенно для зрелых форматов³. Процесс взаимодействия между странами в рамках зрелого формата интеграции может моделироваться как некий компромисс между преимуществами координации и недостатками независимой политики, который определяет размер, состав и масштабы интеграционного формата⁴. Единообразие реализуемой политики может блокировать вступление новых стран в данное объединение, способствуя его чрезмерной централизации, при этом «гибкие» и «жесткие» механизмы взаимодействий представляют собой крайние варианты более общей системы, сочетающей минимальные и обязательные правила участия в интеграционном объединении⁵. Возможность расширения взаимосвязей между участниками подобных объединений строится на формировании «гибких» механизмов взаимодействий при высокой гетерогенности стран при положительных внешних эффектах. При этом «жесткие» механизмы взаимодействий часто определяются «политическим равновесием» в рамках более «глубокой» интеграции.

Сближение внутренних мер регулирования между осуществляющими интеграцию странами. Интеграционный процесс в современных условиях зависит не столько от снижения тарифных барьеров, сколько от нивелирования институ-

¹ Hamanaka S. Institutional Parameters of a Region-Wide Economic Agreement in Asia: Examination of Trans-Pacific Partnership and ASEAN + Free Trade Agreement Approaches / ADB. Working paper series No. 67. 2010. 29 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30457/wp67-hamanaka-institutional-parameters.pdf> (дата обращения: октябрь 2020).

² Gancia G., Ponzetto G.A.M., Ventura J. A Theory of Economic Unions // Journal of Monetary Economics. 2020. Vol. 109. P. 110.

³ В рамках которых централизуется предоставление общественных благ и создаются внешние эффекты для стран-членов.

⁴ Alesina A., Angeloni I., Etro F. International Unions // American Economic Review. 2005. Vol. 95. Issue 3. Pp. 602–615.

⁵ Harstad B. Flexible Integration? Mandatory and Minimum Participation Rules // Scandinavian Journal of Economics. 2006. Vol. 108. Issue 4. Pp. 683–702.

циональных различий, что означает необходимость сближения внутренних мер регулирования между осуществляющими интеграцию странами. В соответствии с разработанными теоретическими моделями¹, в случае если фирмы должны соблюдать разные правила для каждого целевого рынка, они в конечном итоге производят разные версии своей продукции с потенциально высокими затратами в виде упущенной экономии от масштаба. В этом случае различные стандарты, связанные, в том числе, с необходимостью защиты здоровья, безопасности и ценностей потребителей, выступают субститутами тарифных мер по защите отечественных производителей от конкуренции с импортом. Было показано², что международные различия в доходах, культуре, рисках и предпочтениях, даже с учетом дополнительных затрат на соблюдение множества различных правил, объясняют отличия в правилах регулирования между странами. Для понимания механизма интеграции между странами в условиях «современного регионализма» в качестве ключевых барьеров рассматриваются изначально разные стандарты потребляемой продукции в рамках модели внутриотраслевой торговли³, в которой дифференциация товаров вызвана «любовью к разнообразию» в их потреблении при отличающихся предпочтениях между странами. Соответственно, фирмы могут адаптировать свою продукцию к альтернативным целевым рынкам, при этом они несут расходы на такую адаптацию, что указывает на дискриминацию к товарам из разного происхождения и обосновывает различия правил регулирования между странами. В результате в рамках «современного регионализма» при нивелировании тарифных барьеров наличие национального режима создает стимулы для протекционизма, поскольку каждое правительство может создать барьеры для импорта с целью создания стимулов для «перемещения» фирм с зарубежного на внутренний рынок, что не способствует общей (глобальной) эффективности, при этом стандарты новых торговых соглашений побуждают фирмы производить близкие к идеальным товары для целевых рынков.

Сопряжение институциональных и структурных особенностей стран. Институциональные и структурные особенности стран определяют склонность стран к интеграционным процессам в глобальной и субглобальной экономиках. Механизмы прямого и обратного воздействия институтов на сравнительные преимущества стран⁴ формируют мотивацию у экономических и политических субъектов к расширению интеграции с внешним миром. Важное влияние институтов на сравнительные преимущества стран состоит в их влиянии на ключевые аспекты функ-

¹ Grossman G.M., McCalman P., Staiger R.W. The "New" Economics of Trade Agreements: From Trade Liberalization to Regulatory Convergence? / NBER. Working Paper 26132. 2019. 66 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w26132> (дата обращения: октябрь 2020).

² Sykes A.O. Regulatory Competition or Regulatory Harmonization? A Silly Question? // Journal of International Economic Law. 2000. Vol. 3. Pp. 257–264.

³ Grossman G.M., McCalman P., Staiger R.W. The "New" Economics of Trade Agreements: From Trade Liberalization to Regulatory Convergence? / NBER. Working Paper 26132. 2019. 66 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w26132> (дата обращения: октябрь 2020).

⁴ Nunn N., Trefler D. Domestic Institutions as a Source of Comparative Advantage // Handbook of International Economics. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 263–315.

ционирования национальных экономик, таких как накопление факторов производства и реализация экономической политики. В частности, страны, институты которых лучше обеспечивают исполнение контрактов, относительно больше экспортируют в секторах интенсивного использования контрактов¹, причем влияние на экспорт этого эффекта сильнее, чем запасы труда и капитала².

В свою очередь, увеличение объемов внешней торговли может оказывать влияние на качественное развитие институтов³. Говоря иначе, товарная структура экспорта способна определять институциональное развитие стран. Наличие сравнительных преимуществ в экспортных отраслях с интенсивным использованием контрактов увеличивает отдачу от сильных институтов и в долгосрочной перспективе способствует еще большему усилению институтов⁴. Наиболее очевидным механизмом влияния специфики экспорта на институциональное развитие страны являются особенности развития стран с высокой природной рентой в экономике, в которых проявляются «голландская болезнь»⁵, «ресурсное проклятие»⁶ и «эффект жадности»⁷. Наличие избыточных природных ресурсов означает, что стране не нужно экспортировать другие товары и услуги для того, чтобы оплачивать импорт, при этом правительству достаточно взимать налоги с рентных доходов, а не с налогоплательщиков, как в обычной практике. Доходы, которые правительство получает не с налогоплательщиков, как правило, находятся под менее пристальным контролем общественности, и, следовательно, правительство имеет больше свободы действий в расходовании этих средств по своему усмотрению, проводя долгосрочную политику, не опасаясь того, что избиратели отправят его в отставку, поскольку необходимость в подотчетности невелика⁸. Поэтому природная рента, а а конкретно нефтегазовая, позволяет добывающим странам получать аномально крупные, непредсказуемо изменяющиеся доходы, нуждающиеся в управлении при

¹ Чем сложнее отрасль, тем более интенсивные в ней контракты. В данном случае речь идет об отраслях с глубокой переработкой, созданием различного рода сложных, в том числе инновационных продуктов.

² Nunn N. Relationship-Specificity, Incomplete Contracts and the Pattern of Trade // *Quarterly Journal of Economics*. 2007. Vol. 122. Issue 2. Pp. 569–600.

³ Учитывая, что институты развиваются медленно, многие свидетельства и, соответственно, описание механизмов их влияния на экономику фиксируются в рамках экономической истории.

⁴ Подробно: Levchenko A.A. Institutional Quality and International Trade // *The Review of Economic Studies*. 2007. Vol. 74. Issue 3. Pp. 791–819; Nunn N., Trefler D. Domestic Institutions as a Source of Comparative Advantage // *Handbook of International Economics*. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 263–315.

⁵ «Голландская болезнь» – негативный эффект для экономического развития страны, оказываемый влиянием укрепления реального курса национальной валюты в результате бума в сырьевом секторе экономики, в связи с введением в эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых и (или) ростом цен на экспорт сырьевых товаров. Подробно: Corden W.M. Booming Sector and Dutch Disease Economics: Survey and Consolidation // *Oxford Economic Papers*. 1984. Vol. 36. Issue 3. Pp. 359–380.

⁶ «Ресурсное проклятие» – экономики стран, обладающие значительными запасами природных ресурсов, являются менее развитыми по сравнению со странами с небольшими их запасами или их отсутствием. Подробно: Sachs J.D., Warner A.M. The Big Rush, Natural Resource Booms and Growth // *Journal of Development Economics*. 1999. Vol. 59. Pp. 43–76.

⁷ «Эффект жадности» – негативное влияние обеспеченности природными ресурсами на качество государственного управления и процесс формирования экономических институтов. Подробно: Tornell A., Lane P.R. The Voracity Effect // *American Economic Review*. 1999. Vol. 89. Issue 1. Pp. 22–46.

⁸ Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D. Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia. *Europe and Central Asia Studies*. Washington, DC; World Bank Group. 2014. 400 p.

условии наличия исключительно сильных институтов¹. В результате большого количества теоретических работ² было показано, что высокая природная рента в экономике при прочих равных условиях вызывает: существенное упрощение экономической структуры; увеличение доли государственного сектора, способствуя монополизации и нарастанию общей неэффективности экономики; создание барьеров для импорта и нарастание изоляции.

Интеграционные особенности также могут объясняться моделью дифференциации в номенклатуре торгуемых товаров³, согласно которой более крупные экономики экспортируют более широкий диапазон продукции. И, при прочих равных условиях, силы экономического притяжения между странами выражены тем больше, чем выше роль торговли дифференцированными товарами⁴.

Сближение на отраслевых рынках. Механизм интеграции может быть объяснен на основе взаимодействия между странами на отраслевом уровне: модели внутриотраслевой и внутрифирменной торговли, а также модель фрагментации. На основе базовых моделей внутриотраслевой торговли⁵ было показано, что страны со схожими отраслями промышленности в случае интеграции способны нарастить взаимную торговлю в гораздо большей степени, чем с отличающимися (разнородными) отраслями промышленности. Ключевым механизмом интеграции между странами в рамках моделей внутрифирменной торговли⁶ являются вертикальные производственные связи (вертикальная специализация), функционирующие на основе использования промежуточных импортных товаров для выпуска экспортных товаров конечного спроса.

Процесс международной фрагментации производства затрагивает пространственные факторы, поэтому механизм интеграции объясняется в рамках новой экономической географии, в частности, на основе модели для двух стран⁷, в которых каждая фирма имеет два подразделения, расположенные в разных странах: штаб-квартиру и завод-изготовитель. Штаб-квартиры используют квалифицированную рабочую силу, а заводы пользуются услугами штаб-квартир и неквалифицированной рабочей силы. Снижение барьеров со временем может послужить

¹ Подробно: Ross M.L. *The Oil Curse. How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations*. Princeton University Press, 2012. 312 p.

² См., например: Corden W.M. *Dutch Disease in Australia: Policy Options for a Three Speed Economy* // *The Australian Economic Review*. 2012. Vol. 45. Issue 3. Pp. 290–304; Arezki R., Nabli M.K. *Natural Resources, Volatility, and Inclusive Growth: Perspectives from the Middle East and North Africa* / IMF. Working Paper No. 12/111. 2012. 26 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/wp12111.pdf> (дата обращения: июль 2020).

³ Hummels D., Klenow P.J. *The Variety and Quality of a Nation's Exports* // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. Issue 3. Pp. 704–723.

⁴ Helpman E. *Imperfect Competition and International Trade: Evidence from Fourteen Industrial Countries* // *Journal of the Japanese and International Economies*. 1987. Vol.1. Issue 1. Pp. 62–81.

⁵ См., например: Lancaster K. *Intra-Industry Trade under Perfect Monopolistic Competition* // *Journal of International Economics*. 1980. Vol. 10. Pp. 151–175.

⁶ См., например: Hummels D., Ishii J., Yi K.M. *The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade* // *Journal of International Economics*. 2001. Vol. 54. Issue 1. Pp. 75–96; Antràs P., Yeaple S.R. *Multinational Firms and the Structure of International Trade* // *Handbook of International Economics*. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 55–130.

⁷ Fujita M., Thijsse J.-F. *Globalization and the Evolution of the Supply Chain: Who Gains and Who Loses?* // *International Economic Review*. 2006. Vol. 47. Issue 3. Pp. 811–836.

толчком размещения заводов в той местности, где они ранее не располагались. Снижение торговых издержек и внутрифирменных коммуникационных расходов (между штаб-квартирой и заводами) способствует интеграционному процессу. Со снижением барьеров фирмы, производящие продукцию с малой долей торговых издержек в стоимости (например, электроника), как правило, размещают производственные мощности в странах с низким уровнем заработной платы, а фирмы, выпускающие товары с высокой долей торговых издержек в стоимости (например, автомобили), как правило, имеют множество заводов, удовлетворяющих спрос определенных рынков¹.

Следует заметить, что базовые теоретические модели интеграционного процесса были разработаны в период «раннего регионализма», поэтому основополагающие эффекты интеграции применялись в подавляющем большинстве для случая закрытого торгового блока. Тем не менее «теория таможенного союза» Дж. Вайнера², несмотря на некоторую критику³, не потеряла свою актуальность с точки зрения анализа начального этапа в определении выгод и потерь того или иного торгового объединения на основе оценок эффектов интеграции. Традиционно выделяются статические и динамические эффекты интеграции, при прочих равных условиях понимаемые как распределительные и кумулятивные эффекты соответственно⁴ (табл. 1.5).

Распределительные эффекты. В качестве основных распределительных эффектов, проявляющихся непосредственно после создания интеграционного объединения⁵, выделяют эффект создания и эффект отклонения торговли⁶, которые оцениваются преимущественно в рамках модели частичного равновесия.

Эффект создания торговли в рамках интеграционного объединения отражает переориентацию потребителей с менее эффективного отечественного источника поставки товара на более экономически целесообразный импорт той страны или объединения стран, товары которых становятся дешевле в результате снижения торговых барьеров. Говоря иначе, происходит замещение менее эффективного предложения отечественного товара более эффективным импортным, увеличивая, таким образом, объемы торговли. В итоге масштабы торговых взаимодействий возрастают, а за счет переориентации потребления на более эффективные

¹ Fujita M., Gokan T. On the Evolution of the Spatial Economy with Multi-Unit Multi-Plant Firms: The Impact of IT Development / Institute of Developing Economies. Discussion Paper No. 016. 2004. November. URL: <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/016.html> (дата обращения: июль 2020).

² Viner J. The Customs Union Issue. Oxford University Press, 2014. 256 p.

³ Подробно: Hosny A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. Vol. 2. Issue 5. P. 136.

⁴ Подробно: Baldwin R.E., Venables A.J. Regional Economic Integration // Handbook of International Economics. Volume 3 / Ed. G.M. Grossman, K. Rogoff. North Holland, 1995. Pp. 1597–1644.

⁵ В данном случае не рассматривается интеграция национальной экономики с глобальной.

⁶ Viner J. The Customs Union Issue. Oxford University Press, 2014. 256 p.; Triffin R. Economic Integration: Institutions, Theories, and Policies // World Politics. 1954. Issue 6. P. 529; Balassa B. Types of Economic Integration // Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral. International Economic Association Series / Ed. by F. Machlup. London: Palgrave Macmillan, 1976. P. 18–19.

источники поставки товаров, в результате возникновения эффекта создания торговли страна получает чистый экономический выигрыш.

Таблица 1.5

Эффекты международной экономической интеграции

Виды эффектов	Эффект интеграции	Метод оценки**
Распределительные	Эффект создания торговли*, эффект отклонения торговли*, эффект благосостояния*, эффект условий торговли*	Модель частичного равновесия, гравитационная зависимость
	Эффект границ	Гравитационная зависимость
Кумулятивные	Технологические изменения, изменения структуры рынков, возрастание конкуренции между импортерами и отечественными производителями; рост производительности; влияние на риски и ожидания и воздействие на инвестиционную активность, эффект от масштаба; эффект создания и отклонения инвестиционных потоков	Модель общего равновесия, гравитационная зависимость
	Агломерационные эффекты	

Примечание: * – эффекты могут иметь динамические свойства (*ex post*); ** – представлены основные методы оценки эффектов интеграции.

Источники: Viner J. The Customs Union Issue. Oxford University Press, 2014. 256 p.; Allen R.L. Economic Integration: Analytical and Empirical Survey // Economic Development and Cultural Change. 1963. Vol. 11. Issue 4. Pp. 449–454; Baldwin R.E., Venables A.J. Regional Economic Integration // Handbook of International Economics. Volume 3 / Ed. G.M. Grossman, K. Rogoff. North Holland, 1995. Pp. 1597–1644; Hosny A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. Vol. 2. Issue 5. Pp. 133–155; Corden W.M. Economies of Scale and Customs Union Theory // Journal of Political Economy. 1972. Vol. 80. Issue 3. Pp. 465–475; Kreinin M.E., Plummer M.G. Theory and Economic Modeling of Preferential Trading Arrangements // The Oxford Handbook of International Commercial Policy / Ed. by M.E. Kreinin, M.G. Plummer. Oxford University Press, 2012; Sapir A. European Integration at the Crossroads: A Review Essay on the 50th Anniversary of Bela Balassa's Theory of Economic Integration // Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49. Issue 4. Pp. 1200–1229; Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 170–192; Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 123–160.

Эффект отклонения торговли для национальной экономики означает переориентацию с приобретения определенного ряда товаров на мировом рынке на приобретение продукции из страны (или группы стран), с которой заключается торговое соглашение. В результате национальная экономика теряет доходы от обложения пошлинами более дешевого импорта из третьих стран, а эффект отклонения торговли приводит к чистым экономическим потерям.

Результативность интеграции возникает при доминировании эффекта создания над эффектом отклонения торговли, а страны получают общий выигрыш, который определяется эффектом благосостояния, образующимся за счет роста потребления на отечественном рынке в результате снижения цен на импорт. По причине возможности превышения эффекта отклонения торговли над эффектом создания торговли торговый блок в рамках «теории таможенного союза» не может рассматриваться как однозначно позитивное явление¹, поскольку помимо общей

¹ Данное положение было сформулировано Дж. Мидом и развито как теория «второго лучшего» Р. Дж. Липси и К. Ланкастером. Подробно: Липси Дж., Ланкастер К. Общая теория второго лучшего // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. М.: Экономическая школа, 2004. С. 95–134.

либерализации торговли (политики свободы торговли) любой другой альтернативной торговой политики, воздействие которой на рост благосостояния было бы однозначно положительным, не существует. Также создание закрытого торгового блока может негативно влиять на третьи страны через эффект «разорения соседа» (beggar-thy-neighbor effect), поскольку в случае создания такого блока большими экономиками эффект отклонения торговли способствует снижению мировых цен на товары из третьих стран¹, косвенно ухудшая для них условия торговли².

Следует заметить, что в конце 1950-х – 1970-х гг. предпринимались попытки оспорить положение об однозначно негативном влиянии эффекта отклонения на благосостояние³, которые в целом показали свою несостоятельность⁴. Также рассматривались ситуации, когда для торгового блока эффект отклонения может не возникнуть в следующих случаях⁵: торгуемые товары в рамках блока не являются совершенными субститутами товарам из третьих стран; страны являются «естественными» торговыми партнерами; для малой страны присоединение к крупному торговому блоку (большой экономике) равнозначно общей либерализации внешней торговли по аналогии введения РНБ.

Кумулятивные эффекты. Данные эффекты проявляются в средне- и долгосрочном влиянии интеграции на рост экономик стран-участниц⁶. Б. Баласса⁷ одним из первых перечислил динамические эффекты интеграционных объединений: технологические изменения; изменение структуры рынков; возрастание конкуренции между импортерами и отечественными производителями; рост производительности; влияние на риски и ожидания, а также воздействие на инвестиционную активность⁸. В число динамических эффектов интеграции в рамках «теории таможенного союза» М. Корден⁹ включил «эффект от масштаба», позволяющий сокращать издержки при увеличении объемов производства товаров.

¹ Krugman P. The Move toward Free Trade Zones // *Economic Review*. 1991. Vol. 76. P. 9.

² Имеется в виду отношение индекса средних экспортных цен к индексу средних импортных цен. При снижении значений индекса наблюдается ухудшение условий торговли, поскольку каждая единица экспорта оплачивает меньшую часть импорта. Эффект условий торговли отражает изменение мировых цен на товар, спрос на который увеличивается после снижения тарифов в рамках интеграционного объединения при неабсолютных значениях эластичности предложения (случай большой страны).

³ Для случая интеграции между развивающимися странами на основе политики импортозамещения по отношению к развитым странам. Подробно: Ушкалова Д.И. Экономические эффекты региональной интеграции: мифы и реальность // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2017. № 4. С. 130; Головин М., Захаров А., Ушкалова Д. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 4. С. 62.

⁴ Афонцев С.А. Россия среди «чужих» партнерств // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 6. С. 104–118.

⁵ Подробно: Mikić M. The Theory of Economic Integration // *International Trade. Texts in Economics*. London: Palgrave, 1998. P. 455; De Rosa D.A. Regional Integration Arrangements: Static Economic Theory, Quantitative Findings, and Policy Guidelines / The World Bank. Policy Research Working Paper No. 2007. 1998. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-2007> (дата обращения: октябрь 2020).

⁶ Schiff M., Winters A.L. Dynamics and Politics in Regional Integration Arrangements // *World Bank Economic Review*. 1998. Vol. 12. Issue 2. Pp. 177–195.

⁷ Подробно: Allen R.L. Economic Integration: Analytical and Empirical Survey // *Economic Development and Cultural Change*. 1963. Vol. 11. Issue 4. Pp. 449–454.

⁸ Hosny A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*. 2013. Vol. 2. Issue 5. P. 139.

⁹ Corden W.M. Economies of Scale and Customs Union Theory // *Journal of Political Economy*. 1972. Vol. 80. Issue 3. Pp. 465–475.

Следует заметить, что для проявления в динамике эффекта от масштаба важным моментом является размер рынка интеграционного объединения, поскольку было замечено, что небольшие рынки увеличивают издержки, ограничивая специализацию в производстве товаров, а также снижают конкуренцию и сдерживают технологические усовершенствования¹. Говоря иначе, в динамике интеграционное объединение, характеризующееся крупным рынком, повышает ожидаемую отдачу от инвестиций и уменьшает неопределенность, позволяя фирмам снижать издержки при увеличении эффекта масштаба за счет роста числа потребителей.

Эффекты интеграции, способствующие конкуренции, могут влиять на рост числа фирм, снижая средние издержки производства на неторгуемые и торгуемые товары в рамках интеграционного объединения, вызывая также смещение производства товаров от одних стран-членов к другим, что может проявляться в сегментировании объединенного рынка². Участие страны в интеграционном объединении может напрямую влиять на эффективность секторов экономики³, а также может способствовать увеличению эффекта распространения технологий между странами-членами как на основе расширения торговых взаимодействий, так и за счет политики, направленной на поощрение научного обмена⁴. Усиление конкуренции со стороны стран – участниц интеграционного объединения может способствовать отбору более производительных компаний и стимулирует осуществлять инвестиции в более эффективные производственные процессы и технологии. Для каждой страны-участницы способствующие конкуренции эффекты интеграции могут улучшить структурную эффективность и распределение ресурсов, что в совокупности улучшает долгосрочные перспективы роста ее экономики⁵.

Основываясь на теории эндогенного роста (теории нового экономического роста), когда капитал (физический, человеческий или знания) не подвержен убывающей доходности, было определено, что интеграция делает возможным существование условия для непрерывного роста⁶. В таких условиях скорость роста определяется эндогенно, а трансформация политики, изменяющей отдачу от накопления, может характеризоваться постоянным эффектом роста. В итоге интеграция между странами повышает долгосрочные темпы роста, поскольку она уве-

¹ Balassa B., Toutjesdijk A. Economic Integration among Developing Countries // Journal of Common Market Studies. 1975. Vol. 14. Pp. 37–55.

² Baldwin R.E., Venables A.J. Regional Economic Integration // Handbook of International Economics. Volume 3 / Ed. G.M. Grossman, K. Rogoff. North Holland, 1995. Pp. 1597–1644; Goldberg P.K., Pavcnik N. The Effects of Trade Policy // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 161–206.

³ Например, если сектор создания знаний неконкурентоспособен, а интеграция способствует развитию конкуренции, это может иметь долгосрочные эффекты на экономический рост страны – участницы интеграционного объединения. Также интеграция может повысить эффективность производства инвестиционных товаров и снизить их относительные цены.

⁴ Подробно: Baldwin R.E., Venables A.J. Regional Economic Integration // Handbook of International Economics. Volume 3 / Ed. G.M. Grossman, K. Rogoff. North Holland, 1995. P. 1616.

⁵ Kreinin M.E., Plummer M.G. Theory and Economic Modeling of Preferential Trading Arrangements // The Oxford Handbook of International Commercial Policy / Ed. by M.E. Kreinin, M.G. Plummer. Oxford University Press, 2012.

⁶ Подробно: Sapir A. European Integration at the Crossroads: A Review Essay on the 50th Anniversary of Bela Balassa's Theory of Economic Integration // Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49. Issue 4. Pp. 1200–1229.

личивает размеры рынка на основе возрастающей отдачи от масштаба при производстве новых знаний.

Кумулятивные эффекты интеграции могут распространяться на инвестиционные потоки. По аналогии с торговыми потоками была представлена модель создания и отклонения ПИИ¹ как расширение «теории таможенного союза», согласно которой при устранении барьеров прямые инвестиции в рамках торгового блока перемещаются из страны с высокой стоимостью производства в страну с низкой стоимостью. В рамках «теории таможенного союза» интеграция способствует притоку ПИИ из третьих стран для сохранения того или иного сегмента рынка, закрытого общим барьером, т. е. производство перемещается из третьей страны в страну интеграционного объединения с более высокими затратами².

В современных условиях эффект создания ПИИ строится на том основании, что в случае позитивных ожиданий от создания интеграционного объединения ТНК способна инвестировать в экономику определенной страны – участницы объединения больше, чем ранее. В свою очередь, при соблюдении условий доступа к рынку интеграционного объединения инвестиции из ТНК рассматриваются как формирующие эффект отклонения ПИИ. Например, если правила происхождения товаров в интеграционном объединении носят ограничительный характер, это может создать стимулы для ТНК увеличить долю добавленной стоимости в производстве того или иного товара в пределах интеграционного объединения³. В условиях открытого торгового блока ПИИ считаются основным стимулом интеграции между странами, поскольку создают больше возможностей для взаимной торговли и увеличивают степень взаимопроникновения рынков и обмен технологиями, поддерживая их экономический рост, причем формирование интеграционного «каркаса» само по себе может способствовать расширению потоков ПИИ. Кумулятивные интеграционные эффекты ПИИ могут затрагивать развитие сектора услуг, поскольку с перемещением производства может наблюдаться «миграция» сервисных фирм⁴.

Кумулятивные эффекты интеграции также могут проявляться в трансформации внутренних правил регулирования национальных экономик в рамках⁵: стандартов качества; сферы услуг; корпоративного и государственного управления; таможенных процедур; режима инвестирования; политики в области конкуренции, включая реформу государственных предприятий; продвижения политических реформ на основе передового опыта и т. д.

¹ См. например: Baldwin R.E., Forslid R., Haaland J.I. Investment Creation and Investment Diversion: Simulation Analysis of the Single Market Programme / NBER. Working Paper 5364. 1995. November. URL: <http://www.nber.org/papers/w5364> (дата обращения: октябрь 2020).

² Подробно: Baldwin R.E., Venables A.J. Regional Economic Integration // Handbook of International Economics. Volume 3 / Ed. G.M. Grossman, K. Rogoff. North Holland, 1995. P. 1614.

³ Kreinin M.E., Plummer M.G. Theory and Economic Modeling of Preferential Trading Arrangements // The Oxford Handbook of International Commercial Policy / Ed. by M.E. Kreinin, M.G. Plummer. Oxford University Press, 2012.

⁴ Hosny A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. Vol. 2. Issue 5. P. 140.

⁵ Kreinin M.E., Plummer M.G. Theory and Economic Modeling of Preferential Trading Arrangements // The Oxford Handbook of International Commercial Policy / Ed. by M.E. Kreinin, M.G. Plummer. Oxford University Press, 2012.

Другим аспектом кумулятивных эффектов интеграции являются их пространственные проявления, механизм которых в определенной мере был отражен в рамках новой экономической географии. Ее основная идея состоит в том, что возрастающая экономия от масштаба объясняет перемещение факторов производства в однородном пространстве¹. Агломерационный процесс в рамках новой экономической географии моделируется при следующих условиях²: возрастающая экономия от масштаба; монополистическая конкуренция; наличие торговых издержек; эндогенность размещения производителей – в зависимости от размера прибыли фирмы самостоятельно меняют свое местоположение; эндогенность размещения потребителей, которые ориентируются на доступ к товарам с низкой ценой, представленным в широком ассортименте. Помимо перечисленных условий, моделирование агломерационного процесса в новой экономической географии основано на концепции общего равновесия. Дальнейшее объяснение пространственных проявлений интеграции в рамках новой экономической географии строится на следующих принципах³: отход от базовой модели монополистической конкуренции Диксита – Стиглица; учет неоднородности факторов производства и неоднородности миграционного поведения субъектов агломерационного процесса; попытки моделирования неоднородного пространства; учет фрагментации глобального производства; включение в анализ модели нового экономического роста.

Современные гравитационные зависимости позволяют гораздо проще оценивать *ex-post* эффекты от заключения торговых соглашений, позволяющие избежать наличие эндогенности экономической политики⁴. Иным подходом к оценке как статических, так и динамических (*ex post*) эффектов интеграции является изучение «эффекта границ», который может быть определен как совокупность торгово-экономических издержек, возникающих вследствие пересечения товаром какой-либо границы, или как совокупность барьеров, сдерживающих торговые потоки при преодолении границы⁵. В традиционной постановке эффект границ рассчитывается на основе гравитационного моделирования, в рамках которого оценивается влияние на торговые взаимодействия основных переменных (расстояние и размеры взаимодействующих экономик), а также структурных и институциональных переменных (общность языка и колониального прошлого, наличие общей границы, вхождение в единый торговый блок, принадлежность к одному континен-

¹ Подробно: Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 123–160.

² По мнению К. Хида и Т. Мейера, первые четыре условия объясняют появление эффекта «домашнего рынка»; пятое условие приводит к изменению первоначальных соотношений между регионами и запускает механизм «круговой причинности». Подробно: Head K., Mayer T. The Empirics of Agglomeration and Trade // Handbook of Regional and Urban Economics. 2004. Vol. 4. Pp. 2610–2669.

³ Подробно: Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 123–160.

⁴ Baier S.L., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Widely Differing Effects of Free Trade Agreements: Lessons from Twenty Years of Trade Integration // Journal of International Economics. 2019. Vol. 116. Pp. 206–226.

⁵ Подробно: McCallum J. National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns // American Economic Review. 1995. Vol. 85. Pp. 615–623.

ту, наличие морских портов, совместная транспортная инфраструктура и т. д.)¹. В рамках гравитационной модели агрегированы все двусторонние торговые барьеры (показатели «многостороннего сопротивления»²), с которыми сталкиваются страна-экспортер и страна-импортер соответственно. Увеличение эффекта границ следует понимать как увеличение барьеров торговых взаимодействий между взаимодействующими экономическими системами. Соответственно, эффект границ между экономиками, осуществляющими интеграцию, сокращается. Оценка барьеров торговых взаимодействий в тарифном (адвалорном) эквиваленте позволяет определить потенциальные значения торговли в случае нивелирования барьеров, сдерживающих торговлю³.

Эффект границ может быть оценен для характеристики как торговых взаимодействий (в качестве зависимой переменной выступает взаимный товаропоток), так и для объяснения разницы цен между странами (зависимая переменная – отношение индексов цен)⁴. Важным аспектом гравитационного моделирования является возможность получения сравнительной оценки эффекта границ для целей структурной декомпозиции пространства национальной экономики с точки зрения определения барьеров торговых потоков на отечественном и зарубежном рынках⁵. Значительные коррективы базовых гравитационных зависимостей позволяют получать несмещенные оценки эффекта границ на основе нелинейных способов оценки⁶.

Механизмы международной экономической интеграции определяются субъектами (силами), предъявляющими спрос на интеграцию, что преимущественно объясняется концепциями «политических рынков», а также исходными условиями для интеграции, характеризуемыми функционированием институтов, гравитационными составляющими торгово-экономических взаимодействий, в том числе различными барьерами и издержками. Трансформация интеграционных процессов в глобальной экономике, похоже, имеет значение при сопоставлении эффектов интеграции. Для 1980-х – первой половины 1990 гг., т. е. еще при существовании закрытых торговых блоков, было обнаружено, что эффект отклонения торгов-

¹ Подробно: Fratianni M., Marchionne F. The Limits to Integration // *International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups* / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 204–225.

² Шумилов А.В. Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов // *Экономический журнал ВШЭ*. 2017. Т. 21. № 2. С. 224–250.

³ См., например: Ederington J., Ruta M. Nontariff Measures and the World Trading System // *Handbook of Commercial Policy. Volume 1B* / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 211–277; Limão N. Preferential Trade Agreements // *Handbook of Commercial Policy. Volume 1B* / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 279–367.

⁴ Подробно: Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. С. 38.

⁵ Подробно: McCallum J. National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. Pp. 615–623; Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 170–192.

⁶ Santos Silva J., Tenreyro S. The Log of Gravity // *Review of Economics and Statistics*. 2006. Vol. 88. Pp. 641–658.

ли увеличивается в случае создания более продвинутых форматов интеграции¹. Для 2000-х – первой половины 2010-х гг. напротив, заключение более «глубоких» по содержанию торговых соглашений по сравнению с «поверхностными» привело к большему эффекту создания и меньшему эффекту отклонения торговли при увеличении торговли с третьими странами². Притом, что кумулятивные эффекты интеграции предсказать довольно сложно из-за высокой степени неопределенности интеграционных процессов в глобальной экономике в долгосрочной перспективе, тем не менее на основе распределительных эффектов возможно оценить необходимые экономические условия для создания интеграционного объединения между странами³.

Таким образом, механизмы интеграции основываются преимущественно на эндогенных процессах, имеющих в своей основе помимо экономических мотивов субъектов рынка политические и институциональные ограничения. В национальных экономиках эндогенный спрос на внешнеэкономическую политику, одним из направлений которой является интеграция, задается со стороны заинтересованных групп через механизмы политических институтов. Интеграционные процессы или их отсутствие могут быть экономически не оптимальными, оставаясь политически наиболее приемлемыми. Разработка и заключение интеграционных соглашений носят как эндогенный, так и экзогенный характер, поскольку предполагают, с одной стороны, наличие внутренних экономических и политических мотивов, с другой – существование торгового взаимодействия с представителями другой национальной экономики или группы стран по поводу определения новых общих правил взаимодействия через механизмы «консолидации» и «расширения», а при прочих равных условиях в рамках процесса регионализации преимущество имеют взаимные соглашения по сокращению барьеров.

Накопленные теоретические и эмпирические исследования указывают на заметное влияние структурных и институциональных особенностей национальных экономик на интеграционные процессы в целом и торговую либерализацию в частности, определяя гетерогенность их внутренней и внешней экономической политики. При этом структурные и институциональные особенности функционирования с одной стороны и торгово-экономические взаимодействия с зарубежными странами – с другой определяют склонность национальных экономик к снижению барьеров для расширения интеграции с глобальной и субглобальной экономиками, что необходимо учитывать при объяснении направлений и при анализе перспектив интеграции той или иной страны.

¹ См., например: Soloaga I., Winters L.A. Regionalism in the Nineties: What Effect on Trade? // *The North American Journal of Economics and Finance*. 2001. Vol. 12. Issue 1. Pp. 1–29.

² Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. Trade Creation and Trade Diversion in Deep Agreements / World Bank. Policy Research Working Paper No. 8206. 2017. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/208101506520778449/pdf/WPS8206.pdf> (дата обращения: октябрь 2020).

³ Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методика оценки эффектов // *Регионалистика*. 2021. Т. 8. № 2. С. 14–30.

Обзор позволил выделить модели для последующих оценок интеграционных эффектов на национальном и региональном уровнях.

Во-первых, исходя из задач исследования, получение *ex-post* оценок кумулятивных эффектов интеграции между странами на основе гравитационных зависимостей является достаточным для определения общих эффектов экономической интеграции. Причем акцент может быть сделан именно на торговых эффектах интеграции как наиболее очевидных и масштабных в рамках современной глобальной экономики.

Во-вторых, получение перспективных оценок распределительных эффектов интеграции позволит определить наличие необходимых экономических условий для создания результативных интеграционных объединений, особенно в условиях обоюдного нивелирования тарифных барьеров и ряда нетарифных ограничений в рамках формата ЗСТ. В этом случае оценка распределительных эффектов на основе модели частичного равновесия позволяет определить как прямые, так и косвенные последствия для национальных экономик на уровне конкретных товарных групп, что является важным для определения отраслей, которые могут получить преимущества или, наоборот, лишиться их.

В третьих, в условиях «современного регионализма» помимо тарифных барьеров и ряда нетарифных ограничений осуществляется гармонизация экономической политики, поэтому данное обстоятельство ведет к изменению барьеров торгово-экономических взаимодействий. Данные барьеры могут быть идентифицированы в рамках гравитационного моделирования при оценке эффекта границ, на основе которых возможно оценить потенциал экономической интеграции, в том числе на региональном уровне. Оценки прочих кумулятивных эффектов интеграции на основе других моделей являются, безусловно, важными, но при этом весьма специфичными, выходящими за рамки сформулированных задач настоящего исследования.

ГЛАВА 2. НАПРАВЛЕНИЯ И ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АТР

2.1. Экономическая интеграция в АТР в условиях процессов глобализации и регионализации

Интеграционные процессы, способствующие торговой либерализации в глобальной экономике, наиболее отчетливо проявились в АТР, на который к 2018 г. приходилось более 50% стоимостного объема мировой торговли. К середине 1980 г. большинство стран АТР являлось участниками ГАТТ. Импортные пошлины поэтапно снижались: США; Японией; новыми индустриальными странами (Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг); национальными экономиками в рамках американского рынка (США, Канада, Мексика и др.); крупными экономиками Юго-Восточной Азии (ЮВА)¹. Торговые соглашения между некоторыми странами и группировками стран в АТР были заключены одними из первых в мире, но долгое время они не являлись источником роста торговли². Рост товарооборота в АТР в 1980–1990-е гг. достигался по причине включения в торгово-экономические связи развивающихся стран Восточной Азии, прежде всего крупнейшей из них – КНР.

В качестве катализатора процессов сближения стран АТР выступил крупный корпоративный сектор (на первом этапе – японский³), осуществляющий производственный процесс в рамках межфирменной (вертикальной) торговли для последующего распределения готовой продукции по всему миру⁴. В итоге в АТР все более отчетливо стал проявляться процесс фрагментации производства в пространстве как характерный элемент процесса современной глобальной интеграции⁵.

Появление грузовых контейнеров способствовало снижению затрат на перевозку промышленных товаров по всему миру⁶. Данная инновация в сочетании с пространственной фрагментацией производства довольно значительно увеличила расстояния, на которые стали перемещаться товары конечного и промежуточного спроса. В результате расширения масштабов торговли стал наблюдаться переход от традиционных к современным технологиям в развивающихся странах АТР, а

¹ Baldwin R.E. Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade / NBER. Working Paper 12545. 2006. September. 47 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w12545> (дата обращения: октябрь 2020).

² Multinationals and East Asian Integration / Ed. by W. Dobson, C.S. Yue; Institute of Southeast Asian Studies & International Development Research Centre. 1997. 328 p.

³ Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // Journal of Developing Economies. 1962. Issue 1. Pp. 3–25; Kojima K. The 'Flying Geese' Model of Asian Economic Development: Origin, Theoretical Extensions, and Regional Policy Implications // Journal of Asian Economics. 2000. Issue 11. Pp. 375–401.

⁴ Ando M. Fragmentation and Vertical Intra-Industry Trade in East Asia // North American Journal of Economics and Finance. 2006. Vol. 17. Pp. 257–281.

⁵ Fujita M., Mori T. Frontiers of the New Economic Geography // Papers in Regional Science. 2005. Vol. 84. Issue 3. Pp. 377–405.

⁶ Подробно: Urry J. Offshoring. Cambridge: Polity, 2014. 212 p.

транспортные расходы снизились настолько, что субглобальный рынок стал достаточно взаимосвязанным¹.

Таким образом, рост торговли и производства в АТР, преимущественно в Восточной Азии, стал достигаться благодаря созданию сборочных производств на основе ПИИ в развивающихся странах с избыточной рабочей силой; увеличению отдачи от масштаба производства в условиях снижения издержек и нивелирования барьеров для внутрифирменной торговли. Данные процессы способствовали расширению торговли стран АТР как между собой, так и с внешним миром².

В 1990-е гг. отношение торговли между странами АТР к их торговле с мировой экономикой характеризовалась высокими значениями за счет постепенного создания производственной структуры взаимодействий между развитыми и развивающимися странами, расположенными главным образом в Восточной Азии (рис. 2.1).

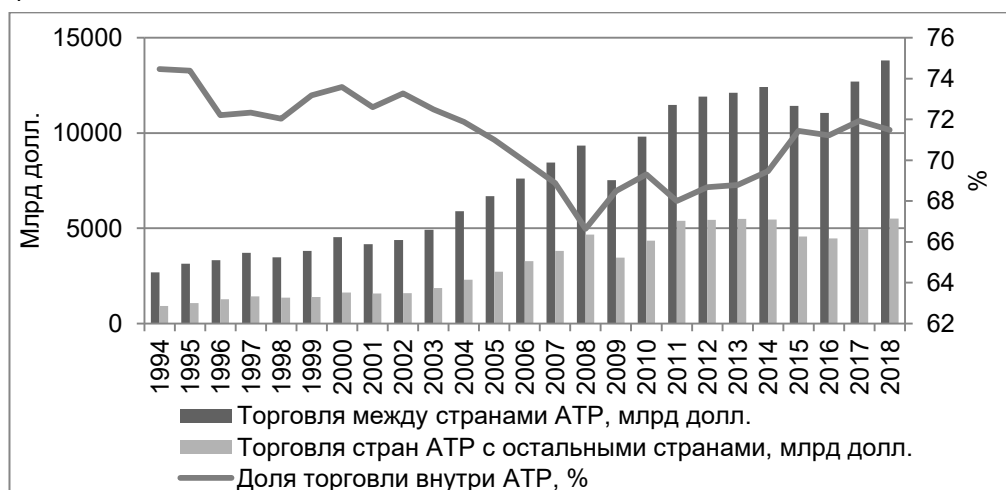


Рис. 2.1. Торговля стран АТР между собой и с остальными странами

Источники: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default>; Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: июль 2020).

Затем в 2000-е гг. наблюдалась тенденция сокращения доли торговли внутри АТР по причине массового переноса промышленных предприятий в Китай и страны ЮВА с целью увеличения экспорта по всему миру готовой продукции, произведенной с минимальными издержками. Также сокращение доли было связано с высокими ценами на энергоносители, поставляемые в АТР из стран Персидского залива, на которые приходилось до трети импорта нефти и нефтепродуктов.

В 2010-е гг. стало наблюдаться увеличение доли торговли внутри АТР. Благодаря высоким темпам экономического роста за счет прямого или косвенного участия в субглобальных и глобальных производственных связях емкость рынков большинства развивающихся стран АТР значительно увеличилась, стимулируя

¹ Yamamoto K. A Two-Region Model with Two Types of Manufacturing Technologies and Agglomeration // *Regional Science and Urban Economics*. 2005. Vol. 35. Issue 6. Pp. 808–836.

² Подробно: Изотов Д.А. Интеграционные процессы в АТР: особенности и потенциал расширения // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 3 (92). С. 20–31.

торговлю внутри АТР товарами как промежуточного, так и конечного спроса¹. Главным генератором роста торговли между странами АТР стала китайская экономика, на которую к середине 2010-х гг. приходилось до четверти товарооборота внутри АТР по сравнению с 4% в конце 1980-х гг. В результате на торговлю между странами АТР приходилось почти 70% их суммарного товарооборота².

Благодаря высоким темпам экономического роста с 1990 г. реальные доходы населения в большинстве стран АТР значительно выросли, что способствовало увеличению емкости их рынков. В результате за последние два десятилетия в АТР в определенной мере изменилась расстановка сил как с точки зрения масштабов экономик, так и интенсивности товарных потоков внутри АТР (рис. 2.2 и 2.3).

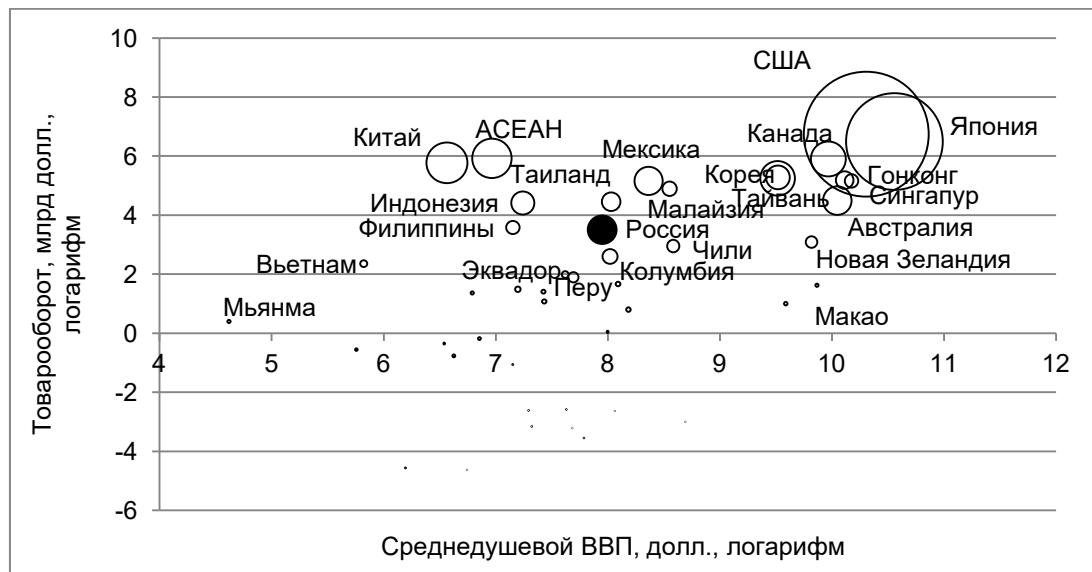


Рис. 2.2. Товарооборот между странами АТР и их среднедушевой ВВП, 1996 г.

Примечания. Представлены данные по 46 странам и одному торговому объединению – АСЕАН. Размер точки соответствует размеру ВВП в текущих ценах 1996 г. в долл.

Источники: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default>; International Financial Statistics / IMF. <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&slid=1409151240976>; Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: июль 2020).

К 2018 г. лидирующие позиции американской экономики как в АТР, так и в мире не изменились, а место второй экономики в АТР перешло от Японии к КНР. Следует заметить, что японская экономика практически не увеличилась за прошедшие два десятилетия. При этом, несмотря на замедление роста национальной экономики, Япония играет ключевую технологическую и инвестиционную роль в развитии ориентированных на экспорт стран Восточной Азии³. Большинство

¹ Thorbecke W. Enjoying the Fruits of Their Labor: Redirecting Exports to Asian Consumers / RIETI. Discussion Paper Series 15-E-016. 2015. 32 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/15e016.pdf> (дата обращения: июль 2020).

² Рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default>; Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: июль 2020).

³ Lim H., Kimura F. The Internationalization of Small and Medium Enterprises in Regional and Global Value Chains / ADBI. Working Paper No. 231. 2010. 26 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156086/adb-wp231.pdf> (дата обращения: июль 2020).

экономика АТР стало характеризоваться средними доходами на душу населения, а некоторые из них (Республика Корея и Тайвань) перешли в группу развитых стран (рис. 2.3).

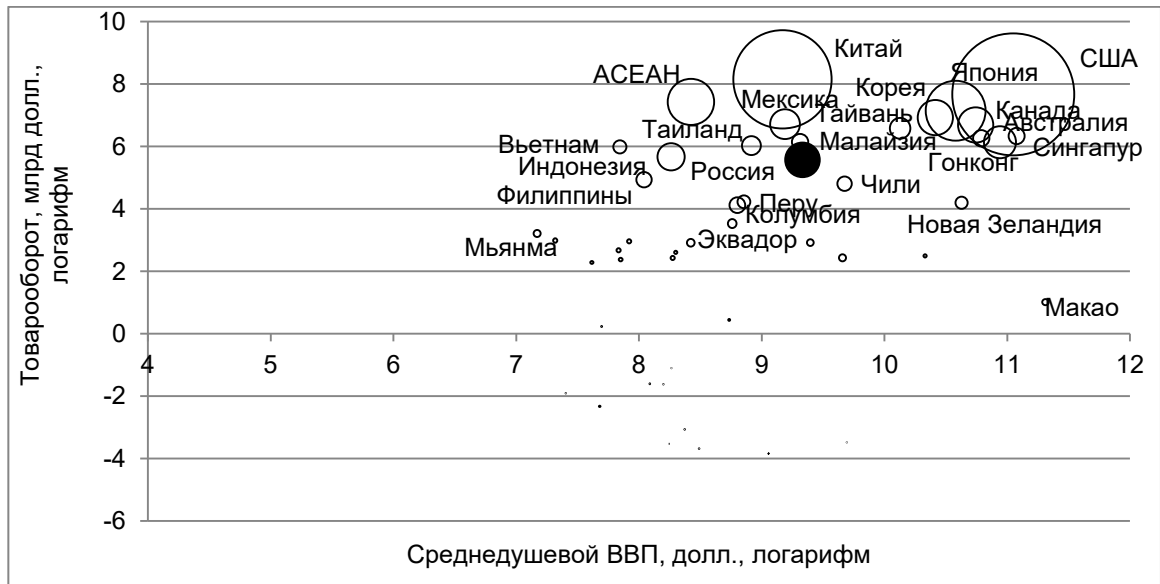


Рис. 2.3. Товарооборот между странами АТР и их среднедушевой ВВП, 2018 г.

Примечания. Представлены данные по 46 странам и одному торговому объединению – АСЕАН. Размер точки соответствует размеру ВВП в текущих ценах 2018 г. в долл.

Источники: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default>; International Financial Statistics / IMF. <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&slid=1409151240976>; Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: июль 2020).

К 2018 г. российская экономика увеличилась в 4 раза. Благодаря росту ВВП за счет экспорта Россия по среднедушевому ВВП превзошла большинство стран АСЕАН, а также Латинской Америки. В АТР российская экономика по размеру вошла в шестерку крупнейших¹, при этом по товарообороту в рамках АТР заняла лишь 16-е место², находясь между Индонезией и Филиппинами, поскольку экономика России довольно тесно связана с европейским рынком.

Экономика АТР является главным аккумулятором и транслятором ПИИ в мире. За исключением нескольких эпизодов, с середины 1980-х гг. по 2018 г. доля стран АТР составляла в среднем 55–60% от общемирового объема как исходящих, так и входящих ПИИ³. Потоки прямых инвестиций внутри АТР выступают в качестве основы для торгово-экономического сближения стран. ПИИ осуществляются ТНК, которые в конечном итоге включают деятельность всех связанных с этим процессом фирм (производство и услуги) в сферу гораздо большую, чем национальная экономика.

¹ В 2018 г. в Европе Россия входила в пятерку крупнейших экономик.

² По экспорту – 16-е место (между Индонезией и Чили); по импорту – 15-е место (между Индонезией и Филиппинами).

³ Рассчитано по: World Investment Report / UNCTAD. URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: июль 2020).

Географическая структура прямых инвестиций ТНК в страны АТР со временем изменилась. Вывоз прямых инвестиций восходит к японским ТНК, которые стали перемещать производство в другие азиатские экономики после значительного укрепления иены в 1985 г. Основными направлениями для японских ПИИ первоначально были Республика Корея и Тайвань, когда-то входившие в состав Японской империи. По мере роста издержек на рабочую силу в этих экономиках японские ПИИ стали концентрироваться в странах ЮВА. Образовавшиеся ТНК из Республики Корея и Тайваня также стали инвестировать в азиатские экономики, характеризующиеся дешевой рабочей силой. После финансового кризиса 1997–1998 гг. Китай становится главным реципиентом ПИИ в АТР. Одной из особенностей динамики ПИИ в Восточной Азии стала взаимодополняемость капиталовложений с торговыми взаимодействиями¹, что в итоге отразилось в расширении масштабов субглобальных производственных сетей, отражающихся в интенсификации вертикальной торговли в рамках производственного процесса ТНК².

Усложняющиеся потоки капитала в Восточной Азии стали приобретать форму «сетевых ПИИ»³, в рамках которых горизонтальные и вертикальные инвестиции проявлялись в разной степени в одно и то же время. Стратегия фрагментации, принятая, в частности, японскими ТНК, заключалась в распределении производственных мощностей по странам в зависимости от обеспеченности факторами производства и сравнительных преимуществ той или иной территории. Основой такого рода фрагментации выступили производственные отношения в секторе электроники, в рамках которого детали и компоненты перемещались между границами государств для последующей обработки и сборки в готовые изделия. ПИИ, способствующие росту внешней торговли, формировали положительный платежный баланс для многих азиатских стран, особенно в последние четыре десятилетия. Соответственно, значение и отечественных, и иностранных ТНК возросло довольно быстро, поскольку они являлись важными субъектами экономических отношений во всех странах, но в особенности в крупных азиатских экономиках.

Заметные результаты расширения торговли между странами АТР были бы невозможны без значительного снижения различного рода барьеров в связи с процессами глобализации и регионализации. Со второй половины 1990-х гг. в АТР стали активно заключаться торгово-экономические соглашения и создаваться ЗСТ, первоначально расширившие экономические взаимодействия стран АТР между собой и внешним миром, главным образом в силу снижения торговых барье-

¹ Kojima K. A Macroeconomic Approach to Foreign Direct Investment // Hitotsubashi Journal of Economics. 1973. Vol. 14. Issue 1. Pp. 1–21.

² Kimura F., Ando M. Two-Dimensional Fragmentation in East Asia: Conceptual Framework and Empirics // International Review of Economics and Finance. 2005. Vol. 14. Issue 3. Pp. 317–348.

³ Baldwin R., Okubo T. Networked FDI: Sales and Sourcing Patterns of Japanese Foreign Affiliates / NBER. Working Paper No. 18083. 2012. 34 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w18083> (дата обращения: октябрь 2020).

ров¹. Торговые соглашения стран АТР активно заключались также со странами остального мира. В 2000-е гг. практически все страны АТР² присоединились к ВТО. В результате, по сравнению с 1990-ми гг., средневзвешенная импортная пошлина стран АТР к 2018 г. снизилась почти в три раза (рис. 2.4). Импортная пошлина между странами АТР характеризовалась более низкими значениями по сравнению со странами остального мира.

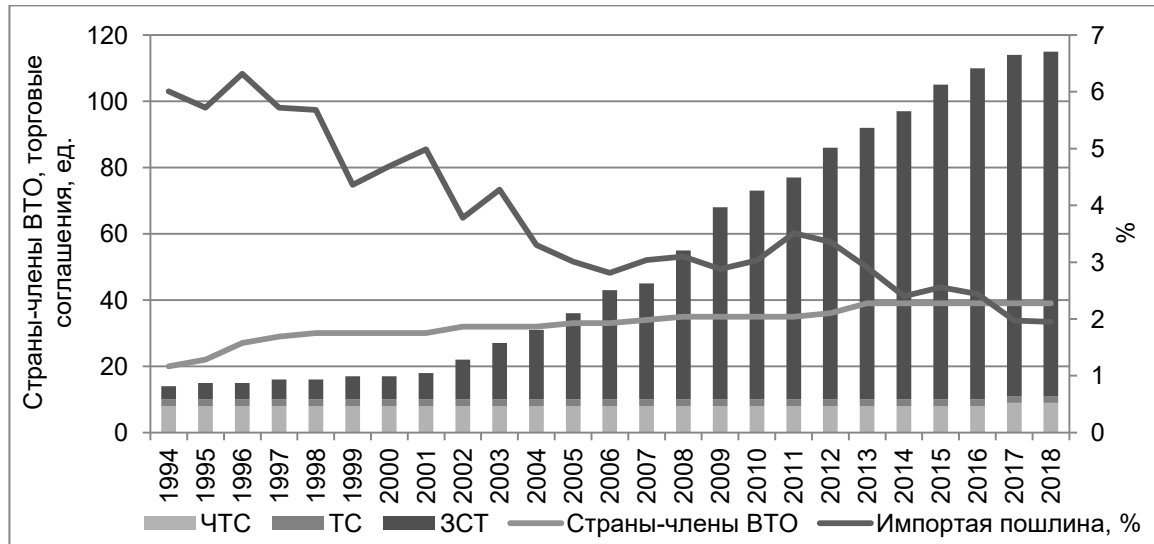


Рис. 2.4. Количество торговых соглашений, стран – членов ВТО и средневзвешенная импортная пошлина в АТР

Примечания. Показаны значения эффективной применяемой средневзвешенной импортной пошлины; количество торговых соглашений приведено накопленным итогом. К 2018 г. в АТР функционировало 114 торговых соглашений: 9 ЧТС, 103 ЗСТ и 2 ТС, из которых в расширенном формате – 1, 95 и 0 соответственно.

Источники: рассчитано по: Regional Trade Agreements Database / WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx>; Tariff data by Country / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

До 1990-х гг. предпосылок для регионализации в АТР не наблюдалось, а политические мотивы в интеграции преобладали над экономическими. Наблюдались действия по созданию экономико-политического союза в Латинской Америке и в Океании, а также для поддержки развивающихся стран (Протокол о торговых переговорах, Глобальная система торговых преференций между развивающимися странами и Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение). Также было заключено торговое соглашение между странами ЮВА.

Развитие экономических взаимодействий в АТР генерировало возникновение интеграционных форм как между географически близкими странами, так и между странами, относящимися к определенной группе экономик. В 1990-е гг. заключаются многосторонние торговые соглашения между тремя крупнейшими экономи-

¹ Feridhanusetyawan T. Preferential Trade Agreements in the Asia-Pacific Region / IMF. Working Paper WP/05/149. 2005. 40 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2005/wp05149.pdf> (дата обращения: июль 2020).

² За исключением некоторых малых островных государств, КНДР и России, которая стала полноправным членом ВТО только в 2012 г.

ками Северной Америки (Североамериканское соглашение о свободной торговле – НАФТА¹) и практически всеми странами ЮВА (в рамках Ассоциации государств ЮВА – АСЕАН²)³. Если мотивом создания ЗСТ НАФТА являлась необходимость расширения торгово-экономических связей, то создание ЗСТ+ на основе АСЕАН вначале не характеризовалось такой целевой установкой, не оказывая какого-либо заметного влияния на торговлю между странами – участницами объединения. Ситуация изменилась после кризиса 1997 г., когда механизмы ЗСТ+ АСЕАН были использованы для «глубокой» торговой интеграции и кооперации в рамках валютно-денежной политики, а также вовлечения в механизмы ЗСТ других крупных экономик АТР⁴.

В 2000-е гг. крупнейшими экономиками, расположенными в южной части Тихого океана (Новой Зеландией, Сингапуром, Чили, а также Брунеем) было подписано соглашение об учреждении Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства в формате ЗСТ+⁵. Наряду с этим осуществлялись попытки привязать экономики стран Центральной и Южной Америки к рынку НАФТА (Центральноамериканское соглашение о свободной торговле). Происходит сближение стран АСЕАН с Большой тройкой Северо-Восточной Азии (СВА) – Китаем, Японией и Республикой Корея (в дальнейшем – формат ЗСТ АСЕАН+3) и другими ключевыми партнерами объединения – Индией, Новой Зеландией и Австралией (в дальнейшем – формат ЗСТ АСЕАН+6).

В соответствии с логикой событий, во второй половине 2010-х гг. казалось, что в АТР создаются условия для заключения крупного многостороннего торгово-экономического соглашения на основе форума АТЭС, охватывающего практически все субглобальные экономики, которое могло бы функционировать в формате ЗСТ. Однако последующее развитие экономических взаимодействий в АТР скорее генерировало сближение географически близких стран. В 2010-е гг. создаются дальнейшие предпосылки для формирования ЗСТ+ между странами НАФТА⁶ и экономиками Латинской Америки (Торговое соглашение между Мексикой и странами Центральной Америки, Соглашение о создании Тихоокеанского альянса). С начала 2010-х гг. ведутся переговоры о создании ЗСТ+ между Китаем, Республикой Корея и Японией⁷ – странами Большой тройки СВА.

¹ США, Канада и Мексика.

² Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины.

³ Whalley J. Why Do Countries Seek Regional Trade Agreements? / NBER. Working Paper 5552. 1996. 37 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w5552.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Pomfret R. Regional Integration in East Asia // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 377–392.

⁵ Baldwin R.E. Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade / NBER. Working Paper 12545. 2006. September. 47 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w12545> (дата обращения: октябрь 2020).

⁶ В 2019 г. по инициативе США соглашение НАФТА было реформатировано в ЮСМКА.

⁷ Japan-Republic of Korea-Republic of China Free Trade Agreement (Japan-Republic of Korea-PRC FTA) / Asia Regional Integration Center. URL: <https://aric.adb.org/fta/peoples-republic-of-china-japan-korea-free-trade-agreement> (дата обращения: июль 2020).

Активизация роли США в интеграционных процессах первоначально внесла серьезные коррективы в инерционное расширение торговых соглашений в АТР, создав основу для формирования крупных торговых форматов. Наряду с этим предпосылками для создания крупных торговых форматов в АТР послужили: эффект «чаши спагетти», проявляющийся в нарастании отрицательных экстерналий ввиду сложности согласований заключенных торговых соглашений и снижении выгод от их эксклюзивности¹, а также издержек от заключенных соглашений для экспортеров²; кризисы 2000-х гг. Данный процесс, с одной стороны, являлся источником для зарождающегося дуализма между США и КНР в АТР, с другой – был способен вывести торгово-экономические взаимодействия в АТР, во всяком случае, для целого ряда стран, на более продвинутый уровень. Впоследствии США приостанавливают свое участие в создании мегаформата АТР, и в 2018 г. было заключено ВПТТП в формате ЗСТ+ за исключением американской экономики. Параллельно с этим проходили переговоры о заключении ВРЭП³, которое базировалось на расширении масштабов торгово-экономических взаимодействий в рамках ЗСТ АСЕАН+6⁴.

По мере смещения центра глобальной экономической активности в АТР, между странами субглобальной экономики снижаются взаимные торговые барьеры в условиях формирования сети двух- и многосторонних торговых соглашений в рамках процесса регионализации. В результате к 2018 г. в АТР было сконцентрировано почти 70% функционирующих в мире ЗСТ+. При тенденции увеличения доли торговли между странами АТР дальнейшее расширение количества стран-участниц, заключивших ЗСТ+ в АТР, создало условия для возникновения эффектов домино и «чаши спагетти». Вероятно, динамика регионализации в АТР сдерживается тем, что для целого ряда стран реализуемые торговые соглашения преимущественно основываются на чувствительных перечнях торгуемых промышленных товаров промежуточного спроса, которые в ближайшей перспективе не позволят значительно сблизить экономики стран АТР за счет снижения торговых барьеров для других торгуемых товаров.

Таким образом, можно предположить, что эффекты от интеграции в АТР в долгосрочном периоде являются в целом позитивными. При этом, безусловно, интеграционные процессы в АТР имеют свою специфику. В рамках «современного регионализма» интеграционное «ядро» в АТР ограничивается рядом стран Вос-

¹ Petri P.A. Multitrack Integration in East Asian Trade: Noodle Bowl or Matrix? // *Asia Pacific Issues*. Issue 86. 2008. 12 p. URL: <http://www.eastwestcenter.org/publications/multitrack-integration-east-asian-trade-noodle-bowl-or-matrix> (дата обращения: июль 2020).

² Hiratsuka D. East Asia's Economic Integration and Institutional Cooperation for Further Integration // *International Handbook on the Economics of Integration*. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 393–415; Hayakawa K., Jinji N., Matsuura T., Yoshimi T. Costs of Utilizing Regional Trade Agreements / RIETI. Discussion Paper Series 19-E-054. 2019. July. 40 p. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/19e054.pdf> (дата обращения: июль 2020).

³ Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) / Asia Regional Integration Center. 2019. URL: <https://aric.adb.org/fta/regional-comprehensive-economic-partnership> (дата обращения: июль 2020).

⁴ ВРЭП было подписано в конце 2020 г. всеми странами АСЕАН+6, за исключением Индии.

точной Азии и Северной Америки, связанных на основе механизмов интеграции на отраслевых рынках в рамках производственной кооперации, а разработка торговых соглашений осуществляется на основе моделей «снизу вверх» и «консолидации». Следует заметить, что прямое включение национальных экономик в производственную кооперацию в АТР не является единственной движущей силой интеграционных процессов. По причине специфики структуры экономики, отсутствия избыточных трудовых ресурсов и технологий (Россия, Монголия, некоторые страны Латинской Америки, например Чили), а также по политическим причинам (КНДР) ряд стран АТР находятся либо вне существующей производственной кооперации, либо участвуют в ней лишь в роли поставщика сырьевых товаров. Странами, не участвующими в производственной кооперации в АТР, эндогенный спрос на снижение барьеров в торгово-экономических взаимодействиях главным образом формируется мотивами последующего расширения и диверсификации их экспортных потоков. Отсутствие подобного рода мотивации может определяться особенностями спроса на внешнеэкономическую политику в странах АТР.

Поскольку подавляющее число стран АТР являются членами ВТО, а подписанные ими торговые соглашения могут по-разному влиять на торговые взаимодействия, предполагается важным выяснить, каким образом соотносится влияние на торговлю в субглобальной экономике процессов глобализации и регионализации. Для этого необходимо оценить эффекты торгово-экономической интеграции в АТР.

2.2. Эффекты торгово-экономической интеграции в АТР: влияние процессов глобализации и регионализации

Оценки результативности торговой интеграции в АТР для существующих торговых форматов / соглашений строились главным образом во второй половине 1990-х гг. в рамках классических гравитационных моделей¹, что приводило к некорректным выводам по причине проблемы эндогенности². При построении более сложных моделей исследовательский интерес смещен в сторону исключительно перспективных оценок эффектов от создания крупных торговых форматов в АТР³. В современных исследованиях торговой интеграции с использованием корректной

¹ См., например: Frankel J.A. *Regional Trading Blocs in the World Economic System*. PIIIE, 1997. 388 p.; Rose A., Lockwood B., Quah D. *One Money, One Market: The Effect of Common Currencies on Trade* // *Economic Policy*. 2000. Vol. 15. Issue 30. Pp. 9–45.

² Treffer D. *Trade Liberalization and the Theory of Endogenous Protection: an Econometric Study of U.S. Import Policy* // *Journal of Political Economy*. 1993. Vol. 101. Issue 1. Pp. 138–160.

³ Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R. *The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief* / Congressional Research Service. 2016. February. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf>; Bergsten C.F., Noland M., Schott J.J. *The Free Trade Area of the Asia-Pacific: A Constructive Approach to Multilateralizing Asian Regionalism* / ADBI. Working Paper 336. 2011. 23 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156191/adb-wp336.pdf> (дата обращения: июль 2020).

методики оценки гравитационных зависимостей¹, как правило, не рассматриваются субглобальные компоненты. Исходя из этого, представляется важным оценить эффекты от реализации торговых соглашений между странами АТР.

Методика оценки. Долгое время оценка интеграционных эффектов в гравитационных моделях строилась путем включения фиктивной переменной наличия / отсутствия торгового соглашения между странами в правую часть уравнения, наряду с переменными, неизменными во времени и имеющими стоимостные характеристики², что приводило к получению смещенных оценок. В рамках последнего десятилетия были сформулированы методические рекомендации для решения подобного рода исследовательских задач³. Ввиду наличия проблемы эндогенности при определении эффектов интеграции посредством включения фиктивных переменных торговых соглашений оценка гравитационной зависимости имеет свои особенности, поскольку в явном виде не включает расстояние, размер торговых экономик, а также ключевые институциональные показатели.

Для объяснения данной особенности требуется разложение исходного уравнения гравитации между странами i и j (2.1):

$$X_{ij} = \frac{A_i w_i^{-\theta} \tau_{ij}^{-\theta}}{P_j^{-\theta}} E_j, \quad (2.1)$$

где: X_{ij} – экспорт из страны i в страну j ; E_j – общие расходы в стране j на товары различного происхождения, включая товары, произведенные в j ; доля расходов страны j распределяется на товары i и прямо зависит от следующих трех факторов: A_i – характеристика производственных технологий, доступных в стране i ; w_i – размер оплаты труда в i ; τ_{ij} – торговые издержки типа «айсберг», возникающие при продаже товаров из страны i в страну j . Предполагается, что товары являются несовершенными субститутами, поэтому влияние торговых и производственных издержек на торговлю зависит от постоянной эластичности замещения в торговле, т. е. $\theta > 1$. Все стоимостные факторы влияют только на размер торговли на рынке импорта из страны j , которая учитывается через суммирование в знаменателе (2.1), т. е.: $P_j^{-\theta} = \sum_i A_i w_i^{-\theta} \tau_{ij}^{-\theta}$. Показатель $P_j^{-\theta}$ отражает внутреннее многостороннее сопротивление для страны-импортера (j) и внешнее многостороннее сопротивление для страны-экспортера (i)⁴.

¹ Baier S.L., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Widely Differing Effects of Free Trade Agreements: Lessons from Twenty Years of Trade Integration // Journal of International Economics. 2019. Vol. 116. Pp. 206–226; Dai M., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements // Economic Letters. 2014. Vol. 122. Pp. 321–325.

² См., например: Wei S.-J., Frankel J.A. Open versus Closed Trade Blocs // Regionalism versus Multilateral Trade Arrangements / Ed. by T. Ito, A.O. Krueger. NBER-EASE, 1997. Pp. 119–140; De Rosa D. Gravity Model Analysis // Maghreb Regional and Global Integration: A Dream to Be Fulfilled / Ed. by G.C. Hufbauer, C. Brunel. PIIIE, 2008. Pp. 47–68; Shirono K. Real Effects of Common Currencies in East Asia / IMF. Working Papers No. 07/166. 2007. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Real-Effects-of-Common-Currencies-in-East-Asia-21166> (дата обращения: июль 2020).

³ Baier S.L., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Widely Differing Effects of Free Trade Agreements: Lessons from Twenty Years of Trade Integration // Journal of International Economics. 2019. Vol. 116. Pp. 206–226.

⁴ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 171–192.

Далее уравнение (2.1) выражается в экспоненциальной форме¹, при включении времени – t и вектора ошибок – $\varepsilon_{ij,t}$:

$$X_{ij,t} = \exp \left[\ln A_{i,t} w_{i,t}^{-\theta} + \ln \frac{E_{j,t}}{P_{j,t}^{-\theta}} + \ln \tau_{ij,t}^{-\theta} \right] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}. \quad (2.2)$$

Уравнение (2.2) решается методом квазиправдоподобия Пуассона (Poisson Pseudo Maximum Likelihood – PPML) во избежание проблемы наличия гетероскедастичности и для возможности включения «нулевых» торговых потоков². Применение метода квазиправдоподобия Пуассона показывает удовлетворительные результаты, даже если пропорция «нулевых» торговых потоков в панельных данных очень большая³.

Для определения влияния торговых соглашений на торговые взаимодействия вектор торговых издержек ($\ln \tau_{ij,t}^{-\theta}$) разлагается на следующие компоненты⁴:

$$\ln \tau_{ij,t}^{-\theta} = Z_{ij} \delta + \beta_1 FTA_{ij,t} + u_{ij,t}, \quad (2.3)$$

где: Z_{ij} – набор независимых во времени переменных, включенных в общий уровень торговых издержек между i и j с вектором коэффициентов δ ; $FTA_{ij,t}$ – фиктивная переменная, отражающая наличие / отсутствие торгового соглашения между i и j . Таким образом, переменная Z_{ij} включает в себя географические (расстояние, границы и т. д.) и институциональные характеристики (общность языка, колониальные связи и т. д.). Набор независимых во времени переменных учитывается в виде фиксированных эффектов для торгующих пар стран, т. е. $\mu_{ij} = Z_{ij} \delta$, поскольку δ не является необходимым параметром для оценки эффектов от торговых соглашений. Также, во избежание проблемы эндогенности⁵, стоимостные характеристики в правой части уравнения (2.3) для i и j учитываются в рамках фиксированных эффектов для страны-экспортера / импортера с учетом времени, т. е.: $\pi_{i,t} = \ln A_{i,t} w_{i,t}^{-\theta}$, $\chi_{j,t} = \ln E_{j,t} / P_{j,t}^{-\theta}$.

Выражения (2.2) и (2.3) позволяют идентифицировать несколько основных эффектов торговой интеграции, идентифицируемых в динамике (*ex-post* эффекты). Во-первых, влияние соглашений на изменение торговли в среднем за период отражает *прямой эффект от торговых соглашений*. Во-вторых, косвенное влияние заключенных в прошлом торговых соглашений на итоговые значения торговли отражает кумулятивный интеграционный эффект или *накопленный эффект от торговых соглашений*. В-третьих, результаты реализации странами стратегии расширения количества торговых соглашений идентифицируются в *эффектах от*

¹ Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in Gravity Equations // European Economic Review. 2015. Vol. 78. Pp. 307–327; Santos Silva J., Tenreyro S. The Log of Gravity // Review of Economics and Statistics. 2006. Vol. 88. Issue 4. Pp. 641–658.

² Santos Silva J., Tenreyro S. The Log of Gravity // Review of Economics and Statistics. 2006. Vol. 88. Issue 4. Pp. 641–658.

³ Santos Silva J.M.C., Tenreyro S. Further Simulation Evidence on the Performance of the Poisson Pseudo-Maximum Likelihood Estimator // Economics Letters. 2011. Vol. 112. Issue 2. Pp. 220–222.

⁴ Baier S.L., Bergstrand J.H. Do Free Trade Agreements Actually Increase Members' International Trade? // Journal of International Economics. 2007. Vol. 71. Issue 1. Pp. 72–95.

⁵ A Practical Guide to Trade Policy Analysis. WTO and UNCTAD Co-Publication, 2012. 200 p.

пролиферации торговых соглашений. В зависимости от полученных значений данные эффекты могут быть как положительными (отражая эффект создания торговли), так и отрицательными (эффект отклонения торговли).

Для оценки результативности торговой интеграции в АТР вышеперечисленные основные эффекты могут быть декомпозированы на эффекты глобализации (вклад *процесса глобализации*) и регионализации (вклад *процесса регионализации*). Эффект от глобализации вычисляется как разница между *общим эффектом интеграции* и *эффектом от регионализации*.

Для получения *общего эффекта интеграции*¹, в котором суммируются эффекты глобализации и регионализации, оценка *прямого эффекта от торговых соглашений* производится на основе следующей зависимости (2.4):

$$X_{ij,t} = \exp[\beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij}] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}, \quad (2.4)$$

где: X_{ij} – товаропоток из страны i в страну j ; π_i – фиксированные эффекты для страны-экспортера с учетом года; χ_j – фиксированные эффекты для страны-импортера с учетом года; μ_{ij} – фиксированные эффекты для пар торгующих стран; t – временной промежуток; FTA_{ij} – фиктивная переменная, отражающая наличие / отсутствие торгового соглашения между странами i и j ; β_0 – константа; β_1 – значение прямого эффекта от торговых соглашений в рамках общего процесса интеграции; ε_{ij} – случайная ошибка.

Другим аспектом оценки эффектов интеграции является накопленное воздействие торговых соглашений, которое может способствовать положительным проявлениям прямого эффекта от соглашений либо, напротив, его сдерживать. *Накопленный эффект от торговых соглашений*² в рамках *общего эффекта интеграции* возможно оценить на основе включения в зависимость (2.4) лаговых значений компоненты FTA_{ij} (2.5):

$$X_{ij,t} = \exp[\beta_0 + \sum_{n=1}^{n=3} \beta_1 FTA_{ij,t-(1-n)} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij}] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}, \quad (2.5)$$

где: n – количество лагов; β_1 – значение накопленного эффекта от торговых соглашений в рамках общего эффекта интеграции.

Расширение уравнения (2.4) за счет дополнительных фиктивных переменных позволяет получить количественную оценку *эффектов от пролиферации торговых соглашений* для экспортирующих и импортирующих стран³ в рамках *общего эффекта интеграции* (2.6):

$$X_{ij,t} = \exp[\beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \beta_2 FTA_{i,-j,t}^{out} + \beta_3 FTA_{-i,j,t}^{out} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij}] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}, \quad (2.6)$$

¹ Изотов Д.А. Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 91–107; Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: декомпозиция эффектов // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 66–96.

² Piermartini R., Yotov Y.V. Estimating Trade Policy Effects with Structural Gravity / WTO. Working Papers No. 2016/10. 2016. URL: <https://doi.org/10.30875/2d235948-en>. (дата обращения: октябрь 2020).

³ Dai M., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements // Economic Letters. 2014. Vol. 122. Pp. 321–325.

где: $FTA_{i,-j}^{out}$ – фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице, если страна-экспортер i заключила торговое соглашение с любой страной – торговым партнером в АТР помимо страны j , и равно нулю в противном случае; $FTA_{-i,j}^{out}$ – фиктивная переменная, равная единице, если страна-импортер j заключила торговое соглашение с любой страной АТР помимо i ; β_2 и β_3 – значения эффектов от пролиферации торговых соглашений в рамках общего эффекта интеграции для стран-экспортеров и стран-импортеров соответственно.

При оценке вклада *процесса регионализации* в общий эффект интеграции в модели (2.4–2.6) включаются переменные, отражающие наличие барьеров между торгующими странами для каждого года¹, что возможно при использовании данных о динамике торговли на национальном рынке. Тогда зависимость (2.4) для оценки *прямого эффекта от торговых соглашений* преобразуется следующим образом (2.7):

$$X_{ij,t} = \exp[\beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij}] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}, \quad (2.7)$$

где: $INTL(T)_{ij}$ – фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице для международной торговли для каждого года T и нулевое – для торговли на национальном рынке; β_1 – значение прямого эффекта от торговых соглашений в рамках процесса регионализации.

Для оценки *накопленного эффекта от заключения торговых соглашений* в рамках *процесса регионализации* используется следующая зависимость (2.8):

$$X_{ij,t} = \exp[\beta_0 + \sum_{n=1}^{n=3} \beta_1 FTA_{ij,t-(1-n)} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij}] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}, \quad (2.8)$$

где β_1 – значение накопленного эффекта от торговых соглашений в рамках процесса регионализации.

Наконец, оценка *эффектов от пролиферации торговых соглашений* для случая *эффекта от регионализации* осуществляется следующим образом (2.9):

$$X_{ij,t} = \exp[\beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \beta_2 FTA_{i,-j,t}^{out} + \beta_3 FTA_{-i,j,t}^{out}] \times \left[\sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} \right] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}} \quad (2.9),$$

где β_2 и β_3 – значения эффектов от пролиферации торговых соглашений в рамках процесса регионализации для стран-экспортеров и стран-импортеров соответственно.

По причине корреляции с другими фиксированными эффектами при оценке параметра $INTL(T)$ в (2.7–2.9) выбирается какой-либо год в качестве эталонного показателя.

Оценка моделей (2.4–2.9) позволяет определить изменения (в %) двусторонних торговых потоков стран, заключивших торговые соглашения ($[e^{\hat{\beta}_{FTA}} - 1] \times 100$), а также их адвалорный эквивалент сокращенной тарифной нагрузки ($[e^{\hat{\beta}_{FTA}/(1-\theta)} - 1] \times 100$), где эластичность замещения (θ) может задаваться экзо-

¹ Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in the Gravity Equation // European Economic Review. 2015. Vol. 78. Pp. 307–327.

генно¹. В результате, отталкиваясь от приведенных к сопоставимому виду значений эффектов, вычитание из общего эффекта от интеграции непосредственного эффекта от торгового соглашения позволяет определить вклад *эффекта глобализации* в общий эффект интеграции. Соответственно, разница между значениями β_1 из уравнений (2.4) и (2.7) будет отражать прямой эффект от торговых соглашений в рамках процесса глобализации; значениями β_1 из (2.5) и (2.8) – накопленный эффект от торговых соглашений в рамках процесса глобализации; β_2, β_3 из (2.6) и (2.9) – эффекты от пролиферации торговых соглашений в рамках процесса глобализации для стран-экспортеров и стран-импортеров соответственно.

Данные для оценки. Всего в АТР насчитывается 50 стран и экономических территорий, взаимная торговля по которым отражена в статистике ООН и Всемирного банка² для периода 1994–2018 гг. В соответствии с методическими рекомендациями в оцениваемую панель необходимо включить торговлю на отечественном рынке. Одним из способов, который позволяет учесть влияние внутреннего рынка, является включение показателя, отражающего выпуск товаров в национальной экономике за исключением экспорта³. Необходимые компоненты данного показателя были получены из специальных баз данных СЕРИИ⁴ и ООН⁵. Однако ограничением включения всех без исключения стран и экономических территорий АТР в оцениваемую панель является отсутствие для некоторых из них надежной статистики, характеризующей размер их внутреннего рынка. По этой причине 14 экономик были исключены из дальнейшего анализа: КНДР и малые островные экономики АТР (Вануату, Восточный Тимор, Кирибати, Маршалловы острова, Науру, Новая Каледония, Палау, Самоа, Соломоновы острова, Тувалу, Уоллис и Футуна, Французская Полинезия)⁶. Исключение данных стран не является критичным, поскольку их доля в торговле внутри АТР была мизерной: 0,59% в 1994 г. и 0,12% в 2018 г.

В итоге в оцениваемую панель вошли 36 стран и экономических территорий АТР⁷. При оценке эффектов интеграции в качестве торговых соглашений автор

¹ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 170–192.

² Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

³ Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model / United Nations; World Trade Organization. 2016. 137 p. URL: <https://doi.org/10.30875/abc0167e-en> (дата обращения: октябрь 2020); Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in Gravity Equations // European Economic Review. 2015. Vol. 78. Pp. 307–327.

⁴ TradeProd / СЕРИИ. URL: http://www.cepii.fr/CEPII/fr/bdd_modele/presentation.asp?id=5 (дата обращения: июль 2020).

⁵ INDSTAT / UNIDO. URL: <https://stat.unido.org/#> (дата обращения: июль 2020).

⁶ Изотов Д.А. Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 91–107.

⁷ Австралия, Бруней, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Мексика, Монголия, Мьянма, Никарагуа, Новая Зеландия, Панама, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сальвадор, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Фиджи, Филиппины, Чили, Эквадор и Япония.

следовал методической рекомендации, сформулированной Даем – Йотовым – Зилкиным¹, используя данные о наличии либо отсутствии вступивших в силу ЗСТ, ЗСТ+ и ТС на основе базы данных ВТО². Всего для формирования фиктивных переменных было отобрано более 100 торговых соглашений АТР (*ПРИЛОЖЕНИЕ I*). Для оценок использовались интервальные значения торговых взаимодействий с лагом в четыре года: 1994 г., 1998 г., 2002 г., 2006 г., 2010 г., 2014 г. и 2018 г. Исследование охватывало 9 072 наблюдения.

На первом этапе была получена оценка вклада процесса регионализации в общий эффект интеграции стран АТР путем включения фиктивной переменной межстрановой торговли. Расчеты показали, что страны АТР, заключившие торговые соглашения в рамках субглобальной экономики, увеличили взаимную торговлю на 11,1%, сократив при этом торговые барьеры на 2,6% (*табл. 2.1*). Что касается оценки накопленного эффекта от торговых соглашений, то, применяя подход суммарной оценки факторов, подразумевающий суммирование лаговых и интервальной компонент³, был получен статистически значимый параметр, которой указал на то, что страны АТР, заключившие торговые соглашения, увеличили двустороннюю торговлю на 14,2% и сократили взаимные торговые барьеры на 3,3%. В итоге дополнительный эффект от накопленного действия торговых соглашений в АТР состоял в увеличении торговли заключивших их стран на 3,2 п. п. и в снижении торговых барьеров на 0,7 п. п. (разница между накопленным и прямым эффектами) (*табл. 2.1*).

Предварительный анализ показал, что одновременное включение в зависимость (2.9) фиктивных переменных $FTA_{i,-j,t}^{out}$ и $FTA_{-i,j,t}^{out}$ невозможно по причине их тесной корреляции. Поэтому эти переменные оценивались в рамках двух зависимостей (*табл. 2.1*). В соответствии с полученной оценкой расширение торговых соглашений в АТР вызывало эффект создания торговли как для страны-экспортера, так и импортера. В среднем за рассматриваемый период страны, которые осуществляли пролиферацию торговых соглашений с другими экономиками АТР, экспортировали на 38,1% и импортировали на 37,6% больше, при сокращении торговых барьеров на 7,8% и 7,7% для экспорта и импорта соответственно.

Включение в регрессии переменных торговли между странами (*INTL*) за соответствующие годы позволило выявить процесс глобализации в АТР, который вызван прежде всего общим снижением тарифных и нетарифных барьеров, в том числе в связи с присоединением подавляющего большинства стран АТР к ВТО. В результате за четверть века наблюдалось постепенное снижение торговых барьеров

¹ Dai M., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements // *Economic Letters*. 2014. Vol. 122. Issue 2. Pp. 321–325.

² Regional Trade Agreements Database / WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: июль 2020).

³ Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model / United Nations; World Trade Organization. 2016. 137 p. URL: <https://doi.org/10.30875/abc0167e-en> (дата обращения: октябрь 2020).

еров между странами АТР, что, в свою очередь, привело к увеличению торговли в субглобальной экономике. Однако было обнаружено отсутствие статистической значимости *INTL* для 2014 г., что может быть объяснено, с одной стороны, проявлением замедления мировой экономики в этот период, с другой – возможным исчерпанием вклада процесса глобализации в рост торговли в АТР.

Таблица 2.1

Результаты оценки эффектов от заключения торговых соглашений в рамках эффекта от регионализации по моделям (2.7–2.9)

Показатель	Прямой эффект от торговых соглашений		Накопленный эффект от торговых соглашений		Эффект от пролиферации торговых соглашений			
					для стран-экспортеров		для стран-импортеров	
	1	2	1	2	1	2	1	2
<i>FTA</i>	0,11** (0,04)	11,06/ -2,59	–	–	0,08** (0,04)	8,61/ -2,04	0,08** (0,04)	8,63/ -2,05
<i>FTA(cumul)</i>	–	–	0,13** (0,06)	14,21/ -3,27	–	–	–	–
<i>FTA(exp)/ FTA(imp)</i>	–	–	–	–	0,32* (0,07)	38,09/ -7,75	0,32* (0,06)	37,62/ -7,67
<i>INTL</i> ₁₉₉₄	-0,36* (0,06)	-29,98/ 9,32	-0,34* (0,07)	-28,88/ 8,89	-0,24* (0,06)	-20,92/ 6,04	-0,23* (0,06)	-20,87/ 6,03
<i>INTL</i> ₁₉₉₈	-0,33* (0,06)	-28,22/ 8,64	-0,32* (0,06)	-27,12/ 8,23	-0,22* (0,05)	-19,32/ 5,51	-0,22* (0,05)	-19,42/ 5,55
<i>INTL</i> ₂₀₀₂	-0,27* (0,05)	-23,28/ 6,85	-0,26* (0,05)	-22,86/ 6,70	-0,15* (0,05)	-13,54/ 3,70	-0,15* (0,05)	-13,65/ 3,74
<i>INTL</i> ₂₀₀₆	-0,12* (0,03)	-11,40/ 3,07	-0,12* (0,03)	-10,83/ 2,91	-0,10* (0,03)	-9,82/ 2,62	-0,10* (0,03)	-9,84/ 2,62
<i>INTL</i> ₂₀₁₀	-0,08** (0,03)	-7,19/ 1,88	-0,07** (0,03)	-6,56/ 1,71	-0,07** (0,03)	-6,85/ 1,79	-0,07** (0,03)	-6,86/ 1,79
<i>INTL</i> ₂₀₁₄	-0,004 (0,03)	–	-0,002 (0,03)	–	-0,01 (0,03)	–	-0,01 (0,03)	–
Константа	-9,13* (0,44)	–	-1,34* (0,41)	–	-0,97** (0,38)	–	-4,81* (0,60)	–
<i>Pseudo R</i> ²	0,99	–	0,99	–	0,99	–	0,99	–

Примечания. * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$. В скобках указаны значения стандартных ошибок. В столбце 1 представлены коэффициенты β , а также характеристики соответствующей регрессии в целом; в столбце 2 показано увеличение взаимной торговли (в %) / тарифный (адвалорный) эквивалент барьеров в торговле (в %), т. е. $[e^{\hat{\beta}_{FTA}} - 1] \times 100 / [e^{\hat{\beta}_{FTA}/(1-\theta)} - 1] \times 100$, при $\theta=5$. Здесь и далее: *FTA(exp)* и *FTA(imp)* соответствуют параметрам $FTA_{i,j,t}^{out}$ и $FTA_{-i,j,t}^{out}$, *FTA(cumul)* – $\sum_{n=1}^{n=3} FTA_{ij,t-(1-n)}$. Базовым годом для переменной *INTL* является 2018 г. Оценки полученных фиксированных эффектов не приводятся для лаконичности изложения. Здесь и далее в главе: *FTA* – эффект создания торговли от реализации торговых соглашений; *FTA(exp)* – эффект создания торговли для страны-экспортера; *FTA(imp)* – эффект создания торговли для страны-импортера; *FTA(cumul)* – накопленный эффект от реализации торговых соглашений. *INTL(T)*_{ij} – фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице для международной торговли для каждого года *T* и нулевое – для внутристрановой.

Источник: расчеты автора.

Проявление эффекта глобализации в АТР подтверждается сравнением оценок эффектов от заключения торговых соглашений (табл. 2.1) и общего эффекта интеграции между странами АТР при исключении фиктивной переменной торговли между странами (табл. 2.2).

Расчеты показали, что, с учетом влияния процесса глобализации, заключение торгового соглашения между странами АТР приводило к увеличению их торговли на 28,3% и к сокращению торговых барьеров на 6%. Глобализация также

существенно мультиплицировала общий эффект от интеграции при пролиферации торговых соглашений с другими странами АТР. В соответствии с оценкой, практикующие такую политику страны АТР экспортировали на 65,8% и импортировали на 65,4% больше, при сокращении торговых барьеров для экспорта на 11,9%, для импорта – на 11,8%.

Таблица 2.2

Результаты оценки эффектов от заключения торговых соглашений в рамках общего эффекта интеграции по моделям (2.4–2.6)

Переменные	Прямой эффект от торговых соглашений		Накопленный эффект от торговых соглашений		Эффект от пролиферации торговых соглашений			
					для стран-экспортеров		для стран-импортеров	
	1	2	1	2	1	2	1	2
<i>FTA</i>	0,25* (0,04)	28,27/ -6,03	–	–	0,13* (0,04)	13,97/ -3,22	0,13* (0,04)	13,99/ -3,22
<i>FTA(cumul)</i>	–	–	0,36* (0,04)	43,44/ -8,62	–	–	–	–
<i>FTA(exp)/ FTA(imp)</i>	–	–	–	–	0,51* (0,06)	65,81/ -11,88	0,50* (0,06)	65,41/ -11,82
Константа	-8,38* (0,46)	–	-11,08* (0,71)	–	-2,04* (0,36)	–	-5,71* (0,67)	–
<i>Pseudo R²</i>	0,98	–	0,98	–	0,98	–	0,98	–

Примечания. * – $p < 0,01$. В скобках указаны значения стандартных ошибок. В столбце 1 представлены коэффициенты β , а также характеристики соответствующей регрессии в целом; в столбце 2 показано увеличение взаимной торговли (в %) / двусторонний эквивалент барьеров в торговле (в %). Оценки полученных фиксированных эффектов не приводятся для лаконичности изложения.

Источник: расчеты автора.

Оценка накопленного общего эффекта интеграции в АТР указала на увеличение торговли на 43,5% и сокращение взаимных торговых барьеров на 8,6% для стран, заключивших торговые соглашения. Данная оценка является сопоставимой с оценками, полученными для глобальной экономики более раннего периода¹. Дополнительный общий эффект от интеграции в АТР для 1994–2018 гг. проявлялся в увеличении торговли между заключившими торговые соглашения странами на 15,2 п. п. и в снижении торговых барьеров на 2,6 п. п.

Таким образом, полученные оценки позволяют декомпозировать общий эффект от интеграции в АТР на две составляющие: эффект от регионализации и эффект от глобализации (табл. 2.3).

Сопоставление эффектов показало, что для стран АТР, реализующих торговые соглашения, общий положительный эффект от интеграции в рамках субглобальной экономики достигался главным образом за счет процесса глобализации, который проявлялся в либерализации тарифно-таможенного регулирования и снижении нетарифных барьеров. Вклад эффекта от регионализации в общий эффект от интеграции между странами АТР был меньше, чем от глобализации: в 1,6 раза – без учета накопленных эффектов и в 2,1 раза – с их учетом. При этом

¹ Dai M., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements // Economic Letters. 2014. Vol. 122. Issue 2. Pp. 321–325.

нельзя не отметить большую роль регионализации в сокращении торговых барьеров между странами, их заключившими. С этой точки зрения процесс глобализации в АТР являлся необходимым условием для наращивания двухсторонних торговых обменов, а заключение торговых соглашений играло скорее вспомогательную роль.

Таблица 2.3

Декомпозиция эффектов торговой интеграции в АТР

Декомпозиция эффектов интеграции	Прямой эффект от торговых соглашений		Накопленный эффект от торговых соглашений		Эффект от пролиферации торговых соглашений			
					для стран-экспортеров		для стран-импортеров	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Общий эффект интеграции	28,28 [100,0]	-6,04 [100,0]	43,45 [100,0]	-8,63 [100,0]	65,80 [100,0]	-11,87 [100,0]	65,40 [100,0]	-11,82 [100,0]
эффект от регионализации	11,06 [39,1]	-2,59 [42,9]	14,22 [32,7]	-3,27 [37,9]	38,09 [57,9]	-7,75 [65,3]	37,61 [57,5]	-7,67 [64,9]
эффект от глобализации	17,22 [60,9]	-3,45 [57,1]	29,23 [67,3]	-5,36 [62,1]	27,72 [42,1]	-4,12 [34,7]	27,79 [42,5]	-4,15 [35,1]

Примечания. 1 – изменение взаимной торговли, в %; 2 – адвалорный эквивалент барьеров в торговле, в %. Эффект от глобализации оценен как разница между общим эффектом от интеграции и эффектом от регионализации. В квадратных скобках указан вклад эффектов от глобализации и регионализации в общий эффект от интеграции, в %.

Источник: расчеты автора.

Однако для стран, осуществляющих практику пролиферации торговых соглашений в АТР, вклад эффекта от регионализации в общий эффект от интеграции был преобладающим: примерно 58% для стран-экспортеров и стран-импортеров. При этом указанные соглашения обеспечивали примерно 65% от общего сокращения (100%) двусторонних торговых барьеров для стран-экспортеров и стран-импортеров. С этой позиции полученная оценка объясняет мотивацию руководства целого ряда стран АТР по увеличению количества заключенных соглашений, что проявляется в эффекте домино в субглобальной экономике.

При этом за рамками полученных оценок остаются аспекты, касающиеся географического распределения эффектов от интеграции, поскольку АТР состоит из различных экономик и объединений стран, долгосрочная реакция которых на интеграционные процессы может быть дифференцированной. Для целей сравнения эффектов от интеграции¹ была осуществлена сегрегация пространства АТР с экономико-географической и интеграционной точек зрения², т. е. были выделены две макрзоны – Западная³ и Восточная⁴, для которых были оценены эффекты от ре-

¹ Подробно: Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: декомпозиция эффектов // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 1. С. 66–96.

² Ravenhill J. US and EU Regionalism: The Case of the Western Pacific Rim // *The International Trade Journal*. 2006. Vol. 20. Issue 2. Pp. 219–261.

³ К Западной макрзоне АТР в рамках сформированного массива отнесены страны и экономики Восточной Азии (Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, КНР, Лаос, Макао, Малайзия, Монголия, Мьянма, Папуа – Новая Гвинея, Республика Корея, Россия, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Филиппины и Япония), а также Австралия и Океания (Новая Зеландия, Тонга, Федеративные штаты Микронезии, Фиджи).

⁴ Страны тихоокеанского побережья Северной, Центральной и Южной Америки – Гватемала, Гондурас, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор, США, Чили и Эквадор.

гионализации (табл. 2.4) и общий эффект от интеграции (табл. 2.5), что, в свою очередь, позволило определить вклад эффекта от глобализации в интеграционные процессы частей субглобальной экономики.

Таблица 2.4

Результаты оценки эффектов от заключения торговых соглашений по макрозонам АТР в рамках эффекта от регионализации по моделям (2.7–2.9)

Переменная	Прямые эффекты от торговых соглашений		Накопленные эффекты от торговых соглашений		Эффекты от пролиферации торговых соглашений			
					для стран-экспортеров		для стран-импортеров	
	1	2	1	2	1	2	1	2
<i>FTA</i>	0,09** (0,04)	0,08*** (0,05)	–	–	0,11** (0,05)	0,07 (0,05)	0,11** (0,04)	0,07 (0,05)
<i>FTA(cumul)</i>	–	–	0,12** (0,06)	-0,05 (0,07)	–	–	–	–
<i>FTA(exp) / FTA(imp)</i>	–	–	–	–	0,30* (0,06)	0,30** (0,14)	0,23* (0,06)	0,32** (0,13)
<i>INTL₁₉₉₄</i>	-0,43* (0,07)	-0,45* (0,03)	-0,42* (0,07)	-0,59* (0,06)	-0,21* (0,08)	-0,45* (0,03)	-0,26* (0,08)	-0,45* (0,03)
<i>INTL₁₉₉₈</i>	-0,47* (0,07)	-0,32* (0,03)	-0,45* (0,07)	-0,41* (0,05)	-0,25* (0,07)	-0,32* (0,03)	-0,30* (0,07)	-0,32* (0,03)
<i>INTL₂₀₀₂</i>	-0,32* (0,06)	-0,20* (0,03)	-0,31* (0,06)	-0,21* (0,03)	-0,11 (0,07)	-0,20* (0,03)	-0,16** (0,07)	-0,20* (0,03)
<i>INTL₂₀₀₆</i>	-0,09** (0,04)	-0,15* (0,03)	-0,08*** (0,05)	-0,16* (0,03)	-0,04 (0,04)	-0,15* (0,03)	-0,05 (0,04)	-0,15* (0,03)
<i>INTL₂₀₁₀</i>	-0,05 (0,04)	-0,10* (0,03)	-0,04 (0,04)	-0,11* (0,03)	-0,01 (0,04)	-0,10* (0,03)	-0,02 (0,04)	-0,10* (0,03)
<i>INTL₂₀₁₄</i>	0,05 (0,04)	-0,05*** (0,03)	0,06 (0,04)	-0,05** (0,03)	0,06*** (0,04)	-0,05*** (0,03)	0,06*** (0,04)	-0,05*** (0,03)
Константа	-2,52* (0,72)	2,82* (0,31)	7,11* (0,18)	-2,42* (0,32)	-5,36* (0,33)	-0,84* (0,29)	-13,54* (0,36)	-0,86* (0,29)
<i>Pseudo R²</i>	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99

Примечание: * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,10$. 1 – Западная макрозона АТР, 2 – Восточная макрозона АТР. В скобках указаны значения стандартных ошибок. Базовым годом для переменной *INTL* является 2018 г. Оценки полученных фиксированных эффектов в таблице не приводятся для лаконичности изложения.

Источник: расчеты автора.

Таблица 2.5

Результаты оценки эффектов от заключения торговых соглашений по макрозонам АТР в рамках общего эффекта интеграции по моделям (2.4–2.6)

Переменная	Прямые эффекты от торговых соглашений		Накопленные эффекты от торговых соглашений		Эффекты от пролиферации торговых соглашений			
					для стран-экспортеров		для стран-импортеров	
	1	2	1	2	1	2	1	2
<i>FTA</i>	0,28* (0,04)	0,26* (0,05)	–	–	0,15* (0,04)	0,25* (0,05)	0,16* (0,04)	0,25* (0,05)
<i>FTA(cumul)</i>	–	–	0,37* (0,05)	0,45* (0,05)	–	–	–	–
<i>FTA(exp) / FTA(imp)</i>	–	–	–	–	0,48* (0,05)	0,65* (0,14)	0,44* (0,05)	0,66* (0,13)
Константа	-3,50* (0,34)	-1,21* (0,20)	-10,91* (0,56)	5,08* (0,11)	-3,33* (0,42)	2,33* (0,29)	-13,83* (0,37)	8,24* (0,21)
<i>Pseudo R²</i>	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99

Примечание: * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$. 1 – Западная макрозона АТР, 2 – Восточная макрозона АТР. В скобках указаны значения стандартных ошибок. Оценки полученных фиксированных эффектов в таблице не приводятся для лаконичности изложения.

Источник: расчеты автора.

Полученные оценки указывают на то, что в рамках Западной макрзоны АТР к 2010-м гг. произошло исчерпание вклада процесса глобализации в рост торговли¹. В рамках Восточной макрзоны АТР, напротив, на протяжении двух с половиной десятилетий влияние процесса глобализации не ограничивается, поскольку параметр $INTL(T)$ был статистически значимым для всех анализируемых лет, постепенно снижая барьеры в торговле между странами данной макрзоны, но заметно медленнее, чем в Западной макрзоне АТР.

Результаты положительного влияния проявления эффекта глобализации на торговлю стран, заключивших торговые соглашения, как для АТР в целом, так и для Западной и Восточной макрзон АТР в частности, подтверждаются соотношением оценок в таблицах 2.4 и 2.5, которые были приведены к сопоставимому виду (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Декомпозиция эффектов интеграции по макрзонам АТР

Декомпозиция эффектов интеграции	Макрзона АТР	Эффекты заключения торговых соглашений							
		Прямой эффект от торговых соглашений		Накопленный эффект от торговых соглашений		Эффект от пролиферации торговых соглашений			
						для стран-экспортеров		для стран-импортеров	
		1	2	1	2	1	2	1	2
Общий эффект интеграции	Западная макрзона	32,3 [100,0]	-6,8	44,1 [100,0]	-8,7	61,4 [100,0]	-11,3	55,1 [100,0]	-10,4
	Восточная макрзона	30,3 [100,0]	-6,4	57,4 [100,0]	-10,7	92,1 [100,0]	-15,1	94,0 [100,0]	-15,3
эффект от регионализации	Западная макрзона	9,9 [30,6]	-2,3	12,6 [28,6]	-2,9	35,5 [57,8]	-7,3	26,2 [47,4]	-5,6
	Восточная макрзона	8,4 [27,6]	-2,0	–	–	35,0 [38,0]	-7,2	38,1 [40,6]	-7,8
эффект от глобализации	Западная макрзона	22,4 [69,4]	-4,9	31,5 [71,4]	-6,6	25,9 [42,2]	-5,6	29,0 [52,6]	-6,2
	Восточная макрзона	21,9 [72,4]	-4,8	57,4 [100,0]	-10,7	57,2 [62,0]	-10,7	55,8 [59,4]	-10,5

Примечания. 1 – изменение взаимной торговли, в %, т. е. $[e^{\hat{\beta}_{FTA}} - 1] \times 100$; 2 – адвалорный эквивалент барьеров в торговле, в %, т. е. $[e^{\hat{\beta}_{FTA}/(1-\theta)} - 1] \times 100$, при $\theta=5$. Эффект от глобализации оценен как разница между общим эффектом от интеграции и эффектом от регионализации. В квадратных скобках указан вклад эффектов от глобализации и регионализации в общий эффект от интеграции, в %.

Источник: расчеты автора.

Расчеты показали, что заключение торговых соглашений между странами Западной макрзоны АТР приводило к увеличению их торговли на 32,3% и к сокращению торговых барьеров на 6,8%, между странами Восточной макрзоны АТР – на 30,3% и на 6,4% соответственно. Прямой эффект от торговых соглашений как в АТР в целом, так и в макрзонах субглобальной экономики генерировался преимущественно процессом глобализации, указывая на то, что глобальный формат интеграции является основным элементом для снижения барьеров в торговле и ее активизации в долгосрочном периоде, способствуя положительному проявлению

¹ Отсутствие статистической значимости $INTL$ для 2010 г. и 2014 г. для Западной макрзоны АТР.

нию регионализации в АТР, нивелируя, таким образом, негативные эффекты закрытых торговых блоков.

Полученная оценка накопленных эффектов от торговых соглашений указала на большой вклад процесса глобализации в наращивание торговли в АТР, особенно для Восточной макрзоны. С точки зрения вклада процесса регионализации заключенные в прошлом торговые соглашения способствовали увеличению торговли для АТР в целом и для Западной макрзоны в частности. В рамках Восточной макрзоны АТР воздействие заключенных в прошлом торговых соглашений сдерживало позитивные прямые эффекты от торговых соглашений, что объясняет отсутствие прогресса в росте товарооборота между странами по причине генерации эффекта отклонения торговли в рамках данной макрзоны, поскольку, по всей видимости, заключенные торговые соглашения в целом имели неэкономические мотивы.

Выявлено, что политика по пролиферации ЗСТ способствовала гораздо большему увеличению торговли в рамках Восточной макрзоны АТР по сравнению с Западной макрзоной по причине того, что преимущества по расширению экспорта получили лишь некоторые страны. При этом процесс глобализации превалировал над процессом регионализации при пролиферации торговых соглашений исключительно для стран Восточной макрзоны АТР и был почти в два раза сильнее, чем для стран Западной макрзоны АТР. В свою очередь, для экономик, осуществляющих практику расширения торговых соглашений в Западной макрзоне АТР, а также, вероятно, на уровне взаимодействий между макрзонами АТР, влияние процесса регионализации на расширение торговли, напротив, для стран-экспортеров было превалирующим.

В рамках процесса регионализации в Западной макрзоне эффект от пролиферации торговых соглашений для стран-экспортеров был заметно выше, чем для стран-импортеров. Данное обстоятельство может отражать проявление эффекта домино, а также особенности механизма производственных сетей или вертикальной торговли между большинством стран Западной макрзоны. Для стран Восточной макрзоны, напротив, в рамках процесса регионализации эффект от пролиферации торговых соглашений для стран-импортеров был выше, чем для стран-экспортеров, что может указывать на проявление эффекта отклонения торговли за счет получения преимуществ по расширению экспорта лишь некоторыми странами.

Принципиальным моментом, по всей видимости, является качество заключенных торговых соглашений, от которого зависят непосредственные эффекты торговой интеграции. Соответственно, в рамках Восточной макрзоны положительные эффекты от глобализации компенсировали в целом неоднозначное влияние эффектов от регионализации, что может быть связано с кризисными явлениями в интеграционных проектах, заключенных в 1960-х – 1990-х гг., в основе

создания которых лежали скорее политические мотивы¹. Однако это вовсе не означает отсутствие для экономик Восточной макрзоны возможностей по расширению внутризональной торговли, поскольку страны, подписавшие ЗСТ на экономической основе, добились заметного увеличения торговых взаимодействий, особенно для экспорта (например, Чили, которая расширяет количество заключенных ЗСТ как со странами Восточной, так и Западной макрзон АТР).

Полученные оценки дают основание утверждать, что за 1994–2018 гг. процесс глобализации как в АТР в целом, так и в рамках Западной макрзоны являлся необходимым условием для расширения торговли, а процесс регионализации играл важную вспомогательную роль. В Восточной макрзоне расширение торговли происходило исключительно за счет процесса глобализации. Возможно, этим определяются неуспешные попытки создания торговых мегаформатов в рамках Восточной макрзоны.

Таким образом, было определено, что интеграционные процессы в АТР в долгосрочном периоде оказывали положительное влияние на торговлю стран субглобальной экономики, заключивших торговые соглашения, генерируя для них эффект создания торговли. В долгосрочном периоде наблюдалось постепенное снижение торговых барьеров между странами АТР как за счет процесса глобализации, так и регионализации, приведшее к увеличению торговли в субглобальной экономике. Полученные оценки указали на то, что эффект от глобализации в симбиозе с эффектом от регионализации способствовал заметному увеличению общего эффекта от интеграции в АТР. В долгосрочном периоде вклад эффекта от глобализации в общий эффект от интеграции между странами АТР был выше, чем от регионализации, это, в свою очередь, дает основание утверждать, что для вовлеченных в интеграционные процессы стран АТР общий положительный эффект преимущественно достигался благодаря распространению практики мультilaterализма, которая проявлялась в общей либерализации тарифно-таможенного регулирования и снижении нетарифных барьеров в субглобальной экономике, сформировав основу для дальнейшего адресного расширения эффектов от торговых соглашений. В результате эффекты от глобализации более чем вдвое увеличивали общий эффект от интеграции для стран АТР, заключивших торговые соглашения.

Другая реакция была обнаружена для стран АТР, осуществляющих пролиферацию торговых соглашений. Для данных стран эффект от регионализации, наоборот, превалировал над эффектом от глобализации. Исходя из этого, можно заключить, что эффект «чаши спагетти» оказывал незначительное воздействие на торговлю стран АТР, объясняя, таким образом, практику увеличения количества ЗСТ+ в субглобальной экономике, которая, в свою очередь, проявлялась в эко-

¹ Яковлев П. Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 94–103.

номическом эффекте домино. Оценки подтвердили то обстоятельство, что страны, не участвующие в производственной кооперации в АТР (например, Чили) за счет пролиферации торговых соглашений осуществляли наращивание и диверсификацию экспортных потоков. Страны, которые не осуществляли внешнеэкономическую политику по пролиферации торговых соглашений в АТР, могли рассчитывать только на эффект от глобализации¹, который, как показали оценки, себя исчерпывает, создавая риски для последующей дискриминации со стороны интегрированных групп стран. При этом, с одной стороны, не предполагающая снижения барьеров в рамках современного регионализма внешнеэкономическая политика осуществляется в интересах ограниченных групп² и проявляется в смещении в сторону протекционизма, снижая благосостояние национальных потребителей и конкурентоспособность производителей, что приводит к уменьшению присутствия на глобальном и субглобальных рынках товаров. С другой стороны, важным аспектом является «разборчивость» при заключении торговых соглашений, от которой зависит проявление положительных эффектов от интеграции, поскольку подписанные торговые соглашения могут быть недостаточно эффективными.

Важным следствием вышеприведенного анализа эффективных с экономической точки зрения тенденций и форм интеграции в АТР для России является базирование интеграционной стратегии на использовании механизма «расширения» крупных торговых интеграционных форматов за счет новых стран-участниц. С этой точки зрения, прежде чем перейти непосредственно к оценке предполагаемых эффектов от интеграции для России, необходимо определить особенности формирования торговых мегаформатов в АТР и выявить вызовы для интеграции в субглобальной экономике в связи с процессами «консолидации» и «расширения» торгово-экономических блоков.

2.3. Торговые мегаформаты в АТР: структурные соотношения, динамические проявления и перспективы сближения

Предпосылками для формирования торговых мегаформатов в АТР являлось общее понимание необходимости придания динамизма интеграционным процессам в субглобальной экономике за счет гармонизации подписанных соглашений и выработки общей политики по дальнейшему углублению торгово-экономических взаимосвязей и оперативному разрешению различного рода противоречий.

Резкая активизация роли США в начале 2010-х гг. в интеграционных процессах первоначально внесла серьезные коррективы в инерционное расширение торговых соглашений в АТР, создав предпосылки для формирования торговых мегаформатов. Данный процесс, как казалось на начальном этапе, с одной стороны,

¹ В том случае, если данные страны являются членами ВТО.

² Rodrik D. What Do Trade Agreements Really Do? // Journal of Economic Perspectives. 2018. Vol. 32. Issue 2. Pp. 73–90.

мог выступить в качестве источника явной дискриминации ряда стран в АТР, с другой – мог стать примером успешной модели экономической интеграции.

Впоследствии США приостанавливают свое участие в создании ТТП, и в 2018 г. было заключено ВПТТП в формате ЗСТ+ за исключением американской экономики. ВРЭП было подписано в конце 2020 г. за исключением Индии. В стадии переговоров между странами-участницами находится ЗСТ в рамках форума АТЭС. При этом нельзя исключать, что в случае изменения вектора внешнеэкономической политики США в перспективе могут присоединиться к формату ВПТТП, а к ВРЭП – Индия (рис. 2.5).



Рис. 2.5. Существующие (ВПТТП, ВРЭП) и перспективный (АТЭС) торговые мегаформаты в АТР

Примечание: * – США вышли из ТТП в январе 2017 г.; ** – индийская сторона отложила подписание соглашения о вхождении во ВРЭП в 2020 г., при этом в исследовании Индия рассматривается как потенциальный участник мегаформата. В данном контексте АТЭС синонимично Азиатско-Тихоокеанской ЗСТ.

Торговый мегаформат *ВПТТП* является производной формой ТТП, заключенного в 2016 г. Переговоры по расширению формата Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства, заключенного Новой Зеландией, Сингапуром, Чили и Брунеем, были инициированы США в 2008 г. За сравнительно короткий срок (к началу 2016 г.) было заключено соглашение о создании ТТП, в которое вошли следующие страны: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония. Соглашение предполагало поэтапную значительную либерализацию торговли и инвестиций в рамках «глубокой» интеграции, устанавливая¹: стандарты для защиты прав интеллектуальной собственности и наемных работников; соблюдение экологических

¹ Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R. The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief / Congressional Research Service. 2016. February. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf> (дата обращения: июль 2020).

норм, режима недискриминационного доступа к национальным рынкам; более жесткие правила определения происхождения товаров; ограничения в субсидировании экспорта государственных предприятий. Безусловным лидером в ТТП являлись США, которые осуществляли попытку создания самодостаточного субглобального торгового блока, исключая Китай. Тем не менее в начале 2017 г. президент США Д. Трамп подписал указ о выходе страны из ТТП, которое он расценил как одну из главных угроз национальной экономике¹.

Вполне возможно, что главной причиной выхода США из ТТП являлось усиление конкуренции между различными заинтересованными группами интересов в американской экономике и политике. Как правило, правительство США осознает, что свободная торговля является оптимальной политикой в долгосрочной перспективе, но в краткосрочном периоде руководствуется требованиями групп лоббирования². Вполне возможно, что США не заинтересованы в дальнейшем обострении отношений с КНР и готовят какие-либо совместные инициативы с китайской стороной. Таким образом, приостановка вхождения в ТТП американской экономики изменила саму логику нарастающей экономической конфронтации в АТР, связанную с частичной изоляцией Китая. Остальные одиннадцать стран не изъявили желания приостановить участие в ТТП, что означает дальнейшее развитие торгово-экономических взаимодействий между ними, но уже при косвенном участии США. В итоге оставшиеся страны подписали создание ВПТТП на основе ТТП, которое вступило в силу 30 декабря 2018 г.

Изначально страны, входящие в ТТП (ВПТТП+США), охватывали более трети экономики и более четверти торговли мира, более половины экономики и торговли АТР, притом, что в ВПТТП+США проживало немногим более десятой части населения мира и чуть более четверти в АТР. С выходом США из ТТП доли нового формата – ВПТТП – существенно сократились: почти в три раза в глобальной и субглобальной экономиках, почти в два раза – в торговле и населении (по сравнению с ТТП) (*табл. 2.7*).

Тем не менее не следует недооценивать формат ВПТТП, поскольку в его состав входят в основном развитые экономики. Вполне возможно, что соглашение о ВПТТП может способствовать организации сложных производственных сетей на субглобальном уровне и упорядочить отдельные торговые сделки между участниками. Безусловным лидером объединения выступает третья в мире экономика – Япония. В связи с заключением Японией соглашения о создании ЗСТ / ЗСТ+ с ЕС в 2019 г. вполне возможно дальнейшее распространение данного формата на ВПТТП в целом. Также нельзя исключать, что после смены президента США, ко-

¹ Withdrawal from Trans-Pacific Partnership Shifts U.S. Role in World Economy // The Washington Post. 2017. 23 January. URL: https://www.washingtonpost.com/business/economy/withdrawal-from-trans-pacific-partnership-shifts-us-role-in-world-economy/2017/01/23/05720df6-e1a6-11e6-a453-19ec4b3d09ba_story.html?utm_term=.7c2694fc3baa (дата обращения: июль 2020).

² Rodrik D. What Do Trade Agreements Really Do? // Journal of Economic Perspectives. 2018. Vol. 32. Issue 2. Pp. 73–90.

торая состоялась в 2021 г., американская сторона выступит с инициативой присоединения к ВПТТП.

Таблица 2.7

Соотношения долей торговых мегаформатов в размере экономики, численности населения и масштабах торговли в мире и АТР, %

Показатель	Мегаформат	1995	2000	2005	2010	2015	2018
ВВП	ВПТТП	23,2/40,9	21,1/34,8	17,2/30,6	16,3/28,9	13,1/21,6	13,0/21,2
	ВПТТП+США	47,8/84,3	51,4/84,6	44,6/79,3	39,0/69,2	37,4/61,9	37,2/60,7
	ВРЭП	26,7/45,0	24,4/37,8	22,4/36,6	27,2/43,8	30,8/46,3	32,2/47,3
	АТЭС	56,1/98,9	60,2/99,0	55,6/98,8	55,4/98,4	59,5/98,3	60,3/98,3
Население	ВПТТП	7,1/15,4	7,0/15,5	6,9/15,6	6,8/15,7	6,7/15,8	6,6/15,9
	ВПТТП+США	11,8/25,6	11,6/25,8	11,4/26,0	11,3/26,2	11,1/26,3	10,9/26,3
	ВРЭП	50,2/72,8	50,0/72,8	49,5/72,7	48,9/72,5	48,2/72,4	47,7/72,3
	АТЭС	43,0/93,7	42,1/93,5	41,0/93,3	40,0/93,1	39,1/93,0	38,6/92,9
Торговля	ВПТТП	20,1/46,5	19,3/44,6	16,6/41,0	15,9/38,7	15,6/35,3	14,6/32,9
	ВПТТП+США	34,4/75,2	34,8/75,2	29,2/67,4	26,4/60,6	27,1/58,0	25,5/54,3
	ВРЭП	23,1/49,2	21,8/44,9	23,7/51,4	28,1/57,7	30,2/57,0	29,9/55,7
	АТЭС	45,0/98,9	46,7/99,0	44,3/98,6	45,5/98,1	48,6/97,8	48,9/98,6

Примечания. В ячейках по каждому торговому мегаформату по основным показателям указана: доля в мире / доля в АТР. ВРЭП рассматривается с учетом Индии, при этом доли соответствующих показателей ВРЭП в АТР указаны без ее учета, поскольку данная страна территориально не относится к АТР.

Источник: рассчитано по: UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>; World Economic Outlook Database / IMF. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/April>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Концептуальное положение о создании *ВРЭП* изначально базируется на расширении масштабов торгово-экономических взаимодействий в рамках существующей ЗСТ объединения АСЕАН+6. Вероятно, первой попыткой построения торгового мегаформата в АТР следует считать создание АСЕАН. Однако отсутствие явно выраженного экономического лидера в данном объединении стран, а также долгое принятие решения по расширению данного формата за счет подключения к нему соседних крупных экономик не способствовало оперативному созданию крупного интеграционного соглашения. С 2012 г. по 2020 г. ВРЭП находилась в статусе согласования интересов потенциальных участников¹: стран АСЕАН, Австралии, Индии, Новой Зеландии, КНР, Республики Корея и Японии. Условия присоединения к ВРЭП являются менее требовательными, в отличие от ВПТТП и ТТП². Несмотря на то, что впоследствии Индия отложила принятие окончательного варианта соглашения, поскольку у нее остались нерешенными многие вопросы, связанные с дальнейшей либерализацией внешнеторгового регулирования³, тем не менее нельзя исключать последующее присоединение индийской стороны к ВРЭП. В этом случае ВРЭП по масштабам экономики и торговли будет сопоставим с ВПТТП+США, превосходя ВПТТП по размеру экономики более чем в два раза, по торговле – в два раза (см. *табл. 2.7*).

¹ Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) / Asia Regional Integration Center. 2019. URL: <https://aric.adb.org/fta/regional-comprehensive-economic-partnership> (дата обращения: июль 2020).

² Подробно: Хейфец Б.А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. СПб.: АЛТЕЯ, 2019. 288 с.

³ Modi Was Right. India Isn't Ready for Free Trade // Foreign Policy. 2019. 19 November. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/19/modi-pull-out-rcep-india-manufacturers-compete-china/> (дата обращения: июль 2020).

Основной движущей силой данного торгового мегаформата, вероятно, на первом этапе будет являться Китай, который осуществлял активные усилия для скорейшего заключения ВРЭП между странами-участницами. Если в перспективе индийская сторона примет решение присоединиться к ВРЭП, то в рамках данного формата будут состоять две крупнейшие по демографическому потенциалу страны мира – Китай и Индия, в итоге по численности населения ВРЭП превысит ВПТТП более чем в семь раз, а ВПТТП+США – более чем в четыре раза. Вероятно, что при дальнейшем сокращении нетарифных ограничений между странами ВРЭП объемы торгово-экономических взаимодействий между участниками в перспективе могут быть выше, чем в случае ВПТТП+США, по причине высоких темпов роста крупных развивающихся экономик ВРЭП.

Перспективным мегаформатом в АТР является ЗСТ на основе форума АТЭС. Идея о заключении общего торгового мегаформата в АТР появилась в начале 1990-х гг. Предполагалось, что в перспективе может быть заключено всеобщее торгово-экономическое интеграционное соглашение, к которому смогло бы присоединиться подавляющее большинство экономик АТР. С этой целью в 1990-е гг. был сформирован форум АТЭС, действующий как международный консультативный орган, в который входит большинство стран АТР с целью расширения и углубления многостороннего торгового и инвестиционного сотрудничества. В 2006 г. странами, входящими в АТЭС, была начата разработка торгового соглашения¹, а в 2010 г. озвучены направления, которых следует придерживаться при возможном создании ЗСТ между странами-членами: создание условий по свободному и открытому перемещению товаров и капитала; смягчение нетарифных ограничений и прочих торговых барьеров. Ожидается², что при определенных условиях в долгосрочной перспективе может быть создана ЗСТ между странами, входящими в АТЭС, которая будет крупнейшей в мире, охватывая более половины глобальной экономики, чуть менее половины торговли и почти 40% мирового населения.

Одним из индикаторов динамического проявления торговой интеграции между странами является снижение импортных пошлин и рост товарооборота между ними. Инерционный процесс либерализации внешнеторгового регулирования в рамках мегаформатов наблюдается с начала 2000-х гг. К 2014 г. средневзвешенная импортная пошлина стран ВПТТП и ВПТТП+США характеризовалась более низкими значениями по сравнению с ВРЭП и АТЭС, вероятно, по причине завершения переговоров по созданию ЗСТ+ в рамках ТТП, главной целью которых было снижение тарифных мер и смягчение нетарифных ограничений (*рис. 2.6*).

¹ The Beijing Roadmap for APEC's Contribution to the Realization of the FTAAP / APEC. 2019. URL: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexa.aspx (дата обращения: июль 2020).

² Bergsten C.F., Noland M., Schott J.J. The Free Trade Area of the Asia-Pacific: A Constructive Approach to Multilateralizing Asian Regionalism / ADBI. Working Paper 336. 2011. 23 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156191/adbi-wp336.pdf> (дата обращения: июль 2020).

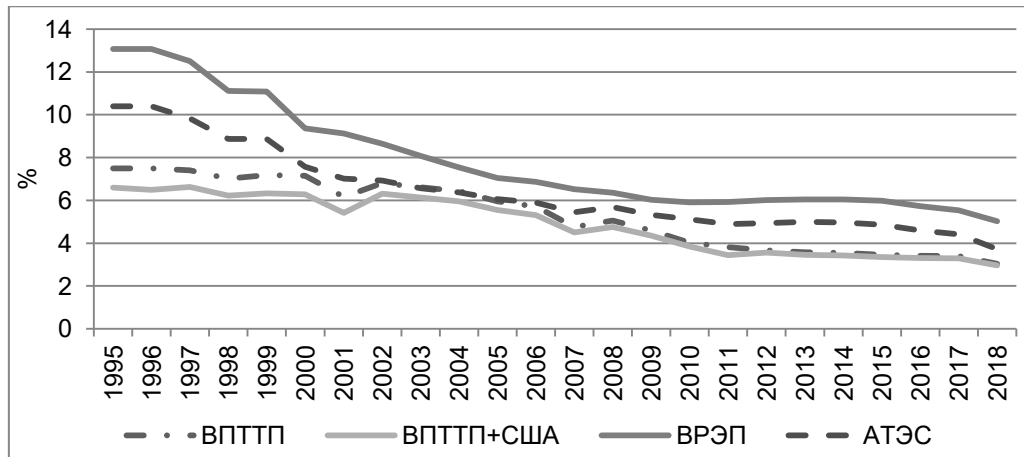


Рис. 2.6. Средневзвешенная импортная пошлина в рамках мегаформатов АТР

Источники: рассчитано по: Tariff data by Country / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en>; Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Возможно, заключенное соглашение между странами ВПТТП будет стимулировать рост торговли между ними, который за последнее время был незначительным, поскольку главными рынками сбыта стран ВПТТП являются страны, не входящие в соглашение: США и КНР. С 2009 г. товарооборот между странами, отнесенными к ВРЭП (с учетом Индии), превышает объем торговли между странами ВПТТП+США (рис. 2.7).

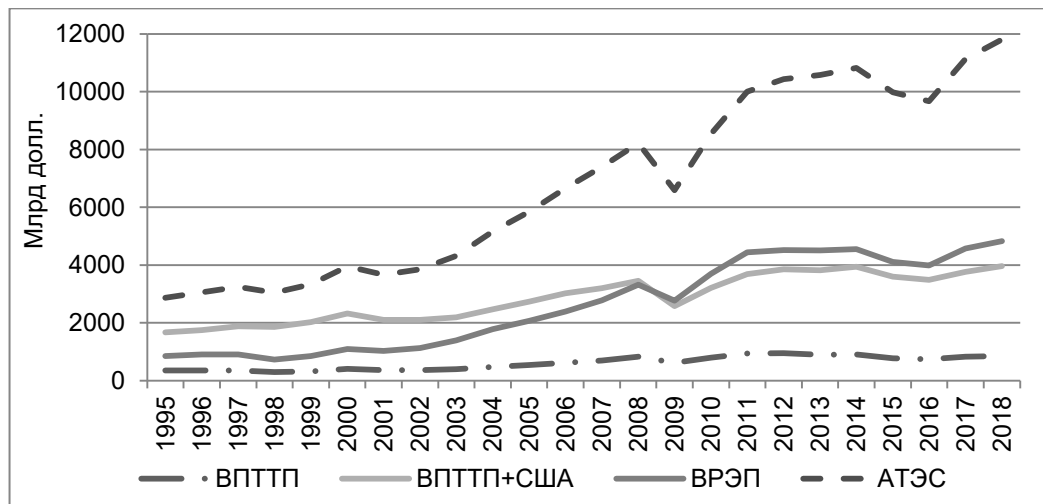


Рис. 2.7. Товарооборот внутри мегаформатов АТР

Источники: рассчитано по: Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Товарооборот внутри обозначенных торговых мегаформатов АТР за последние годы характеризуется видимой тенденцией к росту только в рамках АТЭС, главным образом по причине расширения масштабов торговли между США и КНР. Данное обстоятельство подтверждает выводы ряда исследований, что в случае

снижения торговых барьеров между Китаем и США в рамках двух- или многосторонних форматов объем торговли в АТР может заметно увеличиться¹.

Несмотря на потенциальные выгоды от расширения торговой интеграции, имеется ряд вызовов, препятствующих сближению экономических систем в АТР².

Первый вызов заключается в слабо прогнозируемой политике администрации США, текущие решения которой создают значительные трудности для предположения того, каким будет будущий тренд интеграционных процессов в АТР. Возможно, будет продолжаться несистемная либерализация экономических отношений на двустороннем уровне. Также нельзя исключать столь же резкого изменения позиции администрации США относительно переговоров по созданию ЗСТ+ с ВПТТП. Если отталкиваться от данного развития событий, то в долгосрочном периоде будут созданы предпосылки для расширения ВПТТП за счет всех стран АСЕАН. В этом случае последующее перспективное заключение Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства способно выступить в роли связующего звена последующей интеграции между экономиками ЕС и ВПТТП+США. Исходя из этого, торговое соглашение между европейскими странами и странами ВПТТП+США, а не создание ЗСТ в рамках АТЭС, следует рассматривать как глобальный торгово-экономический формат «ВТО 2.0»³ при условии взаимного укрепления производственно-технических связей.

Второй вызов имеет системную природу и заключается в отсутствии готовности руководства тех или иных стран АТР, помимо общей либерализации торговых взаимосвязей, осуществлять дальнейшие структурные и институциональные преобразования в экономике в привязке к стандартам развитых стран. В силу неготовности китайской стороны осуществлять такие преобразования, а также радикально сокращать нетарифные ограничения в торговле, КНР в обозримой перспективе не сможет достичь стандартов формата ВПТТП⁴.

Третий вызов заключается в одновременном участии целой группы стран АТР в ВПТТП и ВРЭП, которое может поставить данные экономики перед конкурентным выбором более выгодного формата торговых взаимодействий. Возможно, в рамках ВРЭП следует ожидать серьезной конкуренции за лидерство между Японией и КНР, а в дальнейшем – между Китаем и Индией в случае ее присоеди-

¹ Li C., Wang J., Whalley J. Numerical General Equilibrium Analysis of China's Impacts from Possible Mega Trade Deals / NBER. Working Paper 20425. 2014. 53 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w20425> (дата обращения: октябрь 2020); Petri P.A., Plummer M.G., Zhai F. The TPP, China and the FTAAP: The Case for Convergence // New Directions in Asia-Pacific Economic Integration / Ed. by G. Tang, P.A. Petri. East-West Center, 2014. Pp. 78–89.

² Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: структурные особенности и динамические проявления // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. № 3. С. 86–100.

³ Natatomi M. Global Value Chain Governance in the Era of Mega FTAs and a Proposal of an International Supply Chain Agreement. 2013. 13 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/en/special/policy-update/050.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Williams B.R. The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications / Congressional Research Service. 2016. 18 p. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdf> (дата обращения: июль 2020).

нения. Некоторые исследования¹ показывают, что для успеха торгового объединения в рамках ВРЭП необходимо²: снизить нетарифные ограничения в торговле; увеличить охват товарных групп, на которые будет распространено обнуление импортных пошлин (до 95% их общего числа); выработать единые правила определения происхождения товаров.

Четвертый вызов касается возможного американо-китайского противостояния (глобальный дуализм) в долгосрочной перспективе, которое возможно рассматривать как один из факторов формирования двух взаимоисключающих с точки зрения совместного участия США и КНР торговых форматов, что приведет к фрагментации экономики АТР, не соответствуя интересам крупных субглобальных экономик³. Мотивы поведения американской стороны некоторые исследователи⁴ связывают с реализацией стратегической цели США в создании барьеров, сдерживающих развитие экономики КНР, что не отрицает достижения между американской и китайской сторонами промежуточных компромиссов в рамках торгово-экономического сотрудничества. При этом американо-китайское торговое противостояние способно вызвать отрицательные последствия для глобальной экономики в целом⁵. Тем не менее американская сторона не проявляет интереса к созданию ЗСТ с ВРЭП. В случае изменения позиции администрации США в перспективе к ВПТТП могут присоединиться, помимо США, страны АТР, объявившие ранее о заинтересованности к членству в данной организации – Индонезия, Колумбия, Республика Корея, Таиланд, Тайвань и Филиппины⁶, в некоторой степени изолируя китайскую экономику. Необходимо осознавать, что создание ВПТТП+США способно ослабить взаимозависимость между США и КНР, поскольку в рамках данного объединения преимущество на американском рынке могут получить страны, продукция из которых станет более конкурентоспособной по сравнению с китайской (например, Вьетнам).

Предполагалось, что в среднесрочной перспективе между США и КНР торговые отношения будут упорядочены в рамках подписанного соглашения или мас-

¹ Fukunaga Y., Isono I. Taking ASEAN+1 FTAs Towards the RCEP: A Mapping Study / ERIA. Discussion Paper Series ERIA-DP-2013-02. 2013. January. 38 p. URL: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2013-02.pdf> (дата обращения: июль 2020).

² Cadot O., Ing L.Y. Non-Tariff Measures and Harmonisation: Issues for the RCEP / ERIA. Discussion Paper Series. ERIA-DP-2015-61. 2015. September. 47 p. URL: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2015-61.pdf> (дата обращения: июль 2020).

³ Федоровский А. Корейский кризис и региональные процессы в Северо-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 1. С. 51; Федоровский А., Швыдко В. Взаимодействие Республики Корея и Японии с Китаем: возможности, риски и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 128.

⁴ См. например: Королев И.С. Американоцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты) // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН: сетевой журнал*. 2020. № 1. С. 17.

⁵ Островский А.В. Экономическое противостояние США и Китая: кто победит? // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2020. № 2. С. 6–19.

⁶ Далее в исследовании рассматривается как ТТП в расширенном формате или ТТП+.

штабной сделки, удовлетворяющей обе стороны¹. Процесс частичной изоляции китайской экономики, начатый при американском президенте Б. Обаме, при Д. Трампе был не столь выражен. В свою очередь, политика нового американского президента Д. Байдена по отношению к КНР будет зависеть, вероятно, во многом от восстановления американской экономики вследствие глобальной пандемии 2020–2021 гг.²

Несмотря на непростые американо-китайские отношения, с каждым годом возрастает масштаб экономических связей между ними. Китай для США становится одним из главных по значению экспортным рынком и основным местом для размещения инвестиций за рубежом, и наоборот. Похоже, что две крупнейшие экономики АТР и мира могут в перспективе построить еще более тесные взаимоотношения. С этой точки зрения нельзя исключать возможное сближение различных форматов через создание общего интеграционного объединения³. В случае расхождения интересов между США и Китаем⁴ создание ЗСТ между странами АТЭС может выступить в качестве компенсаторного механизма, гармонизирующего торгово-экономические связи в АТР. При этом по причине большего масштаба наибольший потенциал совокупного наращивания торговли в АТР может быть генерирован созданием ЗСТ+ в рамках АТЭС⁵, однако полномасштабного развития данная инициатива не получила⁶.

Создание крупных торговых форматов в АТР, способных полностью абсорбировать многочисленные торговые соглашения в субглобальной экономике в рамках механизма «консолидации», несмотря на ряд попыток, пока не увенчалось успехом в силу принципиальных разногласий между потенциальными странами-участницами. Обсуждение и создание различных торговых форматов, с одной стороны, генерирует процесс системной фрагментации в АТР, с другой – создает условия для дальнейшей либерализации торговли, с точки зрения снижения нетарифных барьеров, в какой-то мере дополняя функции ВТО. Создание крупных торговых форматов в АТР происходит на основе сочетания механизмов «консолидации» и «расширения». В текущее время в АТР сложилось два качественно разных с точки зрения «глубины» снижения барьеров и «широты» охвата рынков

¹ Trump Signs China Trade Pact and Boasts of 'the Biggest Deal Ever Seen' // The Guardian. 2020. 15 January. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/jan/15/us-china-trade-deal-donald-trump> (дата обращения: июль 2020).

² Коган Е. Байден и Китай. Как смена президента США повлияет на противостояние двух стран // Ведомости. 2020. 9 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/09/846321-baiden-kitai> (дата обращения: октябрь 2020).

³ Hamanaka S. Trans-Pacific Partnership versus Comprehensive Economic Partnership: Control of Membership and Agenda Setting / ADB. Working Paper Series on Regional Economic Integration No. 146. 2014. 39 p. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/152753/reiwp-146.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Menon J. From Spaghetti Bowl to Jigsaw Puzzle? Fixing the Mess in Regional and Global Trade // Asia & the Pacific Policy Studies. 2014. Vol. 1. Issue 3. Pp. 470–483.

⁵ Petri P.A., Abdul-Raheem A. Can RCEP and the TPP be Pathways to FTAAP? / SSRN. 2014. 21 p. URL: <http://ssrn.com/abstract=2513893> (дата обращения: июль 2020).

⁶ Федоровский А.Н. Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 12.

торговых мегаформата: ВПТТП и ВРЭП. С точки зрения критериев, предъявляемых к масштабу снижения барьеров между странами, ВРЭП относится скорее к проекту «поверхностной» интеграции, поскольку затрагивает главным образом снижение тарифных барьеров, охватывая около 90% тарифных линий, и части нетарифных ограничений, только предусматривая создание единого сертификата правил происхождения товаров и защиту прав интеллектуальной собственности.

ВПТТП имеет другую природу, поскольку предполагает «глубокую» интеграцию между странами, предполагая нивелирование тарифных барьеров почти 100% наименований торгуемых товаров, а также существенную поэтапную либерализацию торговли, инвестиций и в определенной мере рынка труда, декларируя стандарты для защиты прав интеллектуальной собственности и наемных работников, требуя соблюдения экологических норм, режима недискриминационного доступа к национальному рынку, устанавливая более жесткие правила определения происхождения товаров, жесткую дисциплину ограниченного участия в стимулировании внешней торговли государственных предприятий и их субсидирования¹.

Вхождение некоторых стран ВПТТП (Австралия, Бруней, Вьетнам, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и Япония) во ВРЭП объясняется главным образом экономическими мотивами², поскольку для данных стран этот шаг означает снижение барьеров для взаимодействий, прежде всего с Китаем и Республикой Корея, а в перспективе – с Индией. Поэтому, с одной стороны, речь идет о различиях в структуре эффектов, поскольку ВРЭП преимущественно является «поверхностным» интеграционным форматом, охватывая большой рынок, с другой – о «хеджировании» интеграционных рисков с точки зрения сближения с естественными торговыми партнерами.

Можно предположить, что экономики стран АТР, не снижающие барьеры торгово-экономических взаимодействий, к которым относится Россия, впоследствии могут столкнуться с проявлениями дискриминации в данном субглобальном пространстве. С этой точки зрения экономическим мотивом интеграции России с мегаформатами АТР может являться желание избежать: масштабного замещения российских товаров со стороны других стран субглобальной экономики; проявления монополистических тенденций, сдерживающих географическую диверсификацию экспорта. Политическим мотивом интеграции (политический эффект домино) может выступить опасение изоляции для России в рамках субглобальной экономической дипломатии.

Также можно предположить, что причины «неучастия» России в интеграционных процессах АТР имеют эндогенный характер ввиду отсутствия внутреннего

¹ Подробно: Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: структурные особенности и динамические проявления // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. № 3. С. 86–100.

² Kawashima S. Japan's Painful Choice on RCEP. Tokyo Faces a Major Conundrum with the Proposed Free Trade Agreement // The Diplomat. 2020. 3 August. URL: <https://thediplomat.com/2020/08/japans-painful-choice-on-rcep/> (дата обращения: октябрь 2020).

спроса на интеграцию подобного рода. Вероятно, по этим причинам российское руководство проявляет крайне сдержанный интерес в участии в интеграционных процессах АТР, поскольку вступило в силу лишь одно подписанное торговое соглашение со странами субглобальной экономики – ЗСТ+ между Россией как участницей Евразийского экономического союза (ЕАЭС)¹ и Вьетнамом в 2016 г.

Поэтому, с одной стороны, необходимо определить эндогенные особенности российской экономики, сдерживающие участие России в интеграционных процессах в субглобальной экономике. С другой стороны, необходимо оценить, является ли создание ЗСТ между Россией и торговыми мегаформатами АТР результативным с точки зрения соотношения основополагающих эффектов интеграции. Причем в данном случае речь идет о том, имеются ли необходимые условия для сближения России с группами стран АТР с точки зрения проявления распределительных эффектов от интеграции с естественными торговыми партнерами, и насколько явными являются риски для российской экономики от реализации консервативной политики, не предполагающей ее участия в интеграционных процессах в АТР.

¹ В ЕАЭС, помимо России, входят Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Армения.

ГЛАВА 3. ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АТР

3.1. Закономерности и особенности интеграции экономики России с зарубежными странами

Характерной особенностью функционирования российской экономики является ее зависимость от внешнеторговых взаимодействий, которые определяют ее развитие. Россия относится к группе стран с высокими значениями отношения экспорта к ВВП, которое увеличилось с 9% в 1992 г. до 27% в 2018 г.¹

В структуре экспорта России основная доля приходилась на сырьевые товарные группы при доминировании топливно-энергетических товаров и других товаров с низкой добавленной стоимостью (*табл. 3.1*), ценообразование на которые за последние десятилетия было довольно волатильным на глобальных рынках.

Таблица 3.1

Товарная структура экспорта и импорта РФ, %

Укрупненная товарная группа	1996	2000	2005	2010	2015	2018
Продовольственные товары и сырье	1,9/18,2	1,3/20,6	1,7/16,4	2,0/14,7	4,7/14,6	5,5/12,4
Минеральные продукты	0,9/1,1	0,7/2,0	0,7/1,4	0,8/0,4	0,9/1,1	1,1/1,2
Топливо-энергетические товары	43,1/2,7	50,8/4,1	61,9/1,6	65,6/1,2	62,8/1,6	52,7/0,9
Продукция химической промышленности	6,8/10,1	6,6/16,6	4,8/16	4,8/15,5	6,6/18,6	5,7/18,1
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	0,4/0,2	0,2/0,3	0,1/0,2	0,1/0,5	0,1/0,5	0,1/0,5
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,9/2,4	4,1/3,4	3,4/3,1	2,3/2,5	2,9/2,3	3,1/1,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	1,0/3,2	0,6/4,3	0,3/3,1	0,1/5,8	0,2/6,0	0,3/6,2
Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло	0,3/1,0	0,3/1,3	0,9/1,6	0,8/1,2	2,6/1,6	2,6/1,5
Металлы и изделия из них	18,2/6,1	16,2/7,4	13,4/6,9	9,7/6,5	9,6/6,4	9,7/7,1
Машиностроительная продукция	7,0/19,1	6,5/24,1	4,1/39,4	2,8/38,7	5,4/41,7	4,6/44,0
Прочие товары	16,3/34,9	12,7/16,0	8,7/10,2	11,2/13,1	4,1/5,9	14,7/6,5

Примечания. По каждой укрупненной товарной группе указана ее доля в экспорте / доля в импорте. Здесь и далее в исследовании укрупнение товарных групп осуществлено по следующим двоичным кодам гармонизированной системы: 01-24 – продовольственные товары и сырье; 25-26 – минеральные продукты; 27 – топливно-энергетические товары; 28-40 – продукция химической промышленности, каучук; 41-43 – кожевенное сырье, пушнина и изделия; 44-49 – древесина и целлюлозно-бумажные изделия; 50-67 – текстиль, текстильные изделия и обувь; 68-71 – драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло; 72-83 – металлы и изделия из них; 84-90 – машиностроительная продукция; 91-97 – прочие товары.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Поскольку основные капиталовложения в инфраструктуру добычи и транспортировки сырьевых товаров, преимущественно сырой нефти и газа, были осуществлены в советский период, стоимостные объемы экспорта стали формироваться главным образом исходя из динамики цен на мировом рынке, определяя общую динамику российской экономики (*рис. 3.1*).

¹ В среднем отношение экспорта к ВВП в мире составляло 21% в 2018 г. Рассчитано по: Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>; International Financial Statistics / IMF. <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&slid=1409151240976> (дата обращения: июль 2020).

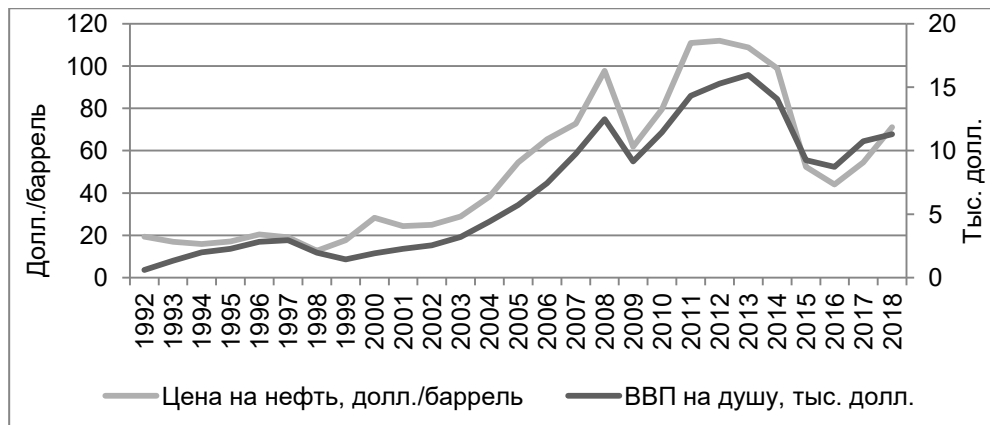


Рис. 3.1. Динамика среднедушевого ВВП России (правая ось) и цена на сырую нефть на глобальном рынке (левая ось)

Примечание: приведены данные по среднегодовой цене сорта товарной нефти UK Brent (light).

Источники: International Financial Statistics / IMF. <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&slid=1409151240976>; Commodity Prices, annual / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: июль 2020).

Наращивание стоимостных объемов экспорта способствовало росту потребления и инвестирования, которое во многом стало удовлетворяться и генерироваться за счет импортных поставок. В отличие от экспорта, товарная структура импорта является более диверсифицированной, представляя главным образом продукцию обрабатывающей промышленности (табл. 3.1). Помимо потребительских товаров в импорте, поставляемом на российский рынок, велика доля продукции инвестиционного назначения, которая играет основную роль в поддержании функционирования производственной и транспортной инфраструктуры национальной экономики¹.

Исходя из ранее описанных теоретических концепций, расширение интеграции России с глобальной экономикой способно сгенерировать положительные эффекты для российской экономики, способствуя ее ускорению. Однако следует учитывать, что в течение последних 30 лет направления внешнеэкономической политики России, задающие вектор ее интеграции с глобальной и субглобальной экономиками, заметно менялись в зависимости от общеэкономической конъюнктуры, а также от направления эндогенных и экзогенных политических процессов.

На первом этапе экономических реформ (1992–1998 гг.) в условиях отрицательных среднегодовых темпов прироста экономики на уровне 7% внешняя торговля являлась основным ее драйвером, отношение экспорта к ВВП составляло в среднем почти 25% (импорта – 18%), превышая общемировой показатель, чему способствовала относительная стабильность мировых цен на сырую нефть, которые несущественно колебались вокруг уровня в 17,4 долл./баррель. При этом тарифная нагрузка, как на импортные, так и на экспортные потоки товаров, была не-

¹ Значимость импорта для роста национальных экономик доказывается в ряде теоретических исследований, например: Romer P. Growth Based on Increasing Returns Due to Specialization // American Economic Review. 1987. Vol. 77. Pp. 56–62; Rodrigues M. Import Substitution and Economic Growth // Journal of Monetary Economics. 2010. Vol. 57. Pp. 175–188.

высокой, а в торговых взаимодействиях с зарубежными странами заметная доля приходилась на бартерные обмены. Внешнеэкономическая политика была направлена на то, чтобы затормозить дезинтеграционные процессы на части постсоветского пространства, создавая основу для создания многостороннего режима свободной торговли, который так и не был введен.

С 1999 г. до второй половины 2008 г. высокие темпы прироста российской экономики (почти 7% в год) поддерживались естественным запуском процесса импортозамещения ввиду значительной девальвации рубля после кризиса 1998 г., что сочеталось с благоприятной конъюнктурой цен мирового рынка на сырьевые товары (прежде всего на сырую нефть), составляющие большую долю в экспорте России. За указанный период отношение экспорта к ВВП составило в среднем 28,1% (импорта – 13,6%) при средней цене на сырую нефть 45 долл./баррель. Для максимального использования внешнеторговых эффектов в 1999 г. был снят мораторий на обложение экспорта нефти, в 2000 г. вывозные пошлины на нефть и нефтепродукты были привязаны к мировым ценам на нефть, а с 2002 г. экспортные пошлины на нефть зафиксированы как постоянно действующий налоговый институт¹. Эти меры привели к росту доходов от экспорта, которые были использованы для погашения государственного долга и накопления резервных фондов². Для закрепления внешнеторговых эффектов на перспективу предпринимались попытки присоединения к ВТО, создания общей ЗСТ со странами Содружества Независимых Государств (СНГ). Но особое значение имела гармонизация двустороннего экономического сотрудничества со странами ЕС³ (в рамках разработки особого статуса торгово-экономического партнерства).

Последствия глобального кризиса второй половины 2008 г. – первой половины 2009 г., сопровождавшегося краткосрочным снижением цены на сырую нефть на мировом рынке, смягчались за счет средств Резервного фонда, в том числе с целью удержания курса рубля. Но тем не менее в 2009 г. российская экономика сократилась на 7,8% по сравнению с предыдущим годом. Этот кризис стал поворотным пунктом для российской экономики с точки зрения темпов роста. В 2009–2014 гг., несмотря на рекордную среднегодовую цену на нефть (91,7 долл./баррель), среднегодовые темпы роста экономики составили 1% в год, а отношение экспорта к ВВП сократилось до 23,9% при росте импортной квоты до 14,1%. Присоединение к ВТО в 2012 г. способствовало снижению для России различных торгово-экономических барьеров, а также открыло возможности использования механизмов глобального интеграционного формата для урегулирования

¹ При этом НДС рассматривался как чисто «рентный» налог, а экспортные пошлины – как «налог на сверхприбыль». Подробно: Бутрин Д., Вислогузов В. Навечно временные экспортные пошлины. История вопроса // Коммерсантъ. 2011. 13 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1639372> (дата обращения: октябрь 2020).

² Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.

³ Adoura S. Assessment of the Cooperation between the EU and Russia / IIRI-KIIB. 2006. 8 p. URL: <http://aei.pitt.edu/9092/1/Russia-EU.pdf> (дата обращения: июль 2020).

различного рода торговых споров. Однако именно в этот период времени происходит приостановка дальнейших переговоров по созданию ЗСТ со странами ЕС по политическим причинам и формальное переключение на создание более продвинутых интеграционных форм на постсоветском пространстве.

Постепенное увеличение стоимостных объемов внешней торговли, главным образом по причине роста мировых цен на энергоносители, после 2015 г. стабилизировало отношение экспорта к ВВП на уровне 25%, а импорта – 15%. Но в целом экономика по-прежнему стагнировала, до сих пор не восстановившись до уровня 2010 г. по среднедушевому ВВП (в долл. США). Стало очевидно, что поддержание высоких темпов экономического роста за счет массового экспорта сырьевых товаров и импорта продукции потребительского и инвестиционного назначения, а также услуг в таких условиях является затруднительным.

Теоретически показано и экспериментально подтверждено, что одним из эффективных выходов является углубление экономической интеграции с глобальной и субглобальными экономиками. В случае России необходимо рассматривать в этом контексте три субглобальные группировки – ЕС, АТР и СНГ, которые являются крупными торговыми партнерами России (табл. 3.2) по состоянию на 2018 г.

Таблица 3.2

Географическая структура торговли России

Группы стран	1996	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Экспорт, %								
ЕС	47,3	54,6	57,6	46,5	39,8	45,2	43,8	45,5
АТР	19,0	15,2	12,3	16,3	21,7	23,8	24,3	25,4
СНГ	17,8	13,4	13,5	12,3	11,1	13,6	14,1	12,5
Остальные страны	16,0	16,9	16,6	24,9	27,4	17,3	17,8	16,6
Импорт, %								
ЕС	32,5	39,9	44,7	40,8	35,9	38,5	38,5	37,1
АТР	12,0	16,8	25,8	33,3	38,3	41,4	41,1	40,3
СНГ	23,6	34,3	19,2	13,9	10,8	10,0	10,4	11,4
Остальные страны	31,9	9,0	10,3	12,0	15,0	10,1	10,0	11,2
Товарооборот, %								
ЕС	41,2	50,9	53,9	44,4	38,4	42,5	41,7	42,6
АТР	16,1	15,6	16,2	22,5	27,4	31,0	31,2	30,6
СНГ	20,1	18,6	15,2	12,9	11,0	12,1	12,6	12,1
Остальные страны	22,5	14,9	14,7	20,2	23,1	14,4	14,6	14,7
Сальдо, млрд долл.								
ЕС	22,1	42,7	95,1	91,2	71,4	56,6	66,2	116,3
АТР	9,5	9,9	4,2	-11,5	4,8	-14,1	-14,5	17,9
СНГ	1,3	2,2	13,6	17,3	18,6	20,4	26,3	29,2
Остальные страны	-5,3	14,3	29,8	71,1	67,0	31,4	41,3	47,9

Примечания. Для групп стран представлена их доля в общем стоимостном объеме экспорта, импорта и товарооборота России с зарубежными странами. Здесь и далее в исследовании СНГ представлено по состоянию на 2008 г. (13 республик бывшего СССР).

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Конечно, решение об интеграции имеет эндогенный характер. Тем не менее возможно провести сравнительный анализ факторов, которые потенциально могут способствовать либо сдерживать экономические мотивы в сближении России с представленными тремя группами стран (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Факторы, способствующие / препятствующие интеграции с российской экономикой

Факторы	ЕС	АТР	СНГ
Величина рынка группы стран	Один из крупнейших рынков в глобальной экономике	Крупнейший рынок в глобальной экономике. К АТР относятся три крупнейших экономики мира	Малый рынок. Размер российского рынка заметно превышает суммарный рынок стран СНГ
Консолидация рынка группы стран	Высоко консолидированный (экономический союз, валютный союз между большинством стран)	Фрагментарный (ЗСТ между группами стран)	Частично консолидированный (наличие двусторонних и многосторонних преференциальных соглашений между большинством стран)
Уровень либерализации внешней торговли группы стран	В целом – высокий, за исключением имеющих нетарифных ограничений	Разный, в зависимости от стран. Для развитых экономик – в целом высокий, для других стран – достаточно сдержанный	Сравнительно невысокий
Степень гетерогенности группы стран	Низкая (преимущественно страны с высоким доходом на душу населения)	Высокая (страны с высоким, средним и низким доходом)	Средняя (страны, расположенные в высоком и низком спектрах среднего дохода)
Величина экспортного рынка для России и доля в российском товарообороте	Крупнейший экспортный рынок – доля 45,5%; доля в товарообороте – 42,6%	Крупный экспортный рынок, но крайне неоднородный по странам – доля 25,4%; доля в товарообороте – 30,6%	Средний по масштабам экспортный рынок для России – доля 12,5%; доля в товарообороте – 12,1%; в динамике доля сокращается
Территориальная близость к России	Территориально близок, особенно для европейских и западносибирских регионов	Территориально близкий рынок (страны СВА), особенно для восточносибирских и дальневосточных регионов	В целом территориально близок
Совместная инфраструктура с Россией	Наличие совместной и сопряженной транспортной (трубопроводной) инфраструктуры	Наличие сопряженной транспортной инфраструктуры с КНР	Наличие совместной энергетической, транспортной (железнодорожной и трубопроводной) инфраструктуры с большинством стран СНГ
Функционирующий формат интеграции с Россией	Отсутствует	Эпизодичен, ограничиваясь ЗСТ с Вьетнамом и Сингапуром	ЗСТ в рамках СНГ, ТС со странами ЕАЭС
Единые технические стандарты с Россией	В целом отсутствуют	В целом отсутствуют	Со странами ЕАЭС, также ведутся переговоры с некоторыми странами СНГ
Тарифные барьеры для импорта в Россию	Высокие	Высокие	Низкие для стран, подписавших ЗСТ с Россией и вошедших в ЕАЭС
Интеграция с Россией на рынках капитала и труда	Отсутствует	Отсутствует	Имеется, особенно со странами ЕАЭС
Санкционные ограничения по отношению к России	Присутствуют	В целом отсутствуют, за исключением Канады, США, Австралии, Новой Зеландии и Японии	В целом отсутствуют, за исключением Украины, Грузии и Молдавии
Внешнеполитическое сближение с Россией	В текущее время отсутствует	С некоторыми странами Восточной Азии присутствует, особенно с КНР	С большинством стран присутствует, особенно со странами ЕАЭС

Источник: составлено автором.

Из приведенного сравнения следует, что именно ЕС и АТР должны были бы являться приоритетными объектами интеграционных устремлений России. При-

чем страны ЕС в данном отношении имели очевидный приоритет. Действительно, определенное время создание интеграционной формы с ЕС значилось в числе основных целей внешней политики России. Со второй половины 1990-х гг. ключевые направления расширения политических и экономических отношений между Россией и странами ЕС определяются Соглашением о партнерстве и сотрудничестве, одной из основных целей которого являлось развитие торговых и инвестиционных взаимосвязей¹. Уже в начале 2000-х гг. предполагалось поэтапное всестороннее расширение двусторонних отношений, что могло способствовать созданию ЗСТ или, возможно, более глубоких интеграционных форм между Россией и странами ЕС², обладающими высоким доходом на душу населения и, соответственно, высоким платежеспособным спросом. Кроме того, для России страны ЕС являются исторически сложившимся, крупным и понятно функционирующим рынком, который не применял заметных ограничений для ввоза российской продукции. Россия зависима от ЕС с точки зрения ввоза технологически важных товаров и оборудования, имеющих критическое значение для функционирования ряда отраслей российской экономики. Страны ЕС практически не облагали таможенными пошлинами российский экспорт, получая преференции в цене приобретаемых энергетических товаров. Вместе с тем со временем вполне проявилась тенденция закрепления за Россией роли поставщика сырьевых товаров, поскольку предложение об обмене активов добычи на активы конечного распределения энергетических товаров не было поддержано большинством стран ЕС.

В 2010 г. переговоры по заключению нового торгово-экономического соглашения между Россией и ЕС прекратились ввиду отсутствия по ним прогресса. Главным препятствием в интеграции России с ЕС являлось разное понимание регуляторного сближения. ЕС настаивал на одностороннем принятии Россией своих технических стандартов, а Россия настаивала на взаимном признании стандартов³. Препятствием стали также требования по локализации производства продукции и политика импортозамещения, которая постепенно стала практиковаться в России⁴.

Это привело к снижению эндогенного спроса на интеграционное сближение с ЕС, тем более что экономические мотивы такой интеграции стали играть второстепенную роль в условиях, когда доходы от реализации углеводородного сырья выступили прямым субститутом последующих упущенных выгод от торгово-экономической консолидации с крупнейшим экономическим блоком. Данное обстоятельство в значительной степени объясняет, почему, хотя политические аспекты и структурные особенности функционирования российской экономики не позволили существенно сблизиться России с европейским рынком, доля стран ЕС в

¹ The European Union and the Russian Federation / Delegation of the European Union to Russia. 2021. 3 March. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/35939/node/35939_en (дата обращения: апрель 2021).

² Например, создание ТС по аналогии с соответствующим форматом между Турцией и ЕС.

³ Афонцев С.А. Россия среди «чужих» партнерств // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 104–118.

⁴ The European Union and the Russian Federation / Delegation of the European Union to Russia. 2021. 3 March. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/35939/node/35939_en (дата обращения: апрель 2021).

товарообороте России с зарубежными странами остается стабильно высокой: 41,2% в 1996 г. до 42,6% в 2018 г. Причем торговля со странами ЕС остается основным источником положительного сальдо торгового баланса для России, которое за этот период увеличилось с 22,1 млрд до 116,3 млрд долл.

После 2014 г. отдельные части Соглашения о партнерстве и сотрудничестве вообще перестали применяться, когда ЕС присоединился к санкциям против России¹, а российское руководство ввело контрсанкции, направленные на запрет ввоза широкого перечня продовольственных товаров на российский рынок, что в определенной мере не противоречит правилам ВТО.

Совершенно иная ситуация складывается в отношении стран СНГ. На этом направлении Россия осуществляет активные шаги по расширению и углублению интеграции с рядом стран, входящих в ЕАЭС. Интеграционным взаимодействиям способствует наличие единых технических стандартов, относительная общность языка, а также вхождение данных стран в некогда единую экономическую систему. Россия с рядом стран СНГ имеет совместную или сопряженную транспортную и энергетическую инфраструктуру. По состоянию на 2018 г. порядка 15% общего экспорта инвестиционных товаров из России направляются в страны ЕАЭС, однако доля данных товаров в суммарном российском экспорте является несущественной².

Одной из очевидных проблем является то, что размер российской экономики почти на порядок превышает суммарную экономику ЕАЭС и в три раза – СНГ (за исключением России). Данное обстоятельство выступает весомым аргументом в пользу того, что Россия не может существенно нарастить экспорт в данные страны, а также получить необходимый объем и ассортимент импорта по причине малого размера рынков этих стран. Доля стран СНГ в товарообороте России с зарубежными странами постепенно сокращалась: с 20,1% в 1996 г. до 12,1% в 2018 г., а сосредоточение усилий исключительно на создании ТС со странами ЕАЭС не соответствует видимому раскрытию потенциала экономики России.

Более того, во взаимоотношениях со странами ЕАЭС, с которыми был образован ТС, наблюдается специфика во взаимоотношениях, находящаяся за рамками экономических мотивов³. Так, функционирование экономики Белоруссии во многом субсидируется за счет льготных поставок нефти из России. Казахстан имеет очень схожую с Россией структуру сырьевого экспорта и является прямым российским конкурентом на субглобальных сырьевых рынках. Одним из важных факторов роста экономик Киргизии и Армении являются переводы от временных мигрантов из России. Ряд эмпирических исследований показывает, что возможно-

¹ Введение санкций может описываться механизмом политического рынка для отчета «медианному» избирателю о проделанной работе со стороны субъектов политического рынка.

² Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 288.

³ Изотов Д.А. Экономические аспекты «майских указов» 2018 года: международная кооперация и экспорт // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 66–77.

сти обеспечения видимого роста российского экспорта, а также повышения эффекта благосостояния и превышения эффекта создания торговли над эффектом отклонения за счет углубления интеграции со странами ЕАЭС серьезно ограничены по сравнению с потенциальными эффектами от сближения России с более крупным рынком – со странами ЕС¹.

Другим аспектом является очевидная невозможность по политическим причинам в ближайшей перспективе расширить интеграцию с Украиной, с которой у России имелись тесные межотраслевые взаимодействия, заложенные в рамках советской экономики². Также экономическое пространство СНГ последовательно фрагментируется как посредством эндогенных и экзогенных политических факторов, так и неизбежным усилением гравитационных взаимодействий экономики части постсоветских стран с ближайшими крупными зарубежными рынками: ЕС, Турция, Китай.

В итоге можно заключить, что интеграция России с рядом стран постсоветского пространства осуществляется инерционно на основе противодействия нарастающим дезинтеграционным процессам, в том числе преимущественно исходя из политических мотивов, причем размер рынка и платежеспособный спрос в той части стран постсоветского пространства, которые входят в ЕАЭС, судя по всему, не создает условий для существенного наращивания масштабов внешних торгово-экономических взаимодействий России³.

Таким образом, отказавшись к настоящему времени от интеграции с таким крупным и близким рынком, которым являются страны ЕС, Россия, напротив, активно вовлечена в текущие интеграционные процессы в рамках постсоветского пространства⁴ (табл. 3.4) в форме создания общего рынка в рамках ЕАЭС. Укрепление экономических взаимодействий со странами ЕАЭС обозначено как приоритет в среднесрочных целях развития внешнеэкономической деятельности России⁵, несмотря на сокращение доли в торговле со странами бывшего СССР вообще, а также несмотря на то, что доля Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Армении в российской торговле с зарубежными странами не превышает 10%⁶.

¹ См., например: De Souza L.V. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members / The World Bank. Economic Premise No. 47. 2011. January. 7 p. URL: <https://open-knowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/10114/592270NEWS0EP4701PUBLIC10BOX358277B.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: июль 2016).

² Следует также отметить наличие замороженных военных конфликтов на постсоветском пространстве, причем в некоторых из них Россия признается стороной конфликта.

³ Подробно: De Souza L.V. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members / The World Bank. Economic Premise No. 47. 2011. January. 7 p. URL: <https://open-knowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/10114/592270NEWS0EP4701PUBLIC10BOX358277B.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: июль 2016).

⁴ За исключением стран Балтии, а с 2014 г. – Украины.

⁵ Подробно: Изотов Д.А. Экономические аспекты «майских указов» 2018 года: международная кооперация и экспорт // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 66–77.

⁶ Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 286.

Участие России в торговых соглашениях с зарубежными странами

Торговое соглашение	Год вступления в силу	Статус	Охват рынков
ЕАЭС	2015 г.	ТС	Товары и услуги
ЕАЭС – Иран	2019 г.	ЗСТ	Товары
ЕАЭС – Вьетнам	2016 г.	ЗСТ+	Товары и услуги
Грузия – Россия	1994 г.	ЗСТ	Товары
Россия – Азербайджан	1993 г.	ЗСТ	Товары
Россия – Сербия	2006 г.	ЗСТ	Товары
Россия – Туркменистан	1993 г.	ЗСТ	Товары
Россия – Узбекистан	1993 г.	ЗСТ	Товары
ЗСТ между странами СНГ*	2012 г.	ЗСТ	Товары

Примечание: в ЕАЭС входят: Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия; * – Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан и Украина.

Источник: Regional Trade Agreements Database / WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: июль 2020).

В то же время известно, что малая экономика, которой в смысле международной торговли является Россия с ее 1,8% в совокупном глобальном товарообороте, может получить видимые положительные эффекты только от интеграции с крупными и территориально близкими рынками.

Не лучше обстоит дело и с другими макроэкономическими эффектами интеграции с малыми экономиками. Например, динамика товарооборота России с ЕАЭС не является контрциклической, в точности описывая волатильность цен на основную группу российского и казахстанского экспорта, а также косвенно экспорта Белоруссии – сырую нефть. Вероятно, это означает, что взаимная торговля в рамках ЕАЭС больше зависит от внешней конъюнктуры сырьевых рынков, чем от видимых усилий для сближения стран. Помимо Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Армении торговые соглашения России в формате ЗСТ с другими странами СНГ носят преимущественно двусторонний характер. Вне рамок постсоветского пространства Россия осуществляет эпизодические попытки создания интеграционных форматов, имеющие в своей основе, скорее, двусторонние политические мотивы: создание ЗСТ с Сербией и Ираном¹.

Несмотря на многочисленные меморандумы торгово-экономического сотрудничества с близкими и крупными экономиками АТР, Россией осуществлялись попытки постепенного нивелирования барьеров только с территориально удаленными странами АТР, имеющими почти незаметную долю во внешнеторговом обороте: создание ЗСТ+ с Вьетнамом в 2016 г.; подписание соглашения о создании ЗСТ между ЕАЭС и Сингапуром², которое пока не вступило в силу; анонсированные в 2010 г. российско-новозеландские переговоры о подписании ЗСТ+ были приостановлены после 2014 г.

Указанные особенности торгово-экономических взаимодействий России с зарубежными странами, проявляющиеся в отсутствии мотивации в создании усло-

¹ Сербия и Иран не являются странами – участницами ВТО.

² Подробно: Хейфец Б.А. Зона свободной торговли ЕАЭС-Сингапур – новое преференциальное партнерство для России // Общество и экономика. 2020. № 2. С. 80–93.

вий для интеграции с крупными и территориально близкими рынками, носят, безусловно, эндогенный характер, определяясь структурными и институциональными особенностями российской экономики. Отдавая себе отчет в том, что высокая доля сырьевого экспорта объективно была необходима на первых этапах рыночных преобразований для обеспечения определенного уровня потребления, следует отметить, что высокие значения отношения экспорта к ВВП не создают мотивов для снижения барьеров в торговле с зарубежными странами, за исключением построения закрытого торгового блока с некоторыми странами СНГ. Поэтому российская экономика уже во второй половине 2000-х гг. столкнулась со структурными и институциональными ограничениями в развитии, которые связываются с высокой долей природной ренты в экономике и высокими рисками ведения экономической деятельности, порождаемыми слабыми институтами развития¹. Преодоление этих ограничений в значительной степени блокируется тем, что реальным источником капитала для ненефтяного производства прямым или косвенным образом являются доходы от поставки на внешние рынки нефти и газа, что ограничивает товарную диверсификацию экспорта.

Проблемы такого рода не уникальны для российской экономики, поскольку описываются моделями проявления «голландской болезни», «ресурсного проклятия» и «эффекта жадности». Способы решения подобных проблем известны. Экономика более пятидесяти стран мира развивается благодаря экспорту природных ресурсов², и в ряде случаев вполне успешно, благодаря более сильным институтам и государственной политике, способствующей снижению барьеров во взаимодействиях с глобальными и субглобальными рынками товаров, капиталов и труда³. В случае России централизованное распределение доходов, получаемых в форме природной ренты, обусловило тот факт, что более половины прироста российской экономики генерируется в секторе торговли⁴. На это указывает, с одной стороны, существенное усиление роли торговли с зарубежными странами, поскольку рентный экспорт позволяет активно развивать поставки высокоэффективного импорта. В свою очередь, динамика товарооборота с зарубежными странами и перераспределение получаемых при этом доходов в форме бюджетных расходов способствовали мультиплицированию внутренней торговли. Эта модель обусловила дедиверсификацию и сильную зависимость от текущей внешнеторговой конъюнктуры.

Важным элементом в развитии стран с высокой природной рентой в экономике является приток ПИИ, который, в свою очередь, является очень чутким к рис-

¹ Подробно: Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D. Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia. Washington, DC: World Bank Group. 2014. 400 p.

² Gelb A. Economic Diversification in Resource Rich Countries / Center for Global Development. 2010. URL: <https://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2010/afrfin/pdf/Gelb1.pdf> (дата обращения: июль 2020).

³ Подробно: Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D. Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia. Washington, DC; World Bank Group. 2014. 400 p.

⁴ Изотов Д.А. Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 92–114.

кам в национальной экономике, отражаемым в инвестиционном климате. Обмен прямыми капиталовложениями между экономиками – ключевой элемент глобального инвестиционного сотрудничества. Являясь важнейшим источником привлечения технологий и производственного опыта, ПИИ при прочих равных условиях посредством различного рода каналов могут оказывать долгосрочное позитивное воздействие на развитие национальной экономики¹, способствуя расширению ее внешней торговли, росту занятости, развитию человеческого капитала и увеличению общей продуктивности.

В силу высоких рисков ведения бизнеса в России², по причине слабых институтов роль российской экономики в глобальном потоке ПИИ неоднозначна, поскольку заметна ее доля только в оттоке капитала за рубеж. По состоянию на 2018 г. доля России в глобальном притоке ПИИ составила чуть более 1%, в оттоке – около 4%. Высокая доля России в глобальном притоке ПИИ – более 5% – наблюдалась перед кризисом второй половины 2008 г. (рис. 3.2).

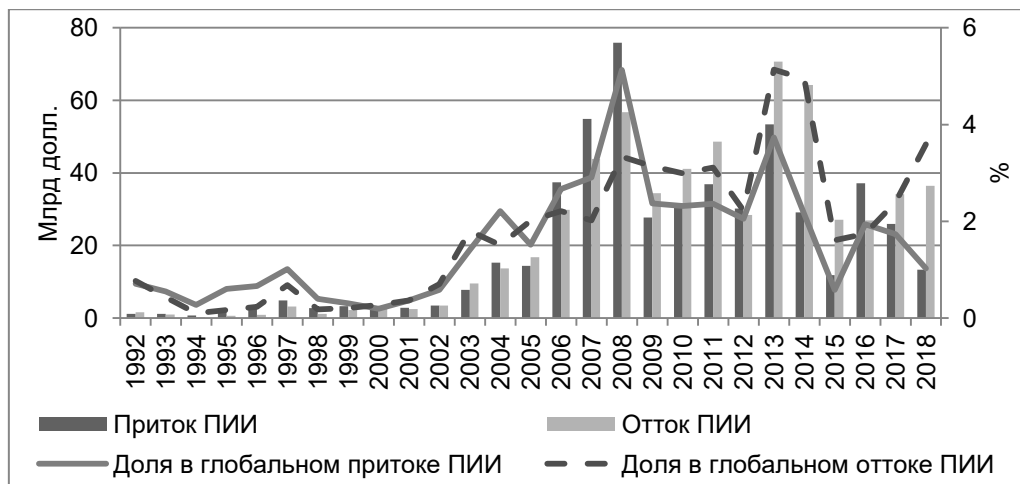


Рис. 3.2. Динамика потоков ПИИ в/из РФ (млрд долл., левая ось) и доля потоков ПИИ в/из РФ в глобальном потоке ПИИ (% , правая ось)

Источник: рассчитано по: World Investment Report / UNCTAD. URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: июль 2020).

Особенность России состоит в том, что более половины накопленных ПИИ в национальной экономике приходится на долю «фантомных» зарубежных корпораций³ или «фиктивных» инвестиций⁴. Доля России в таких инвестициях самая

¹ Gorodnichenko Y., Svejnar J., Terrell K. When Does FDI Have Positive Spillovers? Evidence from 17 transition Market Economies // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42. Issue 4. Pp. 954–969.

² Согласно сводному индексу экономической свободы, Россия отличается высокими рисками ведения экономической деятельности. Подробно: Country Rankings / Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/ranking> (дата обращения: февраль 2021).

³ Компании специального назначения, не имеющие или почти не имеющие работников, операционных активов и физического присутствия в стране регистрации и предназначены исключительно для владения активами. Подробно: Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network? / IMF. Working Paper No. 19/274. 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Выведение из национальной экономики средств в офшоры и их последующий возврат под видом инвестиций, или инвестиции из национальной экономики, маскирующиеся под иностранные. Подробно: Ledyaeva S., Karhunen K., Whalley J. If Foreign Investment is not Foreign: Round-Trip Versus Genuine For-

большая среди всех стран в мире – почти 58% от общего объема накопленных в экономике ПИИ, и почти 51% от общего объема капиталовложений из России в другие страны¹. «Фиктивные» инвестиции, как правило, поступали в российские регионы, богатые природными ресурсами, и в регионы с высоким индексом восприятия коррупции, и, в отличие от прочих ПИИ, они направлялись в менее развитые в технологическом отношении проекты². В общем объеме накопленных ПИИ в российской экономике доля «фиктивных» инвестиций занимает большую долю не только по причине оптимизации налоговых выплат, но и из-за институциональных факторов³. Соответственно, чем больше в стране таких инвестиций, тем меньше реальных ПИИ.

Серьезные барьеры для ПИИ в России заключаются в ограничениях на иностранные инвестиции в отдельные отрасли, а также в квотах и ограничениях в части сферы действия лицензий, выдаваемых иностранным инвесторам на рынке финансовых услуг⁴. В свою очередь, крупные российские компании, которые стремятся к интернационализации, в значительной мере используют политические связи России при осуществлении прямых капиталовложений за рубежом. Причем данные компании полностью или частично подконтрольны государству, а зарубежные инвестиционные проекты для них не играют существенной роли⁵. Инвестиционное сотрудничество России со странами ЕАЭС, с которыми она осуществляет интеграционный проект, не отличается динамизмом и заметной долей⁶. Однако примечательным фактом является то, что после событий 2014 г. на фоне массового вывода капитала из России резко возросла доля Казахстана, которая в дальнейшем также стала объективно сокращаться.

Другой спецификой для российской экономики является ее взаимодействие с глобальным рынком труда. В середине 2010-х гг. услуги труда предоставляли в России в совокупности около 3 млн иностранных трудовых мигрантов, получивших различные разрешительные документы для легального трудоустройства, что соответствовало примерно 4% от занятого населения в стране. Причем примерно такое же количество иностранных трудовых мигрантов предоставляло услуги тру-

еign Investment in Russia / CEPII. Working Papers No. 2013-05. 2013. February. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2013/wp2013-05.pdf (дата обращения: июль 2020).

¹ По состоянию на 2017 г. Подробно: Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network? / IMF. Working Paper No. 19/274. 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network> (дата обращения: июль 2020).

² Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Основные выводы и рекомендации / OECD. 2014. Январь. URL: http://www.oecd.org/eo/surveys/Overview_RUSSIArus_2013.pdf (дата обращения: июль 2020).

³ Aykut D., Sanghi A., Kosmidou G. What to Do When Foreign Direct Investment Is Not Direct or Foreign: FDI Round Tripping / Policy Research. Working Paper No. WPS 8046. 2017. 27 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/319451493385113949/pdf/WPS8046.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Ledyeva S., Karhunen K., Whalley J. If Foreign Investment is not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia / CEPII. Working Papers No. 2013-05. 2013. February. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2013/wp2013-05.pdf (дата обращения: июль 2020).

⁵ Кузнецов А.В. Зарубежные инвестиции российских компаний: конкуренция с западноевропейскими и восточноазиатскими ТНК // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 207.

⁶ Изотов Д.А. Экономические аспекты «майских указов» 2018 года: международная кооперация и экспорт // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 66–77.

да нелегально по причине слабых институтов, способствующих проявлению неформальных отношений в данном сегменте экономики. Доля работников из стран СНГ в иностранном сегменте российского рынка труда превышала 90%. С данными странами Россией преимущественно были подписаны преференциальные торговые соглашения, распространяющиеся на снижение барьеров в обмене рабочей силой. Однако в рамках категории высококвалифицированных специалистов доля стран дальнего зарубежья являлась подавляющей, представленная, главным образом, странами ЕС, КНР, Турцией и США¹, т. е. крупными и сравнительно близкими экономиками.

В целом основными структурными и институциональными особенностями российской экономики, в том числе как «фона» функционирования для экономик регионов, в нее входящих, являются:

- 1) существенное эндогенное сопротивление процессу открытия внутреннего рынка России с точки зрения нивелирования различного рода барьеров;
- 2) рост нетарифных барьеров в торговых взаимоотношениях России с целым рядом ведущих стран мира;
- 3) замещение положительных эффектов от возможной интеграции России с крупными и близкими субглобальными экономиками поддержанием значительных объемов чистого экспорта, что создает условия для реализации инерционных и политически обусловленных форматов интеграции с рядом стран СНГ, размер экономик которых суммарно на порядок меньше, чем российская экономика;
- 4) ПИИ представлены главным образом «фиктивными» инвестициями;
- 5) взаимодействия на рынке труда асимметричны – наиболее эффективные взаимодействия (в области квалифицированного труда) осуществляются с экономиками, в наименьшей степени являющимися объектами интеграционной политики.

3.2. Динамика торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР

В АТР российская экономика в наибольшей степени связана со странами Большой тройки США, Канада и странами ЮВА. К 2018 г. на данные страны приходилось 94,2% товарооборота России с субглобальной экономикой и почти 30% товарооборота с внешним миром. Крупнейшим торговым партнером России в АТР с 2002 г. является китайская экономика, на которую приходилось в 2018 г. чуть менее половины товарооборота России со странами АТР² (рис. 3.3).

По сравнению с 1996 г., в 2018 г. стоимостной объем торговли России с КНР вырос с 5,8 млрд до 108,2 млрд долл., с США – с 8 млрд до 25,3 млрд, с Респуб-

¹ Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда / Институт социального анализа и прогнозирования. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 65–67.

² Подробно: Погорлецкий А.И. Экспортный потенциал России в современных геополитических условиях // Актуальные проблемы развития экономики и управления / Под ред. А.Я. Барина. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2018. С. 104.

ликой Корея – с 2,2 млрд до 24,8 млрд, с Японией – с 4,4 млрд до 21,2 млрд, со странами АСЕАН – с 1,8 млрд до 19,6 млрд долл. Товарооборот между Россией и странами АТР, несмотря на наблюдавшийся спад в 2009 г. и 2014 г., в целом характеризовался тенденцией к росту, главным образом за счет наращивания торговли с КНР. Увеличение двусторонней торговли в том числе обусловлено высокой емкостью рынков стран АТР. Стоимостной объем российского экспорта в КНР увеличился в рамках рассматриваемого периода с 4,8 млрд до 56 млрд долл., с Республикой Корея – с 1,3 млрд до 17,8 млрд, с США – с 5,1 млрд до 12,6 млрд, с Японией – с 3,4 млрд до 12,4 млрд, со странами АСЕАН – с 1,3 млрд до 9,2 млрд долл.

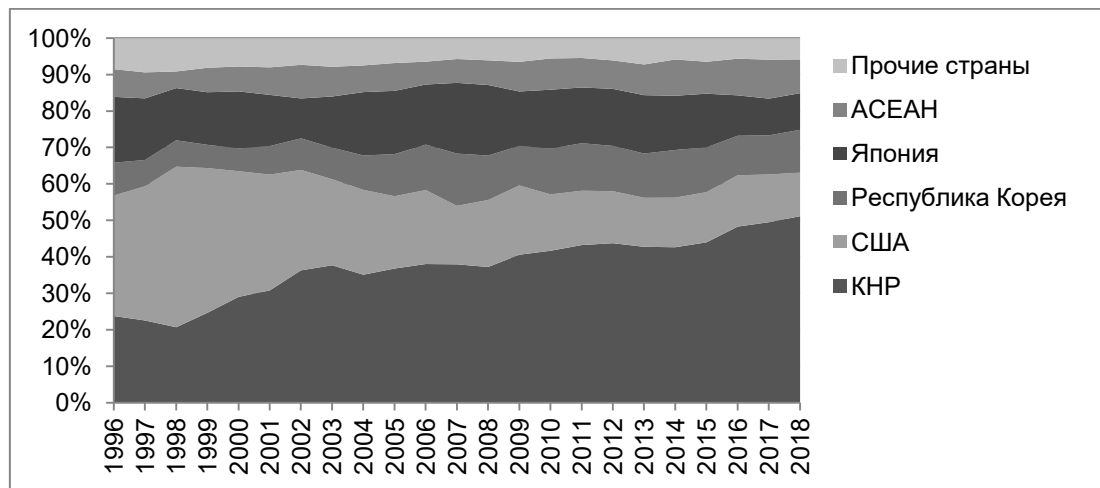


Рис. 3.3. Географическая структура торговли России со странами АТР, %

Примечание: торговля России со странами АТР = 100%.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

К 2018 г. на китайскую и корейскую экономику приходилось почти 2/3 российского экспорта в страны АТР (рис. 3.4).

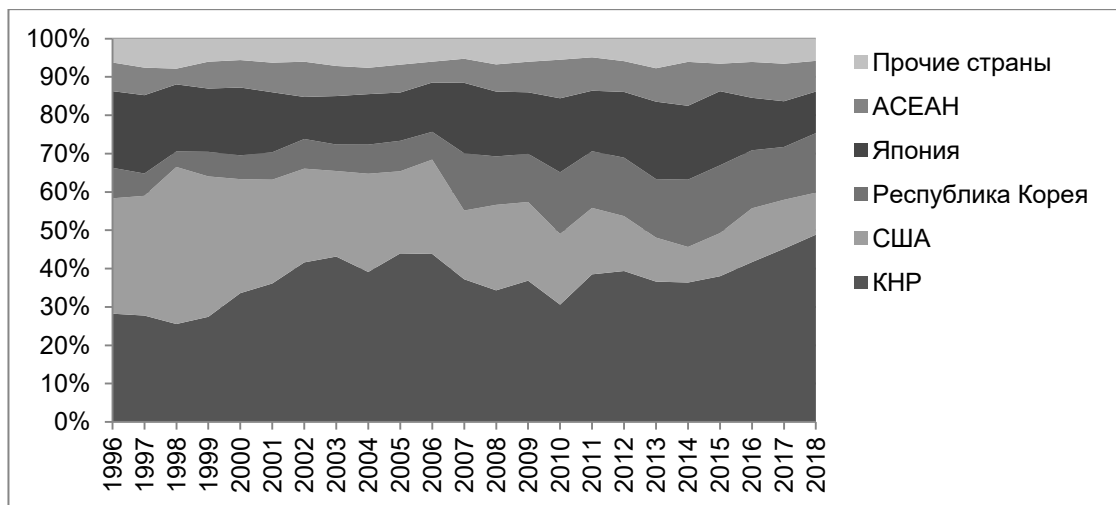


Рис. 3.4. Географическая структура экспорта из России в страны АТР, %

Примечание: экспорт России в страны АТР = 100%.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Ведущее положение стран АТР в производстве продукции обрабатывающей промышленности способствовало увеличению ими поставок на российский рынок: из КНР – с 1 млрд в 1996 г. до 52,2 млрд долл. в 2018 г., из США – с 2,9 млрд до 12,7 млрд, из Японии – с 1 млрд до 8,8 млрд, из Республики Корея – с 0,8 млрд до 7 млрд, из стран АСЕАН – с 0,6 млрд до 10,4 млрд долл. Наблюдался рост доли Китая в импортных поставках в Россию из стран АТР: с 14% в 1996 г. до 54% в 2018 г. (рис. 3.5).

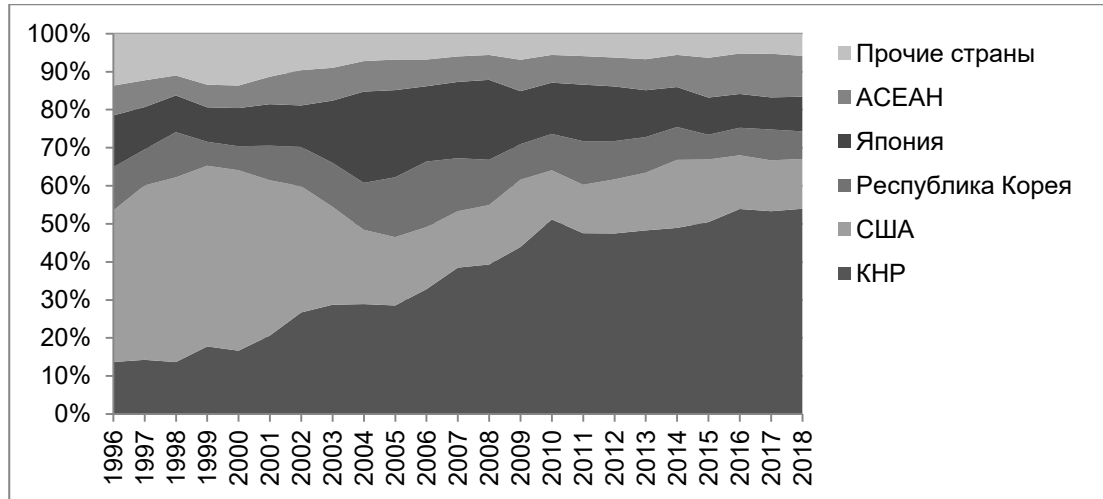


Рис. 3.5. Географическая структура импорта в Россию из стран АТР, %

Примечание: импорт России из стран АТР = 100%.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

В свою очередь, доля России в товарообороте АТР с глобальной экономикой к 2018 г. составляла всего 1,2%, увеличившись в два раза по сравнению с 1996 г. Доля России в товарообороте крупнейших экономик АТР заметна только для территориально близких стран Большой тройки США, не превышая 2,5% (рис. 3.6).

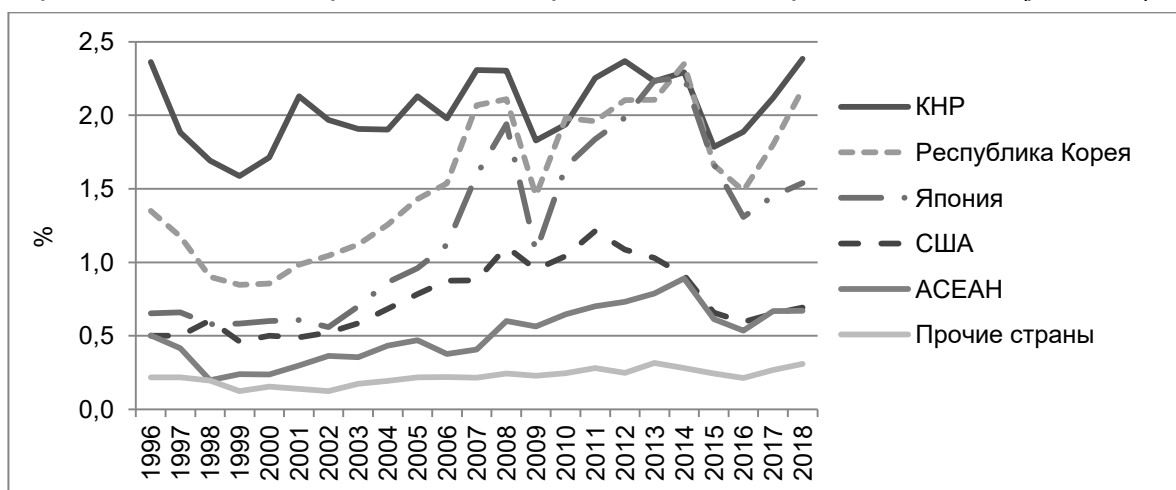


Рис. 3.6. Доля России во внешнеторговом обороте ведущих экономик АТР, %

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

В 2007–2017 гг. торговля России с КНР характеризовалась отрицательным сальдо торгового баланса по причине опережающего роста поставок на российский рынок как собственно китайской продукции, так и предприятий ТНК, осуществляющих производственную деятельность на территории Китая. Далее, в связи с наращиванием экспортных поставок энергоносителей и некоторым сокращением импорта, в 2018 г. Россия имела положительное сальдо торгового баланса с КНР.

Товарная структура российского экспорта к 2018 г. по сравнению с 1996 г., несмотря на преимущественные поставки в страны АТР сырьевых товаров, претерпела определенные изменения, главной причиной которых является безусловное доминирование топливно-энергетических товаров (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Товарно-географическая структура экспорта и импорта РФ: страны АТР, %

Укрупненная товарная группа	КНР		Япония		Республика Корея		США		АСЕАН	
	1996	2018	1996	2018	1996	2018	1996	2018	1996	2018
Продовольственные товары и сырье	0,9/ 42,2	4,5/ 3,7	6,2/ 0,6	3,1/ 0,5	2,7/ 10,3	8,9/ 2,1	1,9/ 38,3	0,5/ 3,3	0,1/ 28,8	12,8/ 17,9
Минеральные продукты	0,3/ 3,2	2,7/ 0,1	0,6/ 0,0	0,9/ 0,0	0,9/ 0,1	0,6/ 0,0	0,5/ 0,3	0,3/ 0,1	1,5/ 0,0	0,7/ 0,1
Топливо-энергетические товары	1,0/ 1,8	73,6/ 0,3	11,1/ 3,7	76,1/ 0,8	2,7/ 2,3	82,3/ 1,2	8,8/ 0,8	39,2/ 0,3	37,7/ 5,0	48,4/ 0,9
Продукция химической промышленности	29,2/ 6,7	2,6/ 9,9	1,4/ 7,7	0,8/ 11,2	7,7/ 3,8	0,7/ 18,7	10,3/ 11,5	10,8/ 18,8	9,2/ 4,8	6,8/ 9,8
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	0,2/ 3,0	0,0/ 1,2	0,2/ 0,0	0,0/ 0,0	0,0/ 0,4	0,0/ 0,2	0,1/ 0,2	0,0/ 0,0	0,0/ 0,7	0,0/ 0,5
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	6,7/ 2,5	8,6/ 1,0	23,2/ 0,3	3,9/ 1,4	7,8/ 1,3	1,4/ 0,9	4,9/ 1,3	2,0/ 0,8	2,5/ 1,6	2,1/ 0,3
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,3/ 17,6	0,0/ 11,2	0,1/ 0,3	0,0/ 0,9	2,9/ 4,5	0,0/ 2,0	2,0/ 2,0	0,0/ 0,8	0,2/ 14,0	0,1/ 11,5
Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло	0,4/ 1,7	0,1/ 2,1	0,2/ 0,1	5,6/ 0,6	0,1/ 1,0	1,0/ 0,7	0,1/ 0,3	9,5/ 0,7	1,1/ 0,2	0,5/ 0,9
Металлы и изделия из них	47,4/ 3,0	2,4/ 7,7	53,8/ 8,3	7,6/ 3,5	51,2/ 2,8	3,6/ 9,2	68,3/ 2,7	24,0/ 3,5	41,5/ 0,6	10,7/ 1,5
Машиностроительная продукция	12,5/ 10,3	3,2/ 55,0	3,0/ 68,9	2,0/ 75,5	23,7/ 65,8	0,5/ 58,9	2,5/ 33,2	6,0/ 61,8	6,0/ 38,0	5,8/ 52,1
Прочие товары	0,9/ 7,9	2,3/ 7,8	0,2/ 10,1	0,0/ 5,6	0,3/ 7,8	1,1/ 6,0	0,7/ 9,6	7,6/ 9,8	0,3/ 6,3	12,1/ 4,6

Примечание: по каждой укрупненной товарной группе указана ее доля в экспорте / доля в импорте.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Именно с ориентацией на рынки стран Большой тройки США было введено в эксплуатацию большинство крупных инвестиционных проектов по добыче природных ресурсов на российском Дальнем Востоке и в Восточной Сибири¹. Поставки сырьевой продукции (преимущественно углеводородов) из России на рынки стран АТР осуществляются главным образом на долгосрочной контрактной основе. Поставки продукции с низкой добавленной стоимостью определяли товарную структуру экспорта из России в страны АТР в рамках рассматриваемого периода. При этом наблюдалась смена одних доминирующих товарных групп экспорта другими

¹ Подробно: Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.

товарными группами с низкой добавленной стоимостью – топливно-энергетические товары вместо продукции черной металлургии.

Помимо топливно-энергетических товаров в 2018 г. по сравнению с 1996 г. в российских поставках на китайский рынок выросла доля продукции лесного комплекса, минеральных продуктов, продовольственных товаров (главным образом зерно и рыбная продукция); на японский рынок – изделий из камня, стекла, драгоценных камней и металлов, а также несущественно продукции нефтехимической промышленности, минеральных продуктов и продуктов растительного происхождения; на корейский рынок – продовольственных товаров (главным образом рыбная продукция) и разнообразных товаров; на американский рынок – изделий из камня, стекла, драгоценных камней и металлов, машин, оборудования и механизмов, электротехнического оборудования, разнообразных товаров, а также незначительно некоторых продовольственных товаров; на рынок стран АСЕАН – продовольственных товаров (главным образом зерно), разнообразных товаров и несущественно – машин, оборудования и механизмов, электротехнического оборудования. Возможно, в 2018 г. товарная структура российского экспорта в страны АСЕАН являлась более диверсифицированной по сравнению с другими рассматриваемыми странами АТР.

К 2018 г. с точки зрения наполняемости в рамках укрупненных товарных групп импорта в Россию поставки из крупнейших экономик АТР стали сопоставимыми. Основными товарными группами импорта в Россию являлись преимущественно товары обрабатывающей промышленности. В целом импорт из стран АТР характеризовался большим товарным разнообразием и меньшей, по сравнению с российским экспортом, концентрацией стоимостных объемов в рамках отдельных товарных групп. Доминирующей товарной группой импорта являлась машиностроительная продукция. Каждая из рассматриваемых стран АТР имела свою специализацию в заполнении определенных товарных ниш на российском рынке, как правило, дополняя друг друга.

По сравнению с 1996 г. к 2018 г. серьезные изменения произошли в структуре импорта в Россию из Китая – увеличился ввоз сложных потребительских и инвестиционных товаров. В импорте из Японии, США и отчасти из Республики Корея в Россию акцент был смещен от поставок машин, оборудования и механизмов, электротехнического оборудования к транспортным средствам. Данное обстоятельство объясняется, в том числе, переносом производственных мощностей по массовому выпуску целого ряда сложных товаров потребительского и инвестиционного назначения из ведущих стран АТР в КНР.

Производство транспортных средств, в частности автомобилей, пока не затронуло данный процесс, за исключением некоторых стран АСЕАН, по причине наличия у них конкурентных преимуществ на мировом рынке в выпуске данной продукции. Поэтому в импорте из стран АСЕАН, помимо увеличения поставок машин,

оборудования и механизмов, электротехнического оборудования на российский рынок, наблюдался также рост доли транспортных средств. В связи с введением Россией режима контрсанкций по отношению к сельскохозяйственной продукции из стран ЕС и ряда государств АТР (США, Канада и Австралия) с 2015 г. объемы и, соответственно, доля импорта продовольственных товаров в Россию сократились, особенно из США. Компенсация товарных групп импорта, попавшего под режим контрсанкций, осуществляется отчасти за счет поставок из прочих стран мира, в том числе из территориально удаленных стран АТР (Новая Зеландия и Чили).

Деловые круги стран АТР заинтересованы в массовых поставках своей продукции на российский рынок, но средневзвешенная ставка импортной пошлины у России выше, чем в целом в странах АТР. При этом наблюдаются обоюдные нетарифные ограничения¹, сдерживающие подобного рода взаимодействия. Снижение тарифных барьеров и нетарифных ограничений способно расширить торгово-экономические отношения России со странами субглобальной экономики.

3.3. Проблема интеграции российской экономики со странами АТР

За последние три десятилетия АТР превратился в крупнейший глобальный экономический центр². При этом степень гетерогенности стран АТР довольно высока по сравнению с ЕС и даже с СНГ, а рынок фрагментарен (*табл. 3.3*). По сравнению с ЕС, в АТР велики культурные, языковые, структурные, политические и институциональные различия между странами. Также, в отличие от ЕС, в АТР отсутствует «территориальная компактность» – субглобальная экономика характеризуется существенной протяженностью в пространстве.

В АТР располагается крупнейший рынок, а размер субглобальной экономики превосходит экономику России почти в тридцать раз. С точки зрения масштаба торгово-экономических связей Россия, в отличие от ее взаимодействий со странами ЕС, в АТР занимает далеко не лидирующие позиции. Тем не менее суммарная доля стран АТР в товарообороте России с зарубежными странами заметно увеличивалась – с 16,1% в 1996 г. до 30,6% в 2018 г., при этом крайне неоднородно по странам, с явным выделением стран Большой тройки США при лидировании экономики КНР, размер которой почти в восемь раз превосходил российскую. При этом Россия имеет сопряженную транспортную инфраструктуру с Китаем.

В АТР входят разнообразные по специализации и структуре экономики. Как было отмечено, ядром производственной кооперации в субглобальной экономике

¹ I-TIP Goods: Integrated Analysis and Retrieval of Notified Non-Tariff Measures / World Trade Organization. 2012. URL: <http://i-tip.wto.org/goods/default.aspx?language=en> (дата обращения: июль 2020).

² Доля стран АТР в мировом ВВП увеличилась с 35% в 1996 г. до 61% в 2018 г., в товарообороте – с 39% и до 50% соответственно. Рассчитано по: Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default>; International Financial Statistics / IMF. <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&slid=1409151240976> (дата обращения: июль 2020).

является ряд стран Восточной Азии и Северной Америки, в которых осуществляется производственный процесс в рамках вертикальной торговли для последующего экспорта готовой продукции по всему миру и внутри АТР. Остальные страны, к которым относится Россия, специализируются главным образом в производстве сырьевых и прочих товаров, удовлетворяя расширяющийся спрос как глобальной экономики в целом, так и стран АТР в частности.

Несмотря на взаимное наращивание торгового оборота со странами АТР, Россия продолжает неспешно подходить к расширению географии снижения и нивелирования барьеров торгово-экономических взаимодействий со странами субглобальной экономики. Как уже было обозначено, в 2015 г. Россией, как участницей ЕАЭС, было подписано ЗСТ с Вьетнамом¹, изучается возможность взаимного сокращения импортных пошлин с другими (помимо Вьетнама) странами АСЕАН. В октябре 2019 г. было подписано соглашение о создании ЗСТ с Сингапуром. Помимо сдержанных интеграционных процессов, Россия участвует в деятельности многосторонних экономико-политических объединений в АТР: форум АТЭС, Восточно-азиатский саммит, форум «Азия-Европа», Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Диалог по сотрудничеству в Азии и др.²

Современный процесс выстраивания внешнеполитических отношений России со странами АТР негласно получил название «поворота на Восток»³. По мнению некоторых исследователей⁴, одним из главных преимуществ российской политики в АТР, в отличие от ЕС, является дипломатическое присутствие практически во всех диалоговых форматах и дискуссионных площадках субглобальной экономики. Отмечается, что со стороны стран АТР к России (за исключением Японии) отсутствуют претензии по территориальному вопросу, не рассматривая ее как угрозу безопасности в субглобальной экономике. При этом выделяются некоторые неблагоприятные внешнеполитические тенденции для взаимоотношений России со странами АТР: ухудшающиеся отношения России с США; обострение политических и экономических отношений между КНР и США, что предполагает перспективы конкурентного выбора для России; ядерная проблема КНДР как главная угроза безопасности в СВА⁵; распространение санкционных ограничений на Россию со стороны большинства развитых стран АТР (США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Японии).

¹ Vietnam, Eurasia Economic Union Sign Free Trade Agreement. URL: <http://wtocenter.vn/other-agreement/vietnam-eurasia-economic-union-sign-free-trade-agreement> (дата обращения: октябрь 2015).

² Отражено участие России только в многосторонних экономико-политических объединениях в АТР. Подробно: Участие России в многосторонних механизмах в АТР / МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ucastie-rossii-v-mnogostoronnih-mehanizmah-v-atr> (дата обращения: октябрь 2020).

³ К Великому океану: хроника поворота на Восток / Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 352 с.

⁴ Михеев В.В., Игнатьев С.В. Будущие сценарии развития Азиатско-Тихоокеанского региона и его российский ракурс // Федерализм. 2018. № 2. С. 108.

⁵ Михеев В.В. АТР и Россия: ближайшие перспективы / Новости ИМЭМО. 2019. 16 августа. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/atr-i-rossiya-blizhayshie-perspektivi> (дата обращения: октябрь 2020).

Торговля России главным образом смещена в пользу стран Большой тройки СВА, из которой в последнее время выделяется экономика Китая как наиболее территориально близкая и крупная из них. За последнее десятилетие Китай довольно быстро занял ведущее место среди внешнеторговых партнеров России, существенно нарастив свой экспорт на российский рынок по целому ряду товарных групп. В свою очередь, обладая значительными запасами природных ресурсов, Россия значительно увеличила поставки в Китай сырьевых товаров, в основном углеводородов. Заинтересованность России в дальнейшем развитии и углублении стратегического партнерства с КНР, координации совместных действий в решении всего спектра актуальных проблем не только в субглобальной экономике, но и за ее пределами, заметно усилилась. Частые встречи между руководством двух стран, выработка совместных позиций по целому ряду вопросов, демаркация государственной границы являлись ключевыми компонентами положительной динамики развития двусторонних политических отношений, создавая предпосылки для дальнейшего поступательного экономического сотрудничества. Основные принципы и направления российско-китайских взаимодействий отражены в Договоре «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» от 16 июля 2001 г., в котором они определены как отношения «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия».

Помимо расширяющегося торгового взаимодействия России и КНР, похоже, постепенно создаются предпосылки для двустороннего снижения барьеров между странами, что может в перспективе быть зафиксировано созданием ЗСТ. В частности, в рамках политического формата БРИКС¹ не только формируются консультативные органы и финансовые институты², но и обсуждаются различного рода аспекты по расширению российско-китайских торгово-экономических взаимодействий с точки зрения снижения барьеров. Также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)³ изучаются возможности по снижению торговых барьеров во взаимодействиях между Россией и Китаем⁴. Несмотря на значительное увеличение масштаба торговли между двумя экономиками, высказываются скептические мнения относительно роли КНР как главного партнера в российской внешней торговле в перспективе⁵, а также явные опасения для России в случае ее сближения с Китаем⁶.

¹ В страны БРИКС, помимо России, входят Бразилия, Индия, Китай и ЮАР.

² BRICS Trade Strategy: Time for a Rethink. The 17th GTA Report / Ed. by S.J. Evenett. CEPR Press, 2015. 107 p. URL: <https://www.globaltradealert.org/reports/download/22>. (дата обращения: июль 2020).

³ В ШОС входят Россия, КНР, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Индия, Пакистан.

⁴ The New Eurasian Economic Union – A China FTA in the Offing? // China Briefing. 2015. 9 January. URL: <http://www.china-briefing.com/news/2015/01/09/new-urasian-economic-union-china-fta-offing.html> (дата обращения: июль 2020).

⁵ Булатов А.С. Внешнеэкономические связи России: постсоветские тенденции // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 4. С. 517–529.

⁶ Головин М.Ю., Пылин А.Г., Ушкалова Д.И. Внешнеэкономические связи России со странами «пояса соседства» и подходы к разработке системы интеграционных проектов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 1. С. 67.

Интеграционные процессы, в которые вовлечена Россия, ограничиваются странами постсоветского пространства, а процесс открытия внутреннего рынка для других стран пока встречает сопротивление, в том числе за счет нарастания тарифных и нетарифных барьеров¹. Россия не присоединяется к крупнейшим субглобальным торговым объединениям, что в долгосрочной перспективе грозит упущенными возможностями для национальной экономики по причине ее дальнейшей изоляции. Постсоветское пространство, несмотря на глубокие культурно-исторические, структурные и институциональные взаимосвязи, не является для России крупным рынком, а его доля в российской внешней торговле постепенно сокращается. Поэтому направления возможной интеграции российской экономики в пользу территориально близких и крупных рынков сводятся лишь к двум направлениям – ЕС и страны АТР. Страны ЕС являются крупнейшим традиционным торгово-экономическим партнером для России. Положительные эффекты от интеграции с ЕС для России в целом потенциально могут быть самыми высокими из альтернативных². При этом текущие двусторонние внешнеполитические факторы значительно затрудняют осуществление интеграционных процессов между Россией и ЕС, создав стратегический тупик для обоюдных взаимоотношений.

Другое направление – АТР, с точки зрения объемов внешней торговли является быстрорастущим и перспективным для России, поскольку реальный сдвиг в ее внешних торгово-экономических взаимосвязях произошел в пользу именно этого направления. Однако экономическое пространство АТР, в отличие от европейского, является в значительной степени фрагментированным как с точки зрения своей структуры, так и степени торгово-экономических взаимосвязей России со странами субглобальной экономики. С некоторыми странами АТР у России сохраняется текущее внешнеполитическое противостояние, при этом с большинством стран субглобальной экономики такого рода противоречий не наблюдается. На рынке стран Восточной Азии, являющимся для России наиболее близким и крупным, российская экономика находится вне рамок производственной кооперации и занимает гораздо более скромное место, чем на европейском рынке. В АТР наблюдается фрагментация экономического пространства с точки зрения выделения торговых мегаформатов. В заключенных мегаформатах АТР Россия участия не принимает.

Недостаточная мотивация у России для сближения с данными форматами объясняется отсутствием эндогенного спроса на подобную интеграционную политику, что отражается в текущей стратегии «борьбы»³. В случае России стратегия «борьбы» с негативными последствиями формирования многосторонних торговых соглашений (исключая российскую экономику) заключается в активном использо-

¹ В частности, в 2014 г. был введен режим санкций со стороны ряда развитых стран и объединений и ответный режим контрсанкций со стороны России.

² Подробно: Izotov D.A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. Issue 3. Pp. 338–345.

³ Подробно: Афонцев С.А. Россия среди «чужих» партнерств // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 104–118.

вании механизмов ВТО, а также в усилиях по реализации своих субглобальных проектов, т. е. углубление интеграции со странами ЕАЭС и ведение переговоров о заключении торговых соглашений с периферийными странами, не входящими в крупные торговые объединения. Стратегия «адаптации» предполагает для России одностороннюю либо обоюдную гармонизацию отдельных положений регуляторного режима в соответствии с правилами существующих форматов интеграции для последующего заключения торгового соглашения с ними.

Возможно, бизнес стран, не присоединившихся к торгово-экономическим форматам АТР и не создавших с ними ЗСТ, будет испытывать дискриминацию на рынке АТР, сталкиваясь с высокими барьерами во взаимодействиях. Во избежание этого для России в качестве основы для нового этапа «поворота на Восток» должны выступить новые инструменты, позволяющие ей стать полноценной частью экономики АТР. С этой точки зрения для России имеет смысл придерживаться стратегии «адаптации», а не «борьбы», в том числе для возможного сокращения различного рода негативных последствий, генерируемых внешнеполитическими факторами, и создания условий для роста национальной экономики на основе положительных интеграционных эффектов. Принципиальным моментом для России является возможность акцентированного снижения барьеров торгово-экономических взаимодействий с Китаем, с наиболее крупной и территориально близкой экономикой АТР. С этой точки зрения необходимо определить возможные эффекты, которые могут возникнуть при интеграции российской экономики с китайской, а также риски от сближения России с КНР, поскольку культурно-исторические и институциональные факторы такого сближения представляются крайне неоднозначными.

3.4. Торгово-экономическое сотрудничество России с КНР: особенности, риски и возможные эффекты интеграции

Как было обозначено ранее, Китай стал играть основополагающую роль в товарообороте России со странами АТР, являясь крупнейшей, наиболее близкой к российской экономикой Восточной Азии. При этом китайская экономика характеризуется высокими рисками ведения экономической деятельности по сравнению с развитыми странами. Поэтому при интеграции с КНР России необходимо осознавать особенности функционирования китайской экономики и возможные риски подобного рода взаимодействий.

Особенности развития экономики КНР и ее взаимодействие с Россией. За последние три с половиной десятилетия Китай, крупнейшая страна по численности населения, остается наиболее динамично развивающейся экономикой не только в АТР, но и во всем мире. Воздействие Китая на глобальную экономику растет по многим направлениям, втягивая в орбиту влияния КНР целые страны и их группы. За время реформ КНР совершила мощный экономический рывок, в результате которого на текущий момент по объему ВВП китайская экономика зани-

мает второе место в мире, уступая США. В начале 1990-х гг. директивная система управления экономикой была фактически упразднена, а одним из главных источников экономического развития стала тесная интеграция Китая с глобальным и субглобальными рынками товаров и капитала. За последнюю четверть века ВВП Китая в постоянных ценах увеличился на порядок, а среднедушевой ВВП – более чем в восемь раз¹. Китай стал одним из главных источников роста современной мировой экономики. Основной импульс для своего развития на протяжении 2000-х гг. китайская экономика получила за счет либерализации внешней торговли и включения в производственные связи ведущих ТНК мира.

Несмотря на очевидные экономические достижения, быстрый рост в КНР сопровождается рядом проблем, интерпретация которых в исследовательском сообществе меняется. Одним из популярных подходов, объясняющих затруднения дальнейшего поступательного развития китайской экономики, является «ловушка среднего дохода»², предполагающая, что рост экономики замедляется после достижения ею среднего уровня доходов на душу населения в связи с ростом оплаты труда и снижением ценовой конкурентоспособности производимой продукции. В результате страна становится не в состоянии конкурировать как с развитыми экономиками с высоким уровнем квалификации и инновациями, так и с экономиками с низкими уровнем оплаты труда и с более низкими издержками производства товаров. Согласно эмпирической модели³, страна начинает терять темпы роста экономики в два этапа. На первом этапе – по мере приближения к 11 тыс. долл. среднедушевого ВВП по паритету покупательной способности; на втором этапе – к 16 тыс. долл. Как показывает опыт других стран, выходом из сложившейся ситуации может стать внедрение инноваций, поиск новых рынков сбыта для поддержания роста чистого экспорта, а также увеличение внутреннего спроса. В 2010-е гг. Китай проходил первый этап данного процесса.

При абстрагировании от прочих факторов, связанных с кризисными эпизодами в мировой экономике и конъюнктурными колебаниями цен на рынках, в КНР с 2010 г. наблюдается тенденция затухающих темпов прироста ВВП. Структура ВВП по расходам указывает, что высокие темпы роста китайской экономики поддерживаются инвестициями, доля которых была максимальной с 2009 г., т. е. после реализации пакета антикризисных мер в 2008–2010 гг.⁴, заключающихся в наращивании капитальных вложений с целью компенсации падения объемов чистого экспорта. Прирост китайского экспорта товаров и услуг в реальном выражении

¹ Рассчитано по: World Economic Outlook Database / IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/April> (дата обращения: июль 2020).

² Aiyar S., Duval R., Puy D., Wu Y., Zhang L. Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap / IMF. Working Paper No. 13/71. 2013. 64 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp1371.pdf> (дата обращения: июль 2020).

³ Eichengreen B., Park D., Shin K. Growth Slowdowns Redux // Japan and the World Economy. 2014. Vol. 32. Pp. 65–84.

⁴ Подробно: Изотов Д.А. Северо-Восток Китая в условиях мирового кризиса // Экономика региона. 2010. № 4. С. 229–233.

имеет тенденцию к затуханию в первой половине 2010-х гг., что может быть связано как с конъюнктурными процессами в мировой экономике, так и с обострением конкуренции за новые рынки с развивающимися странами АТР.

В КНР происходит экстенсивное наращивание капитала: динамика предельного коэффициента капиталотдачи показывает, что в первой половине 2010-х гг. для дополнительного доллара китайского выпуска необходимо было затратить более пяти долларов инвестиций¹. Показатель совокупной факторной производительности КНР, который отражает вклад в выпуск остальных факторов производственной функции и трактуется как уровень технического прогресса, практически не растет в последние годы², что означает снижение конкурентоспособности китайской экономики. Несмотря на наличие огромного числа программ инновационного развития экономики, китайская инновационная система характеризуется отсутствием крепких связей между исследовательскими организациями и предприятиями³. Именно поэтому в Китае со второй половины 2000-х гг. реализуются долгосрочные планы развития науки, техники и образования. Однако по уровню развития фундаментальной науки Китай не находится в числе лидирующих стран. Несмотря на увеличение затрат на науку, менее 10% отечественных патентов могут представлять интерес для коммерческого использования. Большинство предприятий продолжают импортировать технологии, а на зарубежный сектор с импортными технологиями приходится порядка 90% высокотехнологичного экспорта Китая. Возможно, рост занятости («труда») является для КНР необходимым и пока единственным элементом для поддержания высоких темпов роста национальной экономики⁴.

Осуществление ориентированной на экспорт стратегии экономического развития, рост инвестиционных вложений в городскую инфраструктуру и создание на базе городов промышленного производства способствовали ускорению процесса урбанизации Китая, главным образом благодаря миграции из сельской местности. В целом протекание процесса урбанизации в Китае не является чем-то уникальным с точки зрения опыта развивающихся стран. Согласно одному из положений модели А. Льюиса⁵, в трудоизбыточной развивающейся стране процесс урбанизации способствует удорожанию рабочей силы, что влечет за собой ее миграцию из сельской местности в города, при этом размер национальной экономики увеличивается, о чем свидетельствует динамика реальных значений ВВП КНР.

¹ Mossavar-Rahmani S., Ha J., Minovi M., Dibo M. Walled in: China's Great Dilemma / Investment Strategy Group. 2016. 74 p. URL: <http://www.goldmansachs.com/what-we-do/investment-management/private-wealth-management/intellectual-capital/isg-china-insight-2016.pdf> (дата обращения: июль 2020).

² Total Factor Productivity at Constant National Prices for China / FRED. 2015. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/RTFPNACNA632NRUG> (дата обращения: июль 2020).

³ Изотов Д.А. Опыт интеграции науки и образования в странах Северо-Восточной Азии // Инновации. 2013. № 1. С. 76–81.

⁴ Подробно: Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 61–83.

⁵ Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School. 1954. Vol. 22. Issue 2. Pp. 139–191.

Трансформационные сдвиги в китайской экономике способствовали значительному росту мобильности китайского населения в национальном пространстве¹. Высокие значения экономического роста КНР наблюдались в условиях бурной урбанизации и низкого среднедушевого дохода. В перспективе следует ожидать сокращения как межрегиональной миграции, так и численности временного населения в приморских городах КНР. Можно предположить, что Китай переходит в качественно другое состояние – от избытка трудовой силы к ее дефициту. Поскольку дешевая рабочая сила используется в экспортных производствах, а чистый экспорт является одним из главных факторов быстрого экономического роста КНР, то демографические процессы способны негативно повлиять на рост китайской экономики в долгосрочной перспективе. Темпы роста китайской экономики объективно замедляются, но руководство КНР осуществлять масштабные структурные преобразования не решается.

Таким образом, развитие китайской экономики во многом носит экстенсивный характер, что в перспективе способно отразиться в резко затухающих темпах роста экономики, которые возможно поддержать главным образом за счет увеличения инвестиций в основной капитал, девальвации национальной валюты и оперативного наращивания экспорта отечественного сектора в страны с развивающейся и транзитной экономикой. В рамках долгосрочной перспективы без расширения внутреннего спроса, а также без успешного развития собственной научно-технической базы с опорой на отечественный сектор китайская экономика по мере естественного сокращения дешевых трудовых ресурсов способна перейти в застойное состояние, выход из которого будет весьма затруднителен.

В перспективе, на фоне обострения конкуренции на рынках развитых стран, китайские компании рассматривают как альтернативу рынки развивающихся и транзитных стран, в число которых входит Россия. Рынки данных стран интересны для Китая прежде всего с точки зрения наращивания экспорта отечественным сектором экономики, который по целому ряду причин не имеет возможности закрепиться на рынке развитых стран. Китай делает ставку на развивающиеся страны Африки, Азии и Южной Америки, а также страны бывшего Советского Союза с точки зрения надежных поставок на внутренний рынок сырьевых ресурсов, прежде всего сырой нефти, газа, угля и металлов. В случае России, в свете текущих санкционных ограничений со стороны США и стран ЕС, китайские государственные банки первоначально были готовы предоставлять российским крупнейшим сырьевым и транспортным компаниям долгосрочные кредиты, были заинтересованы в разработке сырьевых проектов в восточных российских регионах, а также в расширении своего присутствия на рынке потребительских и инвестиционных товаров. При этом частный сектор КНР, рискуя в том числе попасть под санкции, такими мотивами по отношению к России не характеризовался.

¹ Изотов Д.А. Экономический рост городов в неоднородном пространстве Китая // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 3. С. 789–802.

Действительно, за последние два десятилетия заметно усилилась заинтересованность России и КНР в дальнейшем развитии и углублении обоюдного стратегического партнерства. Как было обозначено ранее, Китай быстро занял ведущее место среди внешнеторговых партнеров России, существенно нарастив свой экспорт по целому ряду товарных групп, в том числе благодаря предприятиям глобального бизнеса, размещенным на китайской территории.

По мере увеличения масштабов китайская экономика нуждается в больших дополнительных объемах сырьевых товаров, одним из главных источников которых является импорт. Наибольшую зависимость китайская экономика испытывает от импорта сырой нефти, а также железной руды и угля. Для этого Китай последовательно осуществлял диверсификацию импортеров сырьевых товаров, нередко реализуя запретные меры по отношению к таким странам-импортерам, в том числе по внешнеполитическим причинам. Китай обладает достаточными производственными мощностями для переработки сырьевых товаров, поэтому импорт товаров с более высокой добавленной стоимостью, к которым возможно отнести нефтепродукты и продукцию из стали, не носит масштабного характера по сравнению с поставками прочих сырьевых товаров¹. Россия является одним из поставщиков на китайский рынок продукции топливно-энергетического комплекса, причем объемы и доля ввоза в КНР данных товаров имеют тенденцию к увеличению.

Россия последовательно осуществляет привязку к китайскому рынку большинства реализуемых на востоке страны проектов производства сырьевых товаров. В свою очередь, обладая большими запасами природных ресурсов, Россия значительно увеличила поставки в Китай сырьевых товаров и обрела статус крупнейшего поставщика сырой нефти в КНР. За последнее десятилетие была создана магистральная трубопроводная инфраструктура для поставок из России в Китай углеводородного сырья: строительство ответвления от нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» в китайском направлении и магистральный газопровод «Сила Сибири». Новыми источниками увеличения экспорта из России в КНР, по всей видимости, также станут поставки из проекта «Ямал СПГ», а также планируемое компанией «Роснефть» увеличение поставок сырок нефти транзитом через территорию Казахстана². Ввиду разницы в масштабах экономик, среди прочих стран мира Китай для России является основным торговым партнером, а для КНР Россия входит в десятку стран – крупнейших торговых партнеров. На динамику двусторонней торговли оказывают воздействие мировая конъюнктура цен на сырьевые товары и, соответственно, динамика курса национальных валют, а также рост потребительской и инвестиционной активности. Также в рамках ШОС и БРИКС изучаются возможности продвижения более тесных экономических отношений между Россией и КНР, которые могут являться основой для создания ЗСТ между страна-

¹ Изотов Д.А. Рынок сырьевых товаров Китая // *Пространственная экономика*. 2013. № 4. С. 70–89.

² Габуев А. Китайское зеркало // *Коммерсантъ*. 2020. 17 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4221187> (дата обращения: октябрь 2020).

ми. Поскольку КНР для России является естественным партнером, с этой точки зрения возможно оценить эффекты интеграции, необходимые для создания результативной ЗСТ между данными странами.

Интеграционные эффекты создания ЗСТ между Россией и Китаем. Помимо объективного процесса увеличения стоимостных объемов товарооборота, сближению экономик России и Китая может способствовать обоюдное снижение тарифных мер и нетарифных ограничений в рамках формата ЗСТ¹, эффекты которого необходимо оценить.

Существует два подхода к получению системных оценок последствий либерализации торговли для национальных экономик: модель общего равновесия и модель частичного равновесия. В данном исследовании применена модель частичного равновесия, поскольку результаты моделей частичного и общего равновесия, как правило, сопоставимы², но использование модели частичного равновесия для оценки влияния снижения барьеров на национальную экономику предполагает необходимость в гораздо меньшем объеме исходных данных, которые, как правило, находятся в открытом доступе. Тем более что, несмотря на простоту, эта модель позволяет получить более подробные оценки торговых эффектов либерализации на уровне конкретных товарных групп, экспорт или импорт которых может измениться (*ПРИЛОЖЕНИЕ II*).

В соответствии с проведенными оценками, для КНР декомпозиция средневзвешенной полной импортной пошлины на российские товары составила следующую пропорцию: 7,9% – тарифные меры и 0,3% – нетарифные ограничения; для России на китайскую продукцию: 7,4% и 0,8% соответственно. Таким образом, значения средневзвешенной полной импортной пошлины между странами являются сопоставимыми. Следует заметить, что, в отличие от Китая, другие страны АТР практически не облагают пошлинами российский импорт топливно-энергетических товаров и минеральных продуктов. С этой точки зрения получение обоюдных уступок является более мотивирующим для России с Китаем, чем с другими странами АТР.

Оценка на основе модели частичного равновесия показала³, что при взаимном обнулении полной импортной пошлины между Россией и КНР эффект создания торговли превысит эффект отклонения, а также общий торговый эффект (сумма эффекта создания и эффекта отклонения) будет выше потерь тарифной выручки, что указывает на возможную результативность российско-китайской ЗСТ (*табл. 3.6*).

Для России эффект создания и отклонения торговли при либерализации торговых отношений с Китаем составит соответственно 5,17 млрд и 2,21 млрд долл.

¹ The New Eurasian Economic Union – A China FTA in the Offing? // China Briefing. 2015. 9 January. URL: <http://www.china-briefing.com/news/2015/01/09/new-urasian-economic-union-china-fta-offing.html> (дата обращения: июль 2020).

² Подробно: Изотов Д.А. Либерализация торговли между Россией и Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 81.

³ Изотов Д.А. Россия-АТР: перспективы либерализации торговли // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 5. С. 67–78; Изотов Д.А. Торговая интеграция России со странами АТР: сценарная оценка эффектов // *ЭКО*. 2016. № 10. С. 104–124.

Для Китая либерализация торговых связей с Россией обеспечивает эффект создания торговли в размере 2,72 млрд долл., эффект отклонения торговли при этом будет минимальным – 0,57 млрд долл. Излишки потребителя и производителя, которые в сумме составляют эффект благосостояния, для России выше, чем для КНР. Потери тарифной выручки для России будут выше, чем для Китая.

Таблица 3.6

Эффекты создания ЗСТ между Россией и КНР, млрд долл.

Показатель	Для России	Для КНР
Эффект создания торговли	5,17	2,72
Эффект отклонения торговли	2,21	0,57
Эффект благосостояния	0,37	0,21
излишек потребителя	0,25	0,11
излишек производителя	0,12	0,10
Потери тарифной выручки	3,42	0,62
Увеличение объемов импорта из КНР в двухсторонней торговле, %	14,50	
Увеличение объемов экспорта из России в двухсторонней торговле, %	8,79	

Источник: расчеты автора.

Либерализация торговли с КНР может вызвать некоторые изменения в товарной структуре российского экспорта, но они не будут кардинальными. В экспорте из России в КНР может наблюдаться увеличение доли продукции пищевой и химической промышленности, а также драгоценных и недрагоценных металлов; наращивание в российском экспорте доли пищевых продуктов при сокращении долей промышленных товаров с высокой добавленной стоимостью; некоторое смещение акцентов в российском экспорте с невозобновляемых ресурсов на продукцию химической, нефтехимической и пищевой отраслей, а также сельского хозяйства и рыболовства, что означает некоторую диверсификацию сырьевого экспорта. Согласно оценкам, импорт из КНР в Россию может увеличиться по широкому спектру товарных групп, как потребительского, так и инвестиционного назначения¹. В товарной структуре импорта из Китая в Россию возможно ожидать увеличения транспортных средств, недрагоценных металлов, изделий из камня и стекла, пластмасс, изделий из древесины, продукции легкой промышленности, продуктов животного происхождения и т. д.

Либерализация торговли с КНР может привести к некоторому изменению географической структуры торговли России, главным образом за счет смещения импортных потоков. При сокращении полной импортной пошлины доля КНР в структуре товарооборота России с внешним миром может вырасти на 1,23 п. п., экспорта – на 0,62 п. п., импорта – на 2,18 п. п. При либерализации торговли с КНР положительное сальдо торгового баланса для России может сократиться на 4,08 млрд долл.; при этом ожидается дополнительное увеличение положительного сальдо на 1,58 млрд долл. как проявление эффекта отклонения торговли за счет остальных стран.

Реакция торговли на динамику курсов рубля и юаня. Важным аспектом двусторонних взаимодействий является реакция взаимной торговли на динамику кур-

¹ Определенная часть импортных товаров является продукцией переработки российского сырья.

сов национальных валют. В 2006–2015 гг. наблюдалось укрепление (ревальвация) юаня к доллару США, сменившееся затем сдержанной девальвацией. Российская валюта после 2014 г. осуществила девальвационный скачок по отношению к доллару США, и, соответственно, к юаню (рис. 3.7).

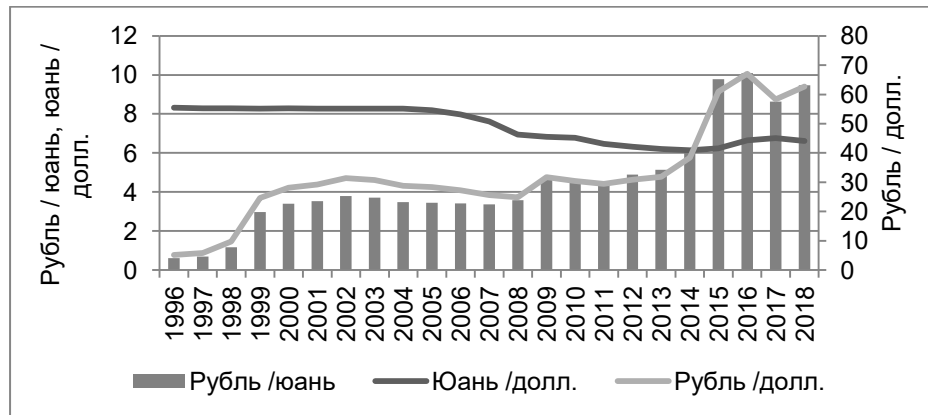


Рис. 3.7. Динамика курсов национальных валют России и КНР

Источник: International Financial Statistics / IMF. <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&slid=1409151240976> (дата обращения: июль 2020).

Расчеты показали¹, что ревальвация юаня к рублю оказывала сильное воздействие на приросты товарных групп с наименьшей долей в экспорте и импорте и наоборот. Несмотря на разнонаправленность этого процесса, в целом девальвация рубля к юаню способствовала увеличению российского экспорта и сокращению китайского импорта. Динамика приростов российского экспорта минеральных продуктов, продукции лесопромышленного комплекса определяется ценами на сырую нефть и необработанные лесоматериалы на мировом рынке и объемами производства в соответствующих российских отраслях. Прирост китайского импорта текстильных изделий, продукции целлюлозно-бумажной, кожевенной и химической промышленности, жиров и масел животного и растительного происхождения, а также прочих товаров сокращался при увеличении прироста российского производства соответствующих товарных групп. Вероятно, это указывает на определенный потенциал к замещению китайского импорта российскими товарами. Однако следует иметь в виду, что доля товарных групп китайского импорта, которые, по всей видимости, способны заместить российское производство, составляла менее 10%. За исключением выравнивания торгового баланса между Россией и КНР, минимальная ревальвация юаня к доллару не способна вызвать существенных изменений в стоимостных объемах российско-китайской торговли.

При дальнейшей ревальвации юаня к доллару стоимостные объемы российского экспорта минеральных продуктов, продукции химической промышленности, драгоценных металлов, драгоценных камней и металлов могут значительно возрасти. Со стороны китайского импорта может произойти наибольшее сокращение стоимостных объемов транспортных средств, машин и оборудования, продукции

¹ Изотов Д.А. Российско-китайская торговля и валютный курс // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 34–54.

кожевенной промышленности, недрагоценных металлов и изделий из них. При этом китайский импорт продукции пищевой промышленности, минеральных продуктов и оптических инструментов может сократиться несущественно. В соответствии с расчетами ревальвация юаня к доллару способна вызвать изменение объемов торговли между двумя странами, однако, при прочих равных условиях, к кардинальной трансформации товарной структуры российско-китайской торговли она не приведет.

При этом необходимо признать сложность процесса воздействия ревальвации юаня на характеристики российско-китайской торговли. При девальвации рубля более дешевая российская продукция может быть направлена во все страны, а не только на китайский рынок. Соответственно, при ревальвации юаня к доллару помимо России конкурентные преимущества в продвижении своих товаров по сравнению с КНР получают все страны как на китайском рынке в целом, так и в тех товарных нишах на мировом рынке, где присутствует китайская продукция¹.

Следует отметить особенность функционирования как российской и китайской экономик в целом, так и их внешнеторговых секторов в частности. Российский экспорт в Китай главным образом поставляется в рамках долгосрочных контрактных договоров. Доступ на китайский рынок российских товаров ограничен как многочисленными нетарифными мерами в КНР, так и высокой конкуренцией со стороны местных производителей. Поэтому ревальвация юаня к рублю может вызвать лишь увеличение поставок сырьевой продукции из России, без принципиального изменения структуры российского экспорта. Китайская продукция, производимая на предприятиях с ПИИ, а также на крупных, средних и мелких национальных предприятиях и поставляемая затем в Россию, торгуется преимущественно на свободном рынке. Рост поставок китайской продукции на российский рынок объясняется структурой экономики России.

Инвестиционное сотрудничество. По сравнению с торговыми взаимодействиями обмен инвестициями между странами довольно скромный. Несмотря на то, что китайские портфельные и прочие инвестиции активно привлекались в российскую экономику, объем прямых капиталовложений остается незначительным (*рис. 3.8*), вопреки многочисленным подписанным двусторонним меморандумам о сотрудничестве. Данное обстоятельство объясняется как институциональными барьерами, так и конъюнктурными и макроэкономическими факторами.

Одним из драйверов расширения экономического сотрудничества между двумя странами, вероятно, могут выступить прямые инвестиции в Россию из КНР. Возможно, в долгосрочной перспективе функцию по инвестированию в проекты азиатской части России возьмут на себя создаваемые в настоящее время при непосредственном участии Китая международные финансовые учреждения: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, банки БРИКС и ШОС.

¹ Изотов Д.А. Российско-китайская торговля и валютный курс // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 34–54.



Рис. 3.8. Динамика притока ПИИ в Россию

Источник: Статистика внешнего сектора / Центральный банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: декабрь 2019).

Хотя по количеству создаваемых в приграничных регионах России предприятий с иностранными инвестициями Китай являлся лидером, но по общему объему вложенных в экономику средств он занимает одно из последних мест среди иностранных государств-инвесторов¹. В начале 2010-х гг. наблюдалась активность китайской стороны в приобретении прав на геологическую разведку и разработку месторождений полезных ископаемых на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. В последующие годы в связи с негативной конъюнктурой на рынках минерального сырья поток прямых инвестиций из КНР стал сокращаться.

По причине высоких рисков в российской экономике инвестиции из КНР главным образом осуществляются при поддержке четырех крупнейших государственных банков Китая, а также компаний с большой долей государственного участия. Капиталовложения из КНР преимущественно концентрируются в минерально-сырьевом секторе и в первичной обработке сырьевых товаров (главным образом древесины), а также в сельском хозяйстве, сфере услуг и создании производств товаров потребительского назначения. В настоящее время активно привлекаются капиталы из КНР в автомобилестроение и освоение месторождений полезных ископаемых.

Традиционно при выборе российского региона для осуществления капиталовложений иностранные инвесторы ориентируются на низкие риски и высокий экономический потенциал. Поведение же китайских инвесторов отличается от поведения инвесторов из других стран: их не пугают значительные риски в российских регионах. При этом в зоне их интересов остаются российские регионы с высоким экономическим потенциалом и приграничные регионы России (рис. 3.9).

По причине все большего увеличения расхождения в создании технологических платформ между КНР и развитыми странами мира расчет России на тесное технологическое сотрудничество с Китаем повышает риск закрепления технологической отсталости. Следует упомянуть о практике продвижения китайскими ком-

¹ Изотов Д.А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176.

паниями своей продукции и услуг на развивающихся рынках. Китайская сторона, как правило, предпочитает выдавать связанные кредиты под поставку готовой продукции и возведение промышленных объектов «под ключ».

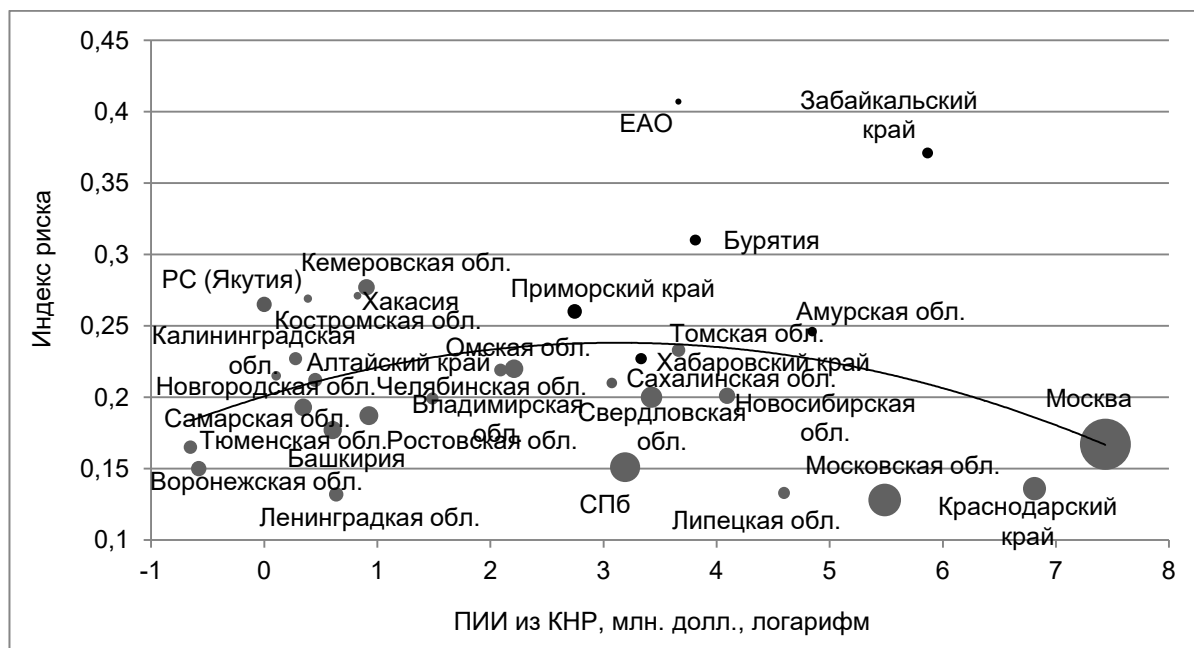


Рис. 3.9. Индекс риска и ПИИ из КНР в российские регионы

Примечания. Представлены средние значения показателей за 2011–2017 гг. Размер кружка соответствует размеру ВРП (в ценах 2011 г., млн руб.). Кружками черного цвета обозначены приграничные с КНР регионы России.

Источники: Статистика внешнего сектора / Центральный банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/; Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Инвестиционный климат регионов / ПА «Эксперт». URL: https://www.raexpert.ru/rankings/region_climat/ (дата обращения: декабрь 2019).

При этом России необходимо учитывать опыт более успешных стран с точки зрения ограничений для капиталовложений китайских компаний, связанных с государством¹. Например, в Австралии в совместных проектах с участием китайских инвестиций, которые связаны с добычей минерального сырья, доля в капитале компаний из КНР составляет не более 50%, а доля в крупных компаниях не может быть выше 15%. В отличие от Австралии, в России формальные возможности для инвестиционного доступа китайских компаний более либеральные: инвесторы из КНР в ряде случаев владеют 100% долей в ресурсных проектах. Другим отличием является то обстоятельство, что российские ресурсные проекты расположены рядом с теми регионами Китая, которые не испытывают дефицита практически по всем видам импортируемых из России сырьевых товаров. С этой точки зрения, российским компаниям довольно сложно получить те же преимущества, которыми обладают австралийские.

Таким образом, китайская экономика объективно замедляется, а ее рост в целом характеризуется экстенсивными свойствами, генерируя риски ее поступа-

¹ Hurst L., Cai P.Y., Findlay C. Chinese Direct Investment in Australia: Public Reaction, Policy Response, Investor Adaptation / EABER. Working Papers 23342. 2012. URL: <https://ideas.repec.org/p/eab/wpaper/23342.html> (дата обращения: июль 2020).

тельного развития. Для России Китай не является схожей страной с точки зрения сопряженности институциональных и культурных факторов, в отличие от стран ЕС и СНГ. КНР часто применяет различного рода ограничения для импортных товаров, исходя из эндогенных политических мотивов и собственной трактовки экономической безопасности. Тем не менее существующие тенденции политического и экономического сближения России и Китая, особенно в условиях текущего режима санкций со стороны западных стран к России, а также политических противоречий между США и КНР, позволяют предположить, что в перспективе интеграция российской экономики с китайской является все более вероятной. Действительно, как показали оценки, имеются экономические основания для интеграции в формате ЗСТ между Россией и КНР. В этом случае, наряду с увеличением двустороннего товарооборота и, в последующем, как предполагается, импорта капитала из Китая, российская экономика способна незначительно диверсифицировать товарную структуру экспорта в КНР, рискуя в целом сохранить инерционную структуру торговых взаимодействий.

Следует заметить, что оценка реакции на обоюдное нивелирование тарифных барьеров является лишь проявлением «поверхностной» интеграции для России с КНР. Китай является протяженной в пространстве страной и характеризуется дифференцированными торговыми взаимосвязями с российским рынком, как для экспортных, так и импортных потоков. Поэтому основной задачей для товарной диверсификации экспорта России в КНР является максимально активное присутствие на внутреннем рынке Китая с точки зрения преодоления всевозможных барьеров межпровинциальных взаимодействий, что способно в определенной мере нивелировать негативные эффекты от монополии, связанной с привязкой не к китайскому рынку, а к некоторым приграничным провинциям КНР. Данное обстоятельство требует проведения дополнительной оценки потенциала торговых взаимодействий России с китайскими регионами. Полученная оценка (*ПРИЛОЖЕНИЕ III*) указала на необходимость диверсификации поставок товаров в другие регионы КНР с целью обхода посредников и освоения новых региональных рынков сбыта в Китае для российских экспортеров. В этом случае положительные эффекты от интеграции для России с Китаем могут возрасти.

При выборе российской внешнеэкономической политики в пользу стратегии «адаптации» в интеграции со странами АТР, в том числе исходя из мотивов, связанных с нивелированием политической изоляции в рамках экономической дипломатии в субглобальной экономике, данное обстоятельство предполагает соотнесение масштабов торговых взаимодействий России с мегаформатами АТР, а также получение сравнительной оценки возможных эффектов интеграции российской экономики с тем или иным мегаформатом.

ГЛАВА 4. ЭФФЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ С ТОРГОВЫМИ МЕГАФОРМАТАМИ АТР

4.1. Динамика торговли России с мегаформатами АТР

В АТР формируются с высоким уровнем самодостаточности крупнейшие в мире торгово-экономические объединения, характеризующиеся тесными технологическими, институциональными и структурными взаимодействиями стран, в них входящих: ВПТТП, ВРЭП, АТЭС. Исходя из возможности изменения позиции американской стороны, формат ВПТТП в АТР может быть усилен вхождением США (ВПТТП+США). В рамках данного развития событий торгово-экономический формат ВПТТП+США может быть расширен за счет других стран Восточной Азии (за исключением КНР) и Латинской Америки¹, по сути, представляя собой соглашение ТТП в расширенном формате (ТТП+). В перспективе сближение экономик АТР за счет снижения барьеров во взаимодействиях может создать условия для быстрого экономического роста ряда стран АТР с последующим достижением ими уровня развитых стран, что способно создать условия для расхождения между интегрированными в торгово-экономические форматы странами и странами, развивающимися в условиях периферийной автаркии.

Несмотря на текущие политические разногласия, представители США приглашали Россию присоединиться к ТТП (до решения Д. Трампа о выходе американской стороны из данного формата), при условии соблюдения формата соглашения², которое регулирует обширный круг вопросов, связанных с охраной интеллектуальной собственности, инвестициями, финансами, таможенным сотрудничеством, сельским хозяйством, медицинской и другими сферами.

На страны АТР, входящие или намеревающиеся создать крупные торговые форматы, приходится до 1/3 товарооборота России с внешним миром (со странами АТЭС), что уступает только российскому товарообороту со странами ЕС. Масштаб торговли России со странами ВРЭП (с учетом Индии) примерно в два раза превышает масштабы торговли с ТТП+ (рис. 4.1). В целом торговля России с ключевыми странами ВРЭП и АТЭС имеет тенденцию к увеличению за счет расширения объемов торговли, прежде всего, со странами Большой тройки СВА. К 2018 г. по сравнению с 1996 г. рост торговли России со странами, относящимися к рассматриваемым мегаформатам АТР, соответствовал или был выше роста товарооборота России с глобальной экономикой (увеличение – в 4,6 раза, т. е. с 149,9 млрд до 691,7 млрд долл.): с ВПТТП – в 6,3 раза (с 6,4 млрд до 40,2 млрд долл.); с ВПТТП+США – в 4,6 раза (с 14,4 млрд до 65,9 млрд долл.); со странами ТТП+ – в

¹ Индонезия, Колумбия, Республика Корея, Таиланд, Тайвань и Филиппины – страны, которые объявили о заинтересованности присоединения к ТТП (ВПТТП+США). Подробно: Trans-Pacific Partnership / Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Trans-Pacific_Partnership (дата обращения: июль 2020).

² США приглашают Россию и Китай присоединиться к ТТП // Газета.ru. 2015. 2 ноября. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2015/11/02/n_7841087.shtml (дата обращения: июль 2016).

5,7 раза (с 17,2 млрд до 97,6 млрд долл.); с ВРЭП – в 11,8 раза (с 15,8 млрд до 185,9 млрд долл.); с АТЭС – в 8,9 раза (с 23,2 млрд до 206,8 млрд долл.).

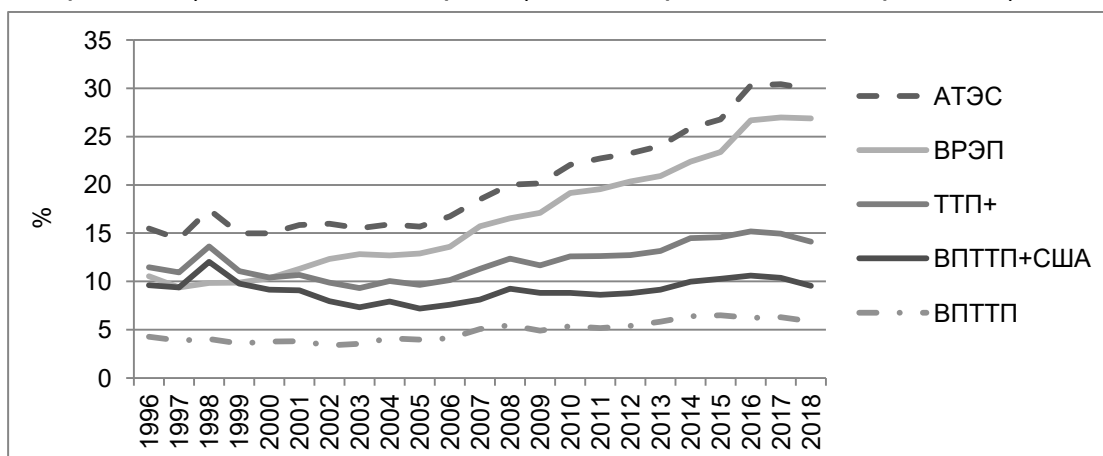


Рис. 4.1. Географическая структура торговли России с группами стран, отнесенных к мегаформатам АТР, %

Примечания. Торговля России со всеми странами мира = 100%. ТТП+ включает в себя страны ВПТТП, США и страны, заинтересованные в присоединении к такому формату: Индонезия, Колумбия, Республика Корея, Таиланд, Тайвань и Филиппины. Здесь и далее ВРЭП представлено с учетом Индии.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Поскольку главным торговым партнером в АТР и в мире для России является Китай, то с точки зрения стоимостных объемов российского товарооборота его участие во ВРЭП и АТЭС определяет их существенный отрыв от ВПТТП, ВПТТП+США и ТТП+ (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Структура товарооборота России со странами, входящими в мегаформаты АТР, 2018 г., %

Страна / группа стран	АТЭС	ВПТТП	ВПТТП+США	ТТП+	ВРЭП
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
КНР	51,7	–	–	–	59,0
Республика Корея	12,2	–	–	26,0	13,9
США	10,5	–	36,4	22,4	–
Япония	9,9	54,1	34,4	21,1	11,3
Тайвань	3,1	–	–	6,6	–
АСЕАН	–	–	–	–	9,5
Вьетнам	2,6	14,5	9,2	5,7	в рамках АСЕАН
Сингапур	1,7	9,4	6,0	3,7	в рамках АСЕАН
Мексика	1,2	6,8	4,3	2,7	–
Таиланд	1,1	–	–	2,3	в рамках АСЕАН
Индонезия	1,0	–	–	2,2	в рамках АСЕАН
Малайзия	1,0	5,7	3,6	2,2	в рамках АСЕАН
Канада	0,6	3,0	1,9	1,2	–
Чили	0,5	3,0	1,9	1,2	–
Филиппины	0,5	–	–	1,0	в рамках АСЕАН
Индия*	–	–	–	–	5,8
Остальные страны	2,4	3,6	2,3	1,8	0,5

Примечание: прочерк означает, что страна / группа стран не входит в тот или иной формат; * – в 2020 г. индийская сторона отложила подписание вступления во ВРЭП.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

На рассматриваемом временном промежутке сальдо торгового баланса России со странами ВПТТП, ВПТТП+США и ТТП+ характеризовалось в целом положительными значениями. Колебания торгового баланса России со странами ТТП и его производных форматов преимущественно объясняются динамикой российского спроса на продукцию, производимую японской и американской экономиками для внешнего рынка, а также конъюнктурными факторами. С ВРЭП и АТЭС сальдо торгового баланса России определялось торговлей с китайской экономикой.

Доля в российском экспорте стран АТЭС и ВРЭП с 2008 г. увеличивалась практически экспоненциально, а с группой стран, относящихся к производным формам торгового формата ВПТТП, в 2014–2018 гг. оставалась на относительно стабильном уровне (рис. 4.2).

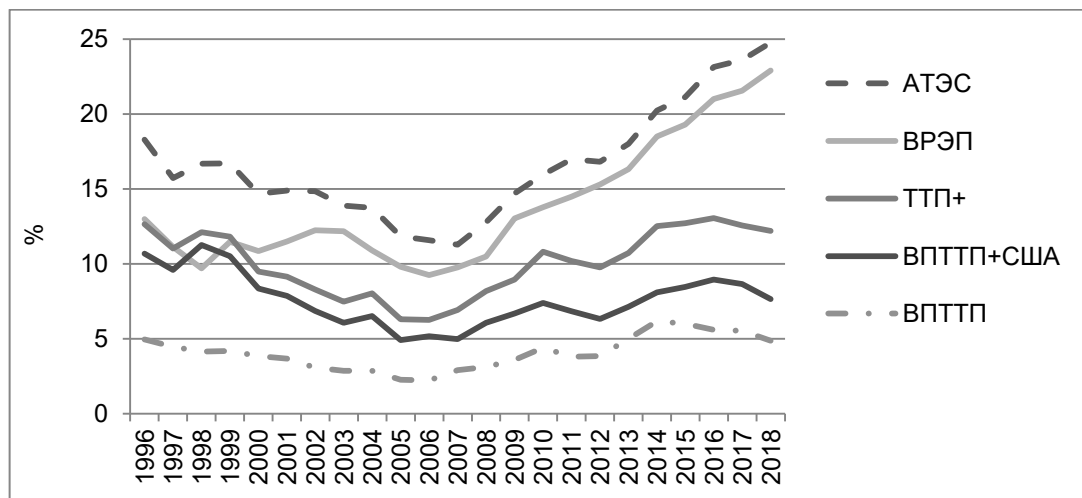


Рис. 4.2. Географическая структура экспорта из России в группы стран, отнесенных к мегаформатам АТР, %

Примечание: экспорт России во все страны мира = 100%.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

По сравнению с 1996 г., к 2018 г. увеличение экспорта из России в группы стран в рамках мегаформатов АТР было выше роста российского экспорта в зарубежные страны (в 5,1 раза – с 88,7 млрд долл. до 451,5 млрд) только для форматов ВРЭП (в 9 раз – с 11,5 млрд до 103,4 млрд) и АТЭС (в 6,9 раза – с 16,2 млрд до 111,8 млрд долл.). Для других мегаформатов – меньше: с ВПТТП – в 5 раз (с 4,4 млрд до 22 млрд долл.); с ВПТТП+США – в 3,7 раза (с 9,5 млрд до 34,6 млрд долл.); со странами ТТП+ – в 4,9 раза (с 11,2 млрд до 55,1 млрд долл.).

Во второй половине 1990-х и первой половине 2000-х гг., помимо укрепления торгово-экономических связей России с европейским рынком, обозначилась тенденция к росту доли импорта из стран АТР, что может быть связано с поставками доступной для российских потребителей и производителей продукции, в том числе товаров, производимых ТНК в развивающихся странах АТР. Импорт из КНР в Россию, как было обозначено ранее, занимал большую долю. По этой причине,

как и в случае экспорта, принадлежность Китая к тому или иному мегаформату определяла его высокую долю в импорте на российский рынок (рис. 4.3).

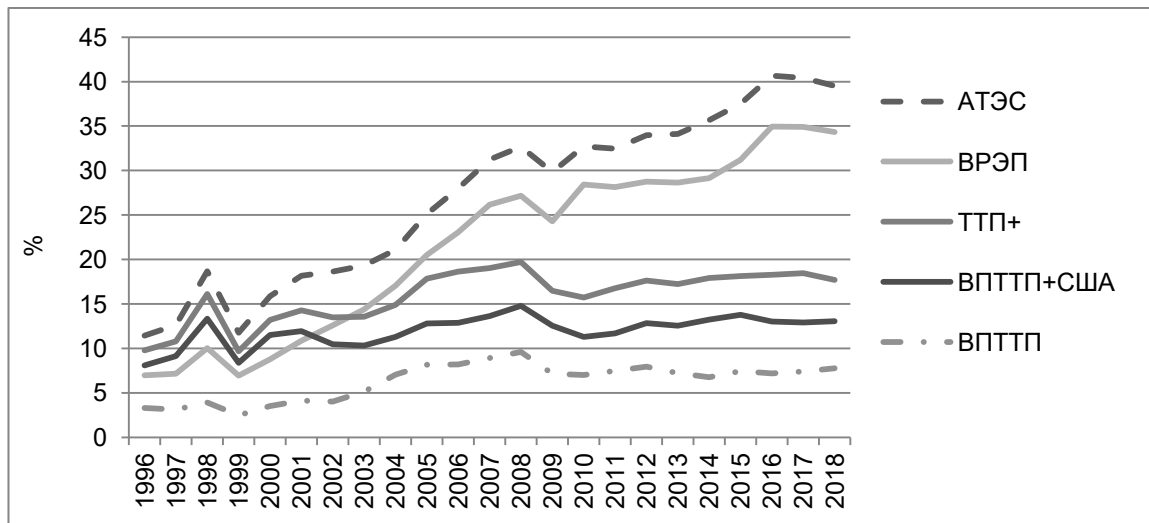


Рис. 4.3. Географическая структура импорта в Россию из групп стран, отнесенных к мегаформатам АТР, %

Примечание: импорт в Россию из всех стран мира = 100%.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Со второй половины 2000-х гг. в России были ужесточены некоторые тарифные и нетарифные меры внешнеторгового регулирования в рамках определенных товарных групп, которые способствовали сдерживанию импорта из Японии и США. Несмотря на это, к 2018 г. по сравнению с 1996 г. рост импорта в Россию из стран, отнесенных к крупным торговым форматам АТР, был выше роста суммарного импорта¹: из ВПТТП – в 9,3 раза (с 2,0 млрд до 18,7 млрд долл.); их ВПТТП+США – в 6,3 раза (с 4,9 млрд до 31,4 млрд долл.); из ТТП+ – в 7,1 раза (с 6 млрд до 42,5 млрд долл.); из ВРЭП – в 19 раз (с 4,3 млрд до 85,5 млрд долл.); из АТЭС – в 13,6 раз (с 7 млрд до 95 млрд долл.).

Согласно статистике двухсторонней торговли, к 2018 г. в структуре экспорта России в страны, отнесенные к торговым мегаформатам АТР, основная доля приходилась на топливно-энергетические товары. Наибольшая доля данной товарной группы (69,4%) в российском экспорте наблюдалась со странами ВРЭП, поскольку китайская экономика занимала в ней самую большую долю с точки зрения торговых обменов с Россией. Данное обстоятельство связано с ростом цен на сырую нефть и другие топливно-энергетические ресурсы и продукцию их переработки, а также увеличением физических объемов экспорта ввиду выхода на проектную мощность проектов и расширения экспортной инфраструктуры на Востоке России (табл. 4.2).

Второй по стоимости товарной группой в поставках в группу стран ВРЭП стала древесина, а страны ВПТТП, ВПТТП+США, ТТП+ и отчасти в АТЭС – продукция черной металлургии. Таким образом, налицо выраженный «нишевый» компо-

¹ Увеличение – в 3,9 раза (с 61,1 млрд до 240,2 млрд долл.).

нент в географической структуре поставок, что может быть обусловлено специфической доступности российской продукции на рынки данных групп стран.

Таблица 4.2

Товарная и географическая структура экспорта и импорта РФ:
мегаформаты АТР, %

Укрупненная товарная группа	ВПТТП		ВПТТП+ США		ТТП+		ВРЭП		АТЭС	
	1996	2018	1996	2018	1996	2018	1996	2018	1996	2018
Продовольственные товары и сырье	4,6/ 18,4	5,8/ 11,4	3,2/ 30,1	3,9/ 8,1	3,0/ 28,9	6,3/ 9,3	2,4/ 26,5	5,5/ 5,8	2,4/ 30,3	5,4/ 6,0
Минеральные продукты	0,8/ 1,7	0,7/ 1,0	0,6/ 0,9	0,5/ 0,6	0,7/ 0,7	0,6/ 0,5	0,6/ 1,0	1,8/ 0,1	0,6/ 1,1	1,6/ 0,3
Топливо-энергетические товары	21,7/ 3,3	62,0/ 0,9	14,9/ 1,8	53,7/ 0,7	12,9/ 1,8	61,8/ 0,7	8,8/ 2,5	69,4/ 0,5	9,5/ 1,8	67,3/ 0,5
Продукция химической промышленности	5,3/ 8,7	4,5/ 12,1	7,9/ 10,4	6,8/ 14,8	7,7/ 9,3	5,1/ 15,3	15,2/ 11,6	3,2/ 12,0	14,4/ 9,0	3,8/ 12,3
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	0,1/ 0,1	0,0/ 0,2	0,1/ 0,1	0,0/ 0,2	0,1/ 0,2	0,0/ 0,2	0,1/ 1,0	0,0/ 0,9	0,2/ 0,6	0,0/ 0,7
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	17,1/ 1,0	3,2/ 0,8	10,6/ 1,2	2,8/ 0,8	10,0/ 1,2	2,4/ 0,8	10,9/ 1,2	6,0/ 0,9	8,9/ 1,4	5,5/ 0,9
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,1/ 1,0	0,0/ 4,3	1,1/ 1,7	0,0/ 2,9	1,3/ 2,2	0,0/ 3,1	0,5/ 8,1	0,0/ 9,3	1,0/ 4,6	0,0/ 7,6
Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло	0,3/ 0,2	3,4/ 0,4	0,2/ 0,2	5,6/ 0,5	0,2/ 0,3	3,8/ 0,7	0,4/ 0,7	2,0/ 1,7	0,3/ 0,5	2,2/ 1,5
Металлы и изделия из них	44,8/ 5,3	13,5/ 3,0	57,2/ 3,8	17,4/ 3,2	57,9/ 3,5	13,2/ 4,0	46,8/ 3,4	4,1/ 6,5	54,3/ 3,5	7,8/ 6,1
Машиностроительная продукция	4,8/ 53,4	2,9/ 60,6	3,6/ 41,4	4,0/ 61,1	5,9/ 43,5	2,9/ 58,8	13,3/ 37,3	4,1/ 55,5	8,0/ 38,8	3,1/ 56,9
Прочие товары	0,3/ 6,9	3,9/ 5,4	0,5/ 8,5	5,3/ 7,1	0,5/ 8,2	3,8/ 6,7	1,0/ 6,8	3,9/ 6,8	0,6/ 8,3	3,0/ 7,3

Примечание: по каждой укрупненной товарной группе указана ее доля в экспорте / доля в импорте.

Источник: рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).

Несмотря на устойчивое доминирование топливо-энергетических товаров и металлов в структуре российского экспорта в АТР, потенциал для роста, возможно, имеют и другие товарные группы. Для стран ВПТТП, ВПТТП+США, ТТП+ – это продовольственные товары, драгоценные камни и металлы, для ВРЭП – продовольственные товары, драгоценные камни и металлы и минеральные продукты. Заметными статьями российского экспорта в страны АТЭС была продукция нефтехимии и рыбной промышленности. Продукция обрабатывающей промышленности также фигурирует в российском экспорте¹, в основном она представлена электрооборудованием, которое поставляется в АТР в связи с реализацией крупных инфраструктурных проектов, в том числе для генерации электроэнергии.

Импорт в Россию из стран АТЭС, ВРЭП, ВПТТП, ВПТТП+США и ТТП+ характеризовался большим товарным разнообразием, в отличие от российского экспорта. Основу импорта составляли товары обрабатывающей промышленности, при этом поставляемая на российский рынок продукция из групп стран производных форм ТТП более диверсифицирована, чем из группы стран ВРЭП. Основу импортных поставок в Россию составляли машины, оборудование и механизмы,

¹ Поставки военной техники из России в АТР стали эпизодическими.

электротехническое оборудование, а также транспортные средства. Возможно, в перспективе будет наблюдаться переход от комплементарного заполнения товарных ниш на российском рынке к прямой конкуренции на нем продукции из группы стран ВРЭП с одной стороны и стран ВПТТП+США с другой.

Таким образом, несмотря на периоды замедления двусторонней торговли, тенденция увеличения товарооборота России со странами АТР, вероятно, является долгосрочной, поэтому обоюдное снижение барьеров в торговле способно нарастить взаимные товаропотоки за счет эффекта создания торговли. Возможно, либерализация торговли со странами АТР может выступить в качестве дополнительного источника экономического развития для российской экономики, снижая риски, генерируемые привязкой к европейскому рынку. За последние два с половиной десятилетия из стран АТР крупнейшим естественным торговым партнером для России стала китайская экономика, а ее участие в том или ином мегаформате АТР может определять общий потенциал расширения торгово-экономических взаимосвязей России с субглобальными блоками стран. Географическая концентрация торговли России в пользу стран Большой тройки СВА может быть связана в первую очередь с территориальной близостью, товарной взаимодополняемостью экономик, наличием сопряженной транспортной инфраструктуры (в случае КНР) и емкими рынками данной группы стран. Данные страны входят в «ядро» производственной кооперации в АТР, а Россия, как одна из альтернативных поставщиков, поддерживает функционирование данного экономического комплекса.

Россия принимает участие в обсуждении многосторонней инициативы по либерализации торгово-экономических отношений в рамках АТЭС, а также осуществляет переговоры по заключению ЗСТ со странами АТР. Поскольку Россия руководствуется долгосрочными интересами при определении своего места в АТР, в перспективе ее руководство неизбежно окажется перед выбором взаимоотношений с торговыми мегаформатами АТР. Какими будут варианты этого выбора, – конкурентными или дополняющими друг друга, – зависит в первую очередь от эндогенного характера принятия подобного рода решений, от масштабов двусторонних экономических взаимодействий, а также от баланса выигрышей и потерь для российской экономики.

Анализ представленных данных позволяет предположить, что либерализация торговли России с рассматриваемыми странами будет способствовать дальнейшей конкуренции импортной продукции на российском рынке, а для российских производителей появится возможность диверсифицировать структуру экспорта на рынке стран АТР. При этом, по некоторым оценкам¹, по мере расширения экономических связей России со странами АТР европейские страны могут утратить роль главного ее торгового партнера.

¹ CIS Trade Outlook. Gravitating Eastwards / HSBC Global Research. CEEMEA Economics. 2013. 8 July. URL: <http://www.about.hsbc.ru~/media/russia/-en/news-and-media/trade-outlook-eng.pdf?la=en-gb> (дата обращения: август 2015).

Поскольку Россия прилагает некоторые усилия по диверсификации экономических связей в пользу стран АТР, представляется важным оценить последствия для эффективного встраивания экономики России в торговые форматы АТР для случая стратегии «адаптации». Помимо объективного процесса наращивания товарооборота, двустороннему сближению могло бы способствовать обоюдное снижение тарифных мер и нетарифных ограничений в рамках формата ЗСТ. Причем в данном случае речь идет исключительно о выяснении наличия необходимых условий (с точки зрения теории внешней торговли) для создания интеграционного формата между российской экономикой и субглобальной, с учетом ее фрагментации¹. Исходя из изложенной выше информации, последующая оценка будет строиться в рамках сценариев создания ЗСТ² России со странами, отнесенными к ВРЭП, АТЭС, ВПТТП+США³ и ТТП+.

Другим аспектом является оценка косвенных эффектов для третьих стран, не принимающих участия в интеграционных процессах. К таким странам может быть отнесена Россия в случае реализации ею стратегии «борьбы». Как показывают исследования⁴, российская экономика в перспективе может понести потери в случае неучастия в мегаформатах АТР, которые оцениваются: в 0,1% ВВП в случае отсутствия экономического сближения с ВПТТП+США; в 0,2% – с ВРЭП; в 0,3% ВВП – с АТЭС. В этом случае является важным определить, какие товарные группы российского экспорта могут сократиться в первую очередь при реализации именно такой стратегии.

4.2. Оценка эффектов интеграции России с торговыми мегаформатами АТР

Алгоритм оценки эффектов торговой либерализации для России с ВРЭП, АТЭС и производными форматами ТТП отражен в ПРИЛОЖЕНИИ II.

На первом этапе была рассчитана полная импортная пошлина для каждой товарной группы, представленной в двусторонней торговле, с учетом запрещенных к ввозу товаров. В соответствии с проведенной оценкой за последнее десятилетие ставка средневзвешенной полной импортной пошлины России на продукцию из стран АТР находилась в диапазоне 10–13%. Значение полной импортной

¹ Рассматривается для случая согласования Россией со странами ЕАЭС интеграции с группами стран АТР.

² Создание ЗСТ означает значительную либерализацию торговых отношений между сторонами.

³ Оценки либерализации торговли России со странами ВПТТП+США показали получение общего выигрыша российской экономикой до 1% ВВП. Подробно: Кнобель А.Ю., Чокаев Б.В. Оценка последствий создания зон свободной торговли России с азиатскими странами. М.: РАНХиГС, 2013. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2341353> (дата обращения: октябрь 2020).

⁴ Kawasaki K. The Relative Significance of EPAs in Asia-Pacific / RIETI. Discussion Paper Series 14-E-009. 2014. 37 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/14e009.pdf> (дата обращения: июль 2020); Petri P.A., Plummer M.G., Zhai F. The TPP, China and the FTAAP: The Case for Convergence // *New Directions in Asia-Pacific Economic Integration* / Ed. by G. Tang, P.A. Petri. East-West Center, 2014. Pp. 78–89.

пошлины на российскую продукцию в странах АТР в среднем составило 6% в развивающихся и 4,5% в развитых странах¹.

В результате, с одной стороны, были получены значения полной импортной пошлины России на товары из анализируемых групп стран АТР: РФ – ВРЭП (8,8% – тарифные меры и 1,3% – нетарифные ограничения); РФ – ВПТТП+США (12,6% и 10,6%); РФ – ТТП+ (11,5% и 7,6%); РФ – АТЭС (9,2% и 3,7% соответственно). С другой стороны, были рассчитаны значения полной импортной пошлины на поставляемые товары из России в данные группы стран: ВРЭП – РФ (6,1% – тарифные меры и 0,2% – нетарифные ограничения); ВПТТП+США – РФ (1,3% и 1,3%); ТТП+ – РФ (1,1% и 0,9%); РФ – АТЭС (5,5% и 0,7% соответственно)².

По причине меньшей нагрузки на сырьевые товары, формирующие основную долю в товарной структуре экспорта России в страны АТР, средневзвешенная полная пошлина на импорт из стран ВРЭП, АТЭС, ВПТТП+США и ТТП+ в целом выше, чем на российскую продукцию со стороны рассматриваемых крупных торговых форматов АТР.

Полная импортная пошлина России на продукцию из стран ВПТТП+США и стран ТТП+ более чем в два раза превышала соответствующие значения по ВРЭП и АТЭС вследствие реализации запретов на поставку на российский рынок пищевой продукции, а также наличия ограничительных мер на ввоз транспортных средств. Ввиду сравнительно большей доли в экспорте из России продукции с высокой добавленной стоимостью, поставляемой в страны АСЕАН, а также в связи с тем, что Китай облагает пошлиной ввозимые на его территорию российские сырьевые товары, полная импортная пошлина стран ВРЭП на российские товары характеризуется высокими значениями.

Нетарифными ограничениями Россия осуществляет большую нагрузку на импорт из стран АТР, чем наоборот. Декомпозиция средневзвешенной полной импортной пошлины показала, что нетарифные ограничения в дополнение к тарифным мерам формируют почти половину нагрузки на импорт в Россию из стран ВПТТП+США, две трети – из ТТП+, десятую часть – из ВРЭП, треть – из АТЭС. В свою очередь, нетарифные ограничения на российскую продукцию со стороны стран ВПТТП+США и ТТП+ составляют почти половину полной импортной пошлины, АТЭС – десятую часть, ВРЭП – незначительную долю.

¹ Рассчитано по: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default>; Customs Tariffs / Market Access Map. URL: <http://www.macmap.org/en/query/customs-duties>; World Tariff Profiles / WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/tariff_profiles_e.htm; UNCTAD (TRAINS) / World Bank. URL: [https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=UNCTAD-%7E-Trade-Analysis-Information-System-\(TRAINS\)](https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=UNCTAD-%7E-Trade-Analysis-Information-System-(TRAINS)); I-TIP Goods: Integrated Analysis and Retrieval of Notified Non-Tariff Measures / WTO. URL: <http://i-tip.wto.org/goods/Forms/MemberView.aspx?mode=modify&action=search>; Sanitary and Phytosanitary Information Management System / WTO. URL: <http://spsims.wto.org/>; Technical Barriers to Trade Information Management System / WTO. URL: <http://tbtsims.wto.org/> (дата обращения: июль 2020).

² Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 94.

Общая динамика средневзвешенной полной импортной пошлины России в торговле со странами АТР показала общую тенденцию к либерализации торговли с группой стран ВРЭП, а также некоторый рост нагрузки на импорт из групп стран ВПТТП+США и ТТП+ со стороны нетарифных ограничений. В целом же нагрузка от тарифных мер в АТР на российскую продукцию выше, чем от тарифных мер в среднем всех стран мира.

Ряд стран АТР применяет к определенным российским товарам, главным образом к недорогим металлам и изделиям из них, а также к продукции химической и связанных с ней отраслей промышленности, нетарифные ограничения, включая процедуры антидемпинга и квотирование. Уровень нетарифных ограничений со стороны групп стран ВПТТП+США и ТТП+ выше, чем со стороны группы стран ВРЭП. В то же время полная импортная пошлина группы стран ВРЭП на российскую продукцию выше, чем у групп стран ВПТТП+США и ТТП+.

На втором этапе, используя рассчитанные значения полной импортной пошлины для каждой товарной группы по шестизначному коду в рамках модели частичного равновесия, были получены оценки отдельных эффектов и определены потери тарифной выручки в случае существенной либерализации торговли России со странами ВРЭП, ВПТТП+США, ТТП+, а также АТЭС. В соответствии с расчетами, при взаимной либерализации торговли России с рассматриваемыми группами стран АТР эффект создания превысит эффект отклонения торговли, что указывает на потенциальную результативность создания ЗСТ¹ (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Эффекты создания ЗСТ между Россией и группами стран ВРЭП, ВПТТП+США, ТТП+ и АТЭС, млрд долл.

Показатель		ВРЭП	ВПТТП+США	ТТП+	АТЭС
Эффект создания торговли	для России	12,17	7,25	10,65	15,81
	для партнера	4,43	2,84	3,03	6,26
Эффект отклонения торговли	для России	6,87	5,36	7,25	9,87
	для партнера	1,56	2,19	2,32	3,29
Эффект благосостояния	для России	1,83	2,82	3,28	3,43
	для партнера	0,48	0,12	0,29	0,49
излишек потребителя	для России	1,64	1,78	2,21	2,22
	для партнера	0,23	0,08	0,12	0,24
излишек производителя	для России	0,19	1,04	1,07	1,21
	для партнера	0,25	0,04	0,17	0,25
Потери тарифной выручки	для России	8,46	8,65	10,04	14,5
	для партнера	1,69	2,04	2,25	3,22
Увеличение объемов двусторонней торговли для России, %	импорт	18,31	33,18	34,84	10,18
	экспорт	7,38	12,51	8,57	7,46
Увеличение объемов общей торговли для России, %	импорт	4,25	2,53	3,71	5,52
	экспорт	1,20	1,01	1,07	1,92
Увеличение объемов общей торговли для партнера, %	импорт	0,09	0,10	0,09	0,07
	экспорт	0,35	0,30	0,34	0,32

Источник: расчеты автора.

¹ Подробно: Izotov D.A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. Issue 3. Pp. 338–345; Изотов Д.А. Россия-АТР: перспективы либерализации торговли // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 5. С. 67–78; Изотов Д.А. Торговая интеграция России со странами АТР: сценарная оценка эффектов // ЭКО. 2016. № 10. С. 104–124.

В случае либерализации торговли с ВПТТП+США эффекты создания и отклонения торговли для России могут составить, соответственно, 7,25 млрд и 5,36 млрд долл. Не рассматривая АТЭС, со странами ВРЭП либерализация способна обеспечить максимальный эффект создания торговли (12,17 млрд долл.), а со странами ТТП+ – максимальный эффект отклонения торговли (7,25 млрд долл.). Общий торговый эффект для России от сближения с ВРЭП и странами ТТП+ будет сопоставимым.

Для стран ВПТТП+США эффекты создания и отклонения торговли составят, соответственно, 2,84 млрд и 2,19 млрд долл. Наибольшую отдачу от либерализации торговли с Россией, за исключением формата АТЭС, могут получить страны ВРЭП. Для них эффект создания торговли составит 4,43 млрд долл., эффект отклонения – 2,32 млрд долл. Общий торговый эффект для стран ВРЭП и ТТП+ сопоставим.

Расчеты показали, что и Россия, и ее торговые партнеры в АТР могут рассчитывать на получение эффектов благосостояния, причем для России этот эффект будет более ощутимым. Излишки потребителя и производителя, которые в сумме составляют эффект благосостояния, для России выше, чем для ВПТТП+США. Росту излишков потребителя и производителя для России также может способствовать импорт из группы стран ТТП+. Либерализация торговли России с ВРЭП и ТТП+ порождает в целом сопоставимые эффекты.

Полученные оценки эффектов создания и отклонения торговли дают основание полагать, что страны ВРЭП будут больше заинтересованы в наращивании закупок российской продукции, чем страны ВПТТП+США и ТТП+. Потери же тарифной выручки для России будут выше, чем для стран ВРЭП, ВПТТП+США и ТТП+. Это может быть связано, прежде всего, с массовым импортом продукции из стран ВПТТП+США и особенно ТТП+.

В случае обнуления полной импортной пошлины доля стран ВРЭП в структуре товарооборота России может вырасти на 1,86 п. п.; стран ВПТТП+США – на 2,04 п. п., ТТП+ – на 2,55 п. п. Особенно заметные изменения в географической структуре российского экспорта произойдут в случае либерализации торговли со странами ТТП в расширенном формате (их доля может вырасти на 1 п. п.).

Структура импорта России может претерпеть следующие изменения: доля стран ВРЭП увеличится на 3,21 п. п., стран ВПТТП+США – на 3,4 п. п. и ТТП+ – на 4,98 п. п. При включении ряда стран одновременно в несколько мегаформатов либерализация торговли с ВРЭП может оказать положительное воздействие на торговлю России с ВПТТП+США.

При заключении ЗСТ только с группой стран ВРЭП сальдо торгового баланса России сократится на 8,84 млрд долл., а со странами ВПТТП+США и ТТП+ – уменьшится на 7,57 млрд и 12,55 млрд долл. соответственно. При этом вследствие проявления эффекта отклонения торговли можно ожидать дополнительное

увеличение ее профицита с прочими странами. В любом из рассмотренных вариантов Россия сохранит положительное сальдо торгового баланса за счет превышения экспорта над импортом в торговле с прочими странами.

Расчеты показали, что рост товарооборота России с группами стран ВРЭП, ВПТТП+США и ТТП+ будет определяться за счет эффективных товарных групп¹, поскольку их вклад в увеличение объема двусторонней торговли является основным. Либерализация торговли может повлечь за собой определенные изменения товарной структуры экспорта России, но они не будут кардинальными². Можно ожидать незначительного увеличения доли продукции пищевой и химической промышленности, а также драгоценных и недрагоценных металлов в поставках в группу стран ВРЭП. Вырастет доля продуктов животного и растительного происхождения, а также древесины и товаров пищевой промышленности в экспорте в группу стран ВПТТП+США и ТТП+.

Таким образом, структура российского экспорта в АТР может трансформироваться в пользу продукции химической, нефтехимической и пищевой промышленности, а также сельского хозяйства и рыболовства, что означает диверсификацию сырьевых поставок (т. н. чилийская модель экономического развития).

Что касается импорта из групп стран ВРЭП, ВПТТП+США и ТТП+, то он может увеличиться по широкому спектру товарных групп. При ослаблении тарифных и нетарифных ограничений можно ожидать существенного роста поставок транспортных средств (преимущественно автомобилей) из всех рассматриваемых мегаформатов. При снятии запрета на поставку отдельных товаров в рамках введенного Россией режима контрсанкций их доля в импорте также заметно увеличится. Воздействие на торговлю прочих макроэкономических и конъюнктурных факторов, а также согласованных мер двусторонней либерализации торговли может привести к опережающему росту импорта конечной потребительской продукции с высокой добавленной стоимостью. В результате создание Россией ЗСТ с рассматриваемыми мегаформатами может привести к некоторому изменению географической структуры торговли России, главным образом за счет изменения импортных поставок в пользу стран АТР.

Создание ЗСТ между Россией и группой стран АТЭС может сгенерировать: для российской экономики – высокие значения эффекта создания (15,81 млрд долл.) и эффекта отклонения торговли (9,87 млрд долл.) по сравнению с ВРЭП, ВПТТП+США и ТТП+; для АТЭС – наибольшие значения эффекта создания

¹ Эффективные товарные группы характеризуются превышением эффекта создания над эффектом отклонения торговли, неэффективные – в противном случае. Торговые эффекты на уровне национальных экономик вычислены путем суммирования торговых эффектов по товарным группам. Подробно: Изотов Д.А. Либерализация торговли между Россией и Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 75–97.

² Подробно: Izotov D.A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries // *Studies on Russian Economic Development*. 2017. Vol. 28. Issue 3. Pp. 338–345; Изотов Д.А. Россия-АТР: перспективы либерализации торговли // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 5. С. 67–78; Изотов Д.А. Торговая интеграция России со странами АТР: сценарная оценка эффектов // *ЭКО*. 2016. № 10. С. 104–124.

(6,26 млрд долл.), эффекта отклонения торговли (3,29 млрд долл.) и эффекта благосостояния (3,43 млрд долл.). Наибольшее значение излишка потребителя и производителя для России может быть сгенерировано импортом из группы стран АТЭС (2,22 млрд и 1,21 млрд долл. соответственно). Самые высокие потери тарифной выручки для России также будут генерированы импортом из группы стран АТЭС. Повысится доля разнообразных промышленных товаров, драгоценных и недрагоценных металлов, продуктов животного и растительного происхождения, продукции пищевой и химической промышленности в структуре экспорта России в страны АТЭС.

Потери тарифной выручки для России будут выше, чем для мегаформатов АТР. Принимая данный факт во внимание, для России баланс выигрышей и потерь от либерализации торговли должен строиться на том основании, что потери тарифной выручки для российского бюджета могут быть впоследствии частично компенсированы наращиванием экспорта с точки зрения увеличения сборов экспортной пошлины; с другой стороны, проявление эффекта создания торговли будет означать более эффективное перераспределение средств через рыночные механизмы. Для России и групп стран, входящих в мегаформаты АТР, общий торговый эффект, представляющий собой сумму эффектов создания и отклонения торговли, будет выше потерь тарифной выручки.

Таким образом, оценки указали на обоюдную результативность интеграции в случае реализации стратегии «адаптации» посредством «расширения» торговых мегаформатов АТР за счет России. Исходя из сопоставления соответствующих эффектов интеграции, для России имеются необходимые экономические предпосылки для создания ЗСТ с мегаформатами АТР, также в этом случае товарная структура российского экспорта может быть диверсифицирована, а страна получит эффекты благосостояния. Для России максимальное увеличение товарооборота, а также соответствующих эффектов интеграции будет характерно при ее сближении с группой стран АТЭС как с наиболее крупным рынком. Помимо АТЭС, при сближении с группой стран ВРЭП может наблюдаться наибольшая обоюдная отдача от создания ЗСТ, поскольку к ней также отнесены страны Большой тройки СВА, являющиеся естественными торговыми партнерами России.

Сравнивая эффекты сближения России с китайской экономикой с одной стороны и с ВПТТП+США с другой, можно отметить, что в случае создания ЗСТ с Китаем доля импорта в Россию из КНР может увеличиться главным образом за счет остальных стран, не относящихся к ВПТТП+США; со странами ВПТТП+США – доля их импорта на российском рынке, при создании ЗСТ с Россией, возрастет за счет остальных стран и Китая. Сравнение возможных изменений в объемах торговли при сближении российской экономики с КНР и ВПТТП+США, как в некотором смысле конкурентных направлений для создания ЗСТ России со странами АТР, показало, что максимального увеличения этого показателя для российской экономики

возможно ожидать при нивелировании тарифных барьеров со странами – потенциальными участниками ВПТТП+США. При этом полученные оценки эффектов создания и отклонения торговли дают основание полагать, что Китай будет больше заинтересован в наращивании закупок российской продукции, чем страны ВПТТП+США.

4.3. Косвенные эффекты для России от создания торговых мегаформатов АТР

Для вычисления косвенных эффектов от заключения торговых мегаформатов АТР для третьих стран, к которым относится Россия, возможные изменения российского экспорта на уровне товарных групп были оценены также на основе модели частичного равновесия (ПРИЛОЖЕНИЕ II). Определение косвенных эффектов для национальной экономики (в конкретном случае – российской) от заключения третьими странами крупного торгового объединения в данном исследовании возможно при оценке *эффекта отклонения торговли*¹.

Применительно к настоящему исследованию для каждой товарной группы i выражение (II.11) было отражено следующим образом:

$$TD^{FTA} = \frac{M^{FTA} \times M^{ROW} \times [(1+t_{FTA})-1] \times \sigma_M}{M^{FTA} + M^{ROW} + M^{FTA} \times [(1+t_{FTA})-1] \times \sigma_M} \equiv -\Delta X^{ROW}, \quad (4.1)$$

где: FTA – группа стран, отнесенных к числу участников ЗСТ в рамках торгового мегаформата в АТР (ВРЭП, ВПТТП, ВПТТП+США, АТЭС); ROW – остальные страны мира (к которым относится Россия); TD^{FTA} – эффект отклонения торговли для стран FTA ; M^{FTA} – товарообмен между странами FTA ; M^{ROW} – поток товаров в страны FTA из стран ROW ; t_{FTA} – размер импортной пошлины в адвалорном эквиваленте между странами FTA ; σ_M – эластичность замещения между товарами, участвующими в обмене между странами FTA и товарами, ввозимыми из стран ROW в страны FTA .

Выражение (4.1) используется для получения отдельных результатов для остальных стран-экспортеров мира, к которым относится Россия. По причине того, что эффект отклонения торговли проявляется в смещении поставок товаров из стран ROW в страны FTA , суммарные значения TD^{FTA} эквивалентны по модулю изменению (сокращению) экспортного потока из стран ROW в страны FTA – ΔX^{ROW} . Кроме того, результаты могут быть суммированы для одной группы и далее могут быть распределены среди членов альтернативной группы стран-поставщиков в соответствии с их прежней долей в импорте из этой группы. Соответственно, на уровне товарных рынков изменение поставок из стран ROW в страны FTA корректируется пропорциональным сокращением долей товаров из стран ROW на рынках стран FTA .

¹ Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 41–55.

Величина воздействия на потребление различных видов товаров в зависимости от относительной цены выражается через несовершенную эластичность замещения между потреблением товаров из разных стран. Несовершенная эластичность замещения (σ_M) в данном случае может оцениваться или задаваться экзогенно. Помимо тарифных барьеров, представленных импортными пошлинами, в результате заключения торгового соглашения стороны также могут нивелировать различные нетарифные барьеры, размер которых может быть оценен в адвалорном эквиваленте и включен в модель равновесия как «надбавка» к тарифной нагрузке. Однако для широкого охвата стран – торговых партнеров получение данных оценок довольно трудоемко, а оценку воздействия эффекта отклонения торговли можно значительно упростить за счет изменения значений эластичности замещения ($\sigma_M > 0$)¹. Наряду с этим, в данном исследовании для получения менее абстрактных оценок в торговле между экономиками, входящими в ВПТТП, ВПТТП+США, ВРЭП и АТЭС, были выборочно оценены значения эластичности замещения между торгуемыми товарами для товарных групп, составляющих основу российского экспорта в данные группировки стран в 2018 г. по отношению к 2017 г., в рамках следующего выражения²:

$$\sigma_M = \frac{\Delta(\sum M_{ijFTA} / \sum M_{ijROW}) / (\sum M_{ijFTA} / \sum M_{ijROW})}{\Delta(\sum P_{ijFTA} / \sum P_{ijROW}) / (\sum P_{ijFTA} / \sum P_{ijROW})}, \quad (4.2)$$

где: j – страна-участница мегаформата; M_{ijFTA} – импорт товара i в страну j из страны, отнесенной к торговому мегаформату; M_{ijROW} – импорт товара i в страну j из третьей страны (страна, не входящая в торговый мегаформат); P_{ijFTA} – цена на товар i из страны, отнесенной к торговому мегаформату на рынке страны j ; P_{ijROW} – цена на товар i из третьей страны, на рынке страны j . По причине ограниченности массива используемых статистических данных оценка эластичности замещения для ряда товарных групп осуществлялась только для макроуровня³. Базовым годом для расчета косвенных эффектов являлся 2018 г.

Прежде чем перейти к полученным оценкам, необходимо проанализировать товарную структуру российского экспорта в торговые мегаформаты АТР, а также уровень тарифной нагрузки на товары из России, ввозимые на рынок стран, отне-

¹ В данном исследовании для отражения диапазона значений эффекта отклонения торговли для стран, участвующих в торговом соглашении на экспорт третьих стран были выбраны два параметра σ_M : 1,5 и 5. Параметр 1,5 является приближенным к единичной эластичности замещения и с этой точки зрения отражает консервативное поведение потребителей на изменение цены товара, что означает их сдержанное предпочтение в выборе продукции из стран, заключивших торговое соглашение по сравнению с товарами из третьих стран. Для параметра $\sigma_M=5$, напротив, предпочтения потребителей смещаются в пользу товаров заключенного торгового объединения. В соответствии с ранее проведенными исследованиями, было обнаружено, что введение экзогенного параметра эластичности замещения, равного 5, с точки зрения полученных значений общего торгового эффекта, равнозначно случаю оценки модели, в которой были учтены нетарифные ограничения для каждого товара в адвалорном эквиваленте.

² Laird S., Yeats A. The UNCTAD Trade Policy Simulation Model. A Note on the Methodology, Data and Uses / UNCTAD. 1986. October. URL: <https://wits.worldbank.org/data/public/SMARTMethodology.pdf>; Francois J., Hall K.H. Global Simulation Analysis of Industry-Level Trade Policy: the GSIM model / Institute for International and Development Economics. Discussion Papers 20090803. 2009. URL: <http://www.i4ide.org/content/wpaper/dp20090803.zip> (дата обращения: октябрь 2020).

³ Feenstra R.C., Luck P.A., Obstfeld M., Russ K.N. In Search of the Armington Elasticity / NBER. Working Paper Series 20063. 2014. April. URL: <http://www.nber.org/papers/w20063> (дата обращения: октябрь 2020).

сенных к соответствующим мегаформатам. Данный анализ в целом позволит объяснить отсутствие видимых действий России по либерализации торговли со странами АТР.

Анализ товарной структуры экспорта России в страны, отнесенные к торговым мегаформатам АТР (табл. 4.2), указал на доминирование сырьевых товаров, среди которых особенно выделяются топливно-энергетические товары, на которые приходилось более половины российских поставок в страны субглобальной экономики. Также заметными товарными группами российского экспорта являлись: металлы и изделия из них; продукция химической промышленности; продовольственные товары и сырье (представленные преимущественно рыбой, морепродуктами и сельскохозяйственными культурами); драгоценные, полудрагоценные камни, металлы (главным образом продукция алмазно-бриллиантового комплекса и драгоценные металлы). Импортные пошлины на некоторые сырьевые товары, используемые в пищевой промышленности, в целом ряде стран АТР остаются высокими. В частности, на ввозимые из России продовольственные товары и сырье импортная пошлина характеризуется высокими значениями в КНР и в некоторых развивающихся странах ЮВА. Ряд стран ВПТТП и ВРЭП, в частности, Республика Корея и Япония, практикуют запретительные пошлины на импорт из-за рубежа некоторой продукции сельскохозяйственного производства, а также нетарифные ограничения на ввоз переработанной продукции рыбного комплекса (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Средневзвешенная импортная пошлина на российскую продукцию
в мегаформатах АТР, 2018 г., %

Укрупненная товарная группа экспорта	ВРЭП	ВПТТП	ВПТТП+США	АТЭС
Всего	3,27	1,41	1,23	2,48
Продовольственные товары и сырье	13,60	6,26	5,48	11,60
Минеральные продукты	0,47	0,35	0,43	0,44
Топливо-энергетические товары	2,39	0,58	0,52	1,84
Продукция химической промышленности, каучук	3,74	0,90	0,89	2,24
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	6,88	3,12	2,19	3,00
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,86	0,00	0,01	0,13
Текстиль, текстильные изделия и обувь	6,43	6,12	8,14	7,70
Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло	4,79	1,88	1,85	2,68
Металлы и изделия из них	4,53	2,99	2,36	2,73
Машиностроительная продукция	4,14	1,82	1,38	2,54
Прочие товары	5,80	2,95	1,21	3,13

Источник: рассчитано по: Customs Tariffs / Market Access Map. URL: <http://www.macmap.org/en/query/customs-duties>; World Tariff Profiles / WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/tariff_profiles_e.htm; Tariff data by Country / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: декабрь 2020).

Поскольку основной товарной группой российского экспорта являются топливно-энергетические товары, а средневзвешенная импортная пошлина стран АТР на данную продукцию является низкой, то общая тарифная нагрузка на экспорт из России в эти группы стран также не характеризуется высокими значениями.

ми, особенно для стран ВПТТП+США и ВПТТП. Из стран АТР только Китай, крупнейший торговый партнер России, взимает импортную пошлину на ввоз топливно-энергетических товаров, главным образом, на импортируемую сырую нефть, нефтепродукты с низкой степенью переработки и уголь определенных сортов. Поэтому, отнесение Китая к ВРЭП и АТЭС приводит к увеличению общей тарифной нагрузки на ввоз российских товаров в данные торговые мегаформаты.

В ресурсоизбыточные и удаленные страны АТР российские товары с низкой добавленной стоимостью практически не экспортируются, а некоторые ресурсодефицитные страны АТР (Тайвань, ряд стран АСЕАН, Япония и отчасти Республика Корея) практически не облагают импортной пошлиной большинство товаров с низкой добавленной стоимостью из России: топливно-энергетические товары (сырая нефть, сжиженный природный газ, уголь); древесину с незначительной степенью обработки; рыбу и морепродукты; руды черных и цветных металлов; лом черных и цветных металлов. В свою очередь, в России взимается экспортная пошлина на данные товары, а также практикуются квотирование и, в ряде случаев, запретительные меры на вывоз данных товаров за рубеж.

Данные обстоятельства в некоторой степени объясняют нежелание России нивелировать взаимные барьеры в торговле со странами АТР, поскольку в субглобальной экономике тарифная нагрузка на российские сырьевые товары незначительна. Говоря иначе, снижение пошлин на российскую продукцию может не вызвать существенного увеличения экспорта из России в страны АТР. С этой точки зрения, нежелание России интегрироваться со странами АТР на первый взгляд кажется вполне разумным, если не учитывать риски постепенного замещения российских товаров в рамках торговых мегаформатов АТР.

Расчеты в рамках модели частичного равновесия показали¹, что для российского экспорта косвенные эффекты от нивелирования импортных пошлин между странами, отнесенными к торговым мегаформатам АТР, в целом будут отрицательными и сопоставимыми с некоторыми оценками², полученными на основе модели общего равновесия, в случае накопления полученных эффектов на долгосрочную перспективу (табл. 4.5).

Негативное влияние от эффекта отклонения торговли в пользу стран того или иного мегаформата АТР ожидается небольшим, не превышая 1% от стоимостного объема российского экспорта, поставляемого в страны, заключившие или намеревающиеся заключить широкие по охвату стран-участниц торговые соглашения. Согласно оценкам, нивелирование тарифной нагрузки в рамках торговых мегаформатов АТР может привести к сокращению российского экспорта: до 0,04 млрд долл. для случая ВПТТП, до 0,12 млрд – для ВПТТП+США, до 0,43 млрд –

¹ Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 41–55.

² См., например: Petri P.A., Plummer M.G., Zhai F. The TPP, China and the FTAAP: The Case for Convergence // New Directions in Asia-Pacific Economic Integration / Ed. by G. Tang, P.A. Petri. East-West Center, 2014. Pp. 78–89.

для ВРЭП и до 0,87 млрд долл. – для АТЭС. При этом создание предпосылок для нивелирования тарифных барьеров между странами АТЭС может рассматриваться только в долгосрочной перспективе. Исходя из этого, негативные косвенные проявления от торгово-экономического сближения стран АТР между собой на первый взгляд не являются критичными для российского экспорта в среднесрочной перспективе. Однако на уровне отдельных товарных групп российского экспорта в страны АТР ситуация может значительно отличаться от совокупного косвенного эффекта отклонения торговли.

Таблица 4.5

Изменение товарной структуры российского экспорта в торговые мегаформаты АТР

Укрупненная товарная группа российского экспорта	ВРЭП		ВПТТП		ВПТТП+США		АТЭС	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	-427,1	-0,56	-41,6	-0,17	-117,0	-0,35	-864,7	-1,00
Продовольственные товары и сырье	-83,6	-1,74	-14,9	-0,84	-55,2	-2,39	-401,4	-6,82
Минеральные продукты	-1,0	-0,05	0,0	0,00	0,0	0,00	-0,8	-0,05
Топливо-энергетические товары	-46,3	-0,09	-5,4	-0,03	-2,1	-0,01	-51,6	-0,10
Продукция химической промышленности, каучук	-122,3	-3,06	-3,2	-0,18	-8,1	-0,20	-152,1	-2,33
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	-1,4	-4,89	0,0	-0,29	0,0	-0,60	-1,2	-4,18
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	-26,5	-1,15	-0,5	-0,15	-1,9	-0,48	-31,9	-1,56
Текстиль, текстильные изделия и обувь	-5,8	-14,98	-0,1	-0,39	-0,4	-1,36	-4,5	-11,3
Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло	-15,7	-0,64	0,0	0,00	-0,2	-0,01	-14,9	-0,38
Металлы и изделия из них	-67,5	-1,07	-0,6	-0,02	-32,2	-0,59	-133,9	-1,05
Машиностроительная продукция	-56,4	-4,37	-16,7	-3,34	-16,9	-1,75	-68,2	-2,97
Прочие товары	-0,6	-1,08	-0,2	-0,76	-0,2	-0,15	-4,1	-0,95

Примечания. В таблице отрицательный знак указывает на сокращение стоимостных объемов российского экспорта (млн долл.), а также относительного снижения поставок из России в страны, отнесенные к торговым мегаформатам АТР в рамках укрупненных товарных групп экспорта (%). Несмотря на текущее участие России в форуме АТЭС, предполагается, что в условиях отсутствия спроса в России на интеграцию со странами АТР, ЗСТ между странами – членами АТЭС будет заключена без ее участия. Расчеты приведены для случая $\sigma_M=5$.

Источник: рассчитано автором.

Декомпозиция эффекта отклонения торговли на экспорт третьих стран на уровне товарных групп указала на то, что в случае сближения стран ВРЭП, наибольшее сокращение стоимостных объемов, возможно, распространится на следующие товарные группы российского экспорта: продукция химической промышленности (пластмассы, каучук, резина и изделия из них; удобрения; органические химические соединения); продовольственные товары и сырье (рыба, ракообразные и моллюски; злаки); металлы и изделия из них (черные металлы; никель и изделия из него); машиностроительная продукция (котлы паровые; турбины; электрические машины и оборудование; инструменты; средства наземного транспорта); топливо-энергетические товары (уголь каменный; нефтепродукты; газы сжи-

женные). Несмотря на сравнительно небольшое сокращение стоимостных объемов, относительное снижение экспорта продукции легкой и кожевенной промышленности (текстиль, текстильные изделия и обувь; кожевенное сырье, пушнина и изделия) из России в страны ВРЭП в рамках данных товарных групп может быть наибольшим по сравнению с другой экспортной продукцией.

В случае нивелирования тарифной нагрузки в рамках ВПТТП в разрезе укрупненных товарных групп российского экспорта может наблюдаться некоторое сокращение стоимостных объемов поставок из России машиностроительной продукции (средства наземного транспорта), которая главным образом ориентирована на рынок Вьетнама, а также продовольственных товаров и сырья (злаки). Относительное снижение российского экспорта в страны ВПТТП в рамках товарных групп может быть наибольшим для машиностроительной продукции, которая будет замещаться поставками из развитых стран данного крупного торгового объединения. При прочих равных условиях для остальных товарных групп российского экспорта может наблюдаться либо инвариантность, либо незначительное сокращение их стоимостных объемов, поскольку развитые страны ВПТТП практически не облагают импортными пошлинами сырьевые товары и импортируют из России незначительные стоимостные объемы товаров с высокой добавленной стоимостью.

При расширении формата ВПТТП за счет американской экономики (ВПТТП+США), при нивелировании импортных пошлин между странами, входящими в данное перспективное объединение, можно ожидать главным образом дополнительное снижение стоимостных объемов российского экспорта продовольственных товаров и сырья (рыба, ракообразные и моллюски), а также металлов и изделий из них (прочие недрагоценные металлы – преимущественно титан и изделия из него).

В случае заключения ЗСТ между странами АТЭС, исключая Россию, наибольшее сокращение стоимостных объемов российского экспорта (почти половина от снижения) может наблюдаться для продовольственных товаров и сырья (рыба, ракообразные и моллюски; злаки; соевые бобы; мясо и пищевые субпродукты домашней птицы; животные и растительные жиры; табачные изделия). Видимое сокращение российского экспорта в страны АТЭС может также произойти за счет продукции химической промышленности (продукты органической и неорганической химии; удобрения; пластмассы, каучук, резина и изделия из них), металлов и изделий из них (черные металлы; алюминий и изделия из него; никель и изделия из него; прочие недрагоценные металлы; прочие изделия из недрагоценных металлов) и машиностроительной продукции (котлы паровые; турбины; электрические машины и оборудование; инструменты; средства наземного транспорта). Наибольшее относительное снижение экспорта российской продукции в страны АТЭС может наблюдаться для поставок легкой и кожевенной промышленности, а также продовольственных товаров и сырья.

В итоге оценка эффекта отклонения торговли для третьих стран указала, что в среднесрочной перспективе может наблюдаться сравнительно несильное негативное влияние на экспорт из России в страны АТР, отнесенные к торговым мегаформатам, в случае российского «неучастия»: наименьшее негативное воздействие ожидается от нивелирования ограничений в рамках ВПТТП, наибольшее – при создании ЗСТ между странами АТЭС за исключением российской экономики. Несмотря на небольшое отрицательное воздействие на российский экспорт в случае «неучастия» России в мегаформатах АТР, конкурентоспособность российской продукции на рынке субглобальной экономики может снизиться в рамках следующих товарных групп: продовольственная продукция, продукция химической промышленности, металлургии и машиностроения. Фактически данное обстоятельство указывает на то, что интеграционные процессы в АТР опосредованно будут способствовать ослаблению продуктовой диверсификации экспорта из России на субглобальном рынке, смещая его в сторону поставок топливно-энергетических товаров.

Несмотря на сравнительно небольшое возможное сокращение экспорта из России в страны АТР в среднесрочной перспективе в рамках рассмотренных мегаформатов, в долгосрочном периоде может наблюдаться накопление рисков в продвижении российской продукции на рынке АТР в разрезе представленных товарных групп. Поэтому принципиальное значение будет иметь дальнейшее развитие взаимоотношений торговых мегаформатов АТР с третьими странами, к которым относится Россия, с точки зрения формирующейся конфигурации торговых блоков¹.

При создании условно закрытых торговых блоков в АТР страны-члены будут проводить либерализацию торгово-экономических взаимодействий только между собой, сохраняя при этом барьеры с третьими странами. Исходя из этого, на уровне некоторых товарных групп видимое сокращение стоимостных объемов российского экспорта может произойти уже в среднесрочном периоде в случае нивелирования тарифной нагрузки на импорт в рамках мегаформатов АТР и смещения предпочтений потребителей в пользу товаров, торгуемых внутри форматов. Предпосылками для развития подобного рода событий является политика по снижению разнообразных барьеров для продвижения экспорта сырьевых товаров в АТР со стороны США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Чили и некоторых стран ЮВА, которые входят в ВПТТП и ВРЭП.

Фактически данное обстоятельство может означать последующее замещение российской продукции товарами из данных стран на рынке АТР. В таких условиях, при наличии естественного преимущества, связанного с территориальной близостью к емким ресурсодефицитным странам СВА, Россия продолжит ориентировать свою продукцию на рынок КНР, не диверсифицируя поставки в другие

¹ Wei S.-J., Frankel J.A. Open versus Closed Trade Blocs // Regionalism versus Multilateral Trade Arrangements / Ed. by T. Ito, A.O. Krueger. NBER-EASE, 1997. Pp. 119–140. URL: <http://www.nber.org/chapters/c8598> (дата обращения: июль 2020).

страны АТР, сталкиваясь с негативными эффектами монополии от привязки к китайской экономике.

В случае создания открытых торговых блоков в АТР вероятно будут нивелироваться барьеры между странами-участницами и в определенной мере снижаться ограничения во взаимодействиях с третьими странами, опираясь на механизмы ВТО¹. При данном развитии событий дискриминация по отношению к российским товарам в АТР не будет выражаться в явном виде, а Россия продолжит экстенсивное расширение экономической кооперации с ними. Однако даже в этом случае нельзя исключать того, что в результате сохранения текущих тенденций снижения цен на традиционные товары российского экспорта в условиях роста их себестоимости, а также практикуемых с 2014 г. санкционных ограничений, российская экономика в среднесрочной перспективе рискует столкнуться с дискриминацией в продвижении своих товаров как на европейском рынке, так и на рынке АТР, преодолеть которую через механизмы ВТО будет затруднительно.

Таким образом, текущее неспешное поведение России в интеграционных процессах АТР может быть объяснено диспропорциональностью тарифных барьеров: ввоз российских сырьевых товаров на рынке АТР облагается меньшими пошлинами, чем ввоз товаров из субглобальной экономики на российский рынок. Также Россия пока не готова осуществлять необходимые реформы внутреннего рынка для совмещения институционального режима с развитыми странами АТР. Поэтому у России отсутствует мотивация для обоюдного сокращения импортных тарифов со странами АТР. Однако консервативность подобного рода поведения не учитывает в явном виде последующие риски замещения товаров из России на рынке АТР. Вероятно, наличие естественного преимущества, связанного с территориальной близостью к емким рынкам стран СВА, может выступать определенной гарантией от ощутимых потерь для экспорта России ввиду проявления косвенных негативных эффектов от заключения торговых форматов в АТР, исключая российскую экономику. При этом оценки указали на то, что в случае смещения предпочтений потребителей в пользу субститутов российских товаров в рамках рынков соответствующих мегаформатов АТР Россия может столкнуться с явными ограничениями в осуществлении товарной и географической диверсификации своего экспорта.

¹ Bagwell K., Staiger R.W. The Design of Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 435–529.

ГЛАВА 5. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ

5.1. Дальний Восток России как оператор расширения торгово-экономических взаимодействий российской экономики со странами АТР

С конца 1990-х гг. Россия является полноправным членом АТЭС и осуществляет координацию международной деятельности в рамках некоторых двух- и многосторонних организаций сотрудничества в АТР. Расширение подобного рода коммуникаций становится одним из главных условий для интенсификации торгово-экономического сотрудничества России со странами АТР.

Стратегия интенсификации внешней политики России в целом и внешнеторговой в частности на азиатско-тихоокеанском направлении¹ получила в рамках современной международной политологии название «поворот России на Восток»². По мнению ряда политологов, стратегия «поворота на Восток» представляет в значительной степени стратегическое видение Россией своего будущего, которое сводится к рациональной и неизбежной диверсификации политических и экономических связей³. С этой точки зрения «поворот на Восток» сводится для России к целому ряду проектов политического и торгово-экономического характера:

- стратегическому улучшению отношений с КНР, а также с Республикой Корея и Японией;
- частичному экономическому развороту в сторону стран АТР, преимущественно Восточной Азии;
- сопряжению развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь»⁴;
- увеличению поставок традиционных товаров российского экспорта, в том числе на основе расширения транзитных возможностей транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке;
- социально-экономическому развитию регионов Дальнего Востока на основе новых инструментов государственной политики.

¹ Vladimir Putin: An Asia-Pacific Growth Agenda // The Wall Street Journal. 2012. 6 September. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10000872396390443847404577629312716242648> (дата обращения: октябрь 2020).

² Подробно: К Великому океану: хроника поворота на Восток / Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 352 с.

³ Караганов С.А., Макаров И.А. Поворот на Восток: итоги и задачи // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 8. С. 6–10; Грэм Т. Поворот России на Восток: перечень причин и следствий. URL: <http://mirperemen.net/2019/09/povorot-rossii-na-vostok-perechen-prichin-i-sledstvij-2/> (дата обращения: октябрь 2020); Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 82–97; Korolev A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications // Pacific Affairs. 2016. Vol. 89. Issue 1. Pp. 53–73.

⁴ О рисках, связанных с китайской инициативой «Один пояс – один путь» см. подробно: Федоровский А.Н. Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 12.

Решение о «повороте на Восток», вероятно, основывается на убеждении, что расширение взаимосвязей со странами АТР генерирует потенциально большие возможности для увеличения российского экспорта, поскольку рынки данных стран остро нуждаются в российском сырье, а страны Восточной Азии могут стать стратегическими инвесторами для России и альтернативными источниками импорта технологий. При этом «поворот на Восток» не означает однозначного отказа от западного вектора политического и экономического сотрудничества, а является средством достижения оптимального соотношения векторов глобальных взаимодействий¹.

Наиболее принципиальным моментом является возможность и целесообразность для России включиться в процессы интеграции в АТР в качестве активного игрока и потенциального бенефициара. Учитывая набор стимулов и ограничений, существующих для России при ее включении в процесс интеграции в АТР, в долгосрочной перспективе критическим пунктом является выбор формата интеграции как с географической точки зрения, так и «широты» охвата рынков и «глубины» снижения барьеров. Эффективный обмен товарами, услугами и факторами производства, по всей видимости, должен опираться на механизмы международной координации, в том числе в рамках режима свободной торговли, что предполагает возможность получения обоюдной выгоды для стран, участвующих в интеграционных процессах.

Интенсификация процессов присоединения России к интеграционным форматам в АТР зависит от ряда обстоятельств: наличия институциональных условий для формирования целей по вхождению в то или иное интеграционное объединение; способности влиять на решения, которые в АТР принимаются и реализуются, чтобы российские партнеры, как игроки на консолидированном рынке, были бы понятны другим странам-партнерам, взаимодействуя с ними в рамках единого институционального поля². То есть политика «поворота на Восток» для российской экономики должна опираться на существенную модернизацию внутренней институциональной среды и макроэкономической политики, а также на ясную стратегию сближения с интеграционными форматами АТР и ключевыми странами этой субглобальной экономики³.

Возможности непосредственного включения России в процесс торгово-экономической интеграции в АТР главным образом связаны с развитием Дальнего Востока, который территориально относится к этой субглобальной экономике. Ввиду значительных расстояний от основных рынков сбыта России, расположен-

¹ Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. вып. 4. С. 1016–1029.

² Подробно: Минакир П.А. Интеграционные проблемы России в АТР // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 131–133; Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.

³ Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. вып. 4. С. 1016–1029.

ных в западной части страны, и наличия протяженной сухопутной и морской границы со странами АТР экономика Дальнего Востока на протяжении последней четверти века тесно связана с рынками стран АТР, относящихся к СВА (КНР, Япония и Республика Корея), являющимися для Дальнего Востока естественными торговыми партнерами. Снижение барьеров взаимодействия Дальнего Востока со странами АТР способно увеличить интенсивность взаимной торговли, способствуя проявлению положительных эффектов от интеграции для российской экономики в целом.

Перспективы развития Дальнего Востока тесно связаны с общенациональной стратегией торгово-экономических взаимодействий на восточном направлении. Причем широкомасштабный экспорт сырьевых товаров и развитие транспортно-транзитных функций рассматриваются в качестве стратегической основы развития экономики Дальнего Востока на ближайшее время и в долгосрочной перспективе¹, что в определенной мере описывает содержание концепции «ресурсного транзита»².

Стратегия расширения экспортных поставок из России в страны АТР осуществляется преимущественно в рамках заданного «Восточного вектора» российской энергетической политики, подразумевающего развитие объектов энергетической инфраструктуры, возведение объектов добычи и переработки в восточных регионах России, к которым относятся регионы Дальнего Востока³. Долгосрочной целью «Восточного вектора» российской энергетической политики является активизация взаимодействия России со странами АТР, особенно с КНР⁴. В пользу неизбежности расширения экспорта энергоносителей из России в страны АТР указывает то обстоятельство, что с конца 2000-х гг. основной прирост добычи российской нефти и газа осуществлялся исключительно за счет восточных регионов⁵ при незначительном увеличении внутрирегионального потребления. Современная асимметрия товарной структуры экспорта Дальнего Востока является «жесткой» тенденцией, которая поддерживается текущей государственной политикой⁶.

¹ Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 848 с.; Власюк Л.И. Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. С. 129.

² Концепция «ресурсного транзита» предполагает развитие магистральной транспортной и энергетической инфраструктуры Дальнего Востока для расширения национального экспорта сырьевых товаров. Подробно: Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 316.

³ Подробно: Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.

⁴ См., например: Демина О.В. Энергетическая инфраструктура Дальнего Востока: ограничение или источник роста региона // Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. к.э.н. О.В. Тарасовой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. С. 202.

⁵ Конторович А.Э., Эдер Л.В., Филимонова И.В., Никитенко С.М. Ключевые проблемы развития проекта «Сила Сибири» // Регион: экономика и социология. 2017. № 1 (93). С. 191.

⁶ Минакир П.А. Россия и АТР: вызовы и возможности // ЭКО. 2006. №3 (381). С. 60.

Другим направлением расширения экономических взаимодействий со странами АТР является развитие транспортно-транзитных функций Дальнего Востока. В российской транспортной системе Дальний Восток занимает уникальное положение с точки зрения прямого взаимодействия с крупнейшими экономиками СВА, прежде всего с Китаем. Развитие транспортно-транзитных функций России в рамках «поворота на Восток» основывается на формировании новой инфраструктуры для обеспечения функционирования уже имеющихся и новых транспортных коридоров для наращивания экспортных поставок в страны АТР, которые могут проходить только через Дальний Восток¹.

Следует заметить, что исследования проблем интенсификации экономических взаимодействий Дальнего Востока с рядом стран АТР, конкретно – стран СВА, имеют долгую историю. С 1960-х гг. для условий директивной экономики появляются первые концептуальные предложения по расширению экспортных поставок из Дальнего Востока в сопредельные страны АТР, прежде всего в Японию, что впоследствии стало реализовываться в форме компенсационных соглашений и прибрежной торговли с японской экономикой². В конце 1980-х гг. – первой половине 1990-х гг. были широко развернуты исследования по расширению экономических взаимосвязей Дальнего Востока со странами АТР, а также предложены для обсуждения концептуальные модели, на основе которых, как предполагалось, могла быть осуществлена в перспективе многосторонняя интеграция в СВА.

На основе наличия взаимодополняющих факторов производства и природных ресурсов в конце 1980-х гг. была выдвинута концепция «естественной экономической территории»³ в СВА, что означало объективную предрасположенность территориально близких экономик данной части АТР к развитию кооперации между ними: Япония, Республика Корея, КНР, Монголия, КНДР и Тихоокеанская Россия (Дальний Восток). Для Дальнего Востока данная концепция налагалась на концепцию «тихоокеанского разворота»⁴ с точки зрения наличия экономической целесообразности включения России в процесс развертывания торгово-экономических взаимосвязей в АТР. Дальний Восток в концепции «естественной экономической территории» рассматривался как экономика с избыточными природными ресурсами, развитие которой может быть ускорено привлечением капитала, технологий и труда из стран Большой тройки СВА. Фактически для восточной части России крупнейшие экономики СВА рассматриваются как естественные

¹ Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. вып. 4. С. 1017.

² Минакир П.А. Россия и АТР: вызовы и возможности // ЭКО. 2006. №3 (381). С. 53; Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 11; Гладышев А.И., Николаев Н.И., Сингур Н.М., Шапалин Б.Ф. Экономика Дальнего Востока: проблемы и перспективы. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971. С. 246.

³ Подробно: Scalapino R.A. The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 137 p.

⁴ Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 315.

торговые партнеры, что в рамках как «раннего», так и «современного регионализма» является одной из предпосылок успешной интеграции. В дальнейшем данная концепция была развита рядом исследователей и коллективами международных организаций¹.

Во-первых, были выдвинуты концепции создания экономической зоны «Япономорское кольцо» или «Союз стран Японского моря»², «Северо-Азиатской экономической зоны»³, территориально охватывающие значительную часть востока России. Данные концепции могли основываться на создании совместной трансграничной транспортно-энергетической инфраструктуры в СВА (при ключевой роли России), но которая не могла быть возведена по политическим и экономическим причинам⁴. Также за рамками данных концепций остались вопросы, связанные со снижением барьеров двух- и многосторонних взаимодействий. Фактически уже в начале 1990-х гг. стало понятно, что торгово-экономические взаимодействия в рамках Япономорского кольца будут активно нарастать преимущественно между странами Большой тройки СВА, а Россия в целом и Дальний Восток в частности находятся на периферии таких взаимодействий. Последующее вступление всех стран СВА в ВТО, за исключением КНДР, в какой-то мере упростило торговые взаимодействия между ними, а также способствовало обсуждению заключения многостороннего торгового соглашения между КНР, Республикой Корея и Японией и их последующее участие в создании ЗСТ со странами ЮВА, Австралией и Океанией. Попытки реанимировать интеграционные концепции начала 1990-х гг. в рамках так называемого кольца Японского моря в дальнейшем не предпринимались во многом из-за сложившегося тупика в политических взаимоотношениях Японии и Республики Корея с КНДР, а также ввиду отсутствия каких-либо экономических и политических оснований.

Во-вторых, осуществлялись попытки развития международного проекта экономического развития, так называемого Туманганского проекта, подразумевающие реализацию скоординированной стратегии развития трансграничной территории устья реки Туманной, расположенной на стыке государственной границы

¹ Подробно: Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 59.

² Тома Т. For Closer Regional and District-Based Cooperation and Unified Effort // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia: Proceedings of Conference of the Northeast Asia Economic Forum (September 26-28, 1993, Yongpyeong). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. Pp. 254–256.

³ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 85.

⁴ Например, проекты энергомостов «Якутия – Сахалин – Якутия», «Дальний Восток – Корейский полуостров». Экспорт электроэнергии из Амурской области в Китай не отличается заметными объемами поставок при высоких рисках для российской стороны. Подробно: Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. С. 222–224; Демина О.В. Энергетическая инфраструктура Дальнего Востока: ограничение или источник роста региона // Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. к.э.н. О.В. Тарасовой. Новосибирск: ИЭОП СО РАН, 2020. С. 199–221.

трех стран – России, КНР и КНДР¹. Первоначально данный проект получил большую международную поддержку, в частности, Программа развития ООН создала специальный офис в Пекине для организации усилий для осуществления этого проекта². Впоследствии, несмотря на некоторые локальные успехи в плане создания транспортной и энергетической инфраструктуры в КНДР, данный проект также был фактически заморожен по причине выхода северокорейской стороны из данной проектной инициативы³. Четкая позиция России относительно участия в «Туманганском проекте» на начальном этапе никак не была выражена. Впоследствии видимое участие России в данном проекте было сведено к попыткам стимулирования транзита грузов из Северо-Востока КНР через порты юга Приморского края по программе реконструкции восточных портов⁴.

В-третьих, была обозначена концепция создания в СВА многосторонней специализированной финансовой организации – Северо-Азиатского банка развития с целью содействия экономического развития стран и регионов СВА на основе принципа взаимного сотрудничества⁵. Предполагалось, что Россия может стать одним из ключевых акционеров данного банка. Деятельность Северо-Азиатского банка развития могла быть распространена на проекты международного сотрудничества, располагающиеся на Дальнем Востоке России⁶. Однако во многом из-за разногласий между крупнейшими экономикками СВА данная концепция осталась нереализованной. Фактически организация под эгидой китайской стороны Азиатского банка инфраструктурных инвестиций⁷, а также деятельность Азиатского банка развития⁸ лишило всякого смысла создание еще одной финансовой организации исключительно для развития проектов сотрудничества в СВА.

¹ Подробно: Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. С. 318; Ding S. The Tumen River Area Development Programme: An Introduction // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia: Proceedings of Conference of the Northeast Asia Economic Forum (September 26–28, 1993, Yongpyeong). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. Pp. 187–199; Kanamori H. Cooperative Economic Development in Northeast Asia // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia: Proceedings of the Sixth Meeting of the Northeast Asia Economic Forum (January 18–19, 1996). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1996. Pp. 16–18.

² Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 9.

³ Расширенная Туманганская инициатива (ПТИ). URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/organizaciya_obedinennyh_naciy_oon/rasshirennaya_tumanganskaya_iniciativa_rti/ (дата обращения: октябрь 2020).

⁴ Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. С. 321.

⁵ Katz S.S. A Northeast Asian Development Bank // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia: Proceedings of the Sixth Meeting of the Northeast Asia Economic Forum (January 18–19, 1996). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1996. Pp. 125–134.

⁶ Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. С. 324.

⁷ Katz S.S. Financing the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB): Issues for Further Discussion // Building a Northeast Asian Economic Community (December 30, 2015) / Ed. by L.J. Cho, C.J. Lee. KIEP, 2015. Pp. 129–132; Аносова Л.А., Кабир Л.С. Активизация Китая по изменению мировой валютной системы: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций // Экономика и управление. 2015. № 10 (120). С. 4–11.

⁸ Kawai M. Financing Development Cooperation in Northeast Asia / ADBI. Working Paper 407. 2013. URL: <http://www.adbi.org/working-paper/2013/02/15/5521.financing.dev.cooperation.northeast.asia/> (дата обращения: октябрь 2020).

Развитие Дальнего Востока видится не только на основе инерционного развития экспорта природных ресурсов и эксплуатации транзитного коридора со странами АТР. Подчеркивается¹, что в рамках возможного интеграционного процесса России со странами АТР Дальний Восток может выступить в качестве «оператора» расширения торгово-экономических взаимодействий российской экономики со странами субглобальной экономики, став активным «модулем» двустороннего сотрудничества, на основе интенсификации гуманитарных, структурных, институциональных и инвестиционных взаимосвязей. Данное обстоятельство, вероятно, способно обеспечить функционирование экономики Дальнего Востока как части российской экономики при активном ее включении в экономическую систему как Восточной Азии, так и АТР в целом. Содержание и экономическая эффективность взаимодействия Дальнего Востока со странами АТР в значительной мере зависят от вовлеченности России в целом в процессы международного сотрудничества². По всей видимости, вследствие величины и разнообразия региональных условий России затруднительно рассчитывать на гармоничную интеграцию с экономикой АТР и СВА³. В свою очередь, регионы Дальнего Востока могут стать главными «проводниками» успешного вхождения России в АТР. Курс на постепенное формирование единого рыночного пространства с сопредельными странами АТР может принести существенные положительные результаты для экономики Дальнего Востока. В перспективе на Дальнем Востоке может быть сформирована принципиально новая экономическая система, включенная в международное разделение труда и основывающаяся на сравнительно свободном распределении ресурсов между Дальним Востоком и странами АТР на конкурентной основе⁴.

С этой точки зрения выделяется как минимум два сценария динамики экономики Дальнего Востока с ориентацией на внешние источники развития.

Во-первых, формирование открытой модели развития экономики Дальнего Востока без привязки к какой-либо конкретной стране АТР, что означает создание саморегулирующейся системы, которая будет настраиваться на эффективные способы решения проблем развития⁵.

Во-вторых, сосредоточение на интенсификации торгово-экономических отношений с территориально близким и экономически крупным естественным партнером. Таким партнером может быть Китай, что предполагает стимулирование создания тесных взаимосвязей с китайской экономикой, в том числе посредством

¹ Подробно: Минакир П.А. Интеграционные проблемы России в АТР // *Пространственная экономика*. 2012. № 2. С. 131–133.

² *Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона* / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 59.

³ Адмидин А.Г., Деваева Е.И. *Международное сотрудничество в Восточной Азии: возможности для российского Дальнего Востока*. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 8.

⁴ Минакир П.А. *Интеграция в АТР и СВА: возможности и реальности* // *Дальний Восток на рубеже веков: материалы научно-практической конференции (1–5 июня 1998 г., Хабаровск)*. Хабаровск, 1998. С. 90.

⁵ Подробно: *Экономическая реформа на Дальнем Востоке: результаты, проблемы, концепция развития*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 1993. 167 с.

сооружения транспортно-транзитной инфраструктуры, а в дальнейшем – формирование безбарьерного пространства между Дальним Востоком и провинциями Северо-Востока Китая в рамках создания льготного таможенного и инвестиционного режима в российском макрорегионе¹. С другой стороны, для Дальнего Востока в роли ключевых естественных партнеров, с которыми могут быть расширены торгово-экономические взаимодействия, могут выступить также крупные развитые экономики СВА с сильными институтами, в частности Республика Корея².

Действительно, при условии значительного усиления контактов с сопредельными странами регионы Дальнего Востока неизбежно будут втягиваться в орбиту экономического влияния АТР, и в этой связи важно проведение такой политики и создание такой структуры экономики, которые позволяли бы извлекать максимум выгоды от таких взаимодействий. Например, традиционные источники экономического взаимодействия Дальнего Востока со странами АТР, а именно экспорт сырьевых товаров и развитие транспортно-транзитных функций, позволяют их использовать в качестве ресурса развития экономики макрорегиона³. Поэтому следует разработать эффективную схему распределения потенциальных доходов, в которой Дальний Восток будет являться полноправным бенефициаром, а также создать условия для «перехвата» части дополнительных доходов у стран АТР⁴. Для этого концепция транснациональных транспортно-энергетических коридоров была дополнена концепцией «промышленно-сервисных дуг» в южной части Дальнего Востока⁵. Фактически речь идет о создании на Тихоокеанском побережье экономической контактной зоны со странами СВА⁶, в том числе с провинциями Северо-Востока КНР⁷. При условии создания системы эффективных институтов, данные «промышленно-сервисные дуги» могут преобразовывать часть экспортных потоков сырьевых товаров в продукцию и услуги, которые будут в значитель-

¹ Подробно: Минакир П.А. Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // *Пространственная экономика*. 2009. № 3. С. 7–19; Минакир П.А., Кучерявенко В.Е. На дальневосточном рубеже // *Мир перемен*. 2004. № 3. С. 19–32; Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. 140 с.

² Лхамсурен Н. Некоторые аспекты региональной интеграции российского Дальнего Востока и стран АТР, включая Монголию (на англ. яз.) // *Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы международного семинара (25–26 января 2005 г., Хабаровск)* / отв. ред. Минакир П.А. ИЗИ ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: «РИОТИП», 2005. С. 122–130.

³ Минакир П.А. Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2005. № 4. С. 5–20.

⁴ Минакир П.А. Экономика регионов Дальнего Востока / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. С. 662.

⁵ *Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона* / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 192.

⁶ Минакир П.А. Инфраструктура международной экономической интеграции: мультипликативные эффекты // *Стратегические проблемы национального развития и международного сотрудничества: дальневосточный вектор*. Хабаровск: Отделение общественных наук РАН, 2005. С. 257–260.

⁷ Подробно: Изотов Д.А. Экономика провинции Хэйлунцзян: перспективы развития в контексте реализации целевых программ // *Регионалистика*. 2015. Т. 2. № 4. С. 31–50; Изотов Д.А. Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // *Регионалистика*. 2014. Т. 1. № 1. С. 48–70.

ной мере экспортированы из Дальнего Востока в страны СВА¹. Соответственно, принципиальным моментом является не экзогенное увеличение капиталовложений, а «выращивание» эффективных экономических институтов и формирование для них адаптивной среды функционирования².

Таким образом, концепции развития Дальнего Востока как «оператора» расширения торгово-экономических взаимодействий экономики России со странами АТР указали на то, что наибольшей проблемой для макрорегиона, учитывая особое значения для него реализации открытой модели функционирования экономики, является блокирование «институтов» открытости, которые способны обеспечить эффективное функционирование экономики в экспортном секторе и секторов, ориентированных на внутренний рынок³. Принципиальные изменения в экономике Дальнего Востока могут быть основаны на либерализации внешней торговли и снижении рисков для экономической деятельности при формировании сильных институтов в национальной экономике.

5.2. Тенденции торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР

5.2.1. Торговые взаимодействия

За два десятилетия товарооборот макрорегиона с ведущими странами АТР увеличился в 12 раз – с 2,8 млрд долл. в 1999 г. до 34,2 млрд в 2018 г., составляя в среднем за указанный период более 90% товарооборота Дальнего Востока с зарубежными странами. Доля Дальнего Востока в экспорте России в страны АТР составляла в конце 2010-х третью часть.

В 1999 г. основными торговыми партнерами Дальнего Востока являлись Япония (23,3% товарооборота с зарубежными странами), США (19,1%), страны ЕС (17,5%), КНР (14,8%) и Республика Корея (14,3%). К 2018 г. Китай вышел на первое место (41,9%), потеснив Республику Корея (26,1%) и Японию (17,5%). В среднем за 1999–2015 гг. на каждую из трех стран СВА приходилась примерно равная доля, составляющая порядка четверти от стоимостного объема торговли Дальнего Востока с зарубежными странами (*рис. 5.1*). С 2016 г. стала увеличиваться доля Китая в торговле макрорегиона с зарубежными странами. К 2018 г. товарооборот Дальнего Востока с зарубежьем приходился в основном на три страны СВА, что объясняется: территориальной близостью; ведущим положением данных экономик АТР в производстве продукции обрабатывающей промыш-

¹ Минакир П.А. Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2005. № 4. С. 18.

² Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // *Пространственная экономика*. 2015. № 2. С. 8.

³ Изотов Д.А. Генезис политики экономических взаимодействий России со странами АТР: случай Дальнего Востока // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 2. С. 124–137.

ленности, поставляемой в широких масштабах на российский рынок; их емкими рынками, предъявляющими спрос на дальневосточную продукцию, прежде всего сырьевого сектора.

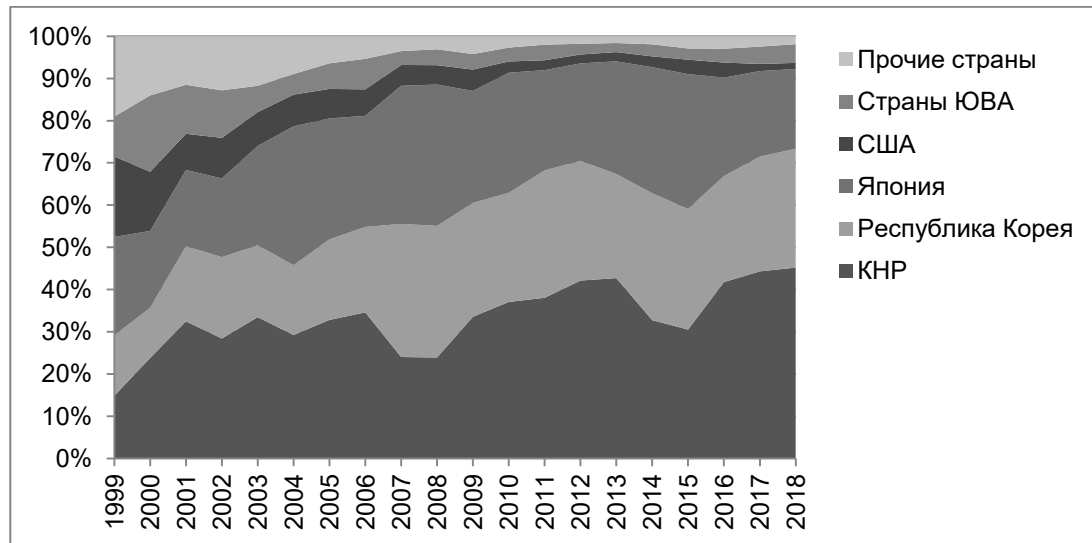


Рис. 5.1. Доля стран АТР в товарообороте Дальнего Востока с зарубежными странами

Примечания. Страны ЮВА – Тайвань и 10 государств АСЕАН. Здесь и далее в исследовании массив показателей, характеризующих торговлю регионов Дальнего Востока с зарубежными странами, основывается на данных статистики Федеральной таможенной службы России по формам 1-ТС и 2-ТС (регион), которая была дополнена статистикой региональных статистических ведомств, а также отраслевой статистикой. Дополнения были осуществлены за счет следующих товаропотоков: экспорт рыбы, рыбо- и морепродуктов за пределами таможенной границы России; экспорт и импорт bunkerного топлива; экспорт сырой нефти из Республики Саха (Якутия) на китайский рынок. Дополнения в таможенную статистику внесены из статистических бюллетеней о внешнеэкономической деятельности регионов ДФО за 1999–2012 гг. и Единого архива экономических и социологических данных (ЕАЭСД).

Источники: рассчитано по: Таможенная статистика Дальневосточного таможенного управления. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>; Электронные таблицы статистики РФ / ЕАЭСД. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml> (дата обращения: октябрь 2019); статистические бюллетени о внешнеэкономической деятельности регионов ДФО за 1999–2012 гг.; данные таможенной статистики по регионам ДФО за 1999–2006 гг. (представлены Федеральной таможенной службой России по запросу автора).

Основными экспортными рынками для макрорегиона также являлись страны СВА, на которые в 1999–2018 гг. приходилось в среднем около 82% дальневосточного экспорта (КНР – 30%, Япония и Республика Корея – по 26%). То есть для дальневосточной экономики вполне выполнялось правило отклонения торговли в пользу крупных близлежащих рынков.

Специализация экспорта Дальнего Востока в ограниченной номенклатуре продукции с низкой добавленной стоимостью тесно увязала рост экономики макрорегиона с динамикой внешней ценовой конъюнктуры на товары сырьевой группы. За два десятилетия, несмотря на колебания цен на сырьевые товары, экспорт Дальнего Востока стал постепенно концентрироваться в рамках нескольких товарных групп гармонизированной системы (по двоичному коду). Согласно подходу¹, основанному на оценке диверсификации товарных групп экспорта при

¹ Aid for Trade at a Glance 2019: Economic Diversification and Empowerment / OECD; WTO. Paris: OECD Publishing, 2019. 533 p. URL: <https://doi.org/10.1787/18ea27d8-en.2> (дата обращения: октябрь 2020).

помощи индекса Херфиндаля – Хиршмана (НИИ)¹, был обнаружен высокий уровень концентрации товарных групп дальневосточного экспорта по сравнению с 1999 г.: с 1592 до 4100 и 3900 в 2008 г. и 2018 г. соответственно. При этом количество укрупненных групп, стоимостной объем по каждой из которых превосходил 5%² экспорта Дальнего Востока, постепенно сокращалось: с 6 ед.³ в 1999 г. до 5 ед.⁴ в 2008 г. и до 3 ед.⁵ в 2018 г. Наблюдалась постепенная дедиверсификация товарной структуры дальневосточного экспорта, который в конечном итоге стал характеризоваться более сырьевой направленностью с преобладанием сырой нефти.

В первой половине 2000-х гг. обозначилась тенденция к росту доли импорта в макрорегион из стран Большой тройки СВА, что связано с поставками доступной для российских потребителей продукции, а также разнообразных инвестиционных товаров. На протяжении двух десятилетий импорт из КНР на Дальний Восток постепенно стал доминирующим. В среднем за рассматриваемый период более 40% импорта приходилось на КНР, 20% – на Японию, 17,2% – на Республику Корея, 11,8% – на США, 3,7% – на страны ЮВА. К 2018 г. более половины поставок из-за рубежа обеспечивал Китай⁶.

Вероятно, привязка региональных рынков Дальнего Востока к КНР указывает на формирующуюся долгосрочную тенденцию, поскольку на китайской территории размещены производственные мощности, возведенные за счет инвестиций из развитых стран мира, в том числе из АТР. Возможно, импортеры Дальнего Востока вынуждены считаться с результатами вертикальной торговли в АТР: компании из развитых стран производят продукцию на китайской территории, которая, в свою очередь, экспортируется на российский рынок. Также, несмотря на рост потребительского рынка в КНР, определенная часть дальневосточных сырьевых товаров перерабатывается на китайской территории и в дальнейшем экспортируется на рынок других стран, в том числе расположенных в АТР. Импорт из остальных стран АТР заполняет товарные ниши Дальнего Востока, связанные главным

¹ Индекс НИИ имеет максимальное значение 10000 при абсолютной концентрации экспорта в рамках одной товарной группы. Превышение индексом значения 1800 указывает на высокий уровень концентрации.

² Подробно о данном подходе: World Tariff Profiles 2019. Applied MFN Tariffs / World Trade Organization, International Trade Centre and UNCTAD. 2019. 256 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles19_e.pdf (дата обращения: июль 2020).

³ Рыба, ракообразные, моллюски; топливо минеральное, нефть и продукты ее перегонки, уголь; древесина и изделия из нее; черные металлы; драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них; суда, лодки и плавучие конструкции.

⁴ Рыба, ракообразные, моллюски; топливо минеральное, нефть и продукты ее перегонки, уголь; древесина и изделия из нее; черные металлы; драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них.

⁵ Рыба, ракообразные, моллюски; топливо минеральное, нефть и продукты ее перегонки, уголь; драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них.

⁶ Рассчитано по: Таможенная статистика Дальневосточного таможенного управления. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>; Электронные таблицы статистики РФ / ЕАЭСД. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml> (дата обращения: октябрь 2019); статистические бюллетени о внешнеэкономической деятельности регионов ДФО за 1999–2012 гг.; данные таможенной статистики по регионам ДФО за 1999–2006 гг. (представлены Федеральной таможенной службой России по запросу автора).

образом с инвестиционными товарами, а также потребительской продукцией преимущественно высокой ценовой категории (из развитых стран АТР).

До 2007 г. более 60% товарооборота Дальнего Востока со странами АТР фиксировалось в двух крупнейших по численности населения регионах – в Хабаровском и Приморском краях. В связи с вводом на проектную мощность совместных с зарубежным капиталом нефтегазовых проектов Сахалинской области произошло увеличение поставок за рубеж стоимостных объемов углеводородного сырья. В результате на Сахалинскую область стало приходиться чуть менее половины товарооборота макрорегиона со странами АТР. Также во второй половине 2010-х гг. другим источником наращивания торговли со странами АТР стал экспорт углеводородного сырья из Республики Саха (Якутия). Данная территориальная диспропорция в пользу поставок углеводородного сырья из Сахалинской области и Республики Саха (Якутия) сформировала тенденцию превышения торговли с зарубежными странами над торговлей с отечественным рынком для всего Дальнего Востока¹.

В целом при видимых различиях в структуре торговли страны АТР являются крупнейшими торговыми партнерами для Дальнего Востока России, и их доля в торговле макрорегиона с зарубежными странами, несмотря на текущее замедление торговли, скорее всего, будет продолжать увеличиваться. При этом заметная географическая диверсификация торговли макрорегиона в текущих условиях вряд ли возможна, несмотря на то, что зарубежный бизнес заинтересован в массовых поставках своей продукции на российский рынок, в том числе на рынок Дальнего Востока, а также в приобретении различного рода товаров, преимущественно сырьевых.

5.2.2. Инвестиционные взаимодействия²

Основными источниками привлечения прямых инвестиций в макрорегион являются офшорные территории и прочие источники (категория «не распределено по странам»), расшифровать которые весьма проблематично по причине наличия конфиденциальных данных. Некоторые российские инвесторы стали регистрироваться в рамках таких территорий, в частности, нефтяная компания «Нефтегазхолдинг» принадлежит компании, зарегистрированной на Бермудских островах. При этом не все инвестиции из офшоров являются российскими, например американская корпорация «ExxonMobil» инвестирует в проект «Сахалин-1» через дочер-

¹ Рассчитано по: Таможенная статистика Дальневосточного таможенного управления. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>; Электронные таблицы статистики РФ / ЕАЭСД. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml> (дата обращения: октябрь 2019); статистические бюллетени о внешнеэкономической деятельности регионов ДФО за 1999–2012 гг.; данные таможенной статистики по регионам ДФО за 1999–2006 гг. (представлены Федеральной таможенной службой России по запросу автора).

² Рассматриваются только взаимодействия, связанные с прямыми инвестициями.

нюю компанию «Еххон Neftegas» (багамская юрисдикция)¹. Если в начале 2010-х гг. основным инвестором на Дальнем Востоке был корпоративный сектор из таких стран, как Нидерланды и Япония, то в 2018 г. на Багамы и Бермуды приходилось 88% всех ПИИ, привлеченных в экономику макрорегиона. По оценочным данным, на офшорные территории приходилось более 95% ПИИ, поступивших на Дальний Восток в 2018 г.²

При этом имеет место искажение статистики реальных потоков капитала, поскольку прежние инвестиции из неофшорных стран АТР и Европы поменяли адрес своей регистрации. Данное обстоятельство может быть вызвано как нежеланием отечественного и зарубежного корпоративного сектора быть включенным в санкционный список, так и необходимостью минимизировать риски, оптимизируя налоговые и прочие издержки. Тем не менее, согласно статистике, на страны АТР приходилась незначительная доля ПИИ, привлеченных в экономику Дальнего Востока (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Географическое распределение притока ПИИ на Дальний Восток, %

Страны / группы стран	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Багамы	50,1	53,8	53,4	39,7	50,2
Бермуды	34,8	33,4	34,1	47,7	37,8
Кипр	5,1	4,9	3,9	4,6	3,5
Западная Европа*	4,4	4,5	2,5	2,7	2,1
Южная Европа*	0,1	0,3	2,0	1,9	1,1
Северная Европа*	2,3	0,5	0,7	1,3	1,0
Нидерланды	0,0	0,0	0,7	1,0	0,8
Соединенное Королевство	0,7	0,4	0,4	0,0	0,0
Британские Виргинские острова	0,6	0,5	0,3	0,2	0,0
<i>Страны АТР</i>	<i>0,8</i>	<i>0,8</i>	<i>1,4</i>	<i>0,5</i>	<i>1,4</i>
из них:					
ЮВА*	-0,3	-0,4	0,3	0,6	0,6
Республика Корея	0,4	0,4	0,4	0,2	0,3
Гонконг	0,0	0,0	0,2	0,2	0,2
Япония	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Китай	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1
Соединенные Штаты	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1
Сингапур	0,0	-0,1	0,0	0,0	0,0
Восточная Азия	0,4	0,5	0,1	-0,9	0,0

Примечание: * – категория «не распределено по странам», включающая конфиденциальные данные, отражена в таблице по группам стран.

Источник: рассчитано по: Статистика внешнего сектора / Центральный банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: январь 2020).

Следует заметить, что бизнес некоторых стран АТР, также как и американский, осуществляет ПИИ на Дальний Восток через офшорные территории. С этой

¹ Ткачев И., Гальчева А. МВФ оценил долю «фантомных» иностранных инвестиций в России // РБК. 2019. 18 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2019/5df78cc59a79470da759cc2e> (дата обращения: сентябрь 2020).

² См. подробно о роли офшорных территорий в ПИИ Дальнего Востока: Кузнецова О.В. «Восточный вектор» инвестиционных связей России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 2. С. 47–56; Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. 2018. № 1. С.138–153.

точки зрения пропорционально соотношению «фиктивных» и реальных ПИИ на Дальний Восток соотносится с общероссийским уровнем. Формирование данной географической структуры поступления ПИИ на Дальний Восток представляется вполне закономерным с точки зрения достижения целей по снижению рисков экономическими агентами.

На фоне масштабного участия фирм КНР в торговом сотрудничестве с Дальним Востоком инвестиционное сотрудничество Китая и макрорегиона является более чем скромным, несмотря на многочисленные подписанные меморандумы о сотрудничестве¹. Хотя по количеству создаваемых на востоке России предприятий с иностранными инвестициями Китай является лидером, по общему объему вложенных в экономику макрорегиона средств он занимает одно из последних мест среди иностранных государств-инвесторов. В общем объеме ПИИ Дальнего Востока доля КНР никогда не превышала 1%. Китайские инвестиции были заметны только в ЕАО, Хабаровском крае и Амурской области, где они вкладывались в оптовую и розничную торговлю, общественное питание, а также в мелкие производства в сфере добычи и первичной обработки древесины.

Столь же малозаметным является инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока с Республикой Корея (до 1% общего объема притока ПИИ на Дальний Восток). Корейские инвестиции преимущественно сосредоточивались в секторе добывающих производств, а также в геолого-разведочных, геофизических и геохимических работах в области изучения природных недр, сконцентрировавшись в Приморском и Хабаровском краях.

Долгое время Япония рассматривалась как один из крупнейших инвесторов в экономику Дальнего Востока – в нефтегазовые проекты Сахалинской области. Впоследствии, по указанным выше причинам, японские инвестиции стали направляться на Дальний Восток через офшорные территории. При этом, что японский бизнес вводит в эксплуатацию сборочные производства в западной части России, ориентируясь на емкий потребительский рынок, основой для двустороннего инвестиционного, производственного и торгового сотрудничества между странами территориально остаются восточные российские регионы. В настоящее время японские инвестиции (не поступающие через офшоры) концентрируются на территории Приморского края.

Прямые инвестиции из стран ЮВА долгое время были заметны в лесной отрасли Хабаровского края. В настоящее время происходит отток ПИИ данной группы стран. США, как было указано выше, осуществляют деятельность на Дальнем Востоке через офшорные территории, и в большинстве случаев идентифицировать их крайне проблематично.

¹ Изотов Д.А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 149–176.

Финансовые инвестиции (привлечение кредитных средств или долговых обязательств) в макрорегион увеличиваются (объем долговых обязательств экономических агентов Дальнего Востока перед зарубежными инвесторами вырос с 4,2 млрд долл. в 2014 г. до 4,9 млрд долл. в 2018 г.), но основная нагрузка в привлечении средств через долговые инструменты лежит на офшорных территориях и прочих источниках – более 90% от их общего объема. Данное обстоятельство указывает на то, что в текущие годы в целом не создано предпосылок для привлечения инвестиций из АТР на Дальний Восток в форме долевого участия и долгосрочных кредитов. Привлечение средств через долговые инструменты из стран СВА и ЮВА заметно только в Амурской области, ЕАО, Сахалинской области, Приморском и Хабаровском краях.

Привлекаемые ПИИ могут стать одним из драйверов экономического роста и торговли Дальнего Востока. Однако для сглаживания долгосрочных вызовов необходимы структурные преобразования, направленные на: снижение экономических рисков и доли государственного сектора; уменьшение масштаба государственного вмешательства; устранение барьеров для входа на рынок; улучшение инвестиционного климата; стимулирование предпринимательской активности; диверсификацию активов; повышение качества человеческого капитала; привлечение рабочей силы и капитала из-за рубежа; снижение импортных тарифов.

После 2005 г. основная часть ПИИ направляется в Сахалинскую область в связи с реализацией крупных нефтегазовых проектов на ее территории¹, ориентированных на обеспечение топливно-энергетическими ресурсами Японии, Китая и Республики Корея. По этим причинам доля Сахалинской области в ПИИ макрорегиона составляла по итогам 2014–2018 гг. почти 90% за счет участия в капитале нефтегазовых проектов крупных глобальных корпоративных структур (табл. 5.2).

Таблица 5.2

ПИИ, привлеченные в экономику Дальнего Востока, млн долл.

Макрорегион / регион	2014	2015	2016	2017	2018
Дальний Восток	41549,8	39430,7	62345,4	64420,7	76062,8
Сахалинская область	36086,9	35159,1	55645,1	57575,7	69271,4
Приморский край	1074,8	1172,9	2145,6	1609,3	2427,8
Республика Саха (Якутия)	1423,5	1209,0	1826,4	2197,3	2267,5
Амурская область	975,5	895,7	991,4	1253,6	760,5
Хабаровский край	739,1	551,7	1000,6	1097,1	736,5
ЧАО	382,9	298,7	304,5	290,9	234,0
Камчатский край	51,7	39,1	214,3	240,3	202,0
ЕАО	39,6	82,9	207,3	140,3	152,6
Магаданская область	775,8	21,6	10,1	16,3	10,4

Источник: Статистика внешнего сектора / Центральный банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: январь 2020).

В целом накопленный объем иностранных инвестиций в макрорегион составил порядка 76 млрд долл. Основная часть ПИИ концентрировалась в добыче топлив-

¹ Коржубаев А.Г., Соколова И.А., Эдер Л.В. Перспективы развития нефтяной и газовой промышленности Сибири и Дальнего Востока и прогноз экспорта нефти и газа из России на Тихоокеанский рынок // Бурение и нефть. 2009. Декабрь. URL: <http://www.burneft.ru/archive/issues/2009-12/1> (дата обращения: октябрь 2020).

но-энергетических полезных ископаемых, а также в обрабатывающих производствах, пищевой промышленности, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. В третичном секторе экономики ПИИ были сосредоточены главным образом в предоставлении услуг связи и операциях с недвижимым имуществом.

Хотя ПИИ выступают активным фактором экономического роста целого ряда дальневосточных регионов, их воздействие на модернизацию экономики пока слабо выражено. Роль ПИИ в развитии дальневосточной экономики можно косвенно оценить посредством соотношения с параметрами общего потока инвестиций и выпуска. Приток ПИИ, по причине включения в него долговых обязательств и участия в капитале предприятия в том числе в форме акционерного капитала, в целом не является показателем, относящимся к инвестициям в основной капитал, однако определенная его часть, безусловно, входит в характеристики инвестиционного потока предприятий. Отношение притока ПИИ к инвестициям в основной капитал по регионам Дальнего Востока показало, что к 2018 г. иностранный капитал являлся главным источником инвестиционного потока для Сахалинской области, ЕАО и ЧАО. Особенно важное значение приток ПИИ имел в 2015–2016 гг., когда собственные инвестиции в основной капитал в макрорегионе в целом снижались

Вклад предприятий с иностранным капиталом в экономику регионов Дальнего Востока, который скорее отражает роль накопленных ПИИ, можно также отследить посредством оценки распределения и доли их отгруженной продукции в общем объеме отгруженной продукции¹. К 2018 г. доля отгруженной продукции предприятий с совместной и зарубежной собственностью в общем объеме отгруженной продукции для Дальнего Востока составляла почти 40% и была основной в Сахалинской области, ЕАО и ЧАО.

5.3. Потенциал институциональных модернизаций на Дальнем Востоке как инструмента активизации международных взаимодействий

На протяжении всей истории функционирования макрорегиона как части российской экономики институциональные рамки, определявшие его внешние и внутренние взаимодействия, неоднократно изменялись². С 2010-х гг. по отношению к Дальнему Востоку стали применяться новые меры государственной политики, одной из главных задач которых является расширение торгово-экономических взаимодействий со странами АТР. Знаковым событием стало проведение в г. Владивостоке и на о. Русском саммита АТЭС-2012, для организации которого были созданы

¹ Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // *Пространственная экономика*. 2018. №1. С.138–153.

² Подробно: Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 848 с.; Минакир П.А. Исследования экономики Дальнего Востока. 1975–2000 / Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 912 с.

современные дорогостоящие объекты инфраструктуры на юге Дальнего Востока¹. Сравнительно недавно были образованы новые федеральные органы власти и управления Дальним Востоком России – АО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона» (2011 г.)² и Министерство развития Дальнего Востока (2012 г.)³. В 2013 г. повышен статус представителя президента России в макрорегионе, обеспечивающего реализацию конституционных полномочий главы государства на территории Дальнего Востока, до должности заместителя председателя правительства России. В состав ДФО в конце 2018 г. были переданы два региона из состава Сибирского федерального округа – Республика Бурятия и Забайкальский край. Также полномочия Министерства развития Дальнего Востока впоследствии распространились на решение проблем российской Арктики (далее – Минвостокразвития).

Совместно с профилирующими федеральными министерствами и ведомствами, а также с органами власти и управления дальневосточных субъектов Российской Федерации перечисленные выше органы власти и управления Дальним Востоком в настоящее время реализуют несколько стратегических целей⁴ по отношению к социально-экономическому развитию макрорегиона, направленные, согласно руководящим документам, на обеспечение автономного ускоренного развития экономики, улучшение социально-демографической ситуации, привлечение населения, развитие инфраструктуры и улучшение инвестиционного климата макрорегиона, а также на наращивание производства в обрабатывающей промышленности.

Особое место в рамках данных целей занимают стремления органов власти и управления расширить торгово-экономические взаимодействия Дальнего Востока России со странами АТР⁵, которые возможно свести к следующим направлениям:

1) исполнение федеральных целевых программ (ФЦП) развития, в целом предполагающих реализацию различного рода инвестиционных проектов;

2) создание специальных экономических зон: территории опережающего развития (ТОР)⁶ и «Свободный порт Владивосток» (СПВ)⁷;

¹ Подпрограмма «Развитие Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР» в рамках федеральной целевой программы (ФЦП) «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона».

² С целью поддержки инфраструктурных проектов на российском Дальнем Востоке. 100% акций АО принадлежит государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)».

³ Создано для координации деятельности по реализации государственных программ и ФЦП, осуществляя управление федеральным имуществом, расположенным на территории макрорегиона, и контролируруя управление дальневосточными регионами.

⁴ Подробно: Изотов Д.А. Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли «новые» институты? // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 155–163; Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.

⁵ Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С.27–44.

⁶ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ.

⁷ О свободном порте Владивосток: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ.

3) развитие обрабатывающей промышленности в рамках стратегии импорто-замещения¹;

4) наращивание экспортных поставок в страны АТР (табл. 5.3).

Таблица 5.3

Стратегические направления государственной политики для реализации потенциала экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР

Декларируемое направление	Заявленные способы достижения
Создание современной транспортной и имиджевой инфраструктуры	Наращивание государственных инвестиций, запланированных в рамках ФЦП
Создание специальных экономических зон: ТОРы и СПВ	Создание особых условий для бизнеса за счет государственных инвестиций, налоговых льгот и преференций в рамках специальной законодательной базы
Развитие обрабатывающей промышленности	Субсидирование предприятий обрабатывающей промышленности, прямое стимулирование спроса на инвестиционные товары, гарантированные государственные закупки
Наращивание экспортных поставок в страны АТР	Предоставление информационной и консультационной поддержки для экспортирующих предприятий

Источник: составлено автором на основе анализа руководящих документов органов власти и управления Дальнего Востока.

Фактически цели стратегических направлений сводятся к обеспечению ускоренного развития экономики Дальнего Востока, улучшения социально-демографической ситуации, инвестиционного климата макрорегиона и развития инфраструктуры. Для последующего анализа перечисленных стратегических направлений в государственной политике развития Дальнего Востока необходимо их более развернутое изложение.

Создание современной транспортной и имиджевой инфраструктуры. Расширение бюджетных капиталовложений на Дальнем Востоке осуществляется в рамках комплексных программ развития, основной из которых является ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (до 2018 г. и до 2025 г.). Главной целью² ФЦП является формирование условий для ускоренного развития Дальнего Востока, превращения его в конкурентоспособный макрорегион с диверсифицированной экономикой, в структуре которой преобладают высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью. По мнению разработчиков программы, для достижения данной цели необходимо: обеспечить превышение макрорегионом среднегодового темпа прироста совокупного ВРП всех регионов России на 1,5 п. п.; обеспечить сбалансированный приток инвестиций в проекты макрорегиона; обеспечить конкурентоспособность экономики макрорегиона на основе оптимизации тарифов, поддержки внедрения технологических инноваций и повышения качества институтов; обеспечить

¹ Пакет приказов Министерства промышленности и торговли Российской Федерации 31 марта – 2 апреля 2015 г., предусматривающих снижение рыночной доли импорта (более 2 тыс. видов продукции).

² Еще одной целью является традиционное кардинальное улучшение социально-демографической ситуации макрорегиона, создание условий для сокращения оттока населения из макрорегиона и обеспечение миграционного прироста с преобладанием квалифицированных специалистов при обеспечении на территории макрорегиона среднеевропейского уровня жизни населения.

опережающее развитие инфраструктурного комплекса макрорегиона; обеспечить формирование на территории макрорегиона благоприятного инвестиционного климата, создание равных с территориями европейской части России возможностей для ведения бизнеса и жизни населения, в т. ч. с использованием бюджетных, налоговых, таможенных и тарифных преференций и т. п.

Официальная позиция заключается в том, что проблемы в сфере инфраструктуры, особенно инфраструктуры транспорта, создают барьеры, препятствующие обеспечению сбалансированности экономического роста макрорегиональной экономики. Поэтому для снижения соответствующих рисков необходимы государственные инвестиции в инфраструктуру. В период высоких цен на нефть со стороны федеральных органов власти было решено увеличить государственные инвестиции в макрорегион при помощи реализации ФЦП. Как показал дальнейший анализ, действительно, реальные инвестиции на душу населения на Дальнем Востоке значительно опережали среднероссийские¹. Происходило наращивание инвестиций за счет внешних (бюджетных) источников финансирования. В 2007–2012 гг. на Дальнем Востоке был осуществлен крупный инвестиционный проект с внешними для макрорегиона капиталовложениями – строительство инфраструктуры для проведения форума АТЭС. Также инвестиции направляются в развитие транспортной инфраструктуры макрорегиона, в том числе для поддержания и расширения транзитных функций национальной экономики со странами АТР.

Создание специальных экономических зон: ТОР и СПВ. Следующим решением органов федеральной власти по отношению к Дальнему Востоку являлось создание СПВ и ТОР, на территории которых было решено распространить особый правовой режим таможенного, налогового, инвестиционного и смежного регулирования. В рамках специальных экономических зон за счет налоговых льгот и различного рода преференций, как предполагается Минвостокразвития, для резидентов создаются благоприятные условия ведения бизнеса и инвестирования. К территории СПВ на первом этапе были отнесены все ключевые порты юга Дальнего Востока от Зарубино до Находки, а также аэропорт «Кневичи». Режим СПВ далее распространяется на территорию 15 муниципальных образований юга Приморского края, а в последующем – на ряд прибрежных муниципальных районов Хабаровского края, Сахалинской области, Камчатского края, ЧАО, а также Приморского края (Лазовский муниципальный район).

Первоначально по отношению трем ТОР было подписано постановление правительства, утверждающее их организацию: «Надеждинская» (Приморский край), «Комсомольск» и «Хабаровск». Далее правительственной подкомиссией были утверждены следующие шесть ТОР: «Беринговский» (ЧАО); «Кангалассы»

¹ Подробно: Motrich E.L., Izotov D.A. Modern Trends and Problems of Migration in a Russian Border Region: The Far East // Studies on Russian Economic Development. 2018. Vol. 29. Issue 3. Pp. 245–251.

(Республика Саха (Якутия)); «Михайловский» (Приморский край); «Камчатка»; «Белогорск» и «Приамурский» (Амурская область). В последующем некоторые ТОР поменяли свое название, а в связи с присоединением к ДФО двух субъектов Сибирского федерального округа – Республики Бурятия и Забайкальского края – ТОР также были образованы в этих регионах. В итоге на текущий момент численность ТОР составляет 22 ед.

В соответствующем законе выделялось пять целей создания и функционирования СПВ: взаимодействие различных органов власти и бизнеса; интеграция в экономическое пространство АТР; развитие торговли с АТР; создание и развитие современных технологичных производств, ориентированных на выпуск конкурентоспособной продукции в АТР; ускорение социально-экономического развития территории и повышение уровня жизни населения, проживающего на территории Дальнего Востока. Цель создания ТОР в соответствующем законе не приводится, поэтому можно предположить, что она может быть синонимична названию – опережающее социально-экономическое развитие территории (по всей видимости, субъекта РФ, т. е. где расположена данная ТОР).

АО «Корпорация развития Дальнего Востока» было определено управляющей компанией СПВ и ТОР на Дальнем Востоке. Полномочия по осуществлению от имени Российской Федерации прав акционера АО (100% акций АО «Корпорация развития Дальнего Востока» находятся в федеральной собственности), возложено на Минвостокразвития¹.

Развитие обрабатывающей промышленности. Помимо создания ТОР и СПВ, а также инвестиционной накачки экономики макрорегиона, государственные решения в рамках мер по развитию обрабатывающей промышленности являются многоаспектными, включая в себя: производство продукции в рамках беспошлинного режима на основе импортных компонентов (главным образом из близлежащих стран СВА) для ее последующей реализации на отечественном рынке; производство гражданской продукции в условиях государственного заказа и субсидирования на предприятиях военно-промышленного комплекса Дальнего Востока; предоставление дополнительных квот для экспортеров сырьевых товаров в обмен на покупку ими отечественных инвестиционных товаров и развитие глубокой переработки сырья для обеспечения потребностей внутреннего рынка.

Наращивание экспортных поставок в страны АТР. На долгосрочную перспективу социально-экономическое развитие Дальнего Востока в программных документах связывается, в том числе, с реализацией его экспортного потенциала. При этом функции Минвостокразвития ограничиваются только предоставлением инфор-

¹ Структура и функции федеральных органов исполнительной власти и управления. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=120971&fld=134&dst=100496,0&rnd=0.1976715665492419#0>http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120971/ (дата обращения: август 2020).

мационной и консультационной поддержки ориентированных на экспорт субъектов предпринимательской деятельности, в том числе среднего и малого бизнеса¹.

В программном документе «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»² (далее – Программа) указывается на то, что «новая модель» развития макрорегиона основана на экспорте в страны АТР готовых товаров (работ, услуг), производимых на территории Дальнего Востока, создании конкурентоспособного инвестиционного климата, привлечении прямых инвестиций, в том числе иностранных, росте деловой активности, развитии малого и среднего предпринимательства, создании конкурентоспособных территорий опережающего развития. Для этого разработчики Программы предусматривают реорганизацию системы управления социально-экономическим развитием ДФО для ее приведения в соответствие с задачами опережающего развития восточных территорий России. Разработчики Программы видят следующие приоритеты государственной политики долгосрочного развития Дальнего Востока: создание конкурентоспособных (в сравнении с соседними странами АТР) условий ведения хозяйственной деятельности, необходимых для опережающего развития экономики и социальной сферы; обеспечение крупномасштабного притока инвестиций в проекты макрорегиона; развитие инфраструктуры для обеспечения реализации инвестиционных проектов и создания новых рабочих мест; увеличение объема экспортных сделок организаций ДФО со странами АТР. В рамках задач Программы и Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. обозначено увеличение экспорта и наращивание инвестиционного сотрудничества с зарубежными странами³.

Созданное при Минвостокразвития АНО «Агентство по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» (далее – Агентство) характеризовалось следующими целями в осуществлении своей деятельности: привлечение новых резидентов в ТОРы и в СПВ; привлечение прямых инвестиций; поддержка экспорта⁴. Задачами Агентства являются привлечение новых инвесторов в ДФО и сопровождение инвестиционных проектов. К числу прочих направлений деятельности Агентства относятся: оказание консультационной, методической, информационной и организационной поддержки инвесторам, торговым партнерам и экспортерам; разработка и реализация программ стимулирования и продвижения российского экспорта из ДФО

¹ О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2012 г. № 664.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»: постановление Правительства России от 15 апреля 2014 г. № 308.

³ Подробно: Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: распоряжение Правительства России от 24 сентября 2020 г. № 2464-р.

⁴ Об учреждении автономной некоммерческой организации «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта»: распоряжение Правительства России от 2 сентября 2015 г. № 1712-р.

в страны АТР. Разработчиками Программы планируется, что сумма экспортных сделок, заключенных при участии Агентства, составит 79 млрд рублей к 2025 г.¹

Таким образом, меры государственной политики России по реализации интеграционного потенциала и потенциала экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР реализуются специально созданными административными структурами, имеющими федеральный статус, совместно с профилирующими федеральными министерствами и ведомствами, а также с органами власти и управления регионов Дальнего Востока. Перечисленные направления государственной политики ускоренного развития экономики Дальнего Востока по сравнению с другими регионами России, развития инфраструктуры, улучшения социально-демографической ситуации, а также стимулирования обрабатывающей промышленности и увеличения экспортных поставок в страны АТР выглядят на первый взгляд довольно логичными, исходя из наличия накопленных как экономических, так и социальных проблем в макрорегионе.

Вместе с тем имплементируемые институциональные инструменты, во всяком случае, в сфере активизации международного экономического сотрудничества, ограничены в своем действии фундаментальными рисками, связанными как с функционированием национальной экономики в целом, так и с отсутствием совмещения институциональных режимов между Россией и странами АТР, осуществляющими построение открытых экономик.

Практически каждое направление по существу является копией широко известных неэффективных мер государственной политики из опыта зарубежных стран со структурными и институциональными характеристиками, подобными российским, от которых успешно развивающиеся страны в свое время благополучно отказались.

Как показывает зарубежный опыт, действительно, одной из проблем для стран с высокой долей природной ренты в экономике является создание инфраструктуры, которая может быть использована для привлечения предпринимателей с целью организации бизнеса. Но при этом следует понимать, что инвестиции в инфраструктуру являются следствием, а не причиной развития экономической системы. Несмотря на то, что инфраструктурные объекты существенно разнятся по функциональности, зарубежный опыт показывает, что в данной цепочке рассуждений являются важными три аспекта.

Во-первых, страны с высокой предпринимательской активностью обычно характеризуются развитой инфраструктурой, а государство способствует ее созданию при условии наличия спроса со стороны бизнеса². Во-вторых, для стран с высокой природной рентой в экономике принципиальным является наличие сильных инсти-

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»: постановление Правительства России № 361. (Подпрограмма 4 «Повышение инвестиционной привлекательности Дальнего Востока»).

² Making Public Investment More Efficient / IMF. 2015. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/061115.pdf> (дата обращения: июль 2020).

тутов, которые позволяют снизить общие риски для экономической деятельности¹. В-третьих, помимо институционального развития, при осуществлении государственных расходов на создание инфраструктуры важное значение имеет уровень развития экономики, поскольку подобного рода капиталовложения могут заметно влиять на экономику стран с преимущественно низкими доходами на душу населения², причем в условиях опережающего роста спроса на инфраструктуру со стороны частного бизнеса³.

Поскольку Россия является страной со средним уровнем дохода на душу населения, заметного воздействия возведение данной инфраструктуры на экономику не окажет. Также чем больше уверенность в том, что государство отстаивает интересы бизнеса, устанавливая общепринятые логичные правила, тем больше будет поток частных инвестиций, вне зависимости от качества инфраструктуры⁴.

Как показал анализ, действительно, в макрорегионе происходило наращивание инвестиций за счет внешних (бюджетных) источников финансирования⁵, а по размеру реальных среднедушевых инвестиций в 2010-е гг. Дальний Восток превышал среднее по стране значение почти в два раза, при этом эффективность капиталовложений в дальневосточную экономику является низкой. Также за счет крупных государственных капиталовложений не удалось существенно снизить риски для инвестирования в макрорегиональную экономику и придать ей какое-либо ускорение⁶.

Неоднократно после 1991 г. на Дальнем Востоке предпринимались попытки создания различных видов специальных зон. Причины неудач данных зон подробно описаны⁷. Зоны первой волны трансформировались во внутренние «офшоры» и торговые площадки, не получив пролонгации, а последующие попытки создания зон не принесли результатов по причине наличия высоких рисков для инве-

¹ Bhattacharyya S., Collier P. Public Capital in Resource Rich Economies: Is There a Curse? // *Oxford Economic Papers*. 2014. Vol. 66. Issue 1. Pp. 1–24.

² Gupta S., Kangur A., Papageorgiou C., Wane A. Efficiency-Adjusted Public Capital and Growth // *World Development*. 2014. Vol. 57. Pp. 164–178; Warner A.M. Public Investment as an Engine of Growth / IMF. Working Paper WP/14/148. 2014. 76 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2014/wp14148.pdf> (дата обращения: июль 2020).

³ С этим, в частности, связана критика следующих работ: Aschauer D.A. Is Public Expenditure Productive? // *Journal of Monetary Economics*. 1989. Vol. 23. Issue 2. Pp. 177–200; Aschauer D.A. Why is Infrastructure Important? // *Conference Series, Federal Reserve Bank of Boston*. 1990. Vol. 34. Pp. 21–68.

⁴ Андрей Мовчан: «Без пруда не вытащишь рыбку и с трудом» // *Economy Times*. 2015. 16 ноября. URL: <http://economytimes.ru/mesto-dlya-diskussiy/andrey-movchan-bez-pruda-ne-vytashchish-rybku-i-s-trudom> (дата обращения: октябрь 2020).

⁵ Motrich E.L., Izotov D.A. Modern Trends and Problems of Migration in a Russian Border Region: The Far East // *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Vol. 29. Issue 3. Pp. 245–251.

⁶ Подробно: Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 221.

⁷ Гурьева М. Зоны особого внимания // *Дальневосточный капитал*. 2005. № 12. С.12–21; Акулич С. «Мертвая» особая экономическая зона «Советская Гавань» может стать таким же Свободным портом // *Золотой Рог*. 2015. 18 декабря. URL: http://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_18.12.2015_75563_mertvaja-osobaja-ekonomicheskaja-zona-sovetskaja-gavan-mozhet-stat-takim-zhe-svobodnym-portom.html (дата обращения: октябрь 2020).

стирования и непрофессионального подхода к управлению зонами. Даст ли результат создание после 2015 г. ТОР и СПВ?

По версии Минвостокразвития налоговые льготы и различного рода преференции для резидентов создадут благоприятные условия ведения бизнеса и инвестирования. Сомнения могут быть связаны с тем, что на сегодня в мире существует более четырех тысяч специальных зон, и лишь очень немногие из них являются успешными¹. Создание специальных зон не является универсальным инструментом для ускоренного развития национальной экономики в целом и региональной в частности. Скорее, этот инструмент является очень специфичным. В условиях слабых институтов эти зоны могут вызвать лишь нерациональное распределение ресурсов и негативные последствия рентного поведения властей. Насчитывается большое количество примеров неудач в построении специальных зон, особенно часто в странах со слабыми институтами и высокой природной рентой в экономике, к которым относится Россия².

В странах с высокой политической централизацией возникает «проблема информированности»³, т. е. чиновники, обладая достаточной властью и аппаратом подчинения, при создании специальных зон не имеют достаточных знаний о поведении рынка и общества. В результате специальные зоны плохо планируются, а снижение налогового бремени в рамках особой территории может привести только к неэффективному распределению экономической деятельности в пространстве, создав искусственно неравновесную систему.

Директивные попытки создания кластерных структур в зонах вряд ли будут успешными, поскольку они формируются спонтанно в рамках рыночной координации и в результате прогресса всей отрасли экономики. Поэтому необходимо делегировать принятие решения по выбору местоположения и отраслевой специализации частному бизнесу либо выработать единый подход в условиях политической децентрализации⁴. В первом случае возможно появление частных зон, привлекательность которых больше зависит от стабильной обстановки, сильных институтов, наличия ресурсов и прибыльности, чем от низких тарифов и налогов⁵. Во втором случае местные органы власти, которые в рамках реальной децентрализации хорошо ориентируются в специфике условий конкретной территории для того, чтобы избежать ненужных расходов на инфраструктуру при реализации не-

¹ Political Priority, Economic Gamble. Free-Trade Zones Are More Popular Than Ever-With Politicians, If Not Economists // The Economist. 2015. 4 April. URL: <http://www.economist.com/news/finance-and-economics/21647630-free-trade-zones-are-more-popular-ever-with-politicians-if-not> (дата обращения: июль 2020).

² Special Economic Zones. Progress, Emerging Challenges, and Future Directions / The World Bank. Ed. by T. Farole, G. Akinci. 2011. 346 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2341/638440PUB0Exto00Box0361527B0PUBLIC0.pdf>; Special Economic Zones. Performance, Lessons Learned, and Implications for Zone Development / FIAS. 2008. 83 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/pdf/458690WP0Box331s0April200801PUBLIC1.pdf> (дата обращения: июль 2020).

³ Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // American Economic Review. 1945. Vol. 35. Issue 4. Pp. 519–530.

⁴ Moberg L. The Political Economy of Special Economic Zones // Journal of Institutional Economics. 2015. Vol. 11. Issue 1. Pp. 167–190.

⁵ Morriss A.P., Moberg L. Cartelizing Taxes: Understanding the OECD's Campaign Against 'Harmful Tax Competition' // Columbia Journal of Tax Law. 2012. Vol. 4. Issue 1. Pp. 1–64.

достаточно продуманных проектов, могут создать условия для организации специальных зон. Несмотря на то, что лучшую практику в мире показали частные зоны, дальневосточные экономические зоны являются государственными.

В целом опыт стран с высокой природной рентой и стабильными институтами показывает, что такой инструмент, как специальные зоны, применяется в единичных случаях или не используется вовсе, поскольку инвестиционный климат в экономике является благоприятным. Страны с высокой долей природной ренты, слабыми институтами и высокими рисками (Монголия¹, ряд стран тропической Африки² и многие другие) провалили создание успешно функционирующих специальных зон, в которые были вложены огромные государственные инвестиции в инфраструктуру, которая практически не использовалась по причине высоких рисков, плохих программ планирования и слабого управления, высоких издержек, удаленности от рынков, отсутствия институциональной координации и т. д.

В условиях слабых институтов и высокой природной ренты чиновники имеют стимул максимизировать инвестиции в специальные зоны за счет бюджета, косвенно присваивая себе ренту³.

Как показал опыт других стран, при снижении тарифной нагрузки на импорт специальные зоны могут увеличить экспорт страны только в случае, если они включены в глобальный производственный цикл создания добавленной стоимости за счет промежуточных товаров или компонентов, что характерно для стран с избыточной и дешевой рабочей силой, изначально имеющейся или привлекаемой⁴. Также специальные зоны могут создаваться в том случае, если экономика является сравнительно закрытой и характеризуется высокими рисками, а зоны для зарубежных фирм представляют собой способ преодоления высоких импортных и институциональных барьеров, во-первых, для получения доступа к активам, и, во-вторых, для проникновения на национальный рынок. В первом случае это опыт китайских зон в Африке, которые организуются и функционируют при помощи капитала из КНР в ресурсо- и трудоизбыточных африканских странах⁵ (Замбия, Эфиопия, Нигерия, Мавритания, Алжир). Во втором случае это опыт российских зон, расположенных в западной части страны⁶.

¹ Tsagaach T. The Implications of Successful SEZs in Northeast Asia: Opportunities for Developing SEZs in Mongolia // *The Northeast Asian Economic Review*. 2016. Vol. 4. Issue 2. Pp. 77–88.

² Woolfrey S. Special Economic Zones and Regional Integration in Africa / Tralac. Working Paper No. S13WP10/2013. 2013. URL: <http://www.tralac.org/files/2013/07/S13WP102013-Woolfrey-Special-economic-zones-regional-integration-in-Africa-20130710-fin.pdf> (дата обращения: январь 2017).

³ Moberg L. The Political Economy of Special Economic Zones // *Journal of Institutional Economics*. 2015. Vol. 11. Issue 1. Pp. 167–190.

⁴ Siroën J.-M., Yücer A Trade Performance of Free Trade Zones / Université Paris-Dauphine. Document De Travail DT/2014-09. 2014. 28 p. URL: http://www.dial.ird.fr/media/ird-sites-d-unites-de-recherche/dial/documents/publications/doc_travail/2014/2014-09 (дата обращения: июль 2020).

⁵ Special Economic Zones. Progress, Emerging Challenges, and Future Directions / The World Bank. Ed. by T. Farole, G. Akinci. 2011. 346 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2341/638440PUB0Ext00Box0361527B0PUBLIC0.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁶ Göler D., Levchenkov A. Special Economic Zones as Revitalization Strategy for Old Industrial Regions in Russia // *Geographische Rundschau*. 2010. Vol. 62. Issue 2. Pp. 18–25; Liuhto K. Special Economic Zones in Russia – What do the Zones Offer for Foreign Firms? / *Electronic Publications of Pan-European Institute*.

В случае Дальнего Востока специальные зоны стали привлекать не иностранные фирмы, которые избегают осуществления инвестиций в условиях высоких экономических рисков, а отечественные (региональные и макрорегиональные) по причине отсутствия для них лучших альтернатив повышения прибыли на других рынках. В каждом из регионов Дальнего Востока стали образовываться свои специальные зоны, что в условиях малой емкости рынка привело, во-первых, к перемещению отечественных фирм в эти специальные зоны, а во-вторых, к получению неестественных преимуществ для резидентов специальных зон по сравнению с фирмами, осуществляющими деятельность вне этих особых территорий. Поскольку речь идет о фирмах, осуществляющих экономическую деятельность на внутрорегиональном рынке, стало происходить его перераспределение¹.

В итоге желание органов государственной власти создать условия для ведения бизнеса на Дальнем Востоке при помощи специальных зон на практике становится источником системных рисков, связанных с построением неравновесной, по Парето, экономики в пространстве макрорегиона². К тому же стали проявляться риски, связанные с отменой некоторых обещанных льготных условий для функционирования фирм, осуществивших капиталовложения в ТОР³.

Далее, что касается обрабатывающей промышленности, то она может получить развитие в стране с либеральной торговой политикой, т. е. в рамках открытой экономики. В целом идея современного развития в рамках цепочек добавленной стоимости предполагает, что продукция обрабатывающей промышленности, доходя до своего конечного производства, много раз пересекает национальные границы, а издержки на этих границах вносят огромный вклад в общие производственные издержки. Поэтому если национальные границы непрозрачные, с большими издержками, то данная продукция будет обходить мимо это национальное пространство.

Для России, начиная с момента роста цен на экспортные сырьевые товары с параллельным созданием барьеров для импорта, было замечено увеличение количества приоритетных промышленных / технологических проектов развития, осуществляемых в особо благоприятных условиях. Дальний Восток при этом не является исключением, став одним из элементов в механизме переноса на конечного потребителя издержек, связанном с обходом высокой ввозной пошлины на продукцию и со снижением конкуренции с импортными аналогами⁴. Более под-

2/2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/242581512_Special_Economic_Zones_in_Russia_-_What_do_the_zones_offer_for_foreign_firms (дата обращения: январь 2020).

¹ Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 228.

² Подробно: Изотов Д.А. Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли «новые» институты? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 155–163.

³ Гришина Т., Едовина Т. Дальневосточные льготы пошли по судам // Коммерсантъ. 2020. 16 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4379258> (дата обращения: октябрь 2020).

⁴ Подробно: Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 230.

робные оценки для российской экономики показывают, что фирмы, импортирующие промежуточные товары, являются более производительными, чем не импортирующие фирмы¹. Снижение импорта оборачивается дополнительной потерей производительности российских компаний, импортирующих комплектующие и оборудование, что неизбежно негативно отражается на их конкурентоспособности на мировом рынке. Надежды на стимулирование обрабатывающей промышленности за счет импортозамещения являются безосновательными, поскольку для долгосрочных положительных эффектов необходимы доступ к источникам капитала и технологий, достаточная емкость внутреннего рынка².

Проблемным пунктом является и стимулирование наращивания экспортных поставок в страны АТР. Существует два подхода к государственному стимулированию расширения экспортного потока. Во-первых, создание конкурентных условий и снижение рисков, что способствует естественному отбору наиболее эффективных фирм (производителей), которые реализуют продукцию на внешних рынках³. Во-вторых, снижение барьеров для проникновения на зарубежные рынки, что ведет к наращиванию производительности экспортно ориентированных производителей, создавая тем самым условия для расширения экспорта⁴.

В исследованиях об успешных стратегиях и методах стимулирования экспорта, как правило, упоминаются следующие практики⁵: возврат уплаченной таможенной пошлины; доступность кредитов, что имеет решающее значение для малых и средних предприятий; упрощение регулирования, связанного с экспортом, улучшение сбора и распространения информации об иностранных рынках и требованиях к экспорту, в том числе учет стандартов и технических требований, предъявляемых к экспорту на рынках развитых стран; сочетание краткосрочной и долгосрочной экспортной политики в рамках общей политики, направленной на повышение производительности и технологического обновления; стратегическое сотрудничество между государственным и частным секторами, что может свести к минимуму затрачивание ресурсов и снизить опасность воздействия влиятельных групп внутри страны и возникновения деятельности по извлечению ренты; решающее значение для результатов экспортной политики институциональной среды; важность взаимодополнения между институтами и мерами государственной

¹ Волчкова Н.А, Турдыева Н.А. Микроэкономика российского импортозамещения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4 (32). С. 140–146.

² Афонцев С.А. Перспективы импортозамещения в российской экономике // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 13–19.

³ Bernard A., Jensen J. Why Some Firms Export // Review of Economics and Statistics. 2004. Vol. 86. Issue 2. Pp. 561–569; Roberts M., Tybout J. The Decision to Export in Colombia: An Empirical Model of Entry with Sunk Costs // American Economic Review. 1997. Vol. 87. Issue 4. Pp. 545–564.

⁴ De Loecker J. Do Exports Generate Higher Productivity? Evidence from Slovenia // Journal of International Economics. 2007. Vol. 73. Issue 1. Pp. 69–98; Lileeva A., Treer D. Improved Access to Foreign Markets Raises Plant-Level Productivity for Some Plants // The Quarterly Journal of Economics. 2010. Vol. 125. Issue 3. Pp. 1051–1099.

⁵ Belloc M., Di Maio M. Survey of the Literature on Successful Strategies and Practices for Export Promotion by Developing Countries / IGC. Working Paper 11/0248. 2011. URL: <https://www.theigc.org/wp-content/uploads/2011/06/Belloc-Di-Maio-2011-Working-Paper.pdf> (дата обращения: июль 2020).

политики, поскольку данная политика может оказывать влияние на показатели экспорта либо с помощью набора инструментов политики, оказывающих прямое влияние на внешнюю торговлю, либо опосредованное, на основе набора мер, оказывающих влияние на другие аспекты экономических систем (например, денежно-кредитная, фискальная и инвестиционная политика, политика обменного курса). Подчеркивается, что все перечисленные меры государственной политики нельзя рассматривать изолированно, поскольку экономический и институциональный контексты крайне важны в продвижении экспорта.

Анализ показал, что в свободном доступе отсутствует информация о программах стимулирования и продвижения экспорта товаров из регионов Дальнего Востока в страны АТР, а также о широкомасштабной организационной и информационной поддержке экспортеров макрорегиона. Также крайне непрозрачно происхождение планового индикатора суммы экспортных сделок, которые будут заключены при участии АНО «Агентство по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» при Минвостокразвития (далее – Агентство). Более того, наличие такого планового индикатора идет вразрез со сложившейся в мире практикой индикативной оценки стимулирования экспортной деятельности, поскольку традиционно для оценки эффективности подобного рода агентств используются показатели соотношения экстенсивной и интенсивной составляющих экспорта¹, что подразумевает системный мониторинг и оценку деятельности экспортирующих фирм.

К целям новой меры государственной политики – СПВ – отнесено развитие международной торговли с государствами АТР, а также создание и развитие производств конкурентоспособной в государствах АТР продукции. Однако помимо создания некоторых льготных условий для предпринимательской деятельности, функционирование режима СПВ не дает преимуществ для ориентированных на экспорт производств, которые могли бы быть там развернуты.

В рамках созданных на Дальнем Востоке ТОР также отсутствуют механизмы прямой и косвенной поддержки экспорта. На основе первичной информации о перспективных проектах, разработчики и исполнители, реализующие данный инструмент государственной политики, в большинстве случаев в целевых установках функционирования ТОР сформулировали конкретную производственную направленность. Поскольку реальные целевые установки ТОР (и СПВ) ограничиваются лишь аккумуляцией инвестиций в инфраструктуру и созданием рабочих мест, вопрос относительно того, на какие рынки будет направлена выпускаемая продукция, остается без ответа. Поэтому в качестве установок функционирования ТОР в ряде случаев формулируются два взаимоисключающих направления – это

¹ Подробно: Handbook of International Trade and Transportation / Ed. by B.A. Blonigen, P.H. Knight, W. Wilson. Edward Elgar Publishing, 2018. 720 p.; Martincus C.V., Carballo J., Gallo A. The Impact of Export Promotion Institutions on Trade: Is It the Intensive or the Extensive Margin? // Applied Economics Letters. 2011. Vol. 18. Issue 2. Pp. 127–132; Uribe-Etxebarria A.M., Silvente F.R. The Intensive and Extensive Margins of Trade: Decomposing Exports Growth Differences Across Spanish Regions // Investigaciones Regionales. 2012. Vol. 53. Pp. 53–76.

одновременное производство ориентированной на экспорт и импортозамещающей продукции, например, в таких ТОР, как: «Камчатка» (Камчатский край), «Нефтехимический», «Большой Камень» и «Михайловский» (Приморский край), «Индустриальный парк “Кангалассы”» (Республика Саха (Якутия)), «Белогорск» (Амурская область). Также распространенной является нестрогая формулировка о формировании условий для укрепления экономических позиций России на конкурентных рынках стран АТР: «Свободный» и «Приамурская» (Амурская область), «Беринговский» (ЧАО), «Южная Якутия» (Республика Саха (Якутия)).

Как показал анализ нормативно-правовых документов исполнительных органов власти, прямые механизмы, способствующие увеличению экспорта продукции с территории Дальнего Востока в рамках действующих мер государственной политики по развитию макрорегиона, в классическом понимании, отсутствуют. Возможно, какая-то деятельность по косвенному стимулированию экспорта осуществляется, однако ни в целевых индикаторах, ни в отчетах, ни в прочих информационных источниках результаты этой деятельности не были обнаружены. Целевой приоритет программ развития Дальнего Востока смещен в сторону развития «анклавной» модели за счет освоения бюджетных инвестиций и создания дополнительных рабочих мест¹. Функции образованного Агентства ограничиваются только привлечением инвесторов и сопровождением инвестиционных проектов. Информация о программах стимулирования и продвижения экспорта из регионов Дальнего Востока в страны АТР, а также о широкомасштабной организационной и информационной поддержке экспортеров макрорегиона не была обнаружена. Деятельность представительств Агентства в странах АТР по продвижению дальневосточных товаров с целью стимулирования экспорта и оптимизации его структуры, распространения информации об экспортной продукции, о стандартизации и сертификации продукции на зарубежных рынках для предприятий Дальнего Востока не афишируется.

Не обнаружены также механизмы государственной политики по продвижению продукции малого и среднего бизнеса Дальнего Востока на зарубежных рынках, механизмы прямой поддержки экспорта макрорегиона. Также отсутствуют меры, способствующие товарной и географической диверсификации экспорта Дальнего Востока.

Структурные и институциональные характеристики стран с высокой долей природной ренты и высокими рисками в экономике, к которым относится Россия, накладывают существенные ограничения на эффективность принимаемых решений государственной политики, которые могут рассматриваться как императивные попытки создания «новых» институтов. В какой-то мере проведенный анализ

¹ Подробно: Изотов Д.А. Увеличение экспортного потенциала // Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. С. 137–153.

указал на характеристики общей среды, в которой существует в том числе экономика Дальнего Востока: с одной стороны, осуществляется перераспределение масштабных финансовых потоков на неконкурентной основе, с другой – наблюдается нарастание общей неэффективности экономики, которая поддерживается распределяемой природной рентой.

Таким образом, анализ показал, что способы достижения задекларированных направлений государственной политики по отношению к Дальнему Востоку с точки зрения реализации интеграционного потенциала макрорегиона не могут быть результативными по причине отсутствия совмещения институциональных режимов между Россией с одной стороны и странами АТР с другой, которые, в свою очередь, осуществляют построение открытых экономик. Компаративистская оценка показала, что большинство способов достижения целей государственной политики по расширению торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР не выдерживают критики с точки зрения теоретических моделей. На основе опыта зарубежных стран со структурными и институциональными характеристиками, аналогичными российской экономике, риски текущих способов реализации интеграционного потенциала макрорегиона и альтернативные способы их достижения сводятся к: увеличению торгово-экономической открытости, реализации стратегии построения экспортно ориентированной экономики и интеграции с крупными экономиками; снижению инвестиционных рисков и созданию конкурентных условий. При сохранении текущих тенденций, не подразумевающих создания необходимых условий для открытости и снижения рисков на уровне российской экономики в целом, в рамках Дальнего Востока возможна дальнейшая экстенсивная эксплуатация модели «ресурсного транзита», которая, тем не менее, может быть усилена мерами по продвижению экспорта, его товарной и географической диверсификации, а также минимизацией государственного участия в специальных экономических зонах.

Исходя из вышеизложенного, расширение торговых взаимодействий Дальнего Востока возможно именно в условиях снижения / нивелирования различного рода барьеров России со странами АТР, ввиду предрасположенности к расширению торговли макрорегиона с ближайшими и крупными рынками СВА.

ГЛАВА 6. ПОТЕНЦИАЛЫ ВНЕШНИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

6.1. Интеграционный потенциал торговых взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР¹

Дальний Восток, с одной стороны, имеет возможности для расширения торгово-экономических взаимодействий со странами АТР за счет особого географического положения, обеспеченности природными ресурсами, наличия магистральной транспортной и транзитной инфраструктуры; с другой стороны – тесно встроены в национальную экономику, а укрепление торговых взаимосвязей с остальными регионами страны обеспечивает устойчивое функционирование экономики макрорегиона. Поэтому ключевое значение для экономического развития Дальнего Востока имеет нивелирование различного рода барьеров, препятствующих наращиванию взаимной торговли.

Одним из способов количественной оценки таких барьеров является получение количественной оценки эффекта границ на основе гравитационных зависимостей², которые с точки зрения эконометрических оценок обладают довольно высокой объясняющей способностью переменных, формирующих торговые потоки, описывая одну из самых стабильных эмпирических зависимостей в экономическом анализе³. Подавляющее число известных автору исследований было осуществлено на основе традиционного подхода к гравитационным зависимостям, используя метод наименьших квадратов. Однако за последнее десятилетие были зафиксированы определенные изменения в методологии расчетов гравитационных зависимостей, позволяющие получать несмещенные оценки⁴. В результате в рамках современного подхода к оценке гравитационных зависимостей для региональных подсистем различных стран мира были оценены сравнительные издержки для торговли товарами⁵ и услугами⁶, эффекты экономии от масштаба⁷ и транспортные издержки для товарных

¹ В данном исследовании под интеграционным потенциалом макрорегиона понимается перспективное расширение его торгово-экономических взаимодействий с зарубежными странами в результате нивелирования барьеров с ними для национальной экономики в целом.

² Anderson J.E. A Theoretical Foundation for the Gravity Equation // *American Economic Review*. 1979. Vol. 69. Pp. 106–116; Anderson J.E., Van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Pp. 170–192; McCallum J. National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. Pp. 615–623.

³ Tinbergen J. *Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy*. New York: Twentieth Century Fund, 1962. 330 p.; Leamer E.E., Levinsohn J. *International Trade Theory: The Evidence* // *Handbook of International Economics*. 1995. Vol. 3. Pp. 1339–1394.

⁴ Santos Silva J., Tenreyro S. The Log of Gravity // *Review of Economics and Statistics*. 2006. Vol. 88. Issue 4. Pp. 641–658; Santos Silva J.M.C., Tenreyro S. Further Simulation Evidence on the Performance of the Poisson Pseudo-Maximum Likelihood Estimator // *Economics Letters*. 2011. Vol. 112. Issue 2. Pp. 220–222.

⁵ Agnosteva D., Anderson J.E., Yotov Y.V. *Intra-National Trade Costs: Measures and Aggregation* / NBER. Working Paper No. 19872. Cambridge, MA, 2014. URL: <http://www.nber.org/papers/w19872.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁶ Anderson J.E., Milot C.A., Yotov Y.V. How Much Does Geography Deflect Services Trade? Canadian answers // *International Economic Review*. 2014. Vol. 55. Pp. 791–818.

⁷ Anderson J.E., Vesselovsky M., Yotov Y.V. Gravity with Scale Effects // *Journal of International Economics*. 2016. Vol. 100. Issue 1. Pp. 174–193.

рынков¹ в рамках национального рынка, эффекты отклонения в пользу домашнего рынка², а также эффекты от создания торгово-экономических объединений³ и интервальные оценки транспортных издержек⁴.

Применительно к российской экономике гравитационные модели для оценки торговых барьеров использовались преимущественно в рамках традиционного подхода: для определения потенциала интеграции России с глобальной экономикой⁵ и со странами ближнего зарубежья⁶, а также для взаимодействия регионов России с зарубежными товарными рынками⁷. Для регионов Дальнего Востока выделяются исследования, выполненные в рамках традиционного подхода для определения эффекта границ с зарубежной страной и отечественным рынком: был оценен эффект границ для торговли приграничных регионов России с Китаем для 2005 г.⁸; были оценены торговые связи между дальневосточными регионами на основе гравитационной модели для начала 2000-х гг., масштаб которых был незначительным⁹.

В качестве теоретической модели для получения количественной оценки интенсивности торговли было использовано гравитационное уравнение (III.1). К признакам, характеризующим торговые взаимодействия, относятся структурные и институциональные переменные. Структурные переменные формируют наличие / отсутствие принадлежности торгового потока региона Дальнего Востока к внутрирегиональной торговле, торговле внутри макрорегиона, торговле с отечественным рынком или с рынком стран АТР. К институциональным переменным может быть отнесен только признак наличия границы. Включение других институциональных переменных дублируется со структурными переменными. По причине невозможности включения всех структурных переменных в модель одна из них, характеризующая наименьшими значениями, исключается из числа переменных, выступая в качестве сравнительной (эталонной) величины для остальных (benchmark). Таким образом, оценки структурных переменных, описывающих интенсивность торговых взаимодействий, являются относительными.

¹ Anderson J.E., Yotov Y.V. The Changing Incidence of Geography // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100. Issue 5. Pp. 2157–2186.

² Anderson J.E., Yotov Y.V. Specialization: Pro- and Anti-Globalizing, 1990–2002 / NBER. Working Paper No. 16301. 2011. URL: <https://www.nber.org/papers/w16301> (дата обращения: июль 2020).

³ Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in the Gravity Equation // *European Economic Review*. 2015. Vol. 78. Pp. 307–327.

⁴ Anderson J.E., Yotov Y.V. Gold Standard Gravity / NBER. Working Paper No. 17835. 2012. February. URL: <https://www.nber.org/papers/w17835> (дата обращения: июль 2020).

⁵ Lissovolik B., Lissovolik Y. Russia and the WTO: The 'Gravity' of Outsider Status / IMF. Working Paper WP/04/159. 2004. 43 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2004/wp04159.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁶ Липин А.С., Полякова О.В. Оценка интеграционных процессов в едином экономическом пространстве на примере торговли товарами // *Евразийская экономическая интеграция*. 2014. № 1. С. 80–96.

⁷ Каукин А., Идрисов Г. Гравитационная модель внешней торговли России: случай большой по площади страны с протяженной границей // *Экономическая политика*. 2013. № 4. С. 133–154.

⁸ Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.

⁹ Ясеновская И.В. Межрегиональные взаимодействия субъектов Федерации в дальневосточном районе. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2006. 124 с.

В настоящем исследовании гравитационная зависимость оценивается в рамках современного подхода и представлена в следующем виде:

$$\frac{x_{ijt}}{y_{it}y_{jt}} = \exp [\beta_0 + \beta_1 REGION_i + \beta_2 DV_{ij} + \beta_3 RU_{ij} + \beta_4 APR_{ij} + \beta_5 \ln d_{ij} + \beta_6 CONT_{ij}] \times \exp[\lambda_{it} + \lambda_{jt}] \times \exp^{\varepsilon_{ijt}} \quad (6.1)$$

где: x_{ij} – товаропоток страны / региона i с регионом / страной j ; y_i – ВВП страны / ВРП региона i ; y_j – ВВП страны / ВРП региона j ; t – временной промежуток; d_{ij} – расстояние в километрах между i и j . Фиктивные переменные, принимающие значение, равное единице или нулю в зависимости от направления товаропотока, отражают значения эффекта границ: *REGION* – для внутрирегиональной торговли; *DV* – для торговли между регионами Дальнего Востока (внутри макрорегиона); *RU* – для торговли регионов Дальнего Востока с остальными российскими регионами; *APR* – для торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР. *CONT* – фиктивная переменная в случае наличия совместной сухопутной границы между регионом Дальнего Востока и страной АТР. Факторы, изменяющиеся в динамике и по странам / регионам, контролировались включением фиксированных эффектов для экспортеров и импортеров с учетом времени – λ . Эффект границ понимается как совокупность торгово-экономических издержек, возникающих вследствие пересечения товаром какой-либо границы. Увеличение / снижение эффекта границ следует понимать как снижение / увеличение интенсивности торговых взаимодействий между экономиками.

Массив данных, отражающих динамику внутрирегиональной торговли Дальнего Востока и торговые взаимодействия дальневосточных регионов с отечественным рынком, включает в себя скорректированные показатели ввоза и вывоза потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения за два десятилетия (1999–2018 гг.), досчитанные на основе данных ФСГС¹. Корректировка показателей ввоза и вывоза осуществлялась в два этапа. Вначале в связи с отсутствием стоимостных объемов ввоза и вывоза товаров по российским регионам за 2017–2018 гг. значения этих показателей были рассчитаны на основе имеющейся информации о физических объемах и индексах цен производителей, приведенных в базах данных ФСГС по всем исходным укрупненным товарным группам (более 200 товарных групп). Далее были выявлены стоимостные объемы торговли промежуточными продуктами, которые поэтапно исключались из статистики ввоза и вывоза ФСГС². Поэтому некоторые исключенные товарные группы из статистики ввоза и вывоза (добытая нефть (включая газовый конденсат) – с 2004 г.; картофель, овощи (открытого и закрытого грунта), плоды и ягоды, включая

¹ Источник: Статистические базы данных / МУЛЬТИСТАТ. URL: http://multistat.ru/?menu_id=3000; Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Электронные таблицы статистики РФ / ЕАЭСД. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml> (дата обращения: октябрь 2019).

² Согласно Указаниям по заполнению форм федерального статистического наблюдения №1-вывоз и №3-СБ (вывоз), статистика ввоза – вывоза регионов России стала формироваться только продукцией переработки.

виноград – с 2005 г.; деловая древесина, руды черных и цветных металлов – с 2011 г.) были досчитаны и суммированы с имеющимися показателями торговли регионов с отечественным рынком.

Массив показателей, характеризующих торговлю регионов Дальнего Востока с зарубежными странами, основывается на данных статистики Федеральной таможенной службы России по формам 1-ТС и 2-ТС (регион), которая была дополнена статистикой региональных статистических ведомств, а также отраслевой статистикой¹. Дополнения были осуществлены за счет следующих товаропотоков: экспорт рыбы, рыбо- и морепродуктов за пределами таможенной границы России; экспорт и импорт бункерного топлива; экспорт сырой нефти из Республики Саха (Якутия). Для оценки взаимодействия регионов Дальнего Востока с рынком АТР были отобраны только основные страны / группы стран во избежание наличия отклонений в пользу эпизодических, несущественных и нулевых торговых потоков. В результате рынок АТР для регионов Дальнего Востока включал в себя следующие страны / группы стран: КНР, Республика Корея, Япония, США, страны ЮВА (десять стран АСЕАН и Тайвань).

Размер экономик зарубежных стран (ВВП) представлен значениями из базы данных МВФ, региональных экономик России (ВРП) – данными ФСГС. Размер экономики не входящих в ДФО регионов России (остальные регионы) представлен единым значением, т. е. суммой их ВРП.

Физические расстояния внутри регионов, между регионами Дальнего Востока, между дальневосточными регионами и остальными регионами России, между регионами Дальнего Востока и странами АТР приведены на основе информации о территориальной удаленности для морских² и сухопутных перевозок³ в километрах. Расстояния внутри регионов Дальнего Востока рассчитывались между административным центром и крупнейшей агломерацией; между дальневосточными субъектами РФ – между их административными центрами. Пространственная удаленность между регионами Дальнего Востока, не имеющими прямых морских, железнодорожных и автомобильных путей сообщения, рассчитывалась транзитом через другие дальневосточные регионы. Расстояния между регионами Дальнего Востока с остальными регионами России (отечественный рынок) определялись между административными центрами дальневосточных регионов и г. Москва.

Для определения удаленности до регионов Дальнего Востока исходным территориальным пунктом для США являлся г. Сан-Франциско, для стран ЮВА – Сингапур, для Республики Корея – г. Пусан, для Японии – г. Ниигата.

¹ Источник: Таможенная статистика Дальневосточного таможенного управления. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>; Электронные таблицы статистики РФ / ЕАЭСД. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml> (дата обращения: октябрь 2019); статистические бюллетени о внешнеэкономической деятельности регионов ДФО за 1999–2012 гг.; данные таможенной статистики по регионам ДФО за 1999–2006 гг. (представлены Федеральной таможенной службой России по запросу автора).

² Sea Distances / Port Distances. URL: <https://sea-distances.org/> (дата обращения: июль 2020).

³ Distance calculator. URL: <https://www.distance.to/> (дата обращения: июль 2020).

КНР является протяженной в пространстве страной и характеризуется дифференцированными торговыми взаимосвязями с российским рынком, как для экспортных, так и для импортных потоков: экспорт Дальнего Востока главным образом концентрируется в провинциях Хэйлунцзян и Шаньдун, а импорт из Китая на дальневосточный рынок поступает преимущественно из южных китайских регионов. Поэтому для торговых взаимосвязей регионов Дальнего Востока с китайским рынком были рассчитаны разные расстояния для экспортных и импортных потоков. Для импортных потоков из КНР – г. Шанхай; для экспортных – г. Харбин (для Республики Саха (Якутия), Амурской области, ЕАО, Хабаровского и Приморского краев) и г. Циндао (для Сахалинской и Магаданской областей, Камчатского края и ЧАО). Расстояния между странами АТР и дальневосточными регионами, не имеющими морских портов, определялись до порта Владивосток, далее по железной дороге (для ЕАО и Амурской области) и по железной и автомобильной дорогам (Республика Саха (Якутия)).

В итоге гравитационная зависимость – модель (6.1) – основывалась на панельных данных и оценивалась фиксированными эффектами по методу квази-максимального правдоподобия Пуассона. Исходный массив данных, описывающих торговые взаимосвязи между объектами, был представлен двумя десятилетиями (1999–2018 г.), включая 3780 наблюдений. Стоимостные показатели, используемые в исследовании, отражены в долларах США и, согласно методическим рекомендациям¹, в текущих ценах.

В соответствии с описанной методикой была получена оценка, которая показала, что эталоном для сравнительной оценки является внутрирегиональная торговля (*REGION*). Поэтому данный параметр был исключен из числа фиктивных переменных. В итоге были получены статистически значимые коэффициенты регрессии, которые указали на то, что регионы Дальнего Востока торговали более интенсивно между собой и с отечественным рынком, чем с зарубежными странами² (*табл. 6.1*).

Оценки указали на снижение негативного влияния физического расстояния на торговлю. Поскольку в панель были включены внутрирегиональные расстояния, отражающие транспортные издержки на местном рынке, полученные оценки указали на относительно небольшое негативное влияние территориальной удаленности на торговлю регионов Дальнего Востока.

Наблюдалось положительное влияние «приграничного» фактора, т. е. наличия у региона Дальнего Востока совместной границы со страной АТР. Поскольку к такой стране относился только Китай, то данный аспект указывает на наращивание

¹ Baldwin R.E., Taglioni D. Gravity for Dummies and Dummies for Gravity Equations / NBER. Working Paper No. w12516. 2006. September. 31 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w12516.pdf>; A Practical Guide to Trade Policy Analysis. WTO and UNCTAD Co-Publication, 2012. 200 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wto_unctad12_e.pdf (дата обращения: июль 2020)

² Подробно: Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 142.

торговли приграничных регионов с КНР. В целом для макрорегиона в 1999–2018 гг. наличие совместной границы с зарубежной страной способствовало снижению издержек в торговле в адвалорном эквиваленте на 18%.

Таблица 6.1

Значения коэффициентов регрессии эмпирической модели (6.1)

Показатель	1999–2018	1999–2008	2009–2018
<i>DV</i> (между регионами Дальнего Востока)	-3,20* (0,18) [122]	-2,90* (0,18) [106]	-3,52* (0,18) [141]
<i>RU</i> (между Дальним Востоком и остальными регионами России)	-3,51* (0,45) [140]	-2,52* (0,39) [88]	-3,88* (0,50) [164]
<i>APR</i> (между Дальним Востоком и странами АТР)	-3,89* (0,46) [164]	-3,53* (0,34) [142]	-4,24* (0,58) [189]
<i>CONT</i> (совместная граница)	0,81* (0,11) [-18]	0,58* (0,11) [-13]	1,04* (0,11) [-23]
<i>Ind</i> (физическое расстояние)	-0,27* (0,06) [7]	-0,39* (0,06) [10]	-0,14** (0,06) [4]
Константа	-24,03* (0,76)	-22,66* (0,49)	-25,39* (1,02)
<i>Pseudo R</i> ²	0,94	0,99	0,87

Примечания. * – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$. В круглых скобках указаны значения стандартных ошибок, в квадратных скобках – значения адвалорного эквивалента соответствующих коэффициентов регрессий, рассчитанные исходя из значения эластичности замещения (σ) равного пяти (III.4). Параметр σ является экзогенным, с помощью которого масштабируются значения эффекта границ. По этой причине данные оценки используются для сравнительных целей. Оценки полученных фиксированных эффектов не приводятся для лаконичности изложения. Автокорреляция учитывается в форме расчета Ньюи-Веста.

Источник: расчеты автора.

Оценки показали, что регионы Дальнего Востока торговали более интенсивно между собой и с отечественным рынком, чем со странами АТР. Меньшее значение эффекта границ в торговле между дальневосточными регионами, а также между регионами Дальнего Востока и отечественным рынком объясняется единым экономическим пространством, которое позволяет торговать регионам Дальнего Востока с национальным рынком более интенсивно, чем с зарубежным.

При этом было зафиксировано постепенное подавление интенсивности торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока как с национальным, так и с зарубежными рынками. Поскольку интенсивность торговых взаимодействий является сравнительной, т. е. оцененной по отношению к интенсивности внутрирегиональной торговли, то обозначенное подавление интенсивности объясняется тем, что в 2010-е гг. по сравнению с 2000-ми гг. наблюдалось нарастание отклонения интенсивности торговли регионов Дальнего Востока в пользу местных рынков, поскольку увеличение доходов населения расширило спрос на продукцию, производимую и потребляемую исключительно в рамках регионов, а ее часть стала использоваться для функционирования строительного сектора и сферы услуг. Также некоторые товарные потоки, ранее направляемые за пределы дальневосточных регионов, стали ориентироваться на местные рынки для удовлетворения их потребностей.

В среднем за 1999–2018 гг. значения эффекта границ с отечественным рынком были меньшими по сравнению со странами АТР. Наличие меньших барьеров торговли между дальневосточными регионами, а также между макрорегионом и отечественным рынком объясняется наличием единого экономического пространства, что позволяет торговать Дальнему Востоку с отечественным рынком более интенсивно, чем со странами АТР. В целом за два десятилетия значения эффекта границ в адвалорном эквиваленте в торговле между регионами Дальнего Востока были меньше, чем с отечественным и зарубежным рынками.

Соотношение значений эффектов границ в адвалорном эквиваленте для двух периодов свидетельствует об увеличении барьеров, затрудняющих торговые взаимодействия: между дальневосточными регионами – в 1,3 раза; между макрорегионом и остальными регионами России – в 1,9 раза; между Дальним Востоком и зарубежным рынком – в 1,3 раза. Следует заметить, что в 2000-х гг. значения эффекта границ для торгового взаимодействия Дальнего Востока с остальными регионами России были ниже по сравнению со значениями данного показателя для торговли между дальневосточными регионами. В результате полученные оценки сравнительной интенсивности торговых взаимодействий указали на: углубление «разлома» между экономическим пространством регионов Дальнего Востока и остальных регионов России; тенденцию сравнительного сближения регионов Дальнего Востока с рынком стран АТР; локализацию торгово-экономических связей в рамках регионов Дальнего Востока в результате отклонения интенсивности их торговли в пользу местных рынков. Оценка эффекта границ в рамках традиционного подхода к оценке¹ также указала на увеличение эффекта границ и на смещение интенсивности торговли дальневосточных регионов в пользу местных рынков. При этом, исходя из предположения об отражении эффекта границ в цене пересекающего границу товара, более достоверными оказались оценки, полученные в рамках мультипликативной формы зависимости, объясняющей интенсивность торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока с различными рынками. Однако применение двух форм зависимостей указало на: отклонение интенсивности торговли дальневосточных регионов в пользу национального рынка; нарастание значений эффекта границ регионов Дальнего Востока с внешними рынками; снижение негативного влияния физического расстояния на торговлю; позитивное нарастающее влияние совместной границы с зарубежной страной.

В связи с возникшей необходимостью диверсификации внешнеторговых партнеров для России становятся все более значимыми рынки стран АТР, с которыми регионы Дальнего Востока имеют протяженные сухопутные и морские границы. Как уже было отмечено, текущий вклад российской экономики в торгово-

¹ Изотов Д.А., Тошков К.И. Сравнительная оценка внутрирегиональных и внешних торговых взаимодействий Дальнего Востока России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 37–52.

экономические взаимодействия в АТР объективно скромный, вероятно, имеющий потенциал для увеличения. Ввиду значительных расстояний от основных рынков сбыта России, расположенных в западной части страны, Дальний Восток на протяжении последних трех десятилетий тесно связан с рынками стран АТР, текущее расширение торгово-экономических взаимодействий с которыми позитивно влияет на развитие экономики макрорегиона. Снижение различного рода барьеров в торговле со странами АТР способно нарастить масштабы двусторонней торговли, выступив в качестве источника роста и развития для экономики Дальнего Востока. Полученные оценки для 1999–2018 гг. дают основание утверждать, что нивелирование различного рода барьеров со странами субглобальной экономики может способствовать выравниванию интенсивности торговли Дальнего Востока с отечественным рынком (между регионами Дальнего Востока и остальными регионами России) и зарубежным (страны АТР). В этом случае диапазон увеличения интенсивности торговли, составляющий от 24% до 42%¹, возможно рассматривать как потенциальные значения расширения торговых взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР. Нижний диапазон (увеличение на 24%) может отражать следствие «поверхностной» интеграции со странами АТР, поскольку в этом случае происходит выравнивание в интенсивности торговли с остальными регионами России за счет тарифных и части институциональных барьеров². Верхний диапазон увеличения интенсивности торговли (на 42%) можно рассматривать для случая «глубокой» интеграции со странами АТР, поскольку предполагается преодоление барьеров отечественного рынка в целом.

Таким образом, было определено подавление сравнительной интенсивности торговли дальневосточных регионов с национальным и зарубежным рынками в динамике, что объясняется отклонением интенсивности торговли регионов Дальнего Востока в пользу местных рынков. При этом обнаружена тенденция сближения регионов Дальнего Востока со странами АТР при расхождении между экономическим пространством дальневосточных регионов и остальных регионов России³. Полученные оценки позволили определить диапазон потенциальных значений расширения торговых взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР для «поверхностной» и «глубокой» интеграции России с субглобальной экономикой.

¹ Диапазон вычислен как разница между значениями в адвалорном эквиваленте эффекта границ в торговле Дальнего Востока со странами АТР и остальными регионами России – 24%; между дальневосточными регионами – 42%.

² Поскольку средневзвешенная ставка таможенной пошлины на общий товарооборот в торговле между Дальним Востоком и странами АТР является менее 15% (сумма средневзвешенных обоюдных вывозных и ввозных таможенных пошлин), то оставшая нагрузка, при прочих равных условиях, может объясняться институциональными барьерами, сдерживающими торговые взаимодействия дальневосточных регионов со странами субглобальной экономики.

³ Данное обстоятельство связано не только с увеличением экспорта из Сахалинской области, поскольку оценивались панельные данные с фиксированными эффектами для каждого региона Дальнего Востока.

6.2. Сравнительный потенциал торговых взаимодействий дальневосточных субъектов Российской Федерации со странами АТР

При интеграции России со странами АТР между Дальним Востоком и субглобальной экономикой могут быть нивелированы барьеры, представляющие собой не только тарифную, но и институциональную нагрузку на торговлю. Как было отмечено, нивелирование институциональной нагрузки можно рассматривать для случая «глубокой» интеграции. Предполагается, что институциональная нагрузка на товарооборот Дальнего Востока с зарубежными странами может отличаться в зависимости от стран – торговых партнеров АТР. С этой точки зрения, необходимо определить ту страну АТР, институциональная нагрузка на торговлю с которой является для Дальнего Востока наименьшей по сравнению с другими странами, для того, чтобы определить сравнительный потенциал расширения торговли Дальнего Востока с основными странами/группами стран АТР, а также достаточность снижения тарифной нагрузки по сравнению с институциональной для выравнивания интенсивности двусторонней торговли со странами субглобальной экономики.

Для определения диапазонов увеличения торговли выполнена количественная оценка потенциала торговых взаимодействий, определяемого нивелированием различного рода барьеров. Торговые барьеры, которые рассматриваются как синоним эффекта границ, могут включать в себя две группы ограничений. Во-первых, *тарифную нагрузку* на двустороннюю торговлю, включающую в себя таможенные пошлины. Во-вторых, *институциональную нагрузку*, проявляющуюся как риски ведения торгово-экономической деятельности, определяемые, как правило, политическими решениями, особенностями режимов правового функционирования и взаимодействия сторон и прочими ограничениями. Если в первом случае барьеры представлены в явном виде и могут быть скорректированы в рамках текущей торговой политики, то для снижения институциональной нагрузки, неформальной по сути, требуется всесторонняя либерализация торгово-экономических взаимосвязей, снижение различного рода рисков и т. д. Соотношение этих групп барьеров позволяет определить сравнительный потенциал расширения двусторонней торговли с точки зрения реализации мер торгово-экономической политики.

Отталкиваясь от того обстоятельства, что эффект границ представляет собой совокупные издержки в торговых взаимодействиях стран / регионов друг с другом¹, его оцененные значения возможно декомпозировать на составляющие. В издержках торговых взаимодействий как минимум два параметра поддаются непосредственной количественной оценке – отраженная динамикой таможенных

¹ Baier S.L., Bergstrand J.H. Bonus Vetus OLS: A Simple Method for Approximating International Trade-Cost Effects Using the Gravity Equation // Journal of International Economics. 2009. Vol. 77. Issue 1. Pp. 77–85; Tochkov K. Gravity, Borders, and the Potential for Economic Integration in the Asia Pacific: Evidence from Korea and Russia // 2015 KIEP Visiting Fellows Program. Korea Institute for International Economic Policy. 2016. Pp. 84–111.

пошлин тарифная нагрузка как на экспортные, так и на импортные товаропотоки. Предполагается, что, приведя параметры к адвалорному эквиваленту, возможно путем вычитания из эффекта границ тарифной нагрузки получить в общем виде количественную оценку *институциональной нагрузки* двусторонних взаимодействий. При этом следует понимать, что эти виды нагрузок будут *сравнительными* по аналогии с описанным выше эффектом границ.

Применительно к торговым взаимодействиям Дальнего Востока со странами АТР является важной оценка достаточности снижения тарифной нагрузки по сравнению с институциональной для обеспечения интенсивности двусторонней торговли. В АТР входят различные по своему развитию и потенциалу экономики, имеющие тесные торгово-экономические взаимодействия друг с другом, в том числе три крупнейших¹ в мире. Оценка эффекта границ позволяет определить общий вектор сравнительной интенсификации торговли Дальнего Востока в рамках географической структуры торговых взаимодействий макрорегиона со странами АТР. К странам – ведущим торговым партнерам Дальнего Востока в АТР, также как и ранее, были отнесены Республика Корея, КНР, Япония, США и страны ЮВА.

Дальний Восток является частью российской экономики, что означает: отсутствие каких-либо пошлин (тарифной нагрузки), взимаемых при перемещении товаров между дальневосточными регионами и остальными регионами России; наличие единого национального (институционального) пространства между регионами Дальнего Востока и остальными российскими регионами. Дальнейшее использование таможенных пошлин для декомпозиции эффекта границ не позволяет включить в панель торговлю с отечественным рынком. Поэтому отечественный рынок не может быть использован в расчетах, а полученный эффект границ макрорегиона с остальными странами АТР будет являться *сравнительным*², отражая его превышение над эффектом границ Дальнего Востока с одной из стран АТР. По этой причине зависимость (III.3) была представлена в следующем виде³:

$$\frac{x_{ijt}}{y_{it}y_{jt}} = \exp [\beta_0 + \beta_1 KR_{ij} + \beta_2 CN_{ij} + \beta_3 JP_{ij} + \beta_4 SA_{ij} + \beta_5 USA_{ij} + \beta_6 \ln d_{ij} + \beta_7 CONT_{ij}] \times \exp[\lambda_{it} + \lambda_{jt}] \times \exp^{\varepsilon_{ijt}} \quad (6.2)$$

где: x_{ij} – товаропоток из страны / региона i в регион / страну j ; y_i – ВВП страны / ВРП региона i ; y_j – ВВП страны / ВРП региона j ; t – временной промежуток; d_{ij} – расстояние в километрах между i и j . $CONT$ – фиктивная переменная, отражающая наличие совместной сухопутной границы между регионом Дальнего Востока и страной АТР. Фиктивные переменные, отражающие значения эффекта границ, принимающие значения 1 или 0 в зависимости от направления товаропотока: KR – торговля регионов Дальнего Востока с Республикой Корея, CN – с Китаем, JP – с Японией, SA –

¹ США, КНР и Япония, за исключением рассмотрения экономических блоков в АТР.

² В дальнейшем – «сравнительный эффект границ».

³ Изотов Д.А. Оценка сравнительного потенциала увеличения торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2020. № 3. С. 5–20.

со странами ЮВА, USA – с США. Факторы, изменяющиеся в динамике и по странам / регионам, также контролировались включением фиксированных эффектов для регионов / стран – экспортеров и импортеров с учетом времени – л. Массив включал 1800 наблюдений.

Поскольку эталонным показателем является двусторонняя торговля Дальнего Востока с одной из стран АТР, тестировались пять его альтернативных значений: товарооборот макрорегиона с КНР, Республикой Корея, Японией, США и странами ЮВА. Оценки, полученные в рамках представленной методики, позволяют определить сравнительный потенциал расширения торговли Дальнего Востока и достаточность выравнивания тарифной и институциональной нагрузки для обеспечения интенсивности двусторонней торговли. Также оценка торговых барьеров позволяет выявить сравнительный вектор интенсификации торговли Дальнего Востока в рамках географической структуры товарооборота со странами АТР.

Оценка сравнительного эффекта границ. Полученные в рамках модели (6.2) коэффициенты регрессии показали, что торговые взаимодействия Дальнего Востока с Республикой Корея характеризовались наименьшими из альтернативных значениями эффекта границ. По этой причине, как и в исследовании на основе традиционного подхода¹, эталоном для оценки сравнительного эффекта границ является торговля регионов Дальнего Востока с Республикой Корея (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Значения коэффициентов регрессии эмпирической модели (6.2)

Значения коэффициентов	1999–2018	1999–2008	2009–2018
<i>CN</i> (торговля между Дальним Востоком и Китаем)	-1,50** (0,76) [45]	-1,62* (0,48) [50]	-1,06*** (0,78) [30]
<i>JP</i> (торговля между Дальним Востоком и Японией)	-1,76* (0,47) [55]	-1,64* (0,47) [51]	-2,02* (0,47) [61]
<i>SA</i> (торговля между Дальним Востоком и странами ЮВА)	-1,78* (0,48) [56]	-1,77* (0,48) [56]	-1,78* (0,49) [57]
<i>USA</i> (торговля между Дальним Востоком и США)	-2,05* (0,48) [67]	-1,70* (0,49) [53]	-2,25* (0,76) [76]
<i>CONT</i> (совместная граница)	1,16* (0,13)	1,65* (0,19)	1,10* (0,09)
<i>Ind</i> (физическое расстояние)	-0,42* (0,07)	-0,29* (0,10)	-0,67* (0,11)
Константа	-29,22* (0,76)	-29,69* (1,05)	-27,17* (1,06)
<i>Pseudo R</i> ²	0,81	0,76	0,95

Примечания. * – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,10$. В круглых скобках указаны значения стандартных ошибок, в квадратных скобках – значения адвалорного эквивалента, рассчитанные исходя из $\sigma=5$. Оценки полученных фиксированных эффектов не приводятся для лаконичности изложения. Автокорреляция учитывается в форме расчета Ньюи-Веста.

Источник: расчеты автора.

¹ Izotov D.A., Tochkov K.I. Interaction of the Russian Far East and Asia-Pacific Countries: Assessment of Institutional and Tariff Barriers to Trade // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. Issue 2. Pp. 182–193.

Рассчитанный сравнительный эффект границ в торговле макрорегиона с китайской экономикой имел тенденцию к ослаблению. С Японией и США, напротив, сравнительный эффект границ заметно вырос, а со странами ЮВА увеличился незначительно. С этой точки зрения, наблюдался процесс наращивания сравнительной интенсивности торговых взаимодействий макрорегиона с Китаем и ослабления – с другими странами АТР.

Оценка тарифной нагрузки. Для целей декомпозиции эффекта границ была оценена величина тарифной нагрузки торговли Дальнего Востока со странами АТР, понимаемая как сумма средневзвешенных вывозных и ввозных таможенных пошлин.

Количественная оценка тарифной нагрузки на экспорт и импорт была получена следующим образом. На начальном этапе был произведен расчет адвалорных эквивалентов неадвалорных таможенных пошлин, которые охватывали специфические и смешанные пошлины по различным товарным группам по шести-значному и десятизначному кодам для двусторонней торговли¹. В итоге тарифная нагрузка была оценена как средневзвешенные таможенные пошлины по каждой товарной группе ТН ВЭД в торговле Дальнего Востока со странами АТР для 1999–2018 гг.

Для импортных товаров использовались ввозные пошлины, отраженные в различных редакциях Таможенного тарифа России (1999–2009 гг.) и Едином таможенном тарифе ЕАЭС (2010–2018 гг.). Для товаров, поставляемых из Дальнего Востока за рубеж: во-первых, оценивались вывозные или экспортные пошлины², значения которых указывались в многочисленных постановлениях российского правительства; во-вторых, пошлины на российскую (дальневосточную) продукцию, ввозимую в каждую из рассматриваемых стран / групп стран АТР. Таким образом, тарифная нагрузка на вывозимую дальневосточную продукцию представляет собой сумму уплаченной экспортной пошлины в России и импортной пошлины в стране АТР. Для оценки импортных пошлин на дальневосточные товары в США, странах ЮВА и Большой тройки СВА использовались динамические ряды соответствующих ставок таможенных пошлин в адвалорном эквиваленте в рамках таможенных тарифов, отраженных в базах данных ВТО, Всемирного банка и Мас Мар, а также баз данных и многочисленных статистических сборников анализируемых стран.

В соответствии с анализом динамики таможенных пошлин было определено, что, несмотря на осуществление формальной либерализации внешнеэкономической деятельности, экспортные и импортные пошлины, взимаемые Россией, явля-

¹ Подробно: Изотов Д.А. Оценка сравнительного потенциала увеличения торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2020. № 3. С. 5–20.

² Вывозной пошлиной за различное время охватывались следующие товарные группы дальневосточного экспорта: ракообразные, соевые бобы, сера сырая, руды и концентраты молибденовые, кокс и полукокс, нефть сырая и нефтепродукты, лесоматериалы необработанные, алмазы обработанные, отходы и лом черных металлов, рельсы прочие (использованные), а также отходы и лом различных цветных металлов.

лись основным источником тарифной нагрузки на товарооборот Дальнего Востока со странами АТР (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Средневзвешенные ставки таможенных пошлин (тарифная нагрузка) торговых взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР, %

Период	Показатель	Республика Корея	КНР	Япония	США	Страны ЮВА
1999–2018	Тарифная нагрузка на товарооборот	16,00	16,23	14,64	11,30	14,66
	Тарифная нагрузка на импорт	9,46	10,43	10,76	9,37	9,90
	Тарифная нагрузка на экспорт	17,00	19,57	15,39	14,75	17,35
	импортная пошлина страны АТР	5,10	3,85	1,36	4,18	1,53
	экспортная пошлина России	11,91	15,73	14,04	10,57	15,82
1999–2008	Тарифная нагрузка на товарооборот	11,42	11,47	10,31	12,17	9,54
	Тарифная нагрузка на импорт	9,46	11,09	11,25	9,86	10,39
	Тарифная нагрузка на экспорт	11,76	12,36	10,52	15,36	10,16
	импортная пошлина страны АТР	5,51	4,47	1,91	5,62	1,19
	экспортная пошлина России	6,25	7,88	8,61	9,74	8,97
2009–2018	Тарифная нагрузка на товарооборот	20,58	21,00	18,98	10,44	19,78
	Тарифная нагрузка на импорт	9,46	9,78	10,28	8,88	9,41
	Тарифная нагрузка на экспорт	22,25	26,79	20,27	14,13	24,55
	импортная пошлина страны АТР	4,68	3,22	0,80	2,73	1,87
	экспортная пошлина России	17,57	23,57	19,47	11,40	22,67

Примечания. Приведены абсолютные значения средневзвешенных ставок таможенных пошлин в торговле макрорегиона со странами АТР. Тарифная нагрузка на импорт товаров на Дальний Восток представляет собой средневзвешенную импортную пошлину России на ввоз продукции из страны АТР на ее территорию. Тарифная нагрузка на экспорт дальневосточных товаров включает в себя средневзвешенные пошлины: на вывоз из России; на ввоз (импорт) со стороны страны АТР.

Источник: расчеты автора.

Анализ динамики взимаемых по факту на российской территории импортных пошлин без учета нетарифных ограничений внешней торговли (посредством запретов, квот и других ограничений) указал на их некоторое снижение, что не является справедливым. Даже если импорт в рамках определенных товаров снижался или вовсе прекращался по причине введения запретительных пошлин на какую-либо группу товаров, то общая тарифная нагрузка на импорт также сокращалась, согласно оценке средневзвешенной пошлины. Это означает, что на самом деле происходил скрытый перенос таможенной нагрузки из тарифной в институциональную. В отличие от импорта, экспортные поставки макрорегиона очень редко подвергались каким-либо ограничениям со стороны стран-партнеров, а динамика нагрузки на вывоз товаров за рубеж с российской территории указала на вполне четкую временную периодизацию с точки зрения изменения ее размера в условиях трансформации таможенной политики России.

С 1999 г. в целях пополнения доходной части бюджета экспортные пошлины в России были расширены¹. При этом в рамках анализируемого периода по целому ряду товарных групп дальневосточного экспорта вывозная пошлина была отменена с 2009 г. в связи с общей либерализацией внешнеторгового регулирования России,

¹ Подробно: Бобылев Ю.Н., Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г. Экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты: необходимость отмены и сценарный анализ последствий. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 84 с.; Бобылев Ю.Н., Расенко О.А. Нефтяной сектор экономики России: основные тенденции. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 68 с.

причем происходило целенаправленное наращивание таможенной нагрузки на узкий перечень товаров, вывозимых за рубеж. В 2010-е гг., по сравнению с 2000-ми гг., вывозные пошлины с двух основных товарных групп экспорта Дальнего Востока – сырой нефти и продукции из древесины – значительно выросли: в среднем более чем в четыре и два раза соответственно. Впоследствии стали также уплачиваться экспортные пошлины с нефтепродуктов и с других товаров, занимающих относительно небольшую долю в вывозимой продукции Дальнего Востока за рубеж. В итоге самыми высокими значениями средневзвешенной таможенной пошлины характеризовались взимаемые в России платежи с дальневосточного экспорта. На рассматриваемом временном промежутке 2009 г. являлся поворотной точкой в динамике средневзвешенной таможенной пошлины, что хронологически также совпало с глобальным кризисом и последующей корректировкой цен на мировых сырьевых рынках.

Оценка тарифной нагрузки на двусторонний товарооборот показала, что основным ее источником в большинстве случаев являлась тарифная нагрузка на экспорт. Поскольку экспорт из Дальнего Востока представлен главным образом продукцией с низкой добавленной стоимостью, то страны АТР облагали его относительно малой ставкой таможенной пошлины, вклад которой в тарифную нагрузку двусторонней торговли являлся относительно небольшим. Средневзвешенная таможенная пошлина на экспорт товаров с Дальнего Востока изменялась следующим образом: с Республикой Корея (6,3% – в 1999–2008 гг. и 17,6% – в 2009–2018 гг.), с КНР (7,9% и 23,6%), с Японией (8,6% и 19,5%), с США (9,7% и 11,4%), со странами ЮВА (9% и 22,7% соответственно). Увеличение данной пошлины было связано с экспортом Дальнего Востока товарных групп с самой высокой таможенной нагрузкой на российской территории: сырая нефть, нефтепродукты, древесина.

В результате наблюдалось увеличение тарифной нагрузки на товарооборот Дальнего Востока с большинством стран АТР. При этом ввозная пошлина, отраженная в тарифной нагрузке на импорт, имела тенденцию к сокращению по указанным выше причинам.

Декомпозиция сравнительного эффекта границ. Поскольку эффект границ между Дальним Востоком и странами АТР является сравнительным, тарифная нагрузка также была приведена к базовой величине – торговле макрорегиона с Республикой Корея в терминах относительного прироста для последующей оценки сравнительной институциональной нагрузки в адвалорном эквиваленте:

$\left(\frac{\text{Tariff}_i}{\text{Tariff}_{KR}}\right)^{\frac{1}{(1-\sigma)}} - 1$, где *Tariff* – тарифная нагрузка, *KR* – Республика Корея (эталон), *i* – остальные рассматриваемые страны АТР, $\sigma=5$.

В результате декомпозиционная оценка показала, что вклад сравнительной институциональной нагрузки в эффект границ был существенно больше, чем сравнительной тарифной нагрузки для торговли макрорегиона со всеми рассматриваемыми странами АТР (табл. 6.4).

Декомпозиция сравнительного эффекта границ в торговых взаимодействиях
Дальнего Востока со странами АТР, %

Страна / группа стран	1999–2018			1999–2008			2009–2018		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
КНР	45,0	0,00	45,0	49,9	-0,02	50,0	30,3	-0,03	30,4
Япония	55,2	0,02	55,2	50,7	-0,03	50,7	65,8	0,03	65,8
Страны ЮВА	56,3	0,09	56,2	55,7	0,00	55,7	57,0	0,04	57,0
США	66,8	0,02	66,8	53,0	-0,01	53,0	75,6	-0,01	75,6

Примечание: I – сравнительный эффект границ в двалорном эквиваленте; II – сравнительная тарифная нагрузка; III – сравнительная институциональная нагрузка. Отрицательный знак перед показателем сравнительной тарифной нагрузки указывает на меньшие его значения по отношению к средневзвешенной таможенной пошлине в торговле макрорегиона с Республикой Корея.

Источник: расчеты автора.

Полученные оценки указали на недостаточность выравнивания тарифной нагрузки в торговле Дальнего Востока со странами АТР для существенного роста сравнительной интенсивности. За последнее десятилетие фактически наблюдалось смещение нагрузки из тарифной в институциональную вследствие введения различного рода запретов и ограничений со стороны России. Поэтому в целом необходимы усилия в снижении институциональной нагрузки за счет нивелирования различного рода рисков и либерализации торгово-экономических взаимосвязей. Торговые барьеры могут определяться экономическим и институциональным развитием российского рынка как общей среды, в которой вырабатывается соответствующая мотивация у бизнес-структур макрорегиона с точки зрения масштабов их взаимодействий с рынком АТР.

Общий вектор сравнительной интенсивности торговли Дальнего Востока со странами АТР определялся взаимодействием с китайской экономикой. В этой связи весьма показательно снижение сравнительной интенсивности торговли Дальнего Востока с территориально близким японским рынком за счет увеличения сравнительной институциональной нагрузки. Ввиду большой доли Японии в товарообороте Дальнего Востока с зарубежными странами необходимы усилия, направленные на снижение институциональной нагрузки для взаимодействия макрорегиона с японским рынком. Возможно, помимо долевого участия японской стороны в нефтегазовом проекте Сахалинской области, необходимо привлечение инвестиций из Японии в другие отрасли экономики Дальнего Востока. В этом случае торговые взаимодействия макрорегиона с зарубежными странами могут заметно интенсифицироваться. Также наблюдалось увеличение институциональной нагрузки на торговлю макрорегиона с США в связи с сокращением и даже полной отменой поставок ряда товарных групп на дальневосточный (российский) рынок.

В итоге за рассматриваемый период сравнительная институциональная нагрузка на торговлю Дальнего Востока с КНР снизилась, а с Японией и США – увеличилась. Со странами ЮВА сравнительная институциональная нагрузка практически не изменилась. Причинами увеличения институциональной нагрузки в тор-

говле Дальнего Востока со странами АТР могли являться: введение различного рода ограничений Россией на торговлю товарами; сокращение прежних объемов экспорта лесной продукции по причине проведения недостаточно взвешенной политики по локализации лесопереработки в дальневосточных регионах, что вызвало переориентацию японского рынка на других поставщиков, а дальневосточных экспортеров – на другие страны; ужесточение правил ввоза транспортных средств в Россию; введение Россией запрета на импорт из США сельскохозяйственной продукции.

Декомпозиция сравнительного эффекта границ по регионам Дальнего Востока. Оценки торговых барьеров для всего Дальнего Востока показательны, но агрегированы¹. К макрорегиону относятся разные по своему масштабу региональные экономики, которые в ряде случаев значительно удалены друг от друга в пространстве, а также в различной степени связаны торговыми взаимодействиями с зарубежными рынками, в том числе со странами АТР². Также на территории целого ряда дальневосточных регионов отсутствуют морские порты или железнодорожная и автомобильная инфраструктура для сухопутных взаимодействий. Немаловажным также является и то, что некоторые экономики макрорегиона торгуют со странами АТР товарами, номенклатура которых существенно отличается от остальных регионов Дальнего Востока. Перечисленные аспекты могут являться причинами видимых расхождений между регионами Дальнего Востока в соотношении различного рода барьеров со странами АТР, которые необходимо учитывать при агрегированной оценке, не затрагивая при этом проблематику соотношения экономических и административных единиц в пространстве³. Количественная оценка торговых барьеров позволит разделить дальневосточные регионы на группы по возможному сравнительному потенциалу развития их внешнеторговых связей со странами АТР, что является важным с точки зрения понимания дифференцированных процессов перспективной интенсификации торговых взаимодействий.

В ряде случаев дальневосточные регионы (например, Приморский край), в которых регистрируются результаты торговли с зарубежными странами, не имеют прямого отношения к производству / потреблению экспортных / импортных товаров. При этом транспортировка, складирование, хранение и первичная обработка этих товаров через указанные регионы положительно влияет, прямым или косвенным образом, на генерацию и мультипликацию в них доходов (прибыли), что способствует поддержанию высоких значений их ВРП или размера экономики и является важным моментом для построения гравитационной зависимости. Поэто-

¹ Izotov D.A., Tochkov K.I. Interaction of the Russian Far East and Asia-Pacific Countries: Assessment of Institutional and Tariff Barriers to Trade // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. Issue 2. Pp. 182–193.

² Изотов Д.А., Тошков К.И. Оценка потенциала расширения торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока со странами АТР // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 6–30.

³ Подробно: Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.

му привязка экспортных / импортных товарных потоков к территориям их фактического производства / потребления не осуществлялась.

В ходе оценки (6.2) были получены статистически значимые коэффициенты при регрессии для каждого региона Дальнего Востока и обнаружены определенные региональные различия в значениях сравнительного эффекта границ в адвалорном эквиваленте. Полученные оценки указали на наличие прямой связи между эффектом границ и расстоянием между торгующими сторонами для большинства дальневосточных регионов. Для лаконичности изложения количественные оценки эффекта границ для каждого региона Дальнего Востока не приводятся, но при этом будут показаны результаты его декомпозиции.

Декомпозиционная оценка эффекта границ показала, что за 1999–2018 гг., по сравнению с Республикой Корея, большинство дальневосточных регионов характеризовалось большей институциональной нагрузкой с китайским рынком (табл. 6.5).

Таблица 6.5

Декомпозиция сравнительного эффекта границ в торговле регионов Дальнего Востока со странами АТР (1999–2018 гг.), %

Регион	КНР		Япония		США		Страны ЮВА	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Республика Саха (Якутия)	-21,9	-0,2	15,6	0,2	51,0	0,0	47,1	0,2
Камчатский край	91,4	0,1	96,3	0,2	127,9	0,2	127,6	0,1
Приморский край	18,6	0,0	53,9	0,0	92,7	-0,1	46,5	0,0
Хабаровский край	-23,1	0,0	40,5	0,0	68,2	0,1	12,2	0,4
Амурская область	-48,5	-0,1	21,0	0,0	63,8	0,0	20,5	0,0
Магаданская область	101,3	0,0	58,2	0,3	93,6	0,0	114,1	-0,1
Сахалинская область	97,3	0,0	55,0	0,0	119,2	0,2	46,5	0,2
ЕАО	-11,0	0,0	102,7	1,1	91,5	0,1	65,8	0,0
ЧАО	30,8	0,2	67,9	0,1	45,8	0,0	87,9	0,1

Примечания: 1 – сравнительная институциональная нагрузка; 2 – сравнительная тарифная нагрузка. Отрицательные знаки перед показателями сравнительной институциональной и тарифной нагрузками указывают на меньшие их значения по отношению к торговле макрорегиона с Республикой Корея.

Источник: расчеты автора.

Для большинства регионов Дальнего Востока сравнительная институциональная нагрузка с КНР снижалась, что указывает на постепенную их ориентацию на торговлю с Китаем. Вероятно, это является долгосрочной тенденцией, поскольку на территории Китая сосредоточены промышленные предприятия с капиталом и технологиями из развитых стран, которые замещают товаропотоки из других стран АТР. По причине территориальной близости меньшей сравнительной институциональной нагрузкой с КНР в 1999–2018 гг. характеризовались: Республика Саха (Якутия), Амурская область, ЕАО и Хабаровский край. Это означает, что сравнительный потенциал расширения торговли данных регионов, с одной стороны, может быть связан в большей мере с сокращением тарифной нагрузки с Китаем, чем с поиском путей для сокращения сравнительной институциональной нагрузки; с другой – любые другие альтернативы, кроме китайского рынка, могут быть менее актуальными.

В среднем за 1999–2018 гг. высокие значения сравнительной институциональной нагрузки в торговле с КНР наблюдались для Камчатского края, Магадан-

ской и Сахалинской областей. Магаданская область характеризовалась самой малой долей в торговых взаимодействиях регионов Дальнего Востока с Китаем – менее 1%. Возможно, в данном случае речь идет о наличии барьеров для входа китайских фирм в традиционную отрасль Магаданской области – добычу драгоценных металлов, что может сдерживать расширение торговли региона с Китаем. В свою очередь, Камчатская и Сахалинская области были ориентированы больше на корейский, чем на китайский рынок, по причине специфичности географического положения и реализуемой на внешнем рынке продукции.

Торговые взаимодействия дальневосточных регионов с другим крупным для Дальнего Востока рынком СВА – японским, – за некоторым исключением, были менее интенсивны по сравнению с Республикой Корея и, отчасти, с КНР. За исключением Республики Саха (Якутия), сравнительный эффект границ в торговле с Японией для всех остальных дальневосточных регионов характеризовался высокими значениями. Как показали расчеты, именно сравнительная институциональная нагрузка на торговлю с Японией вносила основной вклад в сравнительный эффект границ всех дальневосточных регионов и была заметно выше, чем с Республикой Корея. Целый ряд дальневосточных регионов имел тенденцию увеличения институциональной нагрузки с Японией, что было следствием переориентации экспортеров и импортеров на другие рынки сбыта.

Самыми высокими значениями сравнительной институциональной нагрузки с Японией характеризовалась ЕАО, а также Камчатский край (при этом ниже, чем с КНР). Из ЕАО действительно мало и эпизодически экспортировались товары собственного производства в Японию. Также в ЕАО поставляются японские товары, которые могут не учитываться таможенными органами, поскольку данная продукция поступает из других регионов Дальнего Востока. Можно заметить, что для Камчатского края импортный поток товаров и услуг, связанный с приобретением и ремонтом судов по добыче морских ресурсов, не отражается в российской статистике по причине регистрации данных морских судов в других странах. При этом, даже на основе примерно скорректированных данных, сравнительный эффект границ и, соответственно, сравнительная институциональная нагрузка для Камчатского края оставались довольно высокими, что, в свою очередь, указывает на справедливость полученных результатов, поскольку данная нагрузка не объясняется только различиями в статистическом учете потоков внешней торговли.

Можно предположить, что в целом главным фактором, сдерживающим интенсификацию торговых взаимодействий дальневосточных регионов с японской экономикой, являлось увеличение торговых барьеров при экспорте необработанной древесины и импорте транспортных средств, осуществляемых через Приморский край. Фактически данная нагрузка на экспортные и импортные потоки трансформировалась из тарифной нагрузки в институциональную.

По сравнению со странами Большой тройки СВА, сравнительный эффект границ с США практически для всех регионов Дальнего Востока характеризовался довольно высокими значениями. Самые низкие значения сравнительной институциональной нагрузки наблюдались для территориально близкого к американской экономике ЧАО, а также Республике Саха (Якутия). Для большинства регионов сравнительная институциональная нагрузка с США имела тенденцию к увеличению, в том числе и для ЧАО. Следует заметить, что американский рынок в наибольшей степени удален от крупных торгово-экономических центров Дальнего Востока, тем не менее импорт инвестиционных товаров из США является критически необходимым элементом развития экономики ряда дальневосточных регионов, особенно в горнорудной промышленности. Во внешней торговле большинства регионов Дальнего Востока долгое время заметную долю формировал импорт американской сельскохозяйственной продукции. После введения Россией в 2014 г. запрета на поставку на отечественный рынок из США данного вида товаров торговля с американским рынком сократилась, что отразилось в росте эффекта границ или его поддержании на высоком уровне. Возможно, при снятии запрета на поставку отдельных товаров в рамках введенного Россией режима контрсанкций доля импорта из США способна увеличиться.

С другой стороны, не совсем понятно, какие товары из дальневосточных регионов можно было бы сориентировать на американский рынок, поскольку США производят практически весь перечень экспортных товаров Дальнего Востока, довольно схожих по качественным характеристикам. С этой точки зрения, для повышения производительности экспортных отраслей регионов Дальнего Востока существуют определенные препятствия, которые в совокупности выступают в качестве барьера для массового проникновения дальневосточной продукции на рынок США за счет снижения себестоимости выпускаемой продукции и преодоления тарифных барьеров.

Другим территориально удаленным рынком для регионов Дальнего Востока являются страны ЮВА. Специфичные торговые взаимодействия регионов Дальнего Востока со странами ЮВА влияли на рост эффекта границ, основу которого формировала институциональная нагрузка. Высокими значениями сравнительной институциональной нагрузки на торговлю со странами ЮВА характеризовались Магаданская область и Камчатский край. Экспорт из регионов Дальнего Востока в страны ЮВА на протяжении рассматриваемого периода был представлен в основном ломом черных металлов и древесиной до 2010 г., далее – поставками каменного угля, нефтепродуктов и продукции промышленной обработки (главным образом, военного назначения). Поэтому из всех дальневосточных регионов низкой сравнительной институциональной нагрузкой на торговлю со странами ЮВА характеризовался только тот регион, который имел относительно устойчивый товарообмен с данной группой стран – Хабаровский край, несмотря на довольно резкое снижение

товарооборота в 2016–2018 гг. Также в Хабаровский край были привлечены инвестиции из Малайзии в лесную отрасль региона, однако экспортная ориентация производственных мощностей смещена в страны СВА. Что касается тарифных барьеров, то они определялись главным образом экспортными пошлинами на нефтепродукты и тарифной нагрузкой на импорт разнообразных товаров.

Сравнительный потенциал торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР. При условии выравнивания сравнительной институциональной нагрузки, в среднем за 1999–2018 гг. доля Сахалинской области, Камчатского края, а также Магаданской области в торговле Дальнего Востока со странами АТР, за исключением Республики Корея, могла бы увеличиться (табл. 6.6).

Таблица 6.6

Текущая и потенциальная региональная структура торговли Дальнего Востока со странами АТР (в среднем за 1999–2018 гг.)

Регион	Республика Корея		КНР		Япония		США		Страны ЮВА	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Республика Саха (Якутия)	1,1	1,3	25,5	21,1	2,7	2,0	14,2	11,1	2,0	2,1
Камчатский край	5,0	4,9	2,1	3,3	2,1	2,7	5,2	6,1	1,8	3,0
Приморский край	18,6	18,3	37,6	36,9	18,5	18,5	22,8	22,7	33,3	34,9
Хабаровский край	6,3	7,6	16,3	13,5	5,2	4,8	9,7	8,4	24,3	19,5
Амурская область	0,1	0,2	5,3	4,4	0,3	0,2	0,7	0,5	0,2	0,1
Магаданская область	1,4	1,4	0,3	0,5	1,2	1,2	5,5	5,5	0,3	0,4
Сахалинская область	67,2	66,1	11,6	19,0	69,9	70,4	37,9	42,8	37,9	39,6
ЕАО	0,1	0,1	0,7	0,6	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1
ЧАО	0,2	0,2	0,6	0,7	0,1	0,1	3,9	2,9	0,2	0,2

Примечание: 1 – текущая региональная структура торговли Дальнего Востока; 2 – потенциальная региональная структура при условии выравнивания сравнительной институциональной нагрузки в торговле Дальнего Востока со странами АТР.

Источник: расчеты автора.

Экономика Сахалинской области способна диверсифицировать географические поставки производимых сырьевых товаров в случае отсутствия барьеров для реализации продукции на рынке стран АТР. В современных условиях массовое привлечение ПИИ, как в первой половине 1990-х гг., в экономику Сахалинской области представляется маловероятным, однако в долгосрочной перспективе, в связи с возможным снижением рисков в национальной экономике и снятием ограничений для иностранного капитала, возможна диверсификация рынков сбыта производимой продукции с сокращением сравнительного эффекта границ. У Камчатского края, вероятно, нереализованный потенциал в торговле со странами АТР может быть связан с высокими рисками в создании и развитии производства экспортной продукции морского промысла, недостаточным развитием экспорта разнообразных услуг, которые требуют импорта необходимых инвестиционных товаров, привлечения зарубежных технологий и капитала. Экономика Магаданской области тесно связана с отечественным рынком, во многом благодаря специфике реализации добываемых драгоценных металлов на территории региона. Поэтому вполне возможно, что в случае некоторого изменения товаропотоков в пользу за-

рубежного рынка, а также диверсификации региональной экономики торговля Магаданской области со всеми странами АТР могла бы увеличиться.

Возможное изменение товарооборота со странами АТР для дальневосточных регионов в случае выравнивания сравнительной институциональной нагрузки может быть довольно дифференцированным (табл. 6.7).

Таблица 6.7

Сравнительный потенциал расширения торговли регионов Дальнего Востока

Макрорегион / регион	Республика Корея		КНР		Япония		США		Страны ЮВА	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Дальний Восток	1,0	14	1,2	228	1,5	420	1,9	103	1,4	48
Республика Саха (Якутия)	1,2	12	1,0	0	1,2	22	1,5	53	1,5	8
Камчатский край	1,0	0	1,9	408	2,0	309	2,3	140	2,3	55
Приморский край	1,0	0	1,2	249	1,5	250	1,9	75	1,5	60
Хабаровский край	1,2	55	1,0	0	1,4	77	1,7	34	1,1	17
Амурская область	1,5	4	1,0	0	1,2	3	1,2	1	1,2	0
Магаданская область	1,0	0	2,0	132	1,6	204	1,9	221	2,1	16
Сахалинская область	1,0	0	2,0	1553	1,6	3743	2,2	617	1,5	265
ЕАО	1,1	2	1,0	0	2,0	12	1,9	2	1,7	1
ЧАО	1,0	0	1,3	262	1,7	68	1,5	238	1,9	21

Примечание: 1 – отношение перспективных к текущим значениям внешнеторгового оборота (текущие значения = 1); 2 – разница между перспективными и текущими значениями товарооборота (на душу населения, долл.).

Источник: расчеты автора.

Среди дальневосточных регионов максимальное увеличение товарооборота с Республикой Корея¹ – для Амурской области (в 1,5 раза), с КНР по сравнению с текущими значениями могло бы наблюдаться для Камчатского края, Сахалинской и Магаданской областей (в 2 раза), с Японией – для ЕАО (в 2 раза), с США – для Камчатского края (в 2,2 раза), со странами ЮВА – для Магаданской области и Камчатского края (в 2,2 раза). При выравнивании сравнительной институциональной нагрузки в целом для Дальнего Востока в наибольшей степени может пропорционально увеличиться товарооборот с американской экономикой (в 1,9 раз).

Наибольшими значениями среднедушевого прироста торговли со странами АТР при снижении сравнительной институциональной нагрузки для торговли с Республикой Корея характеризуется Хабаровский край, с остальными странами АТР – Сахалинская область. В целом в большем выигрыше от снижения сравнительной институциональной нагрузки могут оказаться дальневосточные регионы с малой численностью населения и большим потоком экспорта с низкой добавленной стоимостью: Сахалинская область, Камчатский край, ЧАО, Магаданская область и Республика Саха (Якутия). Также заметное увеличение среднедушевого товарооборота с КНР и Японией возможно при выравнивании сравнительной институциональной нагрузки для Приморского края. Морские порты Приморского

¹ Несмотря на принятие для сравнения в качестве базового показателя наименьшего значения эффекта границ для всего Дальнего Востока с Республикой Корея, для некоторых дальневосточных регионов, к которым относятся Амурская область, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, ЕАО, эффект границ с другими странами АТР (в частности, с КНР) был ниже, чем для торговых взаимосвязей с корейским рынком.

края выполняют функцию связующего звена для остальных регионов Востока России со странами АТР. С этой точки зрения, может наблюдаться наращивание товарооборота в определенной пропорции практически всех дальневосточных регионов, особенно имеющих выход на Транссибирскую магистраль. Однако данное положение, вероятно, нуждается в определенном уточнении. В некоторых работах¹ было показано, что текущая структура ориентированных на внешний рынок отраслей экономики Приморского края развита сравнительно слабо. Однако потенциал для усложнения экспортной корзины у Приморского края является самым высоким по сравнению с другими дальневосточными регионами. С этой точки зрения, существенное снижение институциональной нагрузки, сдерживающей внешнюю торговлю, могло бы положительно сказаться на динамике взаимодействия региона со странами АТР.

В соответствии с расчетами, Амурская область и ЕАО характеризовались наименьшим сравнительным потенциалом среднедушевого прироста торговли, поскольку основным торговым партнером данных регионов являлся Китай, а эффект границ с данной страной выступал в качестве базового показателя для оценки их сравнительного потенциала. Что касается Хабаровского края, то данный регион можно охарактеризовать как имеющий средний потенциал для расширения торговли со странами АТР, т. е. его экономика, с точки зрения анализируемых процессов, находилась между группами регионов с высоким и низким сравнительными потенциалами расширения торговли со странами АТР.

Оценка указала на видимые различия между дальневосточными регионами с точки зрения разнообразных торговых барьеров, что может являться причинами видимых расхождений в их соотношении. Необходимо также заметить, что в целом экспорт дальневосточных регионов является сырьевым, соответственно, еще большее продвижение продукции на рынке АТР могли бы получить те регионы, которые имели низкую численность населения и высокий досанкционный приток ПИИ в добывающие отрасли. В свою очередь, сравнительно большие объемы сырьевого экспорта, привлеченный иностранный капитал, а также дотации из федерального бюджета, расходуемые на инвестирование и потребление, способствуют расширению поставок импортных товаров в дальневосточные регионы. При определенном исключении, наблюдаемые различия во внешней торговле между регионами отчасти могли бы объясняться дифференциацией в номенклатуре торгуемых товаров, а не в их агрегированных стоимостных объемах², т. е. более крупные региональные экономики могли бы экспортировать более широкий диапазон продукции. Также,

¹ Любимов И.Л., Гвоздева М.А., Казакова М.В., Нестерова К.В. Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 94–122; Кадочников С.М., Федюнина А.А. Влияние связанного разнообразия экспорта на экономическое развитие регионов России // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 128–149.

² Hummels D., Klenow P.J. The Variety and Quality of a Nation's Exports // American Economic Review. 2005. Vol. 95. Issue 3. Pp. 704–723.

при прочих равных условиях, силы экономического притяжения могли бы быть выражены тем больше, чем выше роль торговли дифференцированными товарами¹.

Таким образом, декомпозиция сравнительного эффекта границ Дальнего Востока со странами АТР показала, что тарифная нагрузка Дальнего Востока со странами АТР формировалась главным образом на российской территории, в том числе ввиду скрытого переноса части тарифной нагрузки в институциональную. С точки зрения структуры торговых взаимодействий, общий вектор сравнительной интенсивности торговли Дальнего Востока определялся взаимодействием с корейской и китайской экономиками. Сравнительный потенциал расширения торговли Дальнего Востока со странами АТР при выравнивании между ними уровней тарифной и институциональной нагрузки, что соответствует случаю «глубокой» интеграции со странами субглобальной экономики, указал на возможность заметного увеличения торговли макрорегиона с японской и китайской экономиками при дифференцированных значениях для регионов Дальнего Востока.

6.3. Оценка потенциала инвестиционных взаимодействий Дальнего Востока с зарубежными странами

В связи с отмеченными выше искажениями статистики учета зарубежного капитала, которая как на национальном, так и на региональном уровнях не отражает реальные притоки капитала по странам, потенциальные значения притока ПИИ на основе инструментария гравитационного моделирования идентифицируются некорректно. Другим подходом к оценке перспективных объемов иностранных капиталовложений является определение факторов ПИИ для выявления возможных диапазонов притока инвестиций вследствие снижения эндогенных рисков в национальной экономике. Однако и идентификация инвестиционных рисков на основе статистики Центрального банка России невозможна, так как риски являются экзогенными для пространственных объектов, представляя собой общий институциональный фон для всей российской экономики, без видимого улучшения которого массовый приток ПИИ в том или ином регионе ожидать бессмысленно.

Поэтому в данном исследовании принимается допущение относительно того, что в России реализуется политика по существенному снижению уровня общенациональных рисков (экзогенных и эндогенных). В случае улучшения инвестиционного климата российской экономики в целом зарубежные инвесторы могут ориентироваться на специфику эндогенных рисков и потенциалов каждого региона России, а региональные экономики, в свою очередь, могут конкурировать за приток ПИИ, опираясь, в том числе, на свои естественные преимущества.

Поскольку в АТР расположены основные глобальные инвесторы, в таких условиях снижение барьеров в торгово-экономических взаимодействиях России со

¹ Helpman E. Imperfect Competition and International Trade: Evidence from Fourteen Industrial Countries // Journal of the Japanese and International Economies. 1987. Vol. 1. Issue 1. Pp. 62–81.

странами АТР способно мотивировать привлечение ПИИ, в том числе в территориально близкие к субглобальной экономике регионы Дальнего Востока.

При таком предположении преимущества в притоке ПИИ могут получить регионы с наименьшими рисками и высоким потенциалом. Оценка факторов позволит определить возможность увеличения притока ПИИ за счет снижения региональных рисков и наращивания их потенциала при прочих равных условиях. При существовании различий в факторах потенциала и риска, объясняющих приток ПИИ между регионами России, важно определить особенности данных факторов для регионов Дальнего Востока, в отличие от остальных российских регионов, для определения направлений экономической политики, направленной на стимулирование привлечения прямых иностранных капитальных вложений.

Следует заметить, что институциональные переменные в эмпирических исследованиях притока ПИИ, как правило, тождественны факторам инвестиционного риска, являясь составной частью так называемых инвестиционных рейтингов экономик различных уровней, которые регулярно публикуются как международными¹, так и многочисленными национальными профильными организациями и рейтинговыми агентствами. В своей основе данные рейтинги опираются на рекомендации по оценке риска страны², в экономику которой предполагает осуществлять капиталовложения корпоративный сектор (инвестор). В свою очередь, в исследованиях подобного рода немаловажной является оценка инвестиционного потенциала тех или иных экономик, определяемого размером их рынка, покупательной способностью населения, обеспеченностью природными ресурсами и т. д. На основе подобного рода рейтингов, описывающих как общие, так и частные виды инвестиционных рисков и потенциала, выполнено достаточное количество эмпирических работ, в которых исследовались:

- причинность между потоком ПИИ и показателями потенциала и риска³;
- влияние составных элементов риска как на агрегированный поток ПИИ⁴, так и на отдельные виды и типы ПИИ⁵;

¹ См., например: World Investment and Political Risk 2013. Washington, DC: World Bank Group. 88 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/762801468171249924/World-investment-and-political-risk-2013>; Country Rankings / The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/ranking> (дата обращения: июль 2020).

² Bhalla B. How Corporations Should Weigh Up Country Risk // *Euromoney*. 1983. Pp. 66–72; Erelles S., Galantine C., Acikgoz A., Marinova A., Horton V. Managing Country Risk in Global Marketing: The Triadic Model // *Proceedings of the 2000 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference: Proceedings of the Academy of Marketing Science*. Springer, Cham. 2015. Pp. 412–416.

³ Gokmenoglu K., Kirikkaleli D., Eren B.M. Time and Frequency Domain Causality Testing: The Causal Linkage between FDI and Economic Risk for the Case of Turkey // *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2019. Vol. 28. Issue 6. Pp. 649–667; Nadeem S. Political Instability and Foreign Direct Investment: Empirical Evidence from Pakistan // *European Journal of Business and Management*. 2015. Vol. 7. Issue 17. Pp. 189–199.

⁴ McGowan C.B. Jr., Moeller S.E. A Model for Making Foreign Direct Investment Decisions Using Real Variables for Political and Economic Risk Analysis // *Managing Global Transitions*. 2009. Vol. 7. Issue 1. Pp. 27–44.

⁵ Burger M., Ianchovichina E., Rijkers B. Risky Business: Political Instability and Sectoral Greenfield Foreign Direct Investment in the Arab World // *World Bank Economic Review*. 2016. Vol. 30. Issue 2. Pp. 306–331; Walsh J.P., Yu J. Determinants of Foreign Direct Investment: A Sectoral and Institutional Approach / IMF. Working Paper Asia Pacific Department WP/10/187. 2010. 28 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2010/wp10187.pdf> (дата обращения: июль 2020).

– общность¹ в рамках различных совокупностей национальных экономик и различия² между группами стран с точки зрения влияния рисков и потенциала на привлечение ПИИ;

- влияние на экономический рост рисков, сдерживающих ПИИ³;
- связи между экспортом прямых инвестиций за рубеж и рисками⁴.

Среди основополагающих гипотез подобного рода исследований тестируется наличие прямой зависимости динамики инвестиционных взаимодействий с показателями инвестиционного потенциала и обратной зависимости между потоком ПИИ и показателями инвестиционного риска. В большинстве исследований данные гипотезы подтверждаются⁵.

Поэтому зависимость притока ПИИ от параметров инвестиционного потенциала и риска регионов России представлена следующим образом⁶:

$$\ln FDI_{it} = \beta_0 + \beta_n \ln RISK_{it} + \beta_m \ln POT_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (6.3)$$

где: FDI_{it} – сумма поступивших ПИИ в i -й регион в год t (в текущих ценах, млн долл. США); $RISK$ – параметры инвестиционного риска; POT – параметры инвестиционного потенциала; β_n – коэффициенты эластичности поступивших ПИИ в i -й регион в год t по соответствующему показателю инвестиционного риска; β_m – коэффициенты эластичности поступивших ПИИ в i -й регион в год t по соответствующему показателю инвестиционного потенциала.

Необходимо заметить, что для российской экономики факторы притока ПИИ оценивались другими исследователями на основе данных ФСГС, которые существенно отличаются от современной статистики, формируемой Центральным банком России по причине использования организациями различных методик сбора информации. В первом случае статистика ПИИ формировалась на основе заполнения предприятиями специальных форм, которые аккумулировались в региональных отделениях ФСГС (данные доступны до 2013 г.). Во втором случае для сбора статистики по ПИИ используется методология платежного баланса (статистические дан-

¹ Wisniewski T.P., Pathan S.K. Political Environment and Foreign Direct Investment: Evidence from OECD Countries // *European Journal of Political Economy*. 2014. Vol. 38. Pp. 13–23; Chan K.K., Gemayel E.R. Risk Instability and the Pattern of Foreign Direct Investment in the Middle East and North Africa Region / IMF. Working Paper WP/04/139. 2004. 20 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2004/wp04139.pdf> (дата обращения: июль 2020).

² Azzimonti M. The Politics of FDI Expropriation // *International Economic Review*. 2018. Vol. 59. Pp. 479–510; Baek K., Qian X. An Analysis on Political Risks and the Flow of Foreign Direct Investment in Developing and Industrialized Economies // *Economics, Management and Financial Markets*. 2011. Vol. 6. Issue 4. Pp. 60–71.

³ Nazeer A.M., Masih M. Impact of Political Instability on Foreign Direct Investment and Economic Growth: Evidence from Malaysia / MPRA. Paper 79418. 2017. 20 p. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/79418/1/MPRA_paper_79418.pdf (дата обращения: июль 2020).

⁴ Kurecic P., Kokotovic F. The Relevance of Political Stability on FDI: A VAR Analysis and ARDL Models for Selected Small, Developed, and Instability Threatened Economies // *Economies*. 2017. Vol. 5. Issue 3. Pp. 1–21.

⁵ Topal M.H., Gül Ö.S. The Effect of Country Risk on Foreign Direct Investment: A Dynamic Panel Data Analysis for Developing Countries // *Journal of Economics Library*. 2016. Vol. 3. Issue 1. Pp. 141–155; Kim H. Political Stability and Foreign Direct Investment // *International Journal of Economics and Finance*. 2010. Vol. 2. Issue 3. Pp. 59–71; Ramcharran H. Foreign Direct Investment and Country Risk: Further Empirical Evidence // *Global Economic Review*. 1999. Vol. 28. Issue 3. Pp. 49–59.

⁶ Изотов Д.А. Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 2. С. 56–72.

ные, разделенные по региональным потокам, доступны с 2011 г., по географической и отраслевой структуре – с 2015 г.). В результате два временных массива статистики ПИИ – сформированных ФСГС и Центральным банком России – являются несопоставимыми, поскольку их величины существенно разнятся (данные ФСГС значительно меньше)¹. На основе современных данных, формируемых по методике платежного баланса, факторы притока ПИИ не исследовались. Самым доступным способом получения подобного рода оценки является использование для расчетов статистики Центрального банка России по привлеченным ПИИ за период 2011–2017 г. в рамках операций по субъектам РФ, в которых зарегистрированы резиденты по данным платежного баланса. При этом по объективным причинам отсутствует возможность дезагрегации показателя ПИИ по отраслям, географической структуре и, соответственно, по институциональным особенностям.

На первом этапе исследования использовались рейтинговые показатели инвестиционного риска российских регионов, которые оцениваются РА «Эксперт»² с привлечением пула экспертов из представителей отечественного и зарубежного бизнеса, работающего в России, а также показатель потенциала, отражающий размер экономики – ВРП в постоянных ценах³. Данные показатели применялись для объяснения динамики притока ПИИ в регионы России и в ряде других эмпирических исследований⁴.

На втором этапе, для более детального изучения влияния показателей риска и потенциала на приток ПИИ, могут оцениваться более частные показатели. Дезагрегация показателей инвестиционного риска и потенциала регионов России осуществлялось на основе методики рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов компании «РАЭК-Аналитика»⁵.

Согласно данной методике, региональный индекс инвестиционного риска (ИИР) складывается из экономического, социально-демографического, финансового, управленческого, экологического и криминального частных рисков (групп показателей⁶).

¹ Подробно: Гладышева А.А. Источники данных в эмпирическом анализе прямых иностранных инвестиций в России // Вестник НГУЭУ. 2017. № 3. С. 163–182.

² Помимо данных по риску РА «Эксперт», существуют рейтинговые показатели, разрабатываемые «Опорой России», но они охватывают меньше половины российских регионов, в числе которых только два дальневосточных, поэтому в дальнейших оценках они использоваться не будут.

³ Потенциал характеризуют значения реального ВРП, по причине того, что данные, отражающие долю регионов России в общероссийском инвестиционном потенциале, оцениваемые РА «Эксперт», имели слабую корреляцию с притоком ПИИ в российские регионы.

⁴ Ledyeva S., Karhunen K., Whalley J. If Foreign Investment is not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia / CEPPII. Working Papers No 2013-05. 2013. February. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2013/wp2013-05.pdf (дата обращения: июль 2020); Ledyeva S. Spatial Econometric Analysis of Foreign Direct Investment Determinants in Russian Regions // The World Economy. 2009. Vol. 32. Issue 4. Pp. 643–666.

⁵ Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России компании «РАЭК-Аналитика». 7 с. URL: https://raex-a.ru/update_files/3_13_method_region.pdf (дата обращения: октябрь 2020).

⁶ Группы показателей представлены как отдельные показатели по причине невозможности проведения процедуры взвешивания частных показателей риска и потенциала экспертным путем.

К показателям, описывающим *экономический риск*, относится статистическая информация, характеризующая убыток организаций, долю убыточных предприятий, степень и удельный вес износа основных фондов, рентабельность проданных товаров, как в агрегированном виде, так и по видам экономической деятельности.

Социально-демографический риск характеризуют показатели в области здравоохранения, напряженности на рынке труда, уровня жизни населения, численности вынужденных переселенцев, уровень смертности, число дорожно-транспортных происшествий, а также этнические особенности региона.

Финансовый риск отражает общий уровень финансовой устойчивости бизнеса, включая финансовый результат деятельности организаций, задолженности по кредитам и депозитам в рублях и иностранной валюте организаций и физических лиц, уровень кредиторской и дебиторской задолженности, в том числе просроченной.

Управленческий риск отражается: относительной численностью работников государственных органов и органов местного самоуправления; способностью привлечения инвестиций в основные фонды, оцениваемые через их соотношение к ВРП; качеством бюджетного планирования и исполнения, а также текущей долговой нагрузкой региональных бюджетов, степенью их зависимости от трансфертов из федерального бюджета; способностью обеспечивать минимальный уровень необходимых социальных услуг. Показатели, характеризующие *экологический риск*, отражают уровень загрязнения окружающей среды через выбросы в атмосферный воздух, сбросы загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты и т. д.

Криминальный риск характеризует уровень преступности, как в агрегированном виде, так и по различным видам правонарушений.

Аналогично инвестиционный потенциал регионов характеризуется следующими составляющими: *природно-ресурсным* (обеспеченность основными видами природных ресурсов); *демографическим и трудовым* (численность населения, плотность населения, размер рынка труда и его качественные характеристики); *производственным* (показатели, характеризующие объемы производства товаров и услуг по видам экономической деятельности); *потребительским* (доходы населения и потребительские расходы); *инфраструктурным* (плотность дорог, обеспеченность интернетом, стоимость основных фондов, мощность электростанций, ввод в действие домов и т. д.); *инновационным* (объем инновационных товаров, работ и услуг, количество работников в научно-исследовательских организациях, финансовых затрат на НИОКР, количество заявок на патенты, их выдача и т. д.); *институциональным* (результаты деятельности малых предприятий, число предприятий и организаций, характеристики экономической деятельности совместных предприятий и предприятий, относящихся к частной собственности, объем предоставляемых услуг финансовыми и страховыми организациями и др.); *финансовым* (доходы бюджета, сальдированный финансовый результат деятельности ор-

ганизаций, накопленные доходы населения); *туристическим* (число гостиниц и ресторанов, туристический поток).

Учитывая то обстоятельство, что ПИИ, аккумулирующиеся в регионах, в большинстве случаев осуществляются с целью вывоза произведенной продукции за пределы территории их функционирования, как правило, за рубеж, перечень показателей инвестиционного потенциала региона расширен за счет включения данных по *открытости к внешним для России рынкам*, которые отражаются отношением показателей торговли с зарубежными странами к ВРП и численностью привлеченной иностранной рабочей силы.

Таким образом, основополагающий набор переменных для второго этапа включал более 800 показателей, отражающих частные показатели риска и потенциала российских регионов на основе данных ФСГС, РА «Эксперт» и Центрального банка¹.

На основе зависимости (6.3) была проведена оценка соответствующих эластичностей на основе панельных данных с фиксированными эффектами на регионы и на годы для *общих показателей риска и потенциала* (табл. 6.8).

Таблица 6.8

Результаты оценки факторов притока ПИИ в российские регионы по
общим показателям потенциала и риска

Факторы	Регионы Дальнего Востока	Остальные регионы РФ
<i>RISK</i> – индекс инвестиционного риска (ИИР)	-3,12* (0,89)	-1,70* (0,37)
<i>POT</i> – потенциал (ВРП)	0,86* (0,31)	1,72* (0,10)
Константа	-8,72** (3,00)	-19,31* (1,02)
Фиксированные эффекты на регионы	нет	нет
Фиксированные эффекты на годы	да	да
R^2	0,42	0,60
<i>F</i> -статистика	5,1	94

Примечание: в скобках приведены значения стандартных ошибок, * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,10$.

Источник: расчеты автора.

Оценки частично подтвердили результаты, полученные в ряде других исследований: потенциал регионов способствовал притоку в них ПИИ. Для 2011–2017 гг. индекс инвестиционного риска отражал обратную зависимость по отношению к притоку ПИИ в российские регионы, но без учета пространственных характеристик, т. е. без фиксированных эффектов на регионы. Подробный анализ данных, отражающих динамику ИИР по регионам России, показал, что его медианное значение сокращалось, т. е. по этому показателю наблюдалась скорее сближение значений между российскими регионами. Это, в свою очередь, является косвенным подтверждением того обстоятельства, что снижение рисков внутри экономической системы недостаточно для смягчения существенного негативного имиджа для национальной

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Статистика внешнего сектора / Центральный банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/; Инвестиционный климат регионов / РА «Эксперт». URL: https://www.raexpert.ru/rankings/region_climat/; Электронные таблицы статистики РФ / ЕАЭСД. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml> (дата обращения: январь 2020).

экономики в целом, который, в свою очередь, следует улучшать, в том числе проводя политику открытости и снижения барьеров с крупными рынками.

Далее была осуществлена оценка факторов притока ПИИ в российские регионы при помощи *частных показателей риска и потенциала*. Согласно описательной статистике показателей используемого массива, между регионами России наблюдалась высокая вариация по целому ряду показателей, относящихся к независимым переменным, а также зависимой переменной – стоимостному объему привлеченных ПИИ. Поэтому для учета специфичных признаков зависимой переменной оценка производилась с фиксированными эффектами, как для времени, так и для пространственных объектов – регионов¹. Важной задачей являлось обнаружение таких показателей, которые были бы статистически значимы на всем анализируемом промежутке времени (2011–2017 гг.) как для дальневосточных, так и для остальных регионов России. Оценка показателей производилась подбором согласно их статистической значимости и содержательности из всего массива переменных. В итоге были получены регрессионные зависимости для двух выборок российских регионов для подтверждения или опровержения наличия между дальневосточными и остальными российскими регионами видимого различия в факторах, определяющих приток ПИИ. Для этого были оценены факторы притока ПИИ в дальневосточные регионы (*табл. 6.10*) и остальные регионы России (*табл. 6.9*).

Таблица 6.9

Результаты оценки факторов притока ПИИ в остальные регионы России
по частным показателям потенциала и риска

Наименование переменной	Результаты оценки
Показатель криминального риска (<i>RISKcrime1</i>)	-0,82* (0,26)
Показатель социально-демографического риска (<i>RISKsoc2</i>)	-1,29* (0,42)
Показатель финансового риска (<i>RISKfin</i>)	-0,10** (0,04)
Показатель потенциала открытости к внешним рынкам (<i>POTopen</i>)	0,32** (0,04)
Показатель социально-демографического риска (<i>RISKsoc1</i>)	-0,82*** (0,48)
Константа	14,72* (2,87)
R^2	0,89
<i>DW</i>	2,21
<i>F-статистика</i>	41,07

Примечания. В скобках приведены значения стандартных ошибок, * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,10$. *RISKcrime1* – изменение числа зарегистрированных преступлений (убийство и покушение на убийство) (лаг, в % к предыдущему году); *RISKsoc1* – число дорожно-транспортных происшествий и пострадавших в них (на 100 тыс. чел.); *RISKsoc2* – численность зарегистрированных безработных (тыс. чел.); *RISKfin* – сумма убытка организаций (млн долл.); *POTopen* – отношение товарооборота с зарубежными странами к ВВП (%).

Источник: расчеты автора.

¹ Одними из главных критериев при подборе независимых факторов являлось отсутствие у регрессоров признаков мультиколлинеарности и гетероскедастичности. В качестве второстепенного критерия выступало отсутствие для регрессии признаков автокорреляции.

Результаты оценки факторов притока ПИИ в регионы Дальнего Востока
по частным показателям потенциала и риска

Наименование переменной	Результаты оценки
Показатель криминального риска (<i>RISKcrime2</i>)	-3,22*** (1,48)
Показатель экономического риска (<i>RISKecon</i>)	-1,22** (0,48)
Показатель финансового риска (<i>RISKfin</i>)	-0,73* (0,17)
Показатель инновационного потенциала (<i>POTinn</i>)	0,34* (0,10)
Показатель институционального потенциала (<i>POTinst</i>)	7,71** (3,65)
Константа	-59,80*** (34,30)
R^2	0,84
<i>DW</i>	2,52
<i>F-статистика</i>	11,23

Примечания. В скобках приведены значения стандартных ошибок, * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,10$. *RISKcrime2* – число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (в % от общей численности преступлений); *RISKecon* – удельный вес полностью изношенных основных фондов (добыча полезных ископаемых деятельности) (%); *RISKfin* – сумма убытка организаций (млн долл.); *POTinn* – объем инновационных товаров, работ, услуг (в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг); *POTinst* – число предприятий и организаций (лаг).

Источник: расчеты автора.

Если сравнить полученные показатели соответствующих эластичностей (табл. 6.9–6.10), то можно обнаружить скорее различие, чем общность факторов притока ПИИ между дальневосточными и прочими российскими регионами. Более того, соотношение полученных оценок указывает на наличие видимого разграничения по независимым переменным между двумя группами регионов.

С точки зрения объяснения притока ПИИ для дальневосточных и остальных регионов России только один фактор являлся общим (см. табл. 6.9–6.10) – сдерживающий приток ПИИ показатель финансового риска, отражающий сумму убытка организаций, который для Дальнего Востока по сравнению с другими регионами характеризовался большими по модулю значениями эластичности. Отталкиваясь от динамики убытка организаций за 2011–2017 гг., можно заключить, что для Дальнего Востока данный показатель в среднем сдерживал приток ПИИ на 17,3%, для остальных регионов России – только на 2,4%. Из этого можно сделать промежуточный вывод, что экономика Дальнего Востока очень чутко реагировала на рецессию в национальной экономике, что, в свою очередь сдерживало приток ПИИ. С этой точки зрения, текущая прибыльность бизнеса, которая отражается, в том числе минимизацией убытков¹, является одним из ключевых факторов притока ПИИ в экономику Дальнего Востока, в отличие от остальных регионов страны.

¹ Сальдированный финансовый результат деятельности организаций не мог быть оценен в рамках модели (6.3) по причине наличия нулевых и отрицательных величин. Оценка данного показателя в форме квазимаксимального правдоподобия Пуассона дала аналогичный результат с точки зрения направленности воздействия.

Далее необходимо объяснить влияние остальных факторов на приток ПИИ для двух групп регионов. Что касается остальных регионов России (см. *табл. 6.9*), то привлечению ПИИ способствовал показатель потенциала открытости к зарубежному рынку, увеличение которого на 1% приводило к росту зарубежного капитала на 0,3%¹. Остальные факторы сокращали приток ПИИ. Помимо воздействия обозначенного выше показателя финансового риска, сдерживающее воздействие на приток ПИИ остальных регионов России оказывали показатели, относящиеся к криминальному и социально-демографическому видам риска. Для остальных регионов России наибольшими по модулю значениями эластичностей характеризовались показатели социально-демографического и криминального риска, которые, возможно, следует рассматривать как отражение части структурных и институциональных проблем в национальной экономике.

Для дальневосточных регионов сдерживающими ПИИ факторами являлись показатели криминального и экономического риска (см. *табл. 6.10*). Согласно данным ФСГС, Дальний Восток продолжительное время является лидером по количеству правонарушений на душу населения. Вероятно, по этой причине эластичность показателя криминального риска имеет сравнительно высокое значение (по модулю), и вполне возможно, что его сокращение на 1% при прочих равных условиях способно положительно повлиять на приток ПИИ, увеличив его на 3,2%. Следует иметь в виду, что статистическая значимость у данного показателя сравнительно невысокая.

Оценка показала, что экономический риск для Дальнего Востока был представлен только одним статистически значимым показателем (см. *табл. 6.10*), отражающим удельный вес полностью изношенных основных фондов по экономической деятельности, связанной с добычей полезных ископаемых. По причине узости макрорегионального потребительского рынка ПИИ сконцентрированы в первичном секторе экономики, главным образом, связанном с добычей полезных ископаемых: топливно-энергетических и других минеральных ресурсов (драгоценные, цветные и черные металлы). Может показаться, что интенсивность притока ПИИ является причиной сокращения износа основных фондов в сфере добычи полезных ископаемых, однако это не совсем верно. С одной стороны, снижение износа основных фондов в отрасли специализации большинства регионов Дальнего Востока является индикатором последующего роста региональных экономик, что положительно влияет на ожидания инвесторов как внутри страны, так и за рубежом, способствуя росту инвестиционной активности на территории. В свою очередь, это способствует притоку ПИИ, как минимум, в форме создания представительств и филиалов компаний-поставщиков. С другой стороны, сокращение степени износа основных фондов в секторе добычи полезных ископаемых свиде-

¹ Притом, что в отличие от Дальнего Востока общий приток ПИИ в остальные регионы России имел тенденцию к сокращению.

тельствует о повышении конкурентоспособности в отрасли, что способствует привлечению в нее дополнительных потоков финансирования, в том числе ПИИ в виде участия в капитале, и долговых инструментов из других источников для получения дальнейшей прибыли.

Возможно, динамика износа основных фондов в секторе добычи полезных ископаемых является также косвенным показателем экзогенного процесса для дальневосточной экономики, отражающего динамику внешней конъюнктуры спроса на товары сырьевой группы, например, с конца 2014 г.¹, в связи с падением мировых цен на ряд сырьевых товаров, последующие инвестиции в расширение и обновление добывающих мощностей на Дальнем Востоке на некоторое время были отложены. За 2011–2017 гг. для дальневосточных регионов увеличение удельного веса полностью изношенных основных фондов в секторе, связанном с добычей полезных ископаемых, составляло в среднем 6,1% в год, что сдерживало приток ПИИ в среднем на 7,5%.

В соответствии с оценкой, положительное влияние на приток ПИИ на Дальний Восток оказывала переменная институционального потенциала (см. *табл. 6.10*), характеризующаяся изменением числа предприятий и организаций, отражая развитие процесса конкуренции / монополизации на рынке дальневосточных регионов. За рассматриваемый период рост числа предприятий составлял в среднем 1% в год, что способствовало увеличению притока ПИИ на Дальний Восток в среднем на 7,7%. При этом следует обозначить процесс нарастающей монополизации рынка макрорегиона, проявляющейся в замене регионального бизнеса крупными федеральными собственниками, сокращении за последние годы доли независимых малых и средних производителей в сырьевых отраслях Дальнего Востока.

Неожиданным был факт того, что показатель инновационного потенциала (доля инновационных товаров, работ и услуг² в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг) для Дальнего Востока был статистически значимым, оказывая положительное воздействие на приток ПИИ. Воздействие данного фактора небольшое: увеличение на 1% доли инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров способствовало притоку ПИИ лишь на 0,3%. Показатель инновационного потенциала можно понимать как определенную характеристику динамики экономического развития макрорегиона: при росте экономики происходит пропорциональное увеличение доли инновационной продукции, вероятно, по причине роста импорта товаров, услуг и технологий, а также создания на их основе новых товаров, работ и услуг. При этом следует отметить, что после 2014 г. данный показатель практически не увеличивался по всем регионам Дальнего Востока.

¹ На мировых рынках тенденция к снижению цен по некоторым сырьевым товарам (черные и цветные металлы) стала наблюдаться с 2011 г.

² Согласно методике составления данного показателя, к нему относятся новые или подвергавшиеся в течение последних трех лет разной степени технологическим изменениям товары, работы и услуги.

Для Дальнего Востока не была обнаружена статистическая значимость воздействия на приток ПИИ показателей социально-демографического, управленческого и экологического рисков. Предполагалось, что приток иностранных инвестиций будет тесно взаимосвязан с торговлей с зарубежными странами регионов Дальнего Востока. Однако для Дальнего Востока такой связи не было обнаружено, вероятно, по следующим причинам: торговый оборот макрорегиона преимущественно со странами АТР является прямым следствием осуществления ПИИ, а не причиной их притока; внешнеторговая открытость Дальнего Востока является фактором, который не воспринимается иностранными инвесторами как что-то уникальное, в отличие от других регионов России; реальный товарооборот между макрорегионом и зарубежными странами может быть отражен статистикой не в полной мере.

Таким образом, во-первых, специфические характеристики территориальных подсистем России существенно корректировали значимость и соотношение факторов притока ПИИ, поэтому полученные значения соответствующих эластичностей указали скорее на различие, чем на общность частных показателей риска и потенциала, объясняющих приток ПИИ в дальневосточные регионы по сравнению с другими российскими регионами. Данные обстоятельства подтверждают необходимость проведения более дифференцированной политики для интенсификации притока ПИИ в экономику Дальнего Востока по сравнению с остальными регионами России, при условии реализации политики по улучшению инвестиционного климата для страны в целом.

Во-вторых, оценка показала, что в случае улучшения инвестиционного климата для России в целом, для раскрытия интеграционного потенциала Дальнего Востока с субглобальным рынком капитала, по сравнению с остальными регионами страны, необходимо: снижение эндогенных рисков, связанных с уровнем преступности; стимулирование обновления основных фондов в добывающей промышленности и инновационной деятельности предприятий; осуществление мер, способствующих росту конкуренции на рынке макрорегиона и повышению прибыльности предприятий. Подобные параметры могут быть достигнуты в условиях открытости макрорегиональной экономики и построении сильных институтов в национальной экономике.

Как показывает опыт ряда стран¹, для открытых экономических систем, к которым относятся регионы Дальнего Востока России, существует взаимная поло-

¹ Aroca P., Maloney W.F. Migration, Trade, and Foreign Direct Investment in Mexico // The World Bank Economic Review. 2005. Vol. 19. Issue 3. Pp. 449–472; Kim Ch.-S., Park M.S. Trade, Foreign Direct Investment and International Flow of Labor: OECD Countries // Journal of International and Area Studies. 2012. Vol. 19. Issue 2. Pp. 1–12.

жительная связь между показателями¹, характеризующими интеграцию макрорегиона с рынками капитала, товаров и труда – привлеченный иностранный капитал генерирует увеличение торговли макрорегиона с зарубежным рынком, это стимулирует рост экономики, а последний обуславливает увеличение спроса на труд, удовлетворяемый при дефицитном балансе трудовых ресурсов за счет межрегиональной миграции и притока иностранной рабочей силы.

В случае Дальнего Востока эта последовательность эффектов подтверждается для отдельных регионов. Однако в целом для макрорегиона корреляция среднедушевых показателей торговли и ПИИ с долей иностранных работников по отношению к отечественной рабочей силе является невысокой² (рис. 6.1).

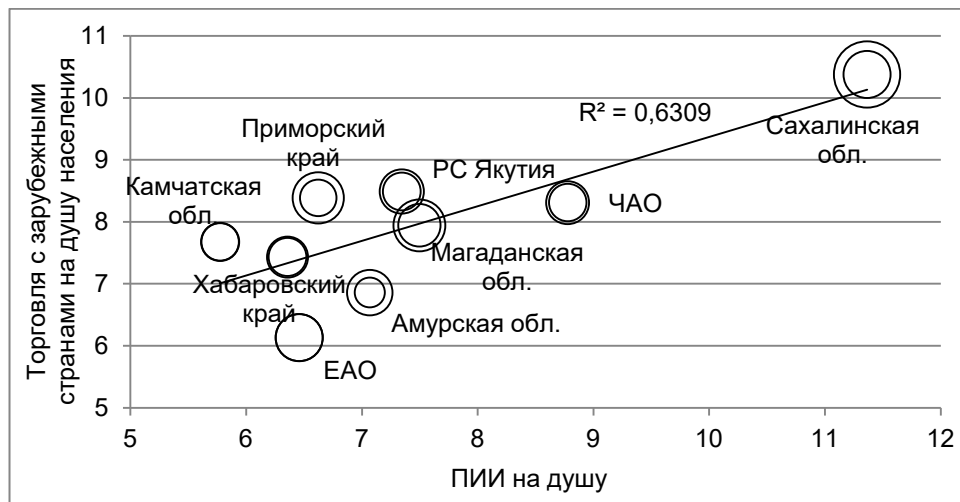


Рис. 6.1. Среднедушевые значения торговли с зарубежными странами и ПИИ для регионов Дальнего Востока, долл. (в логарифмах)

Примечания. Размер внутреннего кружка соответствует отношению численности иностранных работников к отечественной рабочей силе, внешнего – отношению численности иностранных трудовых мигрантов к отечественной рабочей силе на соответствующем региональном рынке труда (при условии неизменности использования ресурсов отечественной рабочей силы). На диаграмме рассеивания отражены средние значения: для торговли с зарубежными странами на душу населения и доле иностранных работников на региональных рынках труда за 2011–2016 гг., для среднедушевых значений ПИИ – 2014–2016 гг.

Источники: рассчитано по: Электронные таблицы статистики РФ / ЕАЭСД. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>; Среднегодовая численность трудовых ресурсов / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36730>; Статистика внешнего сектора / Центральный банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/; Таможенная статистика Дальневосточного таможенного управления. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>; Статистические сведения по миграционной ситуации / МВД. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/>; Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: декабрь 2018).

Проведенный анализ выявил некоторые различия между дальневосточными регионами в соотношении численности иностранных трудовых мигрантов (потенциальные значения, формируемые в балансах трудовых ресурсов ФСГС) и иностранной рабочей силы (реальные значения, формируемые МВД России). В среднем за 2011–2016 гг. превышение потенциальной численности иностранной рабочей силы над реальной численностью составило: в Амурской области – 132,1%,

¹ Подробно: Messerlin P. The Impact of Trade and Foreign Direct Investment on Labour Markets: The French Case / OECD. Jobs Study Working Papers. 1995. No. 9. 39 p. URL: <https://doi.org/10.1787/767608658653> (дата обращения: октябрь 2020).

² $r=0,5$ и для торговли с зарубежными странами, и для ПИИ.

Сахалинской области и Приморском крае – почти 100%, Магаданской области – 50,9%, Республике Саха (Якутия) – 37,7%, ЧАО – 34,7%, Хабаровском крае – 16,4%. Для ЕАО и Камчатского края превышение численности иностранных трудовых мигрантов над числом иностранных работников не было обнаружено.

Тем не менее при условии полного использования трудовых ресурсов иностранных мигрантов, т. е. их численный переход в категорию иностранной рабочей силы, в целом для Дальнего Востока потенциал для привлечения иностранных трудовых мигрантов составляет порядка 60% от их текущей численности¹.

При этом практически невозможно на основе статистических наблюдений оценить реальные потоки и потенциал взаимодействий на рынке труда со странами АТР. Еще одной проблемой в этой области является то, что рынок труда в АТР является сильно дифференцированным и, вероятно, существенно изолированным как в рамках трудовых потоков между странами АТР, так и со странами, к субглобальной экономике не относящимися. Предпринимавшиеся до настоящего времени попытки увязать либерализацию на рынках товаров, услуг и капитала с обменами рабочей силой в АТР пока не привели к каким-либо результатам. Отсутствие свободного рынка труда в АТР отчасти объясняет высокие значения торговли между развитыми и развивающимися странами, поскольку в этом случае отсутствует необходимость для массового перемещения рабочей силы между странами АТР.

Очевидно, в случае Дальнего Востока подобные взаимодействия имеют в принципе большой потенциал, особенно в части взаимодействия с Китаем, однако существенным искажающим фактором является высокая конкуренция с трудовой миграцией из стран СНГ.

¹ Izotov D.A., Motrich E.L. Foreign Labor of the Russian Far East // Studies on Russian Economic Development. 2019. Vol. 30. Issue 5. Pp. 570–577.

ГЛАВА 7. СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СО СТРАНАМИ АТР

7.1. Риски изоляционизма для России и Дальнего Востока

Основываясь на теоретических моделях, объясняющих механизмы международной экономической интеграции, можно заключить, что возможные направления интенсификации внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР могут быть основаны на наличии либо отсутствии спроса на меры интеграционной политики со стороны групп лоббирования на национальном уровне. Соответственно, как было ранее обозначено, в зависимости от направления спроса на принятие решения об осуществлении интеграционной политики возникает дилемма выбора между стратегией «борьбы» за сохранение различного рода барьеров, подразумевая неизменность вектора национальной торгово-экономической политики, и стратегией «адаптации» (в данном случае понимается как стратегия интеграции), заключающейся в добровольном ограничении суверенной политики введения и поддержания ограничительных и запретительных мер во взаимодействиях с зарубежными странами или с их группами. Следует заметить, что стратегия «неучастия» России в интеграционных процессах, понимаемая как стратегия «борьбы», не противоречит расширению экономической кооперации, поскольку не ориентируется на нивелирование ключевых барьеров, отраженных в рамках «лестницы интеграции». Расширение экономической кооперации России со странами АТР означает в данном случае экстенсивное наращивание торгово-экономических взаимодействий без существенного снижения двух- и многосторонних барьеров, ослабляющих такого рода взаимосвязи.

В России действительно существует спрос на расширение экономических взаимодействий с зарубежными странами, который реализуется главным образом на основе масштабных экспортных поставок и их инфраструктурного обеспечения, не подразумевая заметного нивелирования тарифных и нетарифных барьеров, как для импортных, так и для экспортных потоков. Исходя из ранее полученных оценок, невысокие значения тарифной нагрузки на российские сырьевые товары у стран-потребителей могут частично объяснять отсутствие мотивации у России по обоюдному снижению барьеров со странами АТР. Поэтому создание инфраструктуры обеспечения широкомасштабного экспорта сырьевых товаров на текущий момент, вероятно, является необходимым и достаточным компонентом для расширения внешних торгово-экономических взаимодействий России. При этом спрос на экономическую интеграцию, за исключением постсоветского пространства, в России в явном виде отсутствует либо носит откровенно декларативный характер. Россия на текущий момент в целом не имеет мотивов для заключения интеграционных соглашений с крупнейшими экономиками АТР и не ведет переговоров по присоединению к крупнейшим торговым форматам субглобальной экономики в

качестве полноправного участника. С этой точки зрения можно предположить, что Россия может продолжить осуществлять политику «неприсоединения» в АТР в отсутствие эндогенного спроса на интеграцию со странами субглобальной экономики, ограничиваясь лишь попытками расширения взаимодействий с ними за счет экстенсивного расширения ресурсно-транзитной модели функционирования экономики.

Мотивация России в следовании стратегии «неучастия» в интеграционных процессах с крупными близкими экономиками¹, к которым относятся ключевые страны АТР, может быть объяснена структурными и институциональными характеристиками российской экономики. Исходя из проведенного анализа, мотивация «неучастия» России может быть сведена к следующим аспектам: сохранение существующей институциональной структуры экономики при стимулировании обрабатывающей промышленности в рамках протекционизма и импортозамещения; углубление политико-экономической интеграции с некоторыми постсоветскими странами (ЕАЭС).

Как показали ранее полученные оценки, с точки зрения теории международной экономики стратегия «неучастия» России в интеграции со странами АТР порождает главным образом негативные эффекты, которые сводятся к некоторому снижению общего благосостояния за счет удорожания импорта и косвенным эффектам для российского экспорта, вследствие замещения российских товаров на рынке АТР. Для Дальнего Востока, являющегося частью российской экономики, данная стратегия также может быть сведена к негативным эффектам, проявляющимся в снижении общего благосостояния производителей и потребителей за счет удорожания импорта, а также в эффекте границ со странами АТР (табл. 7.1).

Тем не менее «неучастие» в интеграционных процессах в АТР также имеет свои обоснования с точки зрения стратегии «борьбы» за неизменность вектора национальной торгово-экономической политики. Первым и главным мотивом реализации такой стратегии является наличие уже имеющегося масштабного экспортного потока сырьевых товаров из России в крупнейшие и близкие экономики АТР, который облагается российскими вывозными пошлинами. Данный товаропоток в странах АТР облагается малыми импортными пошлинами (КНР) или не облагается вовсе. В свою очередь, Россия облагает импортными пошлинами товары из АТР. Поэтому, с точки зрения мотивации сохранения сложившихся механизмов наполнения доходной части федерального бюджета, в рамках существующего устройства российской экономики отсутствие потерь тарифной выручки является ключевым преимуществом стратегии «борьбы» для России². Также во внешнеполити-

¹ Вьетнам и Сингапур, с которыми были подписаны торговые соглашения, для России являются территориально удаленными и характеризуются малой долей в торговле российской экономики с внешним миром.

² При этом, безусловно, отвергаются альтернативные направления наполнения доходной части федерального бюджета за счет роста экономики при реализации политики открытости и общего повышения ее конкурентоспособности.

ческой плоскости для защиты экспорта сырьевых товаров и первичных компонентов их переработки для России вполне достаточно использования механизмов ВТО для решения торговых споров.

Таблица 7.1

Стратегия «неучастия» России в интеграционных процессах АТР
(стратегия «борьбы»)

Положения стратегии	Россия	Дальний Восток
Мотивы	стимулирование развития обрабатывающей промышленности в рамках стратегии импортозамещения; углубление интеграции со странами ЕАЭС; сохранение существующей структуры экономики	–
Эффекты (с точки зрения теории международной экономики)	некоторое снижение общего благосостояния за счет удорожания импорта; незначительные негативные косвенные эффекты для экспорта в АТР в среднесрочном периоде	увеличение эффекта границ со странами АТР; снижение общего благосостояния производителей и потребителей за счет удорожания импорта
Обоснования	отсутствие текущих потерь для тарифной выручки; некоторое расширение локального экспорта обрабатывающей промышленности (со странами ЕАЭС); использование механизмов ВТО для решения торговых споров; незначительное обложение таможенными пошлинами странами АТР сырьевых товаров российского экспорта; наличие масштабного экспортного потока сырьевых товаров в страны СВА	создание особых условий для импортозамещающих производств при условии ориентации их продукции на рынки остальных регионов России; наличие масштабного экспортного потока сырьевых товаров в страны СВА
Экзогенные риски	незначительное замещение традиционных экспортных товаров на субглобальном рынке впоследствии может кумулятивным итогом вылиться в дискриминацию российского бизнеса; снижение товарной и географической диверсификации экспорта; проявление эффекта монополии; исчерпание эффекта глобализации; санкционные риски	замещение традиционных экспортных товаров на субглобальном рынке; снижение возможности для товарной и географической диверсификации экспорта; проявление эффекта монополии; санкционные риски
Эндогенные риски	наращивание протекционизма; снижение конкурентоспособности производителей; сокращение эффективного импорта; скромные объемы притока ПИИ из стран АТР	снижение конкурентоспособности производителей; сокращение эффективного импорта; консервация модели «ресурсного транзита»; скромные объемы притока ПИИ из стран АТР, за исключением Сахалинской области

Источник: составлено автором.

Другим немаловажным компонентом обоснования стратегии «неучастия» в интеграции для России является поддержка национальной обрабатывающей промышленности в рамках мер протекционизма. Данное обстоятельство, помимо реализации мер безопасности для национального рынка, позволяет ориентировать экспорт обрабатывающей промышленности на рынок относительно закрытого торгового блока ЕАЭС, характеризуясь конкурентоспособностью по цене поставляемых товаров, а также их соответствию единому техническому регламенту.

Для Дальнего Востока преимущества (обоснования) подобной стратегии представляются несущественными, поскольку охватывают в явном виде только поддержку эпизодических импортозамещающих производств при условии вывоза их продукции на рынки остальных регионов России. Действительно, масштабный

экспортный поток сырьевых товаров в страны СВА из Дальнего Востока генерируется лишь несколькими регионами, а остальные в той или иной степени сталкиваются с эндогенными (с точки зрения российского институционального фона) барьерами для увеличения товарооборота со странами АТР.

Несмотря на имеющиеся обоснования «неучастия» в интеграционных процессах, Россия сталкивается или может столкнуться в ближайшем будущем с ограничениями реализации подобного рода стратегии, которые проявляются в форме как экзогенных, так и эндогенных рисков. Как показала оценка, замещение традиционных экспортных товаров России на субглобальном рынке является незначительным в случае нивелирования барьеров в АТР, исключая российскую экономику. Однако негативный эффект от такого замещения может накапливаться и при снижении масштаба экспортного потока из России в целом и из Дальнего Востока в частности, который может произойти по причине исчерпания того или иного ресурса, данное обстоятельство способно вылиться в дискриминацию российских товаров в АТР.

Следующим экзогенным риском является исчерпание вклада эффекта глобализации в наращивание взаимной торговли в мире и в АТР в частности. Поэтому видимое увеличение торговли в субглобальной экономике возможно за счет эффекта регионализации, позволяющего снизить уже имеющиеся барьеры в торговле. С этой точки зрения Россия, не используя механизмы интеграции (регионализации), рискует столкнуться с ограничениями по наращиванию торговли со странами АТР.

Другим экзогенным риском является проявление эффекта монополии с точки зрения привязки исключительно к одному рынку – китайскому, а по сути, как было ранее показано, к нескольким провинциям КНР. Данное обстоятельство, наряду с замещением российской продукции в АТР, способно вызвать снижение товарной и географической диверсификации российского экспорта в целом и дальневосточного экспорта в частности. Учитывая «санкционный» фактор, Россия в АТР, вероятно, будет расширять торгово-экономические взаимодействия именно с теми странами, руководства которых в явном виде не придерживаются политики применения жестких ограничений к России, например, с КНР. Соседство с КНР и обусловленное с ним временное совпадение интересов в развитии может заложить основу создания различных форм трансграничного сотрудничества¹. С этой точки зрения, а также исходя из складывающихся тенденций, в долгосрочной перспективе наиболее приоритетным в тихоокеанской политике России останется ки-

¹ Вардомский Л.Б. Внешнее соседство как фактор пространственного развития России // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 57–68.

тайское направление¹, что в свою очередь, способно привести к эффекту монополии для российской экономики.

Китай действительно нуждается в больших объемах бесперебойных поставок различной сырьевой продукции, при этом осуществляя географическую диверсификацию стран-поставщиков². Китайское правительство всячески поддерживает, в том числе при помощи льготных кредитов крупнейших банков, инициативы национального корпоративного сектора (как правило, связанного с государством), по закреплению в ресурсно-сырьевом секторе зарубежья для реализации стратегии по диверсификации поставок сырьевых товаров. Китайские компании с конца 2000-х гг. не ограничиваются импортом сырьевых товаров, параллельно инвестируя в различные сырьевые проекты за рубежом: в страны Средней Азии, Африки, Южной Америки, Канаду, Казахстан, Австралию. В стадии обсуждения между Россией и Китаем находятся десятки крупных инфраструктурных и сырьевых проектов на российской территории, в том числе на Дальнем Востоке³. Можно предположить, что со стороны России будет иметь место политическая воля к подписанию таких инвестиционных соглашений. Растущим направлением сотрудничества, помимо поставок нефти и газа, могут стать проекты, связанные с широкомасштабным экспортом угля из России в Китай, а также металлов, особенно в свете текущих политических осложнений во взаимодействиях между Австралией и КНР.

Как показал анализ реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.⁴, главным приоритетом у КНР является массовый импорт из России сырьевых товаров, производимых на российской территории на предприятиях с китайским капиталом, финансируемым государственным сектором Китая⁵; со стороны России в неявном виде проявляются попытки создания барьеров для масштабного допуска китайских государственных компаний в разработку крупнейших месторождений в восточных регионах России, а также в недостаточной мере создаются условия для китайского бизнеса для создания предприятий по глубокой переработке сырья на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Тем не менее в пользу естественной тенденции наращивания интенсивности торговых взаимодействий с китайским рынком указывает снижение эффекта гра-

¹ Подробно: Минакир П.А. Стратегия формирования интеграционного пространства Востока России и Восточной Азии // *Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез*. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 77–87.

² Изотов Д.А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176.

³ Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 330.

⁴ Изотов Д.А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176.

⁵ Поскольку частный бизнес из КНР не берет на себя ответственность осуществлять капиталовложения в рамках высокорисковых проектов и российского рынка в целом.

ниц между Дальним Востоком и КНР, а также положительное влияние совместной сухопутной границы на двусторонние торговые взаимоотношения¹. Помимо наращивания экспортных поставок из Дальнего Востока также имеется тенденция увеличения импорта из КНР по следующим причинам: на китайской территории сосредоточены предприятия из ведущих стран АТР и Европы для выпуска массовой продукции; улучшение качественных характеристик предприятий отечественного сектора КНР. При этом строительство транспортной инфраструктуры для экспорта сырьевых товаров в привязке исключительно к китайскому рынку, а также реализация проектов по масштабному экспорту в Китай электроэнергии, нефти и природного газа создает условия безальтернативности поставок для российских компаний с возможностью манипуляций со стороны китайских потребителей.

К числу эндогенных рисков для России в целом и Дальнего Востока в частности является снижение конкурентоспособности производителей вследствие наращивания протекционизма, сокращения объемов эффективного импорта по причине его удорожания, а также скромные объемы притока ПИИ из стран АТР (за исключением Сахалинской области). Фактически для Дальнего Востока данные риски консервируют сложившуюся модель «ресурсного транзита», которая не предполагает существенного роста экономики макрорегиона. В таких условиях масштабы экспортных потоков, их структурные характеристики могут определяться как общими условиями ведения бизнеса в рамках того или иного региона Дальнего Востока, так и способностью мер государственной политики снижать различные барьеры, сдерживающие потенциал расширения экспорта, даже без проведения интеграционной политики.

Сами по себе обозначенные риски не являются фатальными с точки зрения поддержания функционирования экономики макрорегиона. Действительно, издержки выхода для российских фирм на зарубежные рынки намного выше, чем во многих успешных экономиках, при этом определенная часть издержек выхода на зарубежные рынки связана с высокой зарегулированностью экспортной деятельности внутри страны². Это в определенной мере объясняется особенностью торгового взаимодействия российской экономики с зарубежными странами, спецификой структуры и институциональными факторами, определяющими ее динамику. С этой точки зрения, помимо инвестиционных вливаний в транспортный и добывающий комплексы Дальнего Востока в рамках модели «ресурсного транзита», для интенсификации экономических взаимодействий со странами АТР возможна реализация мер, призванных увеличить объемы дальневосточного экспорта и

¹ Подробно: Изотов Д.А. Оценка сравнительного потенциала увеличения торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2020. № 3. С. 5–20; Izotov D.A., Tochkov K.I. Interaction of the Russian Far East and Asia-Pacific Countries: Assessment of Institutional and Tariff Barriers to Trade // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. Issue 2. Pp. 182–193.

² Волчкова Н.А., Турдыева Н.А. Микроэкономика российского импортозамещения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4 (32). С. 145.

обеспечить его диверсификацию, даже без реализации интеграционных стратегий.

Если отталкиваться от существующих институциональных условий функционирования российской экономики, а также современных реалий и практики торгово-экономического взаимодействия России с внешним миром, можно выделить некоторые направления по совершенствованию действующих и по внедрению дополнительных мер стимулирования экспортных потоков в страны АТР. При этом, как показал анализ нормативно-правовых документов исполнительных органов власти, прямые механизмы, способствующие увеличению экспорта продукции с территории Дальнего Востока в рамках действующих мер государственной политики по развитию макрорегиона в классическом понимании, слабо выражены. В этой связи необходимо внести дополнение в применяемые меры для продвижения дальневосточного экспорта включением показателей, характеризующих товарную диверсификацию экспорта, учитывая взаимосвязь развития регионального бизнеса и расширения экспортных потоков. В соответствии с мировой практикой¹ в явном виде данные показатели могут быть представлены соотношением экстенсивной и интенсивной составляющей экспорта², что подразумевает системный мониторинг и оценку деятельности экспортирующих фирм: в первом случае – по их численности, во-втором – по стоимостному объему экспорта, приходящегося на одну экспортирующую фирму³. Для более результативного промежуточного мониторинга экстенсивная и интенсивная составляющие экспорта могут быть сегментированы по товарным группам и другим признакам, в частности, по крупным, средним и малым предприятиям. В соответствии с мировым опытом⁴ для стимулирования экспортных поставок возможно осуществлять возврат ранее уплаченной таможенной пошлины резидентам Дальнего Востока России с импортируемых товаров, используемых в производстве экспортируемых конечных продуктов, причем данную практику следует распространить также на реэкспортные операции⁵. Для снижения требований к получаемым кредитам также возможно отменить

¹ Подробно: Aid for Trade at a Glance 2019: Economic Diversification and Empowerment / OECD; WTO. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <https://www.oecd.org/development/aid-for-trade-at-a-glance-22234411.htm> (дата обращения: октябрь 2020).

² Подробно: Handbook of International Trade and Transportation / Ed. by B.A. Blonigen, P.H. Knight, W. Wilson. Edward Elgar Publishing, 2018. 720 p.; Martincus C.V., Carballo J., Gallo A. The Impact of Export Promotion Institutions on Trade: Is It the Intensive or the Extensive Margin? // Applied Economics Letters. 2011. Vol. 18. Issue 2. Pp. 127–132; Uribe-Etxeberria A.M., Silvente F.R. The Intensive and Extensive Margins of Trade: Decomposing Exports Growth Differences Across Spanish Regions // Investigaciones Regionales. 2012. Vol. 53. Pp. 53–76.

³ Fernandes A.M., Klenow P.J., Meleshchuk S., Pierola M.D., Rodriguez-Clare A. The Intensive Margin in Trade / World Bank Group. Policy Research Working Paper No. 8625. 2018. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/640381540579001233/The-Intensive-Margin-in-Trade> (дата обращения: октябрь 2020).

⁴ Belloc M., Di Maio M. Survey of the Literature on Successful Strategies and Practices for Export Promotion by Developing Countries / IGC. Working Paper 11/0248. 2011. URL: <https://www.theigc.org/wp-content/uploads/2011/06/Belloc-Di-Maio-2011-Working-Paper.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁵ В данном случае речь идет о расширенном применении таможенной процедуры свободной таможенной зоны ЕАЭС.

предоплату импортной пошлины для экспортирующих фирм, а для фирм-резидентов – упростить регулирование, связанное с экспортом товаров.

Дополнительные меры государственной политики по стимулированию экспорта из Дальнего Востока могут быть отражены в прямых и косвенных мерах, которые могут сводиться в первом случае – к кредитованию экспортного сектора, во втором – к получению услуг со стороны специализированных агентств, которые, наряду с механизмами косвенной поддержки экспорта на региональном уровне, могут способствовать расширению географии внешних поставок, распространяя информацию об иностранных рынках и отечественных экспортерах более масштабно.

Для интенсификации взаимодействий с зарубежными рынками возможна выдача целевых кредитов, их гарантирование и страхование для предприятий-экспортеров Дальнего Востока с целью расширения экспорта продукции¹. Как правило, финансовая поддержка экспорта в России доступна только крупнейшим компаниям с государственным участием. На региональном уровне, при исключении крупнейших предприятий федерального значения, доступ к финансовым инструментам является крайне затруднительным, а вовлеченность предприятий малого и среднего бизнеса в систему федеральной поддержки экспорта является незначительной. Поэтому для стимулирования экспортных поставок возможно выделение целевой квоты для предприятий Дальнего Востока с точки зрения предоставления экспортных кредитов уполномоченными российскими банками, а также соответствующих услуг, связанных с их страхованием. Финансовая поддержка может быть распространена на экспортирующие предприятия малого и среднего бизнеса Дальнего Востока как прямая мера стимулирования их экспортных поставок.

Для расширения экспорта могут быть использованы услуги специальных агентств по продвижению дальневосточной продукции на зарубежных рынках². Для решения задачи по увеличению масштабов экспорта дальневосточными предприятиями требуется предоставление услуг, связанных с продвижением продукции из Дальнего Востока на зарубежных рынках со стороны специальных агентств по продвижению экспорта, одной из главных задач которых является географическая и товарная диверсификация экспортных поставок. Мировой опыт показал, что специальные агентства по продвижению отечественных товаров на зарубежных рынках оказывали позитивное влияние на интенсивную и экстенсивную

¹ В России гарантирование экспортных операций осуществляется Внешэкономбанком, а ЗАО «Росэксимбанк» исполняет функцию агента Правительства России в сфере осуществления государственной гарантийной поддержки продукции российских экспортеров, предоставляя гарантии на покрытие экспортных операций. Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций страхует экспортеров от риска неплатежа иностранным покупателем по кредитам и поставкам. В России выдачу экспортных кредитов осуществляют Росэксимбанк, Банк ВТБ и Сбербанк.

² Федеральные органы власти и управления Дальнего Востока не обосновывают необходимость освоения рынков в АТР для экспорта дальневосточной продукции и не аргументируют возможность заполнения новых товарных ниш на рынке АТР.

составляющую экспорта, являясь одним из распространенных косвенных инструментов государственной политики по расширению экспортных потоков¹. Для расширения присутствия дальневосточной продукции на зарубежных рынках могут потребоваться также совместные усилия агентств по продвижению экспорта с торговыми представительствами России, что позволит улучшить сбор и распространение информации об иностранных рынках и требованиях к экспорту, в том числе за счет учета технических требований, предъявляемых к иностранным товарам, их стандартизации и сертификации на внешних рынках.

Несмотря на имеющиеся тактические преимущества, в долгосрочной перспективе подобного рода политика «борьбы» не способствует росту и развитию как национальной, так и макрорегиональной экономики, упуская выгоды от реализации ориентированной на экспорт модели, а также конкурентного выбора ключевых торгово-экономических партнеров. Тем не менее стратегия «неучастия» в интеграционных процессах АТР для России базируется как на эндогенных особенностях развития ее экономики и институтов, так и на экзогенной составляющей, связанной с несущественными тарифными барьерами для масштабного экспорта российских сырьевых товаров в страны-потребители. Данная стратегия, с одной стороны, приводит к очевидным негативным эффектам для России с точки зрения теории международной экономики, с другой – способствует сохранению сложившихся механизмов получения тарифной выручки для российского бюджета как с экспортных, так и с импортных потоков, при возможности применения механизмов ВТО для решения торговых споров. Оценки указали на несущественные текущие риски от подобного рода стратегии «борьбы» за сохранение барьеров со странами АТР для России в целом, однако для экономики Дальнего Востока данные риски имеют более серьезное значение, проявляясь в консервации и упрощении модели «ресурсного транзита», сдерживании построения открытой экономики, что отражается в снижении общего благосостояния, создании барьеров для товарной и географической диверсификации экспорта и сдерживании эффективного импорта, тенденции создания монополии для экспортируемых товаров. С этой точки зрения проявляется явный конфликт текущих целей между развитием макрорегиональной экономики с акцентом на ее открытость с одной стороны и поддержанием ее функционирования за счет внешних для Дальнего Востока отечественных государственных инвестиций, следуя стратегии «неучастия» России в интеграционных процессах в АТР, с другой стороны.

¹ Cruz M., Lederman D., Zoratto L. Anatomy and Impact of Export Promotion Agencies / Policy Research. Working Paper No. WPS 8470. Washington, DC: World Bank Group. 2018. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/565321528413945429/Anatomy-and-impact-of-export-promotion-agencies> (дата обращения: июль 2020).

7.2. Интеграция со странами АТР: преимущества и вызовы для национальной и дальневосточной экономики

В зависимости от наличия спроса на реализацию мер интеграционной политики в России как общего фона существования дальневосточного макрорегиона можно выделить как минимум два направления сближения экономики Дальнего Востока со странами АТР на основе разграничения процессов экономической кооперации и интеграции¹. Стратегия интеграции предполагает осуществление адаптационных мер, заключающихся в обоюдном частичном отказе от суверенной национальной политики ограничительных и запретительных мер во взаимодействиях с зарубежными странами / группами стран, с которыми осуществляется интеграция. Решение об интеграции с той или иной страной принимается на федеральном уровне, поэтому для Дальнего Востока, являющегося частью России, данное обстоятельство воспринимается по умолчанию, как изменение правил игры в национальной экономике в целом.

В перспективе нельзя исключать появление эндогенного спроса на интеграцию российской экономики с зарубежными странами и со странами АТР в частности, что неизбежно может способствовать расширению ее внешнеэкономических взаимодействий с субглобальной экономикой. Экономическая интеграция подразумевает устранение различного рода барьеров в рамках «лестницы интеграции», в том числе через механизмы торговых соглашений о свободной торговле, которые могут распространяться на привлечение факторов производства из зарубежных стран, в данном контексте – из стран АТР.

Отсутствие интеграционных мотивов у России в текущее время может в перспективе быть изменено ввиду нарастания проявлений скрытой дискриминации в АТР к странам, занимающим нейтральную позицию в интеграционных процессах. Интеграционные процессы в АТР, в которых Россия не участвует, опосредованно могут способствовать ослаблению товарной диверсификации российского экспорта на субглобальном рынке. Для России ситуация осложняется в связи с формированием барьеров, которые могут проявляться в ужесточении стандартов торгуемых товаров, традиционных для российского экспорта, что может способствовать замещению российской продукции товарами из стран, участвующих в торговых соглашениях.

Мотивами для стратегии интеграции России со странами АТР могут выступить следующие предпосылки: создание условий для поэтапного построения открытой экономики, способствуя экономическому росту; наличие политических и экономических оснований для сближения с крупным и близким субглобальным рынком для диверсификации географической структуры торгово-экономических отношений (*табл. 7.2*).

¹ Balassa B. Towards a Theory of Economic Integration // *Kyklos*. 1961. Vol. 14. Issue 1. P. 4–5.

Стратегия интеграции России со странами АТР (стратегия «адаптации»)

Положения стратегии	Россия	Дальний Восток
Мотивы	создание условий для построения открытой экономики; наличие экономических оснований для сближения с крупным и близким рынком, альтернативным ЕС; либерализация торговли – источник экономического роста	–
Эффекты (с точки зрения теории международной экономики)	превышение эффекта создания над эффектом отклонения торговли; увеличение общего благосостояния за счет эффективного импорта; рост излишков потребителей и производителей; увеличение объемов двусторонней торговли	увеличение общего благосостояния за счет эффективного импорта; рост объемов двусторонней торговли вследствие снижения эффекта границ
Преимущества	усиление эффекта глобализации от эффекта регионализации; повышение конкурентоспособности производителей; расширение товарной и географической диверсификации экспорта; избежание эффекта монополии; стимул для улучшения инвестиционного климата и создания ориентированной на экспорт экономики; сохранение положительного сальдо торгового баланса	повышение конкурентоспособности производителей; увеличение эффективного импорта; расширение товарной и географической диверсификации экспорта; избежание эффекта монополии; создание ориентированной на экспорт экономики
Экзогенные риски	политико-экономическое противостояние между Китаем и США; высокая степень гетерогенности стран АТР; необходимость стратегического выбора в случае «глубокой» интеграции; возможные контрмеры со стороны ЕС; санкционные риски	санкционные риски
Эндогенные риски	снижение тарифной выручки; увеличение конкуренции с дешевым импортом; опережающий рост импортных поставок по сравнению с экспортом; структурные ограничения по встраиванию в производственную кооперацию АТР; слабые институты; высокие риски	ужесточение конкуренции для импортозамещающих производств; снижение интенсивности взаимодействий с остальными российскими регионами

Источник: составлено автором.

В соответствии с ранее полученными оценками Россия имеет экономические основания для «поверхностной» интеграции со странами АТР, как с точки зрения механизма «расширения» торговых мегаформатов субглобальной экономики, так и с крупнейшими и территориально близкими странами СВА, что отражается в превышении эффекта создания над эффектом отклонения торговли, возможном увеличении общего благосостояния за счет расширения импортных поставок, а также излишков потребителей и производителей. В результате либерализации торговых взаимодействий России со странами АТР может произойти увеличение объемов двусторонней торговли, которая способна выступить источником роста для российской экономики. Для Дальнего Востока интеграция национальной экономики со странами АТР будет проявляться в росте объемов двусторонней торговли вследствие снижения эффекта границ, а также в увеличении общего благосостояния за счет эффективного импорта и в смещении интенсивности торговли в пользу близких стран субглобальной экономики. В случае создания условий для снижения инвестиционных рисков в национальной экономике сближение со странами АТР может привести к увеличению притока ПИИ на Дальний Восток.

Нивелирование барьеров, сдерживающих расширение торговых-экономических связей России с ведущими странами АТР, имеет мотивирующие преимущества. Россия с 2012 г. является полноправным членом ВТО, имея доступ к механизмам разрешения различного рода торговых споров, поэтому заключение ЗСТ со странами АТР, являющимися естественными торговыми партнерами, способно усилить имеющийся эффект от глобализации эффектом от регионализации. Торговая либерализация сама по себе может являться заметным источником для экономического роста, запуская механизмы отбора более успешных производителей, поэтому снижение торговых барьеров может способствовать повышению эффективности экономики, являясь одним из важных условий ее развития¹. В частности, опыт других стран, характеризующихся схожей с российской структурой экспорта, показывает, что снижение импортных пошлин способствует росту производительности промышленных предприятий². Поэтому преодоление институциональных и структурных проблем российской экономики невозможно без реализации политики открытости, которая может быть акцентированной в пользу той или иной субглобальной экономики, в том числе для целей диверсификации торгово-экономических отношений. Таким образом, сближение со странами АТР, как в рамках стратегии «адаптации», так и более активной реализации интеграционных мер, может способствовать повышению конкурентоспособности российских производителей, а также расширению товарной и географической диверсификации экспорта, что позволит избежать эффекта монополии со стороны некоторых стран, послужив стимулом для улучшения инвестиционного климата и построения ориентированной на экспорт экономики. Более того, оценки показали, что при сближении со странами АТР Россия сохранит положительное сальдо торгового баланса.

Другим аспектом проблематики последствий интеграции России со странами АТР является выбор направлений для сближения. Как показала оценка, Россия может осуществить сближение как на основе механизма «расширения» со странами ВРЭП и ВПТТП, так и в условиях «консолидации» с большинством стран АТР посредством создания двусторонних ЗСТ со странами – членами АТЭС. Во всех случаях Россия может получить положительные эффекты, особенно большие со странами АТЭС в целом.

Помимо возможности сближения с группами стран АТР, с точки зрения территориальной близости, размера экономики и потока двусторонней торговли имеются основания для «поверхностной» интеграции России с Китаем. Причем по сравнению с другими странами АТР, взаимное снижение барьеров в торговле ме-

¹ Подробно: Волчкова Н.А, Турдыева Н.А. Микроэкономика российского импортозамещения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4 (32). С. 145; Кадочников П., Кнобель А., Синельников-Мурылев С. Открытость российской экономики как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2016. № 12. С. 26–42.

² Pavcnik N. Trade Liberalization, Exit, and Productivity Improvements: Evidence from Chilean Plants // The Review of Economic Studies. 2002. Vol. 69. Issue 1. Pp. 245–276.

жду Россией и КНР является более мотивирующим для двух сторон. Для России может усилиться зависимость от китайского рынка, сужая географическую диверсификацию российского экспорта. Однако в рамках интеграционного сценария для России проблема монополии со стороны китайского рынка имеет несколько другой аспект. В данном случае она сводится к монополии с несколькими провинциями Китая. Поскольку основной вектор интенсификации российских внешнеэкономических взаимодействий со странами АТР смещается в пользу КНР, России необходимо предпринять усилия для достижения широкомасштабного доступа отечественных экспортеров на китайский рынок, который, в отличие от Республики Корея и Японии, имеет более сложную пространственную конфигурацию. Как показала ранее полученная оценка¹, барьеры, сдерживающие доступ российской продукции на рынки китайских регионов, в адвалорном эквиваленте были выше, чем для других зарубежных стран даже в случае сопоставимой номенклатуры поставок, так как экспорт из России концентрируется только в нескольких регионах Китая, в связи с чем формируется эффект монополии, который как раз и проявляется как формирование барьеров в форме существования посреднических структур, расположенных в ряде провинций КНР, осуществляющих контроль над потоками российских товаров, поступающих на китайскую территорию. С этой точки зрения, в рамках российско-китайской интеграции Россия может закрепить условия безбарьерного доступа к внутреннему китайскому рынку, в результате чего российские поставщики могут диверсифицировать поставки товаров в другие регионы Китая с целью обхода посредников и самостоятельного освоения новых региональных рынков сбыта в данной крупной и близкой экономике. При этом, безусловно, общий вектор интенсификации экономических взаимодействий с китайской экономикой для России не должен сводиться к свертыванию других направлений для расширения торгово-экономического сотрудничества в АТР.

Для открытой экономики Дальнего Востока интеграция России со странами АТР может увеличить эффективный импорт и положительно повлиять на конкурентоспособность производителей, прежде всего ориентированных на экспорт. Данное обстоятельство будет способствовать расширению товарной и географической диверсификации экспорта, избеганию эффекта монополии со стороны некоторых провинций КНР и созданию ориентированной на экспорт макрорегиональной экономики. В рамках данного подхода Дальний Восток может стать активным «модулем» двустороннего сотрудничества России со странами АТР. В этом случае также возможно избежать конфликта в текущих целях развития макрорегиональной экономики с акцентом на ее открытость.

¹ Izotov D.A. Trade Barriers between Chinese Provinces and Russia // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. Issue 2. Pp. 233–246.

Исходя из вышеизложенного, возможно рассмотреть, как минимум, два варианта развития событий сближения России со странами / группами стран АТР, заключающихся в реализации «поверхностной» и «глубокой» интеграции.

В соответствии с реализацией «поверхностной» интеграции России со странами АТР, подразумевающей обоюдное нивелирование тарифных и части нетарифных барьеров, можно ожидать товарной и географической диверсификации как импортных, так и экспортных потоков России¹. В результате этого внешнеторговый товарооборот России с АТР увеличится, главным образом за счет импорта. При этом может быть достигнута диверсификация внешнеторгового товарооборота как между странами-партнерами России, так и в рамках товарных групп российского сырьевого экспорта, а также импортируемых из АТР товаров потребительского и инвестиционного назначения. В этом случае чрезвычайно важно избежать предела интеграционных стратегий с АТР сближением сугубо с китайской экономикой без широкого доступа к внутреннему рынку КНР. При ограничении интеграционного процесса исключительно китайским направлением, без существенного снижения барьеров с регионами КНР Россия рискует сохранить инерционную структуру внешней торговли.

Роль торговли с зарубежными странами, со странами АТР в частности, для дальневосточных регионов является важным элементом функционирования их экономик. Учитывая открытый характер экономики Дальнего Востока, обоюдное снижение барьеров в торгово-экономических взаимодействиях со странами АТР может выступить в качестве дополнительного источника ее роста. Торговля макрорегиона может быть интенсифицирована со странами АТР при возможном снижении интенсивности торговых взаимосвязей с остальными регионами России. При этом по причине функционирования механизмов единого национального экономического пространства интенсивность торговли Дальнего Востока со странами АТР будет меньше, чем с отечественным рынком. Увеличение поставок товаров из АТР на российский рынок, ввиду отсутствия тарифных и части нетарифных барьеров, помимо роста эффекта благосостояния также может способствовать росту транзита импорта через территорию Дальнего Востока в остальные регионы России. Как и для России в целом, нивелирование тарифных барьеров со странами АТР может способствовать как географической, так и товарной диверсификации экспортных и импортных потоков Дальнего Востока, препятствуя проявлению монополии.

«Глубокая» интеграция подразумевает более широкий охват рынков, в частности, услуг, технологий, капитала и труда, а также последующее снижение барьеров, генерируемых внутренней экономической политикой или внутренними институтами. В АТР существующие ЗСТ в расширенном формате охватывают пре-

¹ Изотов Д.А. Россия-АТР: перспективы либерализации торговли // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 5. С. 67–78; Izotov D.A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries // *Studies on Russian Economic Development*. 2017. Vol. 28. Issue 3. Pp. 338–345.

имущественно рынки товаров и услуг, а также частично рынки капитала и технологий, увязывая интеграционный процесс с нивелированием тарифных барьеров и нетарифных ограничений. Помимо некоторых заключенных в АТР двусторонних ЗСТ в расширенном формате, более «глубокая» интеграция¹ в субглобальной экономике, связанная с трансформацией внутренней экономической и прочей политики, а также с частичным охватом рынка труда, оговаривается только в рамках мегаформата ВПТТП, который включает ограниченное число стран АТР. ВРЭП, в отличие от ВПТТП, заключен в менее требовательном формате «поверхностной» интеграции. В свою очередь, создание мегаформата с более «глубокой» степенью интеграции между странами-участницами, при условии возвращения США в данный формат, способно запустить механизм дуализма в АТР², а также созданию обособленного торгово-экономического блока с точки зрения структурных характеристик интеграционного процесса, что может привести к качественному разграничению между группами экономик в АТР.

Фактически «глубокая» интеграция с развитыми экономиками означает проведение ряда реформ в национальной экономике для снижения рисков ведения экономической деятельности и, соответственно, улучшения инвестиционного климата и общей открытости в рамках практик «современного регионализма». Данное обстоятельство способствует формированию открытой, экспортно ориентированной модели развития для национальных экономик. Для соответствия мерам «глубокой» интеграции России необходимо как минимум соблюдение общих правил игры в рамках глобальной экономической системы и в АТР.

Другим аспектом является то, что страны с формирующимися правовыми системами, к которым относится Россия, страдают от более высоких издержек в тех секторах, где важны договорные отношения, связанные с доверием, что требует реформирования внутренних институтов для безболезненного перехода к более «глубоким» формам интеграции. Как было ранее отмечено, страны с более качественными институтами обеспечения исполнения контрактов относительно много экспортируют продукции отраслей со сравнительно высокими долями факторов, использование которых происходит в рамках контрактных отношений³. Возможно, это обстоятельство также препятствует крупным и более сложным экономикам Дальнего Востока расширять торговое сотрудничество с зарубежными странами. При этом, несмотря на единое национальное экономическое и институциональное пространство, сохранение застойной конструкции региональных экономик в условиях отсутствия тесной привязки к глобальным и субглобальным

¹ Следует заметить также, что «глубокая» интеграция между странами АТР может наблюдаться при уже существующих несущественных взаимных тарифных барьерах и нетарифных ограничениях.

² Экономическое и политическое противостояние между КНР и США. Китай в процессе «глубокой» интеграции в АТР не участвует по причине неготовности осуществлять институциональные преобразования.

³ Подробно: Nunn N. Relationship-Specificity, Incomplete Contracts and the Pattern of Trade // *Quarterly Journal of Economics*. 2007. Vol. 122. Issue 2. Pp. 569–600; Levchenko A.A. Institutional Quality and International Trade // *The Review of Economic Studies*. 2007. Vol. 74. Issue 3. Pp. 791–819.

рынкам технологий и капитала, а также высокие риски, связанные с системой хозяйствования, низким качеством администрирования и правоприменения, существенно сдерживают развитие экономики Дальнего Востока.

В идеальном варианте, применительно к России и к Дальнему Востоку в частности, для реализации открытой модели экономического развития, в рамках которой возможно появление спроса на «глубокие» формы интеграции, будут необходимы меры, связанные: со снижением рисков правоприменения, а также с нивелированием институциональных и тарифных барьеров при взаимодействии с зарубежными странами; с развитием ориентированной на экспорт модели при минимизации практик импортозамещения; с созданием ЗСТ+ с крупнейшими и территориально близкими экономиками, к которым могут быть отнесены страны и группы стран, расположенные в СВА. С точки зрения мер государственной политики в этом случае может быть осуществлено: стратегическое сотрудничество между государственным и частным секторами, что может свести к минимуму затрачивание ресурсов и снизить опасность воздействия групп лоббирования внутри страны и возникновения деятельности по извлечению ренты; взаимодополнение между институтами и мерами государственной политики, поскольку государственная политика может оказывать влияние на показатели экспорта либо с помощью набора инструментов политики, оказывающих прямое влияние на внешнюю торговлю, либо опосредованное, на основе набора мер, оказывающих влияние на другие аспекты экономических систем. Перечисленные меры государственной политики нельзя рассматривать изолированно, поскольку экономический и институциональный контексты крайне важны в стимулировании экспорта¹. Безусловно, в этом случае появление заметных результатов может быть обнаружено в долгосрочном периоде, что особенно касается привлечения ПИИ в рамках интеграционных процессов².

К числу экзогенных рисков интеграции России со странами АТР можно отнести политико-экономическое противостояние между Китаем и США. В случае российско-китайского экономического сближения, помимо имеющихся положительных эффектов, Россия может столкнуться с активным проникновением китайских компаний на рынок ЕАЭС. Причем преимущества могут получить аффилированные с государственным сектором компании КНР. В таких условиях для России возникает необходимость стратегического выбора с точки зрения гармонизации технических стандартов с КНР, а подобное сближение может вызвать контрмеры со стороны ЕС и США. Другим экзогенным вызовом является высокая степень гетерогенности стран АТР, что существенно сужает получение видимых торгово-экономических

¹ Belloc M., Di Maio M. Survey of the Literature on Successful Strategies and Practices for Export Promotion by Developing Countries / IGC. Working Paper 11/0248. 2011. URL: <https://www.theigc.org/wp-content/uploads/2011/06/Belloc-Di-Maio-2011-Working-Paper.pdf> (дата обращения: июль 2020).

² См., например: Kreinin M.E., Plummer M.G. Effects of Regional Integration on FDI: An Empirical Approach // Journal of Asian Economics. 2008. Vol. 19. Issue 5–6. Pp. 447–454.

эффектов для России при интеграции лишь с несколькими странами субглобальной экономики.

Следует заметить, что в данном контексте особо сложными для идентификации являются дальнейшие перспективы проявления для российской экономики последствий вводимых пакетов санкционных ограничений, которые применяются к России с 2014 г. со стороны большинства развитых экономик мира. Процессы, способствующие интеграции России с АТР, могут быть блокированы продолжающимися и расширяющимися санкционными рисками по отношению к российской экономике со стороны ведущих стран мира, к числу которых могут присоединиться и прочие страны. Важность этого аспекта заключается в том, что данные ограничения уже задействуются по отношению к традиционным экспортным отраслям российской экономики в целом¹ и дальневосточной в частности (проект Сахалин-3²). В перспективе это может ограничить возможности для привлечения иностранных инвесторов, а также осуществления широкомасштабного импорта технологий, в том числе для более рационального производства экспортных сырьевых товаров. При ужесточении санкционного давления со стороны экономически развитых стран для российской экономики может значительно сузиться пространство для маневра с точки зрения перспектив диверсификации рынков сбыта традиционных экспортных товаров, а также поставщиков технологически важного импорта. В этой связи для России возрастают риски для привлечения прямых капиталовложений из-за рубежа и снижаются стимулы для получения эффектов от обучения, что в перспективе не будет способствовать повышению качества управления и человеческого капитала³ как в России в целом, так и в регионах Дальнего Востока в частности.

Эндогенные риски от либерализации торговли для России в целом заключаются в снижении тарифной выручки, в первую очередь с точки зрения обложения импортных потоков. Соответственно, доступный импорт увеличит ценовое давление на импортозамещающие производства, особенно в рамках относительно закрытого торгового блока ЕАЭС. Данное обстоятельство в среднесрочной перспективе способно вызвать опережающий рост импортных поставок по сравнению с экспортом, что может привести к сокращению численности занятых на ряде предприятий. К эндогенным рискам можно отнести структурные ограничения российской экономики в целом и дальневосточной в частности по встраиванию в производственную кооперацию Восточной Азии. Слабые институты и высокие риски для

¹ Astrasheuskaya N. US and EU Sanctions Take Toll on Russian Oil and Gas Exploration // Financial Times. 2019. 11 November. URL: <https://www.ft.com/content/d255fa46-ee9e-11e9-a55a-30afa498db1b> (дата обращения: июль 2020).

² Старинская Г., Серов М. США ввели санкции против крупнейшего месторождения «Газпрома» на шельфе // Ведомости. 2015. 9 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/08/10/604099-ssha-vveli-sanktsii-protiv-krupneishego-mestorozhdeniya-gazproma-shelfe> (дата обращения: октябрь 2020).

³ Некоторые исследователи основные риски долгосрочного развития российской экономики связывают со снижением качества человеческого капитала. Подробно: Королев И.С. Неопределенность мирового экономического развития: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 4. С. 6.

инвестирования в России могут существенно ограничить положительные эффекты от интеграции со странами АТР. Ввиду ужесточения конкуренции возведенных импортозамещающих производств в макрорегионе с доступным и более эффективным импортом, а также по причине снижения интенсивности взаимодействий Дальнего Востока с остальными российскими регионами в пользу близлежащих стран субглобальной экономики, расширение торгово-экономических интеграционных связей с АТР может быть политически неприемлемым в текущих условиях для России.

Таким образом, с точки зрения соотношения для России эффектов стратегий «неучастия» («борьбы») и «участия» (в том числе «адаптации») в интеграционных процессах в АТР можно зафиксировать следующие выводы.

Во-первых, стратегия «неучастия» России в интеграции в АТР имеет главным образом эндогенные политические мотивы, заключающиеся в нежелании сокращать текущие доходы государственного бюджета, а также в реализации мер безопасности для поддержки производителей, осуществляющих импортозамещение. Однако оценки показали, что данная стратегия «борьбы», во-первых, генерирует негативные эффекты с точки зрения теории международной торговли, и, во-вторых, способна привести к постепенному замещению российской продукции на субглобальном рынке, не способствуя ее товарной и географической диверсификации. Текущая устойчивость стратегии «борьбы» для России выполняется в условиях массового вывоза российских сырьевых товаров в близлежащие страны АТР, в результате чего дискриминационные меры для российского экспорта не проявляются в явном виде по причине относительно больших масштабов данного товарного потока и территориальной близости к странам СВА, поскольку стратегия «неучастия» в интеграции не отменяет возможностей расширения масштабов экономической кооперации с субглобальной экономикой.

Во-вторых, стратегия интеграции России со странами АТР имеет большие экономические преимущества по сравнению со стратегией «борьбы», поскольку характеризуется проявлением общих положительных эффектов для национальной экономики, а также генерированием стимулов для улучшения инвестиционного климата и созданием экспортно ориентированной экономики. При этом может наблюдаться текущее снижение доходов государственного бюджета и увеличение конкуренции с импортом. Оценка показала, что стратегия «консолидации» в интеграции со странами АТЭС может генерировать наибольшие положительные эффекты для российской экономики. При этом основная дилемма для России может быть связана с диверсификацией эффектов при создании интеграционных форматов как со странами ВРЭП, так и с ВПТТП. В соответствии с полученными оценками Россия также имеет экономические основания создать ЗСТ с Китаем в рамках «поверхностной» интеграции, причем принципиальным моментом будет являться преодоление российскими экспортерами межпровинциальных барьеров

КНР. Положительные изменения в дальневосточной экономике могут быть связаны со снижением инвестиционных рисков на основе формирования сильных институтов в национальной экономике, в условиях либерализации внешней торговли, в том числе с крупнейшими для макрорегиона рынками – странами АТР.

В итоге текущая модель интеграции России в АТР проявляется в крайне ограниченном снижении барьеров со странами субглобальной экономики, расширяя масштабы модели «ресурсного транзита» для Дальнего Востока. Полученные оценки и проведенный анализ указали на ограниченность такой модели для построения открытой экономики на Дальнем Востоке, ориентированной на экспорт. Для Дальнего Востока стратегия «неучастия» России в интеграционных процессах АТР означает сужение потенциальных возможностей экономического развития, что способно привести к сравнительно более очевидным негативным эффектам, чем для России в целом, сдерживая построение открытой макрорегиональной экономики. Наибольшей проблемой для Дальнего Востока является текущее сдерживание внешнеэкономической открытости по отношению к близлежащим странам АТР, интенсификация взаимодействий с которыми способна обеспечить эффективное функционирование макрорегиональной экономики.

При этом реальными потерями «интеграционной игры» для Дальнего Востока могут стать ужесточение конкуренции за потребителя между продукцией импортозамещающих производств и импортными товарами, относительное снижение интенсивности торгово-экономических взаимодействий с остальными российскими регионами. Санкционное давление со стороны большинства развитых стран мира способно нивелировать выгоды от либерализации торгово-экономических взаимоотношений. Тем не менее интеграция России со странами АТР для Дальнего Востока может способствовать как географической, так и товарной диверсификации экспортных и импортных потоков, препятствуя проявлению монополии. Особое позитивное значение для экономики Дальнего Востока может иметь нивелирование институциональных барьеров во взаимодействиях с близлежащими странами СВА как с наиболее крупными и близкими экономиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе показаны общие и особенные этапы интеграционных процессов в глобальной экономике и в АТР с точки зрения распространения практик «современного регионализма». Данные практики основываются на примате экономических мотивов в интеграции над политическими. Ключевое значение в таких условиях для сохранения достигнутого уровня торговой либерализации в глобальной экономике имеют механизмы ВТО, опираясь на которые, происходит дальнейшее нивелирование барьеров в рамках модели «нелинейной интеграции», а также попытки создания торговых мегаформатов. Наряду с рисками появления фрагментации и наращивания торгового протекционизма, интеграционные процессы в мире за последние три десятилетия способствовали в целом снижению тарифных и части нетарифных барьеров во взаимодействиях между странами, в целом свидетельствуя о гибкости глобальной торговой системы и ее дальнейшем развитии.

Механизмы международной экономической интеграции определяются субъектами, предъявляющими спрос на интеграцию, что преимущественно объясняется концепциями «политических рынков», а также исходными условиями для интеграции, характеризующимися функционированием институтов, гравитационными составляющими торгово-экономических взаимодействий, в том числе различными барьерами и издержками. В рамках «современного регионализма» механизмы интеграции объясняются главным образом эндогенными процессами, имеющими в своей основе, помимо экономических мотивов субъектов рынка, также политические и институциональные ограничения, что подчеркивает их междисциплинарный характер, охватывая следующие элементы интеграционного процесса: принятие решения о свободной торговле правительствами; процесс разработки и заключения торгового соглашения; возникновение новых интеграционных форм; создание крупных торговых форматов; сближение внутренних мер регулирования между осуществляющими интеграцию странами и сопряжение институциональных и структурных особенностей стран, а также интеграционный процесс в рамках отраслевых рынков.

Для оценки результативности интеграции, в том числе перспективной, выделяют распределительные и кумулятивные эффекты интеграции. На основе распределительных эффектов возможно оценить необходимые экономические условия для создания интеграционного объединения между странами, притом, что кумулятивные эффекты интеграции предсказать довольно сложно из-за высокой степени неопределенности процессов в глобальной экономике в долгосрочной перспективе. Оценки эффектов интеграции в подавляющем большинстве исследований строятся на основе гравитационных моделей, а также моделей частичного и общего равновесия.

Полученные оценки подтвердили тот факт, что интеграционные процессы в АТР действительно оказывали положительное влияние на торговлю стран АТР, заключивших торговые соглашения, генерируя для них эффект создания торговли, а эффект от глобализации способствовал увеличению общего эффекта от интеграции в АТР. Для стран АТР, осуществляющих пролиферацию торговых соглашений, эффект от регионализации превалировал над эффектом от глобализации, а эффект «чаши спагетти» оказывал несущественное воздействие на торговлю таких стран АТР, объясняя, таким образом, практику увеличения количества зон свободной торговли в субглобальной экономике, которая, в свою очередь, проявлялась в эффекте домино. Поэтому одной из результативных стратегий по расширению торговли со странами АТР являлось заключение торговых соглашений с широким по охвату числом этих стран, поскольку только в этом случае общий эффект от интеграции был мультиплицирован больше за счет реализуемых торговых соглашений, а не глобализации. В свою очередь, экономики, не усиливающие либерализацию торговых взаимоотношений со странами АТР за счет расширения географии заключенных торговых соглашений, сталкиваются со скрытой дискриминацией в АТР. При этом принципиальным моментом, по всей видимости, является качество заключенных торговых соглашений, от которого зависят непосредственные эффекты торговой интеграции в АТР, поскольку в рамках Восточной макрзоны АТР положительные эффекты от глобализации компенсировали в целом неоднозначное влияние эффектов от регионализации.

Интеграционные процессы и экономические взаимодействия в АТР имеют свои особенности. Заметные результаты расширения торгово-экономических связей между ключевыми странами АТР стали возможны за счет увеличения отдачи от масштаба в условиях снижения издержек и нивелирования ограничений и изоляции в связи с процессами глобализации и регионализации. Притом, что в АТР имелся скрытый потенциал для увеличения торговых барьеров, заключение торговых соглашений между странами АТР было массовым. Поэтому между странами АТР было заключено большинство ЗСТ+ в мире, что способствовало обсуждению создания торговых мегаформатов в субглобальной экономике: ТТП, ВПТТП, ВРЭП и АТЭС.

Несмотря на потенциальные выгоды от расширения торговой интеграции в субглобальной экономике, имеется ряд вызовов, препятствующих сближению экономических систем в АТР: слабо прогнозируемая политика администрации США; неготовность руководства ряда стран АТР осуществлять глубокие структурные и институциональные преобразования в экономике; конкурентный выбор форматов торговых взаимодействий; американо-китайское противостояние. Создание мегаформатов в АТР, способных в сжатые сроки абсорбировать многочисленные торговые соглашения в субглобальной экономике, сталкивается с принципиальными разногласиями между потенциальными странами-участницами. Тем не менее за-

ключение различных торговых форматов, с одной стороны, генерирует процесс системной фрагментации в АТР, с другой – создает условия для дальнейшей либерализации торговли, с точки зрения снижения нетарифных барьеров, в какой-то мере дополняя функции ВТО. В перспективе сближение экономик АТР за счет снижения барьеров во взаимодействиях может создать условия для: быстрого экономического роста ряда стран АТР с последующим достижением ими уровня развитых стран; расхождения между интегрированными в торгово-экономические форматы странами и странами, развивающимися в условиях периферийной автаркии.

Анализ показал, что внутренние ограничения, генерирующие скромное участие России в интеграционных процессах АТР, могут объясняться особенностями функционирования российской экономики. Во-первых, с точки зрения нивелирования различного рода барьеров, процесс открытия внутреннего рынка встречает эндогенное сопротивление, а в торговых взаимоотношениях России с целым рядом ведущих стран мира стало проявляться нарастание нетарифных барьеров, в том числе по внеэкономическим причинам. Во-вторых, значительные объемы чистого экспорта замещают предполагаемые положительные эффекты от возможной интеграции России с глобальной и с крупными и близкими субглобальными экономиками, создавая условия для реализации инерционных и политически обусловленных форматов интеграции с некоторыми странами СНГ, размер экономик которых суммарно на порядок меньше, чем российская экономика. В-третьих, Россия относится к числу стран с высокими рисками для ведения экономической деятельности, что объясняет сложившуюся динамику и структуру ПИИ, представленных главным образом «фиктивными» инвестициями, а также специфику ее взаимодействия с глобальным рынком труда.

Для России объективно возникла необходимость диверсификации внешней торговли в пользу стран и объединений, заинтересованных в поставках отечественной продукции и предлагающих товары, удовлетворяющие российский потребительский и инвестиционный спрос. Ввиду отсутствия явного прогресса во взаимоотношениях со странами ЕС с первой половины 2010-х гг. обсуждается реализация стратегии интенсификации внешней политики России в направлении стран АТР, т. е. так называемый поворот России на Восток.

На текущий момент со стороны России были подписаны соглашения о создании ЗСТ с двумя странами АТР – Вьетнамом и Сингапуром, несмотря на то, что доля России в товарообороте крупнейших экономик АТР заметна только с территориально близкими странами Большой тройки США.

За последние два десятилетия особенно заметным является расширение масштабов торгово-экономических взаимодействий России с КНР при усилении заинтересованности двух сторон в дальнейшем развитии и углублении стратегического партнерства друг с другом, координации совместных действий в решении

разнообразных глобальных проблем. Китай быстро занял ведущее место среди стран – торговых партнеров России, существенно нарастив свой экспорт по целому ряду товарных групп, в том числе благодаря продукции предприятий глобального бизнеса, размещенных на китайской территории. Россия является одним из основных поставщиков на китайский рынок продукции топливно-энергетического комплекса, причем объемы и доля ввоза в КНР данных товаров имели тенденцию к увеличению. Оценка показала, что при возможном создании ЗСТ между Россией и КНР эффект создания торговли превысит эффект отклонения, а также общий торговый эффект будет выше потерь тарифной выручки, что указывает на ее возможную результативность.

Существующие тенденции экономического сближения России и Китая позволили предположить, что данный процесс продолжится и в будущем. В этом случае, наряду с увеличением двустороннего товарооборота и в последующем импорта капитала из Китая, российская экономика рискует сохранить инерционную структуру торговых взаимодействий, все в большей мере испытывая негативные эффекты от монополии, связанной с привязкой к китайскому рынку, а также от последующего замедления экономики КНР. Однако в случае расширения торгово-экономических отношений России с КНР принципиальным моментом будет являться доступ российских экспортеров к китайскому рынку, который имеет сложную пространственную конфигурацию, поскольку барьеры, сдерживающие доступ российской продукции на рынки китайских регионов, в адвалорном эквиваленте были выше, чем для других зарубежных стран, так как экспорт из России концентрируется только в нескольких регионах Китая, в связи с чем формируется эффект монополии.

Помимо естественного тяготения российской экономики к китайской, внешние ограничения для России в перспективе могут быть связаны с тем, что за счет взаимного снижения торговых и неторговых барьеров в АТР могут быть созданы с высоким уровнем самодостаточности крупнейшие в мире торгово-экономические объединения, характеризующиеся тесными технологическими, институциональными и структурными взаимодействиями стран, в них входящих. Возможно, экономики стран, не присоединившихся к торгово-экономическим форматам АТР и не создавших с ними ЗСТ, будут испытывать дискриминацию на рынке АТР, сталкиваясь с высокими барьерами во взаимодействиях. С этой точки зрения России необходимо изучить возможности для расширения участия в интеграционных процессах в АТР, в том числе с целью создания условий для роста национальной экономики. В подтверждение этого исследование показало, что, несмотря на небольшое отрицательное воздействие на российский экспорт в случае «неучастия» России в мегаформатах АТР, конкурентоспособность российской продукции на рынке субглобальной экономики может снизиться в рамках следующих товарных групп: продовольственная продукция, продукция химической промышленности,

металлургии и машиностроения. Фактически данное обстоятельство указывает на то, что интеграционные процессы в АТР опосредованно будут способствовать ослаблению продуктовой диверсификации экспорта из России на рынке субглобальной экономики, смещая его в сторону поставок топливно-энергетических товаров. Несмотря на сравнительно небольшое возможное сокращение экспорта из России в страны АТР в среднесрочной перспективе в рамках рассмотренных конфигураций торговых мегаформатов субглобальной экономики, в долгосрочном периоде может наблюдаться накопление рисков для продвижения российской продукции на рынке АТР в разрезе представленных товарных групп.

Россия характеризуется наличием необходимых условий для успешной интеграции со странами АТР во избежание возможных отрицательных последствий изоляции. Оценка показала, что при взаимной либерализации торговли России с рассматриваемыми группами стран АТР (ВРЭП, ВПТТП+США, ТТП+, а также АТЭС) эффект создания превысит эффект отклонения торговли, что указывает на потенциальную обоюдную результативность создания зоны свободной торговли. Общий торговый эффект от сближения для России и стран ВРЭП и ТТП+ будет сопоставимым. На основе полученных оценок эффектов создания и отклонения торговли можно предполагать, что страны ВРЭП будут больше заинтересованы в наращивании закупок российской продукции, и, соответственно, больше мотивированными в создании тесных торгово-экономических отношений с Россией, чем страны ВПТТП+США и ТТП+. Создание ЗСТ между Россией и группой стран АТЭС, в которую входит большинство стран АТР, может сгенерировать для российской экономики более высокие значения эффекта создания и эффекта отклонения торговли по сравнению с ВРЭП, ВПТТП+США и ТТП в расширенном формате, что указывает на необходимость заключения торговых соглашений России с широким по охвату числом стран АТР.

За последние два десятилетия доля стран АТР в товарообороте России с внешним миром значительно возросла, а для регионов Дальнего Востока России страны АТР являются крупнейшими торговыми партнерами при видимых различиях в структуре торговли, при этом тенденция увеличения товарооборота макрорегиона со странами субглобальной экономики, вероятно, является долгосрочной. Дальний Восток может выступить в качестве «оператора» расширения торгово-экономических взаимодействий российской экономики со странами АТР, став активным «модулем» расширения двустороннего сотрудничества и возможного процесса интеграции.

Регионы Дальнего Востока, имеющие протяженную морскую и сухопутную границы со странами АТР, могут стать главными «проводниками» успешного вхождения России в АТР. Развитие Дальнего Востока видится не только на основе инерционного развития экспорта природных ресурсов и эксплуатации транзитного коридора со странами АТР, поскольку дальневосточные регионы неизбежно будут

втягиваться в орбиту экономического влияния АТР, и в этой связи важно проведение такой политики и создание такой структуры экономики, которые позволяли бы извлекать максимум выгоды от этих взаимодействий.

За последние годы внимание руководства России приковано к решению социально-экономических проблем Дальнего Востока – образованы новые федеральные органы власти и управления макрорегионом, реализующие стратегические решения, которые, согласно декларациям, способны сформировать новые институциональные условия для обеспечения ускоренного развития экономики, улучшения социально-демографической ситуации, привлечения и закрепления населения, развития инфраструктуры и улучшения инвестиционного климата региона, а также кооперации экономик дальневосточных регионов со странами АТР. Действительно, страны АТР для Дальнего Востока России являются крупнейшими торговыми партнерами, а двустороннему сближению, помимо смягчения волатильности различных экономических параметров, могло бы способствовать обоюдное нивелирование различного рода барьеров, сдерживающих взаимодействия.

Структурные проблемы остры как для всей российской экономики, так и для экономики Дальнего Востока. Узкий внутренний спрос, специфика структуры экономики, зависимость отраслей специализации от внешней конъюнктуры, от взаимоотношений с федеральным центром и государственными корпорациями определяют экономическое развитие макрорегиона. Возможности по ведению бизнеса на Дальнем Востоке в существующих институциональных и конъюнктурных условиях ограничены. Значительное снижение доходов от природной ренты только обозначило существующие серьезные структурные и институциональные проблемы в экономическом развитии как страны в целом, так и Дальнего Востока. На этом фоне для Дальнего Востока перспектива стала видеться в создании возможностей и условий для использования его потенциала за счет реализации ряда стратегических решений. При этом, однако, не был принят во внимание опыт стран с высокой природной рентой в экономике и высокими рисками для ведения бизнеса, поскольку структурные и институциональные особенности налагают существенные ограничения на использование целого ряда инструментов государственного вмешательства. В таких условиях представляется крайне скромным результат привлечения предпринимателей с целью организации нового бизнеса за счет создания необходимой инфраструктуры за счет государственных инвестиций на Дальнем Востоке, а создание особых условий для ведения бизнеса на отдельных территориях Дальнего Востока на практике может стать источником рисков, связанных с построением неравновесной по Парето экономики макрорегиона. Стратегия импортозамещения для потенциально открытой экономики Дальнего Востока создает риски снижения конкуренции с импортными аналогами и допол-

нительной нагрузки на конечного потребителя. Поддержка экспорта Дальнего Востока не включает меры по его товарной и географической диверсификации.

Как показывает опыт успешных стран с высокой природной рентой, государственные решения только тогда способствовали ускоренному развитию регионов, когда они были встроены в общую политику по снижению экономических рисков в национальной экономике, созданию конкурентных условий и открытости, являясь одним из элементов мер по улучшению инвестиционного климата. В этих условиях торгово-экономическая интеграция с крупным рынком АТР, как для России в целом, так и Дальнего Востока в частности, может быть более динамичной, выступая в качестве необходимого элемента ускоренного развития экономики.

Оценки показали, что за последние два десятилетия регионы Дальнего Востока торговали более интенсивно с отечественным рынком, чем со странами АТР. Высокая интенсивность в торговле Дальнего Востока с отечественным рынком объясняется наличием единого экономического пространства. В случае выравнивания интенсивности торговли с отечественным рынком, что возможно в рамках процесса «позитивной» интеграции, Дальний Восток может характеризоваться заметным потенциалом для расширения торговли со странами АТР. Возможное изменение товарооборота со странами АТР для дальневосточных регионов в случае выравнивания сравнительной институциональной нагрузки может быть довольно дифференцированным. Определено, что экспортные и импортные пошлины, взимаемые в России, являлись основным источником тарифной нагрузки на товарооборот Дальнего Востока со странами АТР. При этом полученные оценки указали на недостаточность выравнивания тарифной нагрузки в торговле Дальнего Востока со странами АТР для существенного роста сравнительной интенсивности. Общий вектор сравнительной интенсивности торговли Дальнего Востока со странами АТР определялся взаимодействием с китайской экономикой. За последнее десятилетие фактически наблюдалось смещение нагрузки из тарифной в институциональную вследствие введения различного рода запретов и ограничений со стороны России. Поэтому в целом необходимы усилия в снижении институциональной нагрузки за счет нивелирования различного рода рисков и либерализации торгово-экономических взаимосвязей.

По сравнению с торговлей инвестиционное сотрудничество большинства регионов Дальнего Востока России со странами АТР является менее масштабным. Безусловным лидером по привлечению иностранного капитала на Дальнем Востоке является Сахалинская область в связи с реализацией крупных нефтегазовых проектов на ее территории. В период санкционных ограничений к российской экономике основными территориями, из которых осуществлялся приток ПИИ в макрорегион, являлись офшоры, через которые бизнес стран АТР осуществлял капиталовложения на Дальний Восток. В этих условиях выравнивание рисков внутри экономической системы России недостаточно для смягчения сформированного

иностранными инвесторами негативного имиджа о национальной экономике в целом, притом, что оценка указала на отличия для регионов Дальнего Востока от остальных регионов России с точки зрения влияния факторов на приток ПИИ. Вероятно, данное обстоятельство указывает на необходимость проведения дифференцированной политики по привлечению прямых иностранных инвестиций на Дальний Восток по сравнению с остальными российскими регионами.

В зависимости от наличия спроса на реализацию мер интеграционной политики в России выделены два направления сближения экономики Дальнего Востока со странами АТР.

Первое направление основывается на наличии спроса только на экономическую кооперацию России с зарубежными странами, которая реализуется главным образом на основе масштабных экспортных поставок и их инфраструктурного обеспечения, соответственно, не подразумевая нивелирования тарифных и нетарифных барьеров как для импортных, так и для экспортных потоков, при отсутствии спроса на экономическую интеграцию, за исключением постсоветского пространства. Соответственно, продолжится дальнейшее расширение торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока с крупными и близкими рынками США.

Соседство с КНР и обусловленное с ним совпадение как экономических, так и политических интересов может заложить основу создания различных форм трансграничного сотрудничества при создании условий безальтернативности поставок для российских компаний, с возможностью манипуляций со стороны китайских потребителей. В пользу тенденции наращивания интенсивности торговых взаимодействий с китайским рынком указывает снижение эффекта границ между Дальним Востоком и КНР, а также развитие транзитной трансграничной инфраструктуры. Поскольку основной вектор интенсификации российских экономических взаимодействий со странами АТР смещается в пользу КНР, Россия, по-видимому, будет предпринимать усилия для доступа отечественных экспортеров на китайский рынок, имеющий сложную пространственную конфигурацию, что не означает свертывания других направлений для расширения торгово-экономического сотрудничества со странами АТР. При пролонгировании текущих условий Россия может предпринять усилия по расширению поставок в страны АТР на основе механизмов прямого и косвенного стимулирования экспорта.

Второе направление может возникнуть при появлении спроса на интеграцию российской экономики с зарубежными странами и со странами АТР в частности, что будет означать реализацию политики открытости для целей диверсификации торгово-экономических отношений. В данном случае возможны два варианта развития событий, заключающихся в реализации «поверхностной» либо «глубокой» интеграции России со странами / группами стран АТР.

В соответствии с реализацией «поверхностной» интеграции России со странами АТР внешнеторговый товарооборот России в целом и Дальнего Востока в частности увеличится, главным образом за счет импорта. Как и для России в целом, нивелирование тарифных барьеров со странами АТР может способствовать как географической, так и товарной диверсификации экспортных и импортных потоков Дальнего Востока, препятствуя проявлению монополии.

«Глубокая» интеграция подразумевает более широкий охват открытости рынков, а также снижение барьеров, генерируемых внутренней экономической политикой, что означает проведение преобразований в национальной экономике для снижения рисков ведения экономической деятельности, и, соответственно, улучшения инвестиционного климата и общую открытость. В этом случае появление заметных результатов может быть обнаружено в долгосрочном периоде, что особенно касается привлечения иностранного капитала на Дальний Восток в рамках интеграции в АТР.

Возможно, что наряду с интеграционными процессами Россия будет испытывать санкционное давление, что, в свою очередь, означает акцентирование взаимодействий со странами АТР в рамках отраслей Дальнего Востока, которые не включены в «пакет» подобного рода экзогенных ограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адмидин А.Г., Деваева Е.И. Международное сотрудничество в Восточной Азии: возможности для российского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1998. 92 с.
2. Акулич С. «Мертвая» особая экономическая зона «Советская Гавань» может стать таким же Свободным портом // Золотой Рог. 2015. 18 декабря. URL: http://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_18.12.2015_75563_mertvaja-osobaja-ekonomicheskaja-zona-sovetskaja-gavan-mozhet-stat-takim-zhe-svobodnym-portom.html (дата обращения: октябрь 2020).
3. Андрей Мовчан: «Без пруда не вытащишь рыбку и с трудом» // Economy Times. 2015. 16 ноября. URL: <http://economytimes.ru/mesto-dlya-diskussiy/andrey-movchan-bez-pruda-ne-vytashchish-rybku-i-s-trudom> (дата обращения: октябрь 2020).
4. Аносова Л.А., Кабир Л.С. Активизация Китая по изменению мировой валютной системы: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций // Экономика и управление. 2015. № 10 (120). С. 4–11.
5. Афонцев С.А. Единое экономическое пространство: предпосылки успеха интеграции // Экономическая свобода и государство: друзья или враги / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб: МЦСЭИ "Леонтьевский центр", 2012. С.141–155.
6. Афонцев С.А. Перспективы импортозамещения в российской экономике // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 13–19.
7. Афонцев С.А. Политика и экономика торговых войн // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1. С. 193–198. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-9>
8. Афонцев С.А. Россия среди «чужих» партнерств // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 104–118.
9. Бобылев Ю.Н., Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г. Экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты: необходимость отмены и сценарный анализ последствий. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 84 с.
10. Бобылев Ю.Н., Расенко О.А. Нефтяной сектор экономики России: основные тенденции. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 68 с.
11. Булатов А.С. Внешнеэкономические связи России: постсоветские тенденции // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 4. С. 517–529. <https://doi.org/10.31857/S2587556620040044>
12. Бутрин Д., Вислогузов В. Навечно временные экспортные пошлины. История вопроса // Коммерсантъ. 2011. 13 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1639372> (дата обращения: октябрь 2020).
13. Вардомский Л.Б. Внешнее соседство как фактор пространственного развития России // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 57–68.
14. Власюк Л.И. Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. 208 с.
15. Волчкова Н.А, Турдыева Н.А. Микроэкономика российского импортозамещения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4 (32). С. 140–146.
16. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
17. Габуев А. Китайское зеркало // Коммерсантъ. 2020. 17 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4221187> (дата обращения: октябрь 2020).

18. Гладышев А.И., Николаев Н.И., Сингур Н.М., Шапалин Б.Ф. Экономика Дальнего Востока: проблемы и перспективы. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971. 408 с.
19. Гладышева А.А. Источники данных в эмпирическом анализе прямых иностранных инвестиций в России // Вестник НГУЭУ. 2017. № 3. С. 163–182.
20. Головнин М., Захаров А., Ушкалова Д. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 4. С. 61–69. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-4-61-69>
21. Головнин М.Ю., Пылин А.Г., Ушкалова Д.И. Внешнеэкономические связи России со странами «пояса соседства» и подходы к разработке системы интеграционных проектов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 1. С. 58–68.
22. Гришина Т., Едовина Т. Дальневосточные льготы пошли по судам // Коммерсантъ. 2020. 16 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4379258> (дата обращения: октябрь 2020).
23. Грэм Т. Поворот России на Восток: перечень причин и следствий. URL: <http://mirperemen.net/2019/09/povorot-rossii-na-vostok-perechen-prichin-i-sledstvij-2/> (дата обращения: октябрь 2020).
24. Гурьева М. Зоны особого внимания // Дальневосточный капитал. 2005. № 12. С. 12–21.
25. Демина О.В. Энергетическая инфраструктура Дальнего Востока: ограничение или источник роста региона // Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. к.э.н. О.В. Тарасовой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. С. 199–221.
26. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 43–61. <https://doi.org/10.14530/se.2008.1.043-061>
27. Загашвили В. Застой в ВТО как проявление кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 5–12. <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-5-12>
28. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
29. Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 41–55. <https://dx.doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.4>
30. Изотов Д.А. Генезис политики экономических взаимодействий России со странами АТР: случай Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 124–137. <https://dx.doi.org/10.31857/S013128120014753-9>
31. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. Т. 47. № 4. С. 27–44. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-4-27-44>
32. Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 138–153. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.138-153>
33. Изотов Д.А. Интеграционные процессы в АТР: особенности и потенциал расширения // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 20–31. <https://dx.doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-20-31>

34. Изотов Д.А. Либерализация торговли между Россией и Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 75–97. <https://doi.org/10.14530/se.2015.4.075-097>
35. Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция в условиях процессов глобализации и регионализации // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2021. № 5. С. 7–24. <https://dx.doi.org/10.24411/2072-8042-2021-5-7-24>
36. Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методика оценки эффектов // *Регионалистика*. 2021. Т. 8. № 2. С. 14–30. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.2.14>
37. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // *Пространственная экономика*. 2013. № 3. С. 123–160.
38. Изотов Д.А. Опыт интеграции науки и образования в странах Северо-Восточной Азии // *Инновации*. 2013. № 1. С. 76–81.
39. Изотов Д.А. Оценка сравнительного потенциала увеличения торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР // *Известия ДВФУ. Экономика и управление*. 2020. №3. С. 5–20. <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2020-3/5-20>
40. Изотов Д.А. Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 2. С. 56–72. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.3>
41. Изотов Д.А. Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // *Регионалистика*. 2014. Т. 1. № 1. С. 48–70.
42. Изотов Д.А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176. <https://doi.org/10.14530/se.2014.2.149-176>
43. Изотов Д.А. Российско-китайская торговля и валютный курс // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 34–54. <https://doi.org/10.14530/se.2012.3.034-054>
44. Изотов Д.А. Россия-АТР: перспективы либерализации торговли // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 5. С. 67–78. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-5-67-78>
45. Изотов Д.А. Рынок сырьевых товаров Китая // *Пространственная экономика*. 2013. № 4. С. 70–89. <https://doi.org/10.14530/se.2013.4.070-089>
46. Изотов Д.А. Северо-Восток Китая в условиях мирового кризиса // *Экономика региона*. 2010. № 4. С. 229–233.
47. Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: декомпозиция эффектов // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 1. С. 66–96. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.066-096>
48. Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: структурные особенности и динамические проявления // *Известия ДВФУ. Экономика и управление*. 2016. № 3. С. 86–100. <https://dx.doi.org/10.5281/zenodo.163479>
49. Изотов Д.А. Торговая интеграция России со странами АТР: сценарная оценка эффектов // *ЭКО*. 2016. № 10. С. 104–124.
50. Изотов Д.А. Увеличение экспортного потенциала // *Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики* / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. С. 137–153.

51. Изотов Д.А. Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли «новые» институты? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 155–163. <https://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2018-38-2-8>
52. Изотов Д.А. Экономика провинции Хэйлунцзян: перспективы развития в контексте реализации целевых программ // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 4. С. 31–50. <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2015.4>
53. Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. 368 с.
54. Изотов Д.А. Экономические аспекты «майских указов» 2018 года: международная кооперация и экспорт // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 66–77. <https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.66>
55. Изотов Д.А. Экономический рост городов в неоднородном пространстве Китая // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 3. С. 789–802. <https://doi.org/10.17059/2017-3-12>
56. Изотов Д.А. Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 92–114. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.092-114>
57. Изотов Д.А. Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 91–107. <https://dx.doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.5>
58. Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 61–83.
59. Изотов Д.А., Тошков К.И. Оценка потенциала расширения торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока со странами АТР // Регионалистика. 2019. Т.6. №5. С. 6–30. <https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.6>
60. Изотов Д.А., Тошков К.И. Сравнительная оценка внутрирегиональных и внешних торговых взаимодействий Дальнего Востока России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 37–52. <https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.37>
61. Инвестиционный климат регионов / РА «Эксперт». URL: https://www.raexpert.ru/rankings/region_climat/ (дата обращения: декабрь 2019).
62. Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. 140 с.
63. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 352 с.
64. Кадочников П., Кнобель А., Синельников-Мурылев С. Открытость российской экономики как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2016. № 12. С. 26–42. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-12-26-42>
65. Кадочников С.М., Федюнина А.А. Влияние связанного разнообразия экспорта на экономическое развитие регионов России // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 128–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-9-128-149>
66. Караганов С.А., Макаров И.А. Поворот на Восток: итоги и задачи // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 8. С. 6–10.
67. Каукин А., Идрисов Г. Гравитационная модель внешней торговли России: случай большой по площади страны с протяженной границей // Экономическая политика. 2013. № 4. С. 133–154.

68. Кнобель А.Ю., Чокаев Б.В. Оценка последствий создания зон свободной торговли России с азиатскими странами. М.: РАНХиГС, 2013. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2341353> (дата обращения: октябрь 2020).
69. Коган Е. Байден и Китай. Как смена президента США повлияет на противостояние двух стран // Ведомости. 2020. 9 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/09/846321-baiden-kitai> (дата обращения: октябрь 2020).
70. Конторович А.Э., Эдер Л.В., Филимонова И.В., Никитенко С.М. Ключевые проблемы развития проекта «Сила Сибири» // Регион: экономика и социология. 2017. № 1 (93). С. 190–212. <https://dx.doi.org/10.15372/REG20170109>
71. Коржубаев А.Г., Соколова И.А., Эдер Л.В. Перспективы развития нефтяной и газовой промышленности Сибири и Дальнего Востока и прогноз экспорта нефти и газа из России на Тихоокеанский рынок // Бурение и нефть. 2009. Декабрь. URL: <http://www.burneft.ru/archive/issues/2009-12/1> (дата обращения: октябрь 2020).
72. Королев И.С. Америкоцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты) // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН: сетевой журнал. 2020. № 1. С. 12–22. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-1-12-22>
73. Королев И.С. Неопределенность мирового экономического развития: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 4. С. 3–10.
74. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-12-4-36>
75. Кузнецов А.В. Зарубежные инвестиции российских компаний: конкуренция с западноевропейскими и восточноазиатскими ТНК // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 203–214. <https://doi.org/10.7868/S0869587316030063>
76. Кузнецова О.В. «Восточный вектор» инвестиционных связей России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 2. С. 47–56. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-2-47-56>
77. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.
78. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. М.: «Издательство: Экономика», 2011. 333 с.
79. Липин А.С., Полякова О.В. Оценка интеграционных процессов в едином экономическом пространстве на примере торговли товарами // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 1 (22). С. 80–96.
80. Липси Дж., Ланкастер К. Общая теория второго лучшего // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. М.: Экономическая школа, 2004. С. 95–134.
81. Лхамсурен Н. Некоторые аспекты региональной интеграции российского Дальнего Востока и стран АТР, включая Монголию (на англ. яз.) // Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы международного семинара (25–26 января 2005 г., Хабаровск) / отв. ред. Минакир П.А. ИЭИ ДВО РАН; Фонд мира Са-сакава. Хабаровск: «РИОТИП», 2005. С. 122–130.
82. Любимов И.Л., Гвоздева М.А., Казакова М.В., Нестерова К.В. Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 94–122. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-34-2-4>

83. Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 82–97. <https://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97>
84. Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России компании «РАЭК-Аналитика». 7 с. URL: https://raex-a.ru/update_files/3_13_method_region.pdf (дата обращения: октябрь 2020).
85. Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж / Банк России. 2019. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth-kom-di/ (дата обращения: октябрь 2020).
86. Минакир П.А. Интеграционные проблемы России в АТР // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 131–133. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2012.2.131-133>
87. Минакир П.А. Интеграция в АТР и СВА: возможности и реальности // Дальний Восток на рубеже веков: материалы научно-практической конференции (1–5 июня 1998 г., Хабаровск). Хабаровск, 1998. С. 86–90.
88. Минакир П.А. Инфраструктура международной экономической интеграции: мультипликативные эффекты // Стратегические проблемы национального развития и международного сотрудничества: дальневосточный вектор. Хабаровск: Отделение общественных наук РАН, 2005. С. 257–260.
89. Минакир П.А. Исследования экономики Дальнего Востока. 1975–2000 / Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 912 с.
90. Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 7–11. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2015.2.007-011>
91. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. вып. 4. С. 1016–1029. <https://dx.doi.org/10.17059/2017-4-4>
92. Минакир П.А. Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. 2009. № 3. С. 7–19. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2009.3.007-019>
93. Минакир П.А. Россия и АТР: вызовы и возможности // ЭКО. 2006. №3 (381). С. 53–61.
94. Минакир П.А. Стратегия формирования интеграционного пространства Востока России и Восточной Азии // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 77–87.
95. Минакир П.А. Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 5–20. <https://doi.org/10.14530/se.2005.4.005-020>
96. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 848 с.
97. Минакир П.А., Кучерявенко В.Е. На дальневосточном рубеже // Мир перемен. 2004. № 3. С. 19–32.
98. Михеев В.В. АТР и Россия: ближайшие перспективы // Новости ИМЭМО. 2019. 16 августа. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/atr-i-rossiya-blizhayshie-perspektivi> (дата обращения: октябрь 2020).
99. Михеев В.В., Игнатъев С.В. Будущие сценарии развития Азиатско-тихоокеанского региона и его российский ракурс // Федерализм. 2018. № 2. С. 97–111.

100. Островский А.В. Экономическое противостояние США и Китая: кто победит? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 2. С. 6–19.
101. Погорлецкий А.И. Экспортный потенциал России в современных геополитических условиях // Актуальные проблемы развития экономики и управления / Под ред. А.Я. Барина. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2018. С. 103–110.
102. Портанский А.П. Многосторонняя торговая система и перспективы ее реформирования. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 151 с.
103. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.
104. Расширенная Туманганская инициатива (РТИ). URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/organizaciya_obedinennyh_naciy_oon/rasshirennaya_tumanganskaya_iniciativa_rti/ (дата обращения: октябрь 2020).
105. Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: июль 2020).
106. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2013. 352 с.
107. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
108. Среднегодовая численность трудовых ресурсов / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36730> (дата обращения: декабрь 2018).
109. Старинская Г., Серов М. США ввели санкции против крупнейшего месторождения «Газпрома» на шельфе // Ведомости. 2015. 9 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/08/10/604099-ssha-vveli-sanktsii-protiv-kрупneishego-mestorozhdeniya-gazproma-shelfe> (дата обращения: октябрь 2020).
110. Статистика внешнего сектора / Центральный банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: январь 2020).
111. Статистические базы данных / МУЛЬТИСТАТ. URL: http://multistat.ru/?menu_id=3000 (дата обращения: октябрь 2019).
112. Статистические сведения по миграционной ситуации / МВД. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/> (дата обращения: декабрь 2018).
113. Структура и функции федеральных органов исполнительной власти и управления. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=120971&fld=134&dst=100496,0&rnd=0.1976715665492419#0http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120971/ (дата обращения: август 2020).
114. США приглашают Россию и Китай присоединиться к ТТП // Газета.ru. 2015. 2 ноября. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2015/11/02/n_7841087.shtml (дата обращения: июль 2016).
115. Таможенная статистика Дальневосточного таможенного управления. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: июль 2020).
116. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.

117. Ткачев И., Гальчева А. МВФ оценил долю «фантомных» иностранных инвестиций в России // РБК. 2019. 18 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2019/5df78cc59a79470da759cc2e> (дата обращения: сентябрь 2020).
118. Участие России в многосторонних механизмах в АТР / МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ucastie-rossii-v-mnogostoronnih-mehanizmah-v-atr> (дата обращения: октябрь 2020).
119. Ушкалова Д.И. К вопросу об эволюции интеграционных процессов в современном мире // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 6. С. 125–136.
120. Ушкалова Д.И. Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 158–170.
121. Ушкалова Д.И. Экономические эффекты региональной интеграции: мифы и реальность // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 4. С. 120–137.
122. Федоровский А. Корейский кризис и региональные процессы в Северо-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 46–55. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-46-55>
123. Федоровский А., Швыдко В. Взаимодействие Республики Корея и Японии с Китаем: возможности, риски и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 123–132. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-123-132>
124. Федоровский А.Н. Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 6–25. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25>
125. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. Институт социального анализа и прогнозирования. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.
126. Хейфец Б.А. Зона свободной торговли ЕАЭС-Сингапур – новое преференциальное партнерство для России // Общество и экономика. 2020. № 2. С. 80–93. <https://doi.org/10.31857/S020736760008345-8>
127. Хейфец Б.А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. СПб.: АЛТЕЯ, 2019. 288 с.
128. Шумилов А.В. Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 2. С. 224–250.
129. Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 352 с.
130. Экономическая реформа на Дальнем Востоке: результаты, проблемы, концепция развития. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 1993. 167 с.
131. Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Основные выводы и рекомендации / OECD. 2014. Январь. URL: http://www.oecd.org/eco/surveys/Overview_RUSSIA_Rus_2013.pdf (дата обращения: июль 2020).
132. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.
133. Электронные таблицы статистики РФ / ЕАЭСД. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml> (дата обращения: декабрь 2019)

134. Яковлев П. Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 3. С. 94–103. <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-94-103>
135. Ясеновская И.В. Межрегиональные взаимодействия субъектов Федерации в дальневосточном районе. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2006. 124 с.
136. *A Practical Guide to Trade Policy Analysis*. WTO and UNCTAD Co-Publication, 2012. 200 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wto_unctad12_e.pdf (дата обращения: июль 2020).
137. Adoura S. *Assessment of the Cooperation between the EU and Russia* / IRRI-KIIB. 2006. 8 p. URL: <http://aei.pitt.edu/9092/1/Russia-EU.pdf> (дата обращения: июль 2020).
138. Agnosteva D., Anderson J.E., Yotov Y.V. *Intra-National Trade Costs: Measures and Aggregation* / NBER. Working Paper No. 19872. Cambridge, MA, 2014. URL: <http://www.nber.org/papers/w19872.pdf> (дата обращения: июль 2020).
139. *Aid for Trade at a Glance 2019: Economic Diversification and Empowerment* / OECD; WTO. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <https://www.oecd.org/development/aid-for-trade-at-a-glance-22234411.htm> (дата обращения: октябрь 2020).
140. Aiyar S., Duval R., Puy D., Wu Y., Zhang L. *Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap* / IMF. Working Paper No. 13/71. 2013. 64 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp1371.pdf> (дата обращения: июль 2020).
141. Akamatsu K. *A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries* // *Journal of Developing Economies*. 1962. Vol. 1. Issue s1. Pp. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
142. Alesina A., Angeloni I., Etro F. *International Unions* // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. Issue 3. Pp. 602–615. <https://doi.org/10.1257/0002828054201279>
143. Allen M. *Review of the IMF's Trade Restrictiveness Index (Background Paper to the Review of Fund Work on Trade)* / Prepared by the Policy Development and Review Department. 2005. February. 20 p. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2005/021405r.pdf> (дата обращения: июль 2020).
144. Allen R.L. *Economic Integration: Analytical and Empirical Survey* // *Economic Development and Cultural Change*. 1963. Vol. 11. Issue 4. Pp. 449–454.
145. Anderson J.E. *A Theoretical Foundation for the Gravity Equation* // *American Economic Review*. 1979. Vol. 69. Pp. 106–116.
146. Anderson J.E., Milot C.A., Yotov Y.V. *How Much Does Geography Deflect Services Trade? Canadian Answers* // *International Economic Review*. 2014. Vol. 55. Pp. 791–818. <https://doi.org/10.1111/iere.12071>
147. Anderson J.E., van Wincoop E. *Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle* // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 170–192. <https://doi.org/10.1257/000282803321455214>
148. Anderson J.E., Vesselovsky M., Yotov Y.V. *Gravity with Scale Effects* // *Journal of International Economics*. 2016. Vol. 100. Issue 1. Pp. 174–193. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2016.03.003>
149. Anderson J.E., Yotov Y.V. *Gold Standard Gravity* / NBER. Working Paper No. 17835. 2012. February. URL: <https://www.nber.org/papers/w17835> (дата обращения: июль 2020).
150. Anderson J.E., Yotov Y.V. *Specialization: Pro- and Anti-Globalizing, 1990–2002* / NBER. Working Paper No. 16301. 2011. URL: <https://www.nber.org/papers/w16301> (дата обращения: июль 2020).

151. Anderson J.E., Yotov Y.V. The Changing Incidence of Geography // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100. Issue 5. Pp. 2157–2186. <https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2157>
152. Ando M. Fragmentation and Vertical Intra-Industry Trade in East Asia // *North American Journal of Economics and Finance*. 2006. Vol. 17. Pp. 257–281. <https://doi.org/10.1016/j.najef.2006.06.005>
153. Antràs P., Yeaple S.R. Multinational Firms and the Structure of International Trade // *Handbook of International Economics*. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 55–130. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-54314-1.00002-1>
154. Arezki R., Nabli M.K. Natural Resources, Volatility, and Inclusive Growth: Perspectives from the Middle East and North Africa / IMF. Working Paper No. 12/111. 2012. 26 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/wp12111.pdf> (дата обращения: июль 2020).
155. Armington P. A Theory of Demand for Products Distinguished by Place of Production // *Internationally Monetary Fund Staff Paper*. 1969. Vol. 16. Issue 1. Pp. 159–176. <https://doi.org/10.2307/3866403>
156. Aroca P., Maloney W.F. Migration, Trade, and Foreign Direct Investment in Mexico // *The World Bank Economic Review*. 2005. Vol. 19. Issue 3. Pp. 449–472. <https://doi.org/10.1093/wber/lhi017>
157. Aschauer D.A. Is Public Expenditure Productive? // *Journal of Monetary Economics*. 1989. Vol. 23. Issue 2. Pp. 177–200. [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(89\)90047-0](https://doi.org/10.1016/0304-3932(89)90047-0)
158. Aschauer D.A. Why is Infrastructure Important? // *Conference Series, Federal Reserve Bank of Boston*. 1990. Vol. 34. Pp. 21–68. [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(89\)90047-0](https://doi.org/10.1016/0304-3932(89)90047-0)
159. Astrasheuskaya N. US and EU Sanctions Take Toll on Russian Oil and Gas Exploration // *Financial Times*. 2019. 11 November. URL: <https://www.ft.com/content/d255fa46-ee9e-11e9-a55a-30afa498db1b> (дата обращения: июль 2020).
160. Aykut D., Sanghi A., Kosmidou G. What to Do When Foreign Direct Investment Is Not Direct or Foreign: FDI Round Tripping / Policy Research. Working Paper No. WPS 8046. 2017. 27 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/319451493385113949/pdf/WPS8046.pdf> (дата обращения: июль 2020).
161. Azzimonti M. The Politics of FDI Expropriation // *International Economic Review*. 2018. Vol. 59. Issue 2. Pp. 479–510. <https://doi.org/10.1111/iere.12277>
162. Baek K., Qian X. An Analysis on Political Risks and the Flow of Foreign Direct Investment in Developing and Industrialized Economies // *Economics, Management and Financial Markets*. 2011. Vol. 6. Issue 4. Pp. 60–71.
163. Bagwell K., Staiger R.W. The Design of Trade Agreements // *Handbook of Commercial Policy*. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 435–529. <https://doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.005>
164. Baier S.L., Bergstrand J.H. Bonus Vetus OLS: A Simple Method for Approximating International Trade-Cost Effects Using the Gravity Equation // *Journal of International Economics*. 2009. Vol. 77. Issue 1. Pp. 77–85. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2008.10.004>
165. Baier S.L., Bergstrand J.H. Do Free Trade Agreements Actually Increase Members' International Trade? // *Journal of International Economics*. 2007. Vol. 71. Issue 1. Pp. 72–95. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2006.02.005>

166. Baier S.L., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Widely Differing Effects of Free Trade Agreements: Lessons from Twenty Years of Trade Integration // *Journal of International Economics*. 2019. Vol. 116. Pp. 206–226. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2018.11.002>
167. Balassa B. Exports and Economic Growth: Further Evidence // *Journal of Development Economics*. 1978. Vol. 5. Pp. 181–189. [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(78\)90006-8](https://doi.org/10.1016/0304-3878(78)90006-8)
168. Balassa B. The Theory of Economic Integration: An Introduction // *The European Union*. Ed. by B.F. Nelsen, A.C.-G. Stubb. London: Palgrave, 1994. Pp. 125–137. https://doi.org/10.1007/978-1-349-23984-9_15
169. Balassa B. Towards a Theory of Economic Integration // *Kyklos*. 1961. Vol. 14. Issue 1. Pp. 1–17. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1961.tb02365.x>
170. Balassa B. Types of Economic Integration // *Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral*. International Economic Association Series / Ed. by F. Machlup. London: Palgrave Macmillan, 1976. Pp. 17–40. https://doi.org/10.1007/978-1-349-02571-8_2
171. Balassa B., Toutjesdijk A. Economic Integration among Developing Countries // *Journal of Common Market Studies*. 1975. Vol. 14. Pp. 37–55. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1975.tb00736.x>
172. Baldwin R. A Domino Theory of Regionalism / NBER. Working Paper 4465. 1993. September. 23 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w4465.pdf> (дата обращения: июль 2020).
173. Baldwin R. The World Trade Organization and the Future of Multilateralism // *Journal of Economic Perspectives*. 2016. Vol. 30. Issue 1. Pp. 95–116. <https://doi.org/10.1257/jep.30.1.95>
174. Baldwin R. WTO 2.0: Global Governance of Supply-Chain Trade / CEPR. Policy Insight 64. 2012. December. 24 p. URL: http://www.cepr.org/sites/default/files/policy_insights/PolicyInsight64.pdf (дата обращения: июль 2020).
175. Baldwin R., Okubo T. Networked FDI: Sales and Sourcing Patterns of Japanese Foreign Affiliates / NBER. Working Paper No. 18083. 2012. 34 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w18083> (дата обращения: октябрь 2020).
176. Baldwin R.E. Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade / NBER. Working Paper 12545. 2006. September. 47 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w12545> (дата обращения: октябрь 2020).
177. Baldwin R.E. Sequencing Regionalism: Theory, European Practice, and Lessons for Asia / ADB. Working Paper Series on Regional Economic Integration No. 80. 2011. 71 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28886/wp80-baldwin-sequencing-regionalism.pdf> (дата обращения: октябрь 2020).
178. Baldwin R.E., Forslid R., Haaland J.I. Investment Creation and Investment Diversion: Simulation Analysis of the Single Market Programme / NBER. Working Paper 5364. 1995. November. URL: <http://www.nber.org/papers/w5364> (дата обращения: октябрь 2020).
179. Baldwin R.E., Taglioni D. Gravity for Dummies and Dummies for Gravity Equations / NBER. Working Paper No. w12516. 2006. September. 31 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w12516.pdf> (дата обращения: июль 2020).
180. Baldwin R.E., Venables A.J. Regional Economic Integration // *Handbook of International Economics*. Volume 3 / Ed. G.M. Grossman, K. Rogoff. North Holland, 1995. Pp. 1597–1644. [https://doi.org/10.1016/S1573-4404\(05\)80011-5](https://doi.org/10.1016/S1573-4404(05)80011-5)
181. Bekkers E., Teh R. Potential Economic Effects of a Global Trade Conflict: Projecting the Medium-Run Effects with the WTO Global Trade Model / WTO. Staff Working Paper No. ERSD-2019-04. 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.30875/7dc4c62e-en> (дата обращения: октябрь 2020).

182. Belloc M., Di Maio M. Survey of the Literature on Successful Strategies and Practices for Export Promotion by Developing Countries / IGC. Working Paper 11/0248. 2011. URL: <https://www.theigc.org/wp-content/uploads/2011/06/Belloc-Di-Maio-2011-Working-Paper.pdf> (дата обращения: июль 2020).
183. Bergsten C.F., Noland M., Schott J.J. The Free Trade Area of the Asia-Pacific: A Constructive Approach to Multilateralizing Asian Regionalism / ADBI. Working Paper 336. 2011. 23 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156191/adb-wp336.pdf> (дата обращения: июль 2020).
184. Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in the Gravity Equation // *European Economic Review*. 2015. Vol. 78. Pp. 307–327. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.06.003>
185. Bernard A., Jensen J. Why Some Firms Export // *Review of Economics and Statistics*. 2004. Vol. 86. Issue 2. Pp. 561–569. <https://doi.org/10.1162/003465304323031111>
186. Bhagwati J. Regionalism and Multilateralism: An Overview // *New Dimensions in Regional Integration* / Ed. by J. De Melo, A. Panagariya. Cambridge University Press, 1993. Pp. 22–51.
187. Bhagwati J. *Termites in the Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade*. New York: Oxford University Press, 2008. 139 p.
188. Bhalla B. How Corporations Should Weigh Up Country Risk // *Euromoney*. 1983. Pp. 66–72.
189. Bhattacharyya S., Collier P. Public Capital in Resource Rich Economies: Is There a Curse? // *Oxford Economic Papers*. 2014. Vol. 66. Issue 1. Pp. 1–24. <https://doi.org/10.1093/oep/gps073>
190. BRICS Trade Strategy: Time for a Rethink. The 17th GTA Report / Ed. by S.J. Evenett. CEPR Press, 2015. 107 p. <https://www.globaltradealert.org/reports/download/22>. (дата обращения: июль 2020).
191. Brun J.F., Combes J.L., Renard M.F. Are There Spillover Effects between Coastal and Noncoastal Regions in China? // *China Economic Review*. 2002. Vol. 13. Pp. 161–169. [https://doi.org/10.1016/S1043-951X\(02\)00070-6](https://doi.org/10.1016/S1043-951X(02)00070-6)
192. Bruton H. Import Substitution // *Handbook of Development Economics*. 1989. Vol. 2. Pp. 1601–1644. [https://doi.org/10.1016/S1573-4471\(89\)02017-6](https://doi.org/10.1016/S1573-4471(89)02017-6)
193. Burger M., Ianchovichina E., Rijkers B. Risky Business: Political Instability and Sectoral Greenfield Foreign Direct Investment in the Arab World // *World Bank Economic Review*. 2016. Vol. 30. Issue 2. Pp. 306–331. <https://doi.org/10.1093/wber/lhv030>
194. Cadot O., Ing L.Y. Non-Tariff Measures and Harmonisation: Issues for the RCEP / ERIA. Discussion Paper Series. ERIA-DP-2015-61. 2015. September. 47 p. URL: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2015-61.pdf> (дата обращения: июль 2020).
195. Caliendo L., Feenstra R.C., Romalis J., Taylor A.M. Tariff Reductions, Entry, and Welfare: Theory and Evidence for the Last Two Decades / NBER. Working Paper 21768. 2015. 62 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w21768> (дата обращения: октябрь 2020).
196. CEPPII. URL: <http://www.cepii.fr> (дата обращения: июль 2020).
197. Chan K.K., Gemayel E.R. Risk Instability and the Pattern of Foreign Direct Investment in the Middle East and North Africa Region / IMF. Working Paper WP/04/139. 2004. 20 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2004/wp04139.pdf> (дата обращения: июль 2020).
198. Chauffour J.-P., Maur J.-C. Beyond Market Access: The New Normal of Preferential Trade Agreements / The World Bank. Policy Research Working Paper 5454. 2010.

- URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/1813-9450-5454> (дата обращения: октябрь 2020).
199. China Customs Statistics. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=7> (дата обращения: июль 2020).
200. Cipollina M., Salvatici L. Reciprocal Trade Agreements in Gravity Models: A Meta-Analysis // *Review of International Economics*. 2010. Vol. 18. Issue 1. Pp. 63–80. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9396.2009.00877.x>
201. CIS Trade Outlook. Gravitating Eastwards / HSBC Global Research. CEEMEA Economics. 2013. 8 July. URL: <http://www.about.hsbc.ru~/media/russia/-en/news-and-media/trade-outlook-eng.pdf?la=en-gb> (дата обращения: август 2015).
202. Cline W., Kawanabe N., Kronjo T.O., Williams T. Trade Negotiations in the Tokyo Round: A Quantitative Assessment. Washington, DC: Brookings Institution, 1978. 314 p.
203. Corden W.M. Booming Sector and Dutch Disease Economics: Survey and Consolidation // *Oxford Economic Papers*. 1984. Vol. 36. Issue 3. Pp. 359–380.
204. Corden W.M. Dutch Disease in Australia: Policy Options for a Three Speed Economy // *The Australian Economic Review*. 2012. Vol. 45. Issue 3. Pp. 290–304. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8462.2012.00685.x>
205. Corden W.M. Economies of Scale and Customs Union Theory // *Journal of Political Economy*. 1972. Vol. 80. Issue 3. Pp. 465–475. <https://doi.org/10.1086/259899>
206. Country Rankings / Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/ranking> (дата обращения: июль 2020).
207. Cruz M., Lederman D., Zoratto L. Anatomy and Impact of Export Promotion Agencies / Policy Research. Working Paper No. WPS 8470. Washington, DC: World Bank Group. 2018. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/565321528413945429/Anatomy-and-impact-of-export-promotion-agencies> (дата обращения: июль 2020).
208. Customs Tariffs / Market Access Map. URL: <http://www.masmap.org/en/query/customs-duties> (дата обращения: июль 2020).
209. Dai M., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements // *Economic Letters*. 2014. Vol. 122. Pp. 321–325. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.12.024>
210. Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network? / IMF. Working Paper No. 19/274. 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network> (дата обращения: июль 2020).
211. De Loecker J. Do Exports Generate Higher Productivity? Evidence from Slovenia // *Journal of International Economics*. 2007. Vol. 73. Issue 1. Pp. 69–98. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2007.03.003>
212. De Melo J., Olarreaga M. Trade Related Institutions and Development / FERDI. Working Papers P199. 2017. URL: http://www.ferdi.fr/sites/www.ferdi.fr/files/publication/fichiers/p199-ferdi_de_melo_and_olarreaga.pdf (дата обращения: октябрь 2020).
213. De Rosa D. Gravity Model Analysis // *Maghreb Regional and Global Integration: A Dream to Be Fulfilled* / Ed. by G.C. Hufbauer, C. Brunel. PIIE, 2008. Pp. 47–68.
214. De Rosa D.A. Regional Integration Arrangements: Static Economic Theory, Quantitative Findings, and Policy Guidelines / The World Bank. Policy Research Working Paper No. 2007. 1998. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-2007> (дата обращения: октябрь 2020).
215. De Souza L.V. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members / The World Bank. Economic Premise No. 47.

2011. January. 7 p. URL: <https://open-knowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/10114/592270NEWS0EP4701PUBLIC10BOX358277B.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: июль 2016).
216. Ding S. The Tumen River Area Development Programme: An Introduction // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia: Proceedings of Conference of the Northeast Asia Economic Forum (September 26–28, 1993, Yongpyeong). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. Pp. 187–199.
217. Distance calculator. URL: <https://www.distance.to/> (дата обращения: июль 2020).
218. Dür A., Baccini L., Elsig M. The Design of International Trade Agreements: Introducing a New Dataset // The Review of International Organizations. 2014. Vol. 9. Pp. 353–375. <https://doi.org/10.1007/s11558-013-9179-8>
219. Ederington J., Ruta M. Nontariff Measures and the World Trading System // Handbook of Commercial Policy. Volume 1B / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 211–277. <https://doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.010>
220. Effects on Tariff Revenue, Consumer Surplus and Welfare / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/SMART/Effects%20on%20Tariff%20Revenue.htm> (дата обращения: июль 2020).
221. Eichengreen B., Park D., Shin K. Growth Slowdowns Redux // Japan and the World Economy. 2014. Vol. 32. Pp. 65–84. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2014.07.003>
222. Erevelles S., Galantine C., Acikgoz A., Marinova A., Horton V. Managing Country Risk in Global Marketing: The Triadic Model // Proceedings of the 2000 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference: Proceedings of the Academy of Marketing Science. Springer, Cham. 2015. Pp. 412–416.
223. Ethier W.J. Contemporary Regionalism // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 120–135. <https://doi.org/10.4337/9781849805995.00014>
224. Ethier W.J. Regionalism in a Multilateral World // Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106. Issue 6. Pp. 1214–1245. <https://doi.org/10.1086/250045>
225. Feenstra R.C., Luck P.A., Obstfeld M., Russ K.N. In Search of the Armington Elasticity / NBER. Working Paper Series 20063. 2014. April. URL: <http://www.nber.org/papers/w20063> (дата обращения: октябрь 2020).
226. Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R. The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief / Congressional Research Service. 2016. February. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf> (дата обращения: июль 2020).
227. Feridhanusetyawan T. Preferential Trade Agreements in the Asia-Pacific Region / IMF. Working Paper WP/05/149. 2005. 40 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2005/wp05149.pdf> (дата обращения: июль 2020).
228. Fernandes A.M., Klenow P.J., Meleshchuk S., Pierola M.D., Rodriguez-Clare A. The Intensive Margin in Trade / World Bank Group. Policy Research Working Paper No. 8625. 2018. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/640381540579001233/The-Intensive-Margin-in-Trade> (дата обращения: октябрь 2020).
229. Francois J., Hall K.H. Global Simulation Analysis of Industry-Level Trade Policy: the GSIM model / Institute for International and Development Economics. Discussion Papers 20090803. 2009. URL: <http://www.i4ide.org/content/wpaper/dp20090803.zip> (дата обращения: октябрь 2020).

230. Francois J., Hall K.H. *Partial Equilibrium Modeling // Applied Methods for Trade Policy Analysis: A Handbook / Ed. by J.F. Francois, K.A. Reinert. Cambridge University Press, 1997. Pp. 122–155. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174824.007>*
231. Frankel J.A. *Regional Trading Blocs in the World Economic System / PIIE. 1997. 388 p.*
232. Fratianni M., Marchionne F. *The Limits to Integration // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 204–225. <https://doi.org/10.4337/9781849805995.00019>*
233. Freund C., Ornelas E. *Regional Trade Agreements // Annual Review of Economics. 2010. Vol. 2. Issue 1. Pp. 139–166. <https://doi.org/10.1146/annurev.economics.102308.124455>*
234. Fujita M., Gokan T. *On the Evolution of the Spatial Economy with Multi-Unit Multi-Plant Firms: The Impact of IT Development / Institute of Developing Economies. Discussion Paper No. 016. 2004. November. URL: <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/016.html> (дата обращения: июль 2020).*
235. Fujita M., Mori T. *Frontiers of the New Economic Geography // Papers in Regional Science. 2005. Vol. 84. Issue 3. Pp. 377–405. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2005.00021.x>*
236. Fujita M., Thisse J.-F. *Globalization and the Evolution of the Supply Chain: Who Gains and Who Loses? // International Economic Review. 2006. Vol. 47. Issue 3. Pp. 811–836. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2354.2006.00397.x>*
237. Fukunaga Y., Isono I. *Taking ASEAN+1 FTAs Towards the RCEP: A Mapping Study / ERIA. Discussion Paper Series ERIA-DP-2013-02. 2013. January. 38 p. URL: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2013-02.pdf> (дата обращения: июль 2020).*
238. Gancia G., Ponzetto G.A.M., Ventura J. *A Theory of Economic Unions // Journal of Monetary Economics. 2020. Vol. 109. Pp. 107–127. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2019.11.007>*
239. Gelb A. *Economic Diversification in Resource Rich Countries / Center for Global Development. 2010. URL: <https://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2010/afrfin/pdf/Gelb1.pdf> (дата обращения: июль 2020).*
240. Gokmenoglu K., Kirikkaleli D., Eren B.M. *Time and Frequency Domain Causality Testing: The Causal Linkage between FDI and Economic Risk for the Case of Turkey // The Journal of International Trade & Economic Development. 2019. Vol. 28. Issue 6. Pp. 649–667. <https://doi.org/10.1080/09638199.2018.1561745>*
241. Goldberg P.K., Pavcnik N. *The Effects of Trade Policy // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 161–206. <https://doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.002>*
242. Göler D., Levchenkov A. *Special Economic Zones as Revitalization Strategy for Old Industrial Regions in Russia // Geographische Rundschau. 2010. Vol. 62. Issue 2. Pp. 18–25.*
243. Gorodnichenko Y., Svejnar J., Terrell K. *When Does FDI Have Positive Spillovers? Evidence from 17 Transition Market Economies // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42. Issue 4. Pp. 954–969. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.08.003>*
244. Grabowski R. *Import Substitution, Export Promotion, and the State in Economic Development // The Journal of Developing Areas. 1994. Vol. 28. Issue 4. Pp. 535–554.*
245. Grossman G.M. *The Purpose of Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 379–434. <https://doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.016>*

246. Grossman G.M., Helpman E. Identity Politics and Trade Policy // *The Review of Economic Studies*. 2020. rdaa031. Pp.1–28. <https://doi.org/10.1093/restud/rdaa031>
247. Grossman G.M., Helpman E. Protection for Sale // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. Issue 4. Pp. 833–850.
248. Grossman G.M., McCalman P., Staiger R.W. The "New" Economics of Trade Agreements: From Trade Liberalization to Regulatory Convergence? / NBER. Working Paper 26132. 2019. 66 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w26132> (дата обращения: октябрь 2020).
249. Gupta S., Kangur A., Papageorgiou C., Wane A. Efficiency-Adjusted Public Capital and Growth // *World Development*. 2014. Vol. 57. Pp. 164–178. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.11.012>
250. Hamanaka S. Institutional Parameters of a Region-Wide Economic Agreement in Asia: Examination of Trans-Pacific Partnership and ASEAN + Free Trade Agreement Approaches / ADB. Working Paper Series No. 67. 2010. 29 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30457/wp67-hamanaka-institutional-parameters.pdf> (дата обращения: октябрь 2020).
251. Hamanaka S. Trans-Pacific Partnership versus Comprehensive Economic Partnership: Control of Membership and Agenda Setting / ADB. Working Paper Series on Regional Economic Integration No. 146. 2014. 39 p. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/152753/reiwp-146.pdf> (дата обращения: июль 2020).
252. Handbook of International Trade and Transportation / Ed. by B.A. Blonigen, P.H. Knight, W. Wilson. Edward Elgar Publishing, 2018. 720 p.
253. Harstad B. Flexible Integration? Mandatory and Minimum Participation Rules // *Scandinavian Journal of Economics*. 2006. Vol. 108. Issue 4. Pp. 683–702. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9442.2006.00475.x>
254. Hayakawa K., Jinji N., Matsuura T., Yoshimi T. Costs of Utilizing Regional Trade Agreements / RIETI. Discussion Paper Series 19-E-054. 2019. July. 40 p. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/19e054.pdf> (дата обращения: июль 2020).
255. Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // *American Economic Review*. 1945. Vol. 35. Issue 4. Pp. 519–530. https://doi.org/10.1142/9789812701275_0025
256. Head K., Mayer T. The Empirics of Agglomeration and Trade // *Handbook of Regional and Urban Economics*. 2004. Vol. 4. Pp. 2609–2669. [https://doi.org/10.1016/S1574-0080\(04\)80016-6](https://doi.org/10.1016/S1574-0080(04)80016-6)
257. Heid B., Larch M., Yotov Y.V. Estimating the Effects of Non-Discriminatory Trade Policies within Structural Gravity Models / Center for Economic Studies and Ifo Institute. Working Paper No. 6735. Munich, 2017. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/173011/1/ce-sifo1_wp6735.pdf (дата обращения: июль 2020).
258. Helpman E. Imperfect Competition and International Trade: Evidence from Fourteen Industrial Countries // *Journal of the Japanese and International Economies*. 1987. Vol. 1. Issue 1. Pp. 62–81. [https://doi.org/10.1016/0889-1583\(87\)90027-X](https://doi.org/10.1016/0889-1583(87)90027-X)
259. Helpman E. Understanding Global Trade. Cambridge, Massachusetts, London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 232 p.
260. Henriques I., Sadorsky P. Export-Led Growth or Growth-Driven Exports? The Canadian Case // *Canadian Journal of Economics*. 1996. Vol. 29. Issue 3. Pp. 540–555. <https://doi.org/10.2307/136249>
261. Hiratsuka D. East Asia's Economic Integration and Institutional Cooperation for Further Integration // *International Handbook on the Economics of Integration*. Volume I.

- General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 393–415.
262. Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. Beyond the WTO? An anatomy of EU and US preferential trade agreements // *World Economy*. 2010. Vol. 33. Issue 11. Pp. 1565–1588. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2010.01273.x>
263. Hosny A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*. 2013. Vol. 2. Issue 5. Pp. 133–155.
264. Hummels D., Ishii J., Yi K.M. The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // *Journal of International Economics*. 2001. Vol. 54. Issue 1. Pp. 75–96. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(00\)00093-3](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(00)00093-3)
265. Hummels D., Klenow P.J. The Variety and Quality of a Nation's Exports // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. Issue 3. Pp. 704–723. <https://doi.org/10.1257/0002828054201396>
266. Hummels D.L., Schaur G. Time as a Trade Barrier // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. Issue 7. Pp. 2935–2959. <https://doi.org/10.1257/aer.103.7.2935>
267. Hurst L., Cai P.Y., Findlay C. Chinese Direct Investment in Australia: Public Reaction, Policy Response, Investor Adaptation / EABER. Working Papers 23342. 2012. URL: <https://ideas.repec.org/p/eab/wpaper/23342.html> (дата обращения: июль 2020).
268. Hye Q., Wizarat Sh., Lau W. Trade-Led Growth Hypothesis: An Empirical Analysis of South Asian Countries // *Economic Modelling*. 2013. Vol. 35. Pp. 654–660. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2013.07.040>
269. Incidence of Non-Ad Valorem Tariffs in Members' Tariff Schedules and Possible Approaches to the Estimation of Ad Valorem Equivalents / WTO, Negotiating Group on Market Access. 2003. May. URL: <https://wits.worldbank.org/methodology.html> (дата обращения: июль 2020).
270. INDSTAT / UNIDO. URL: <https://stat.unido.org/#> (дата обращения: июль 2020).
271. International Classification of Non-Tariff Measures / UNCTAD. 2012 Version. New York, Geneva, 2013. 48 p. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctab20122_en.pdf (дата обращения: июль 2020).
272. International Financial Statistics / IMF. <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b&sld=1409151240976> (дата обращения: июль 2020).
273. I-TIP Goods: Integrated Analysis and Retrieval of Notified Non-Tariff Measures / World Trade Organization. 2012. URL: <http://i-tip.wto.org/goods/default.aspx?language=en> (дата обращения: июль 2020).
274. Izotov D.A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries // *Studies on Russian Economic Development*. 2017. Vol. 28. Issue 3. Pp. 338–345. <https://doi.org/10.1134/S1075700717030078>
275. Izotov D.A. Trade Barriers between Chinese Provinces and Russia // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. Issue 2. Pp. 233–246. <https://dx.doi.org/10.1134/S2079970521020052>
276. Izotov D.A., Motrich E.L. Foreign Labor of the Russian Far East // *Studies on Russian Economic Development*. 2019. Vol. 30. Issue. 5. Pp. 570–577. <https://doi.org/10.1134/S1075700719050071>
277. Izotov D.A., Tochkov K.I. Interaction of the Russian Far East and Asia-Pacific Countries: Assessment of Institutional and Tariff Barriers to Trade // *Regional Research of Russia*. 2020. Vol. 10. Issue. 2. Pp. 182–193. <https://doi.org/10.1134/S2079970520020069>

278. Jammes O., Olarrega M. Explaining SMART and GSIM / The World Bank. 2005. April. URL: http://wits.worldbank.org/witsweb/download/docs/explaining_smart_and_gsim.pdf (дата обращения: октябрь 2020).
279. Japan-Republic of Korea-People's Republic of China Free Trade Agreement (Japan-Republic of Korea-PRC FTA) / Asia Regional Integration Center. URL: <https://aric.adb.org/fta/peoples-republic-of-china-japan-korea-free-trade-agreement> (дата обращения: июль 2020).
280. Kanamori H. Cooperative Economic Development in Northeast Asia // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia: Proceedings of the Sixth Meeting of the Northeast Asia Economic Forum (January 18–19, 1996). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1996. Pp. 16–18.
281. Katz S.S. A Northeast Asian Development Bank // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia: Proceedings of the Sixth Meeting of the Northeast Asia Economic Forum (January 18–19, 1996). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1996. Pp. 125–134.
282. Katz S.S. Financing the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB): Issues for Further Discussion // Building a Northeast Asian Economic Community (December 30, 2015) / Ed. by L.J. Cho, C.J. Lee. KIEP, 2015. Pp. 129–132.
283. Kawai M. Financing Development Cooperation in Northeast Asia / ADBI. Working Paper 407. 2013. URL: <http://www.adbi.org/working-paper/2013/02/15/5521.financing.dev.cooperation.northeast.asia/> (дата обращения: октябрь 2020).
284. Kawasaki K. The Relative Significance of EPAs in Asia-Pacific / RIETI. Discussion Paper Series 14-E-009. 2014. 37 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/14e009.pdf> (дата обращения: июль 2020).
285. Kawashima S. Japan's Painful Choice on RCEP. Tokyo faces a major conundrum with the proposed free trade agreement / The Diplomat. 2020. 3 August. URL: <https://thediplomat.com/2020/08/japans-painful-choice-on-rcep/> (дата обращения: октябрь 2020).
286. Kim Ch.-S., Park M.S. Trade, Foreign Direct Investment and International Flow of Labor: OECD Countries // Journal of International and Area Studies. 2012. Vol. 19. Issue 2. Pp. 1–12.
287. Kim H. Political Stability and Foreign Direct Investment // International Journal of Economics and Finance. 2010. Vol. 2. Issue 3. Pp. 59–71. <https://doi.org/10.5539/ijef.v2n3p59>
288. Kimura F., Ando M. Two-Dimensional Fragmentation in East Asia: Conceptual Framework and Empirics // International Review of Economics and Finance. 2005. Vol. 14. Issue 3. Pp. 317–348. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2004.12.005>
289. Kimura F., Kuno A., Hayakawa K. Does the Number of RTAs Matter? Empirical Analysis on the Spaghetti Bowl Phenomenon / Keio University. 2006. 21 p. URL: <https://faculty.washington.edu/karyiu/confer/GJ06/papers/kimura-kuno-hayakawa.pdf> (дата обращения: июль 2020).
290. Kojima K. A Macroeconomic Approach to Foreign Direct Investment // Hitotsubashi Journal of Economics. 1973. Vol. 14. Issue 1. Pp. 1–21.
291. Kojima K. The 'Flying Geese' Model of Asian Economic Development: Origin, Theoretical Extensions, and Regional Policy Implications // Journal of Asian Economics. 2000. Vol. 11. Issue 4. Pp. 375–401. [https://doi.org/10.1016/S1049-0078\(00\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S1049-0078(00)00067-1)
292. Korolev A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications // Pacific Affairs. 2016. Vol. 89. Issue 1. Pp. 53–73. <https://dx.doi.org/10.5509/201689153>

293. Kreinin M.E., Plummer M.G. Effects of Regional Integration on FDI: An Empirical Approach // *Journal of Asian Economics*. 2008. Vol. 19. Issue 5–6. Pp. 447–454. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2008.09.005>
294. Kreinin M.E., Plummer M.G. Theory and Economic Modeling of Preferential Trading Arrangements // *The Oxford Handbook of International Commercial Policy* / Ed. by M.E. Kreinin, M.G. Plummer. Oxford University Press, 2012. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195378047.013.0006> (дата обращения: октябрь 2020).
295. Krugman P. The Move toward Free Trade Zones // *Economic Review*. 1991. Vol. 76. Pp. 5–25.
296. Kurecic P., Kokotovic F. The Relevance of Political Stability on FDI: A VAR Analysis and ARDL Models for Selected Small, Developed, and Instability Threatened Economies // *Economies*. 2017. Vol. 5. Issue 3. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.3390/economies5030022>
297. Laird S., Yeats A. The UNCTAD Trade Policy Simulation Model. A Note on the Methodology, Data and Uses / UNCTAD. 1986. October. URL: <https://wits.worldbank.org/data/public/SMARTMethodology.pdf> (дата обращения: октябрь 2020).
298. Lancaster K. Intra-Industry Trade under Perfect Monopolistic Competition // *Journal of International Economics*. 1980. Vol. 10. Issue 2. Pp. 151–175. [https://doi.org/10.1016/0022-1996\(80\)90052-5](https://doi.org/10.1016/0022-1996(80)90052-5)
299. Laux-Meiselba W. A Note on Import Substitution versus Export Promotion as Strategies for Development // *Kyklos*. 1989. Vol. 42. Pp. 219–229. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1989.tb00189.x>
300. Leamer E.E., Levinsohn J. International Trade Theory: The Evidence // *Handbook of International Economics*. 1995. Vol. 3. Pp. 1339–1394. [https://doi.org/10.1016/S1573-4404\(05\)80006-1](https://doi.org/10.1016/S1573-4404(05)80006-1)
301. Ledyeva S. Spatial Econometric Analysis of Foreign Direct Investment Determinants in Russian Regions // *The World Economy*. 2009. Vol. 32. Issue 4. Pp. 643–666. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2008.01145.x>
302. Ledyeva S., Karhunen K., Whalley J. If Foreign Investment is not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia / CEPII. Working Papers No 2013-05. 2013. February. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2013/wp2013-05.pdf (дата обращения: июль 2020).
303. Levchenko A.A. Institutional Quality and International Trade // *The Review of Economic Studies*. 2007. Vol. 74. Issue 3. Pp. 791–819. <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2007.00435.x>
304. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // *The Manchester School*. 1954. Vol. 22. Issue 2. Pp. 139–191. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x>
305. Li C., Wang J., Whalley J. Numerical General Equilibrium Analysis of China's Impacts from Possible Mega Trade Deals / NBER. Working Paper 20425. 2014. 53 p. URL: <https://doi.org/10.3386/w20425> (дата обращения: октябрь 2020).
306. Lileeva A., Treer D. Improved Access to Foreign Markets Raises Plant-Level Productivity for Some Plants // *The Quarterly Journal of Economics*. 2010. Vol. 125. Issue 3. Pp. 1051–1099. <https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1051>
307. Lim H., Kimura F. The Internationalization of Small and Medium Enterprises in Regional and Global Value Chains / ADBI. Working Paper No. 231. 2010. 26 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156086/adbi-wp231.pdf> (дата обращения: июль 2020).

308. Limão N. Preferential Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. Volume 1B / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 279–367. <https://doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.013>
309. Lipsey R.G. Technology and Globalisation // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 226–238. <https://doi.org/10.4337/9781849805995.00020>
310. Lipsey R.G., Smith M.G. Multilateral versus Regional Trading Arrangements: Substitutes or Complements? // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 90–120. <https://doi.org/10.4337/9781849805995.00013>
311. Lissovolik B., Lissovolik Y. Russia and the WTO: The ‘Gravity’ of Outsider Status / IMF. Working Paper WP/04/159. 2004. 43 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2004/wp04159.pdf> (дата обращения: июль 2020).
312. Liuhto K. Special Economic Zones in Russia – What do the Zones Offer for Foreign Firms? / Electronic Publications of Pan-European Institute. 2/2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/242581512_Special_Economic_Zones_in_Russia_-_What_do_the_zones_offer_for_foreign_firms (дата обращения: январь 2020).
313. Ma J., Shi J., Luo D., Che Y. Effect of Trade Openness on Regional Economic Growth in China: Revisiting the Discussion // Applied Economics Letters. 2019. Vol. 26. Issue 16. Pp. 1313–1316. <https://doi.org/10.1080/13504851.2018.1558331>
314. Maggi G. International Trade Agreements // Handbook of International Economics. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 317–390. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-54314-1.00006-9>
315. Making Public Investment More Efficient / IMF. 2015. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/061115.pdf> (дата обращения: июль 2020).
316. Martin P., Mayer T., Thoenig M. The Geography of Conflicts and Regional Trade Agreements // American Economic Journal: Macroeconomics. 2012. Vol. 4. Issue 4. Pp. 1–35. <https://doi.org/10.1257/mac.4.4.1>
317. Martincus C.V., Carballo J., Gallo A. The Impact of Export Promotion Institutions on Trade: Is it the Intensive or the Extensive Margin? // Applied Economics Letters. 2011. Vol. 18. Issue 2. Pp. 127–132. <https://doi.org/10.1080/13504850903508283>
318. Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. Trade Creation and Trade Diversion in Deep Agreements / World Bank. Policy Research Working Paper No. 8206. 2017. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/208101506520778449/pdf/WPS8206.pdf> (дата обращения: октябрь 2020).
319. McCallum J. National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns // American Economic Review. 1995. Vol. 85. Issue 3. Pp. 615–623.
320. McCulloch R. The International Trading System and Its Future // The Oxford Handbook of International Commercial Policy / Ed. by M.E. Kreinin, M.G. Plummer. Oxford University Press, 2012. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195378047.013.0002> (дата обращения: октябрь 2020).
321. McGowan C.B. Jr., Moeller S.E. A Model for Making Foreign Direct Investment Decisions Using Real Variables for Political and Economic Risk Analysis // Managing Global Transitions. 2009. Vol. 7. Issue 1. Pp. 27–44.
322. McLaren J. The Political Economy of Commercial Policy // Handbook of Commercial Policy. Volume 1A / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 109–159. <https://doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.001>

323. Members and Observers / WTO. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (дата обращения: июль 2020).
324. Menon J. From Spaghetti Bowl to Jigsaw Puzzle? Fixing the Mess in Regional and Global Trade // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2014. Vol. 1. Issue 3. Pp. 470–483. <https://doi.org/10.1002/app5.57>
325. Messerlin P. The Impact of Trade and Foreign Direct Investment on Labour Markets: The French Case / OECD. Jobs Study Working Papers. 1995. No. 9. 39 p. URL: <https://doi.org/10.1787/767608658653> (дата обращения: октябрь 2020).
326. Mi Z., Meng J., Zheng H., Shan Y., Wei Y., Guan D. A Multi-Regional Input-Output Table Mapping China's Economic Outputs and Interdependencies in 2012 // *Scientific Data*. 2018. Vol. 5. 180155. URL: <https://doi.org/10.1038/sdata.2018.155> (дата обращения: октябрь 2020).
327. Mikić M. The Theory of Economic Integration // *International Trade. Texts in Economics*. London: Palgrave, 1998. Pp. 441–465.
328. Moberg L. The Political Economy of Special Economic Zones // *Journal of Institutional Economics*. 2015. Vol. 11. Issue 1. Pp. 167–190. <https://doi.org/10.1017/S1744137414000241>
329. Modi Was Right. India Isn't Ready for Free Trade // *Foreign Policy*. 2019. 19 November. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/19/modi-pull-out-rcep-india-manufacturers-compete-china/> (дата обращения: июль 2020).
330. Morriss A.P., Moberg L. Cartelizing Taxes: Understanding the OECD's Campaign Against 'Harmful Tax Competition' // *Columbia Journal of Tax Law*. 2013. Vol. 4. Issue 1. Pp. 1–64. <https://doi.org/10.7916/cjtl.v4i1.2813>
331. Mossavar-Rahmani S., Ha J., Minovi M., Dibo M. Walled in: China's Great Dilemma / Investment Strategy Group. 2016. 74 p. URL: <http://www.goldmansachs.com/what-we-do/investment-management/private-wealth-management/intellectual-capital/isg-china-insight-2016.pdf> (дата обращения: июль 2020).
332. Motrich E.L., Izotov D.A. Modern Trends and Problems of Migration in a Russian Border Region: The Far East // *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Vol. 29. Issue 3. Pp. 245–251. <https://doi.org/10.1134/S1075700718030103>
333. *Multinationals and East Asian Integration* / Ed. by W. Dobson, C.S. Yue; Institute of Southeast Asian Studies & International Development Research Centre. 1997. 328 p.
334. Nadeem S. Political Instability and Foreign Direct Investment: Empirical Evidence from Pakistan // *European Journal of Business and Management*. 2015. Vol. 7. Issue 17. Pp. 189–199.
335. Natatomi M. Global Value Chain Governance in the Era of Mega FTAs and a Proposal of an International Supply Chain Agreement. 2013. 13 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/en/special/policy-update/050.pdf> (дата обращения: июль 2020).
336. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: июль 2020).
337. Nazeer A.M., Masih M. Impact of Political Instability on Foreign Direct Investment and Economic Growth: Evidence from Malaysia / MPRA. Paper 79418. 2017. 20 p. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/79418/1/MPRA_paper_79418.pdf (дата обращения: июль 2020).
338. Nunn N. Relationship-Specificity, Incomplete Contracts and the Pattern of Trade // *Quarterly Journal of Economics*. 2007. Vol. 122. Issue 2. Pp. 569–600. <https://doi.org/10.1162/qjec.122.2.569>

339. Nunn N., Trefler D. Domestic Institutions as a Source of Comparative Advantage // Handbook of International Economics. Volume 4 / Ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. North Holland, 2014. Pp. 263–315. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-54314-1.00005-7>
340. Okabe M. Impact of Free Trade Agreements on Trade in East Asia / ERIA. Discussion Paper Series. ERIA-DP-2015-01. 2015. 49 p. URL: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2015-01.pdf> (дата обращения: июль 2020).
341. Olivero M.P., Yotov Y.V. Dynamic Gravity: Endogenous Country Size and Asset Accumulation // Canadian Journal of Economics. 2012. Vol. 45. Issue 1. Pp. 64–92. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5982.2011.01687.x>
342. Panagariya A. Preferential Trade Liberalization: The Traditional Theory and New Developments // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. Issue 2. Pp. 287–331. <https://doi.org/10.1257/jel.38.2.287>
343. Partridge M.D., Yang B., Chen A. Do Border Effects Alter Regional Development: Evidence from China / MPRA. Paper 82080. 2017. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/82080/1/MPRA_paper_82080.pdf (дата обращения: июль 2020).
344. Pavcnik N. Trade Liberalization, Exit, and Productivity Improvements: Evidence from Chilean Plants // The Review of Economic Studies. 2002. Vol. 69. Issue 1. Pp. 245–276. <https://dx.doi.org/10.1111/1467-937X.00205>
345. Petri P.A. Multitrack Integration in East Asian Trade: Noodle Bowl or Matrix? // Asia Pacific Issues. Issue 86. 2008. 12 p. URL: <http://www.eastwestcenter.org/publications/multitrack-integration-east-asian-trade-noodle-bowl-or-matrix> (дата обращения: июль 2020).
346. Petri P.A., Abdul-Raheem A. Can RCEP and the TPP be Pathways to FTAAP? / SSRN. 2014. 21 p. URL: <http://ssrn.com/abstract=2513893> (дата обращения: июль 2020).
347. Petri P.A., Plummer M.G., Zhai F. The TPP, China and the FTAAP: The Case for Convergence // New Directions in Asia-Pacific Economic Integration / Ed. by G. Tang, P.A. Petri. East-West Center, 2014. Pp. 78–89.
348. Piermartini R., Yotov Y.V. Estimating Trade Policy Effects with Structural Gravity / WTO. Working Papers No. 2016/10. 2016. URL: <https://doi.org/10.30875/2d235948-en>. (дата обращения: октябрь 2020).
349. Plummer M.G. Best Practices in Regional Trading Arrangements: An Application to Asia // The World Economy. 2007. Vol. 30. Issue 12. Pp. 1771–1796. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2007.01061.x>
350. Political Priority, Economic Gamble. Free-Trade Zones Are More Popular Than Ever-With Politicians, If Not Economists // The Economist. 2015. 4 April. URL: <http://www.economist.com/news/finance-and-economics/21647630-free-trade-zones-are-more-popular-everwith-politicians-if-not> (дата обращения: июль 2020).
351. Pomfret R. Regional Integration in East Asia // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 377–392. <https://doi.org/10.4337/9781849805995.00027>
352. Poncet S. A Fragmented China: Measure and Determinants of Chinese Domestic Market Disintegration // Review of International Economics. 2005. Vol. 13. Issue 2. Pp. 409–430. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9396.2005.00514.x>
353. Prebisch R. The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems // Economic Bulletin for Latin America. 1962. Vol. VII. Issue 1. Pp. 1–22.

354. Rahman M., Mustafa M. Dynamics of Real Exports and Real Economic Growths in 13 Selected Asian Countries // *Journal of Economic Development*. 1997. Vol. 22. Issue 2. Pp. 81–95.
355. Ramcharran H. Foreign Direct Investment and Country Risk: Further Empirical Evidence // *Global Economic Review*. 1999. Vol. 28. Issue 3. Pp. 49–59. <https://doi.org/10.1080/12265089908449766>
356. Ravenhill J. The 'New East Asian Regionalism': A Political Domino Effect // *Review of International Political Economy*. 2010. Vol. 17. Issue 2. Pp. 178–208. <https://doi.org/10.1080/09692290903070887>
357. Ravenhill J. US and EU Regionalism: The Case of the Western Pacific Rim // *The International Trade Journal*. 2006. Vol. 20. Issue 2. Pp. 219–261. <http://dx.doi.org/10.1080/08853900600620191>
358. Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) / Asia Regional Integration Center. 2019. URL: <https://aric.adb.org/fta/regional-comprehensive-economic-partnership> (дата обращения: июль 2020).
359. Regional Trade Agreements Database / WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: июль 2020).
360. Roberts M., Tybout J. The Decision to Export in Colombia: An Empirical Model of Entry with Sunk Costs // *American Economic Review*. 1997. Vol. 87. Issue 4. Pp. 545–564.
361. Rodrigues M. Import Substitution and Economic Growth // *Journal of Monetary Economics*. 2010. Vol. 57. Issue 2. Pp. 175–188. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2009.12.004>
362. Rodrik D. What Do Trade Agreements Really Do? // *Journal of Economic Perspectives*. 2018. Vol. 32. Issue 2. Pp. 73–90. <https://doi.org/10.1257/jep.32.2.73>
363. Romer P. Growth Based on Increasing Returns Due to Specialization // *American Economic Review*. 1987. Vol. 77. Issue 2. Pp. 56–62.
364. Rose A., Lockwood B., Quah D. One Money, One Market: The Effect of Common Currencies on Trade // *Economic Policy*. 2000. Vol. 15. Issue 30. Pp. 9–45.
365. Ross M.L. *The Oil Curse. How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations*. Princeton University Press, 2012. 312 p.
366. Rozenwurcel G. Why Have All Development Strategies Failed in Latin America? / United Nations University. Research Paper 2006/012. 2006. 21 p. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/rp2006-12.pdf> (дата обращения: июль 2020).
367. Sachs J.D., Warner A.M. The Big Rush, Natural Resource Booms and Growth // *Journal of Development Economics*. 1999. Vol. 59. Issue 1. Pp. 43–76. [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(99\)00005-X](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(99)00005-X)
368. Sanitary and Phytosanitary Information Management System / WTO. URL: <http://spsims.wto.org/> (дата обращения: июль 2020).
369. Santos Silva J., Tenreyro S. The Log of Gravity // *Review of Economics and Statistics*. 2006. Vol. 88. Pp. 641–658. <https://doi.org/10.1162/rest.88.4.641>
370. Santos Silva J.M.C., Tenreyro S. Further Simulation Evidence on the Performance of the Poisson Pseudo-Maximum Likelihood Estimator // *Economics Letters*. 2011. Vol. 112. Issue 2. Pp. 220–222. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2011.05.008>
371. Sapir A. European Integration at the Crossroads: A Review Essay on the 50th Anniversary of Bela Balassa's Theory of Economic Integration // *Journal of Economic Literature*. 2011. Vol. 49. Issue 4. Pp. 1200–1229. <https://doi.org/10.1257/jel.49.4.1200>
372. Scalapino R.A. *The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 137 p.

373. Schiff M., Winters A.L. Dynamics and Politics in Regional Integration Arrangements // World Bank Economic Review. 1998. Vol. 12. Issue 2. Pp. 177–195. URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1093/wber/12.2.177> (дата обращения: октябрь 2020).
374. Sea Distances / Port Distances. URL: <https://sea-distances.org/> (дата обращения: июль 2020).
375. Shirono K. Real Effects of Common Currencies in East Asia / IMF. Working Papers No. 07/166. 2007. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Real-Effects-of-Common-Currencies-in-East-Asia-21166> (дата обращения: июль 2020).
376. Siroën J.-M., Yücer A Trade Performance of Free Trade Zones / Universite Paris-Dauphine. Document De Travail DT/2014-09. 2014. 28 p. URL: http://www.dial.ird.fr/media/ird-sites-d-unites-de-recherche/dial/documents/publications/doc_travail/2014/2014-09 (дата обращения: июль 2020).
377. Soloaga I., Winters L.A. Regionalism in the Nineties: What Effect on Trade? // The North American Journal of Economics and Finance. 2001. Vol. 12. Issue 1. Pp. 1–29. [https://doi.org/10.1016/S1062-9408\(01\)00042-0](https://doi.org/10.1016/S1062-9408(01)00042-0)
378. Special Economic Zones. Performance, Lessons Learned, and Implications for Zone Development / FIAS. 2008. 83 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/pdf/458690WP0Box331s0April200801PUBLIC1.pdf> (дата обращения: июль 2020).
379. Special Economic Zones. Progress, Emerging Challenges, and Future Directions / The World Bank. Ed. by T. Farole, G. Akinci. 2011. 346 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2341/638440PUB0Exto00Box0361527B0PUBLIC0.pdf> (дата обращения: июль 2020).
380. Spence M. The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multi-speed World. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 320 p.
381. Stawowy W. Calculation of Ad Valorem Equivalents of Non-Ad Valorem Tariffs. Methodology Notes / UNCTAD. 2001. October. URL: <http://wits.worldbank.org/witsweb/download/docs/AVEmeth.doc>. (дата обращения: октябрь 2020).
382. Sykes A.O. Regulatory Competition or Regulatory Harmonization? A Silly Question? // Journal of International Economic Law. 2000. Vol. 3. Pp. 257–264. <https://doi.org/10.1093/jiel/3.2.257>
383. Taglioni D. Exchange Rate Volatility as a Barrier to Trade: New Methodologies and Recent Evidence // *Economie Internationale*. 2002. Issue 89–90. Pp. 227–259. <https://doi.org/10.3917/eoi.089.0227>
384. Tariff data by Country / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en> (дата обращения: июль 2020).
385. Technical Barriers to Trade Information Management System / WTO. URL: <http://tbtims.wto.org/> (дата обращения: июль 2020).
386. The Beijing Roadmap for APEC's Contribution to the Realization of the FTAAP / APEC. 2019. URL: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexa.aspx (дата обращения: июль 2020).
387. The European Union and the Russian Federation / Delegation of the European Union to Russia. 2021. 3 March. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/35939/node/35939_en (дата обращения: апрель 2021).
388. The New Eurasian Economic Union – A China FTA in the Offing? // China Briefing. 2015. 9 January. URL: <http://www.china-briefing.com/news/2015/01/09/new-urasian-economic-union-china-fta-offing.html> (дата обращения: июль 2020).

389. Thorbecke W. Enjoying the Fruits of Their Labor: Redirecting Exports to Asian Consumers / RIETI. Discussion Paper Series 15-E-016. 2015. 32 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/15e016.pdf> (дата обращения: июль 2020).
390. Tinbergen J. International Economic Integration, (second edition). Amsterdam: Elsevier, 1965. 142 p.
391. Tinbergen J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. New York: Twentieth Century Fund, 1962. 330 p.
392. Tochkov K. Gravity, Borders, and the Potential for Economic Integration in the Asia Pacific: Evidence from Korea and Russia // 2015 KIEP Visiting Fellows Program / Korea Institute for International Economic Policy. 2016. Pp. 84–111.
393. Toma T. For Closer Regional and District-Based Cooperation and Unified Effort // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia: Proceedings of Conference of the Northeast Asia Economic Forum (September 26-28, 1993, Yongpyeong). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. Pp. 254–256.
394. Topal M.H., Gül Ö.S. The Effect of Country Risk on Foreign Direct Investment: A Dynamic Panel Data Analysis for Developing Countries // Journal of Economics Library. 2016. Vol. 3. No. 1. Pp. 141–155.
395. Tornell A., Lane P.R. The Voracity Effect // American Economic Review. 1999. Vol. 89. Issue 1. Pp. 22–46. <https://doi.org/10.1257/aer.89.1.22>
396. Total Factor Productivity at Constant National Prices for China / FRED. 2015. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/RTFPNACNA632NRUG> (дата обращения: июль 2020).
397. Trade Creation / Economics Online. 2019. URL: https://www.economicsonline.co.uk/Global_economics/Trade_creation.html (дата обращения: июль 2020).
398. Trans-Pacific Partnership / Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Trans-Pacific_Partnership (дата обращения: июль 2020).
399. Trefler D. Trade Liberalization and the Theory of Endogenous Protection: An Econometric Study of U.S. Import Policy // Journal of Political Economy. 1993. Vol. 101. Issue 1. Pp. 138–160.
400. Triffin R. Economic Integration: Institutions, Theories, and Policies // World Politics. 1954. Issue 6. Pp. 526–537. <https://doi.org/10.2307/2009026>
401. Trump Signs China Trade Pact and Boasts of ‘the Biggest Deal Ever Seen’ // The Guardian. 2020. 15 January. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/jan/15/us-china-trade-deal-donald-trump> (дата обращения: июль 2020).
402. Tsagaach T. The Implications of Successful SEZs in Northeast Asia: Opportunities for Developing SEZs in Mongolia // The Northeast Asian Economic Review. 2016. Vol. 4. Issue 2. Pp. 77–88.
403. UNCTAD (TRAINS) / World Bank. URL: [https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=UNCTAD-%7E-Trade-Analysis-Information-System-\(TRAINS\)](https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=UNCTAD-%7E-Trade-Analysis-Information-System-(TRAINS)) (дата обращения: июль 2020).
404. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/> (дата обращения: июль 2020).
405. Uribe-Etxeberria A.M., Silvente F.R. The Intensive and Extensive Margins of Trade: Decomposing Exports Growth Differences Across Spanish Regions // Investigaciones Regionales. 2012. Vol. 53. Pp. 53–76.
406. Urry J. Offshoring. Cambridge: Polity, 2014. 212 p.
407. Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D. Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia. Washington, DC: World Bank Group. 2014. 400 p. URL: <http://documents.world-bank.org/curated/en/124481468251373591/pdf/854170PUB0978100Box382147B00PUBLIC0.pdf> (дата обращения: июль 2020).

408. Vietnam, Eurasia Economic Union Sign Free Trade Agreement. URL: <http://wtocenter.vn/other-agreement/vietnam-eurasia-economic-union-sign-free-trade-agreement> (дата обращения: октябрь 2015).
409. Viner J. The Customs Union Issue. Oxford University Press, 2014. 256 p.
410. Vladimir Putin: An Asia-Pacific Growth Agenda // The Wall Street Journal. 2012. 6 September. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10000872396390443847404577629312716242648> (дата обращения: октябрь 2020).
411. Walsh J.P., Yu J. Determinants of Foreign Direct Investment: A Sectoral and Institutional Approach / IMF. Working Paper Asia Pacific Department WP/10/187. 2010. 28 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2010/wp10187.pdf> (дата обращения: июль 2020).
412. Warner A.M. Public Investment as an Engine of Growth / IMF. Working Paper WP/14/148. 2014. 76 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2014/wp14148.pdf> (дата обращения: июль 2020).
413. Wei S.-J., Frankel J.A. Open versus Closed Trade Blocs // Regionalism versus Multilateral Trade Arrangements / Ed. by T. Ito, A.O. Krueger. NBER-EASE, 1997. Pp. 119–140. URL: <http://www.nber.org/chapters/c8598> (дата обращения: июль 2020).
414. Whalley J. Why Do Countries Seek Regional Trade Agreements? / NBER. Working Paper 5552. 1996. 37 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w5552.pdf> (дата обращения: июль 2020).
415. Williams B.R. The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications / Congressional Research Service. 2016. 18 p. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdf> (дата обращения: июль 2020).
416. Wisniewski T.P., Pathan S.K. Political Environment and Foreign Direct Investment: Evidence from OECD Countries // European Journal of Political Economy. 2014. Vol. 36. Pp. 13–23. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2014.07.004>
417. Withdrawal from Trans-Pacific Partnership Shifts U.S. Role in World Economy // The Washington Post. 2017. 23 January. URL: https://www.washingtonpost.com/business/economy/withdrawal-from-trans-pacific-partnership-shifts-us-role-in-world-economy/2017/01/23/05720df6-e1a6-11e6-a453-19ec4b3d09ba_story.html?utm_term=.7c2694fc3baa (дата обращения: июль 2020).
418. Wonnacott P., Wonnacott R.J. The Economic Case for Reciprocal Trade Negotiations: Gains from Both Imports and Exports // International Handbook on the Economics of Integration. Volume I. General Issues and Regional Groups / Ed. by M.N. Jovanovic. Edward Elgar Publishing Limited, 2011. Pp. 167–186. <https://doi.org/10.4337/9781849805995.00017>
419. Woolfrey S. Special Economic Zones and Regional Integration in Africa / Tralac. Working Paper No. S13WP10/2013. 2013. URL: <http://www.tralac.org/files/2013/07/S13WP102013-Woolfrey-Special-economic-zones-regional-integration-in-Africa-20130710-fin.pdf> (дата обращения: январь 2017).
420. World Economic Outlook Database / IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/April> (дата обращения: июль 2020).
421. World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default> (дата обращения: июль 2020).
422. World Investment and Political Risk 2013. Washington, DC: World Bank Group. 88 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/762801468171249924/World-investment-and-political-risk-2013> (дата обращения: июль 2020).
423. World Investment Report / UNCTAD. URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: июль 2020).

424. World Tariff Profiles / WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/tariff_profiles_e.htm (дата обращения: июль 2020).
425. World Tariff Profiles 2019. Applied MFN Tariffs / World Trade Organization, International Trade Centre and UNCTAD. 2019. 256 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles19_e.pdf (дата обращения: июль 2020).
426. Yamamoto K. A Two-Region Model with Two Types of Manufacturing Technologies and Agglomeration // *Regional Science and Urban Economics*. 2005. Vol. 35. Issue 6. Pp. 808–836. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2004.10.001>
427. Yang Z., Ye Z. Domestic Market Integration in China: The Role of the Financial Sector // *The Chinese Economy*. 2016. Vol. 49. Issue 5. Pp. 343–358. <https://doi.org/10.1080/10971475.2016.1193389>
428. Yotov Y.V. A Simple Solution to the Distance Puzzle in International Trade // *Economics Letters*. 2012. Vol. 117. Issue 3. Pp. 794–798. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2012.08.032>
429. Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model / United Nations; World Trade Organization. 2016. 137 p. URL: <https://doi.org/10.30875/abc0167e-en> (дата обращения: октябрь 2020).
430. Zhang X., Li C., Li W., Song J., Yang C. Do Administrative Boundaries Matter for Uneven Economic Development? A Case Study of China's Provincial Border Counties // *Growth and Change*. 2017. Vol. 48. Pp. 883–908. <https://doi.org/10.1111/grow.12196>
431. Zhao Y., Ni J. The Border Effects of Domestic Trade in Transitional China: Local Governments' Preference and Protectionism // *The Chinese Economy*. 2018. Vol. 51. Issue 5. Pp. 413–431. <https://doi.org/10.1080/10971475.2018.1479609>

ПЕРЕЧЕНЬ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В АТР¹

- 1) Перу–Гондурас (2017 г.);
- 2) Гонконг–Макао (2017 г.);
- 3) Евразийский экономический союз – ЕАЭС (Россия²)–Вьетнам (2016 г.);
- 4) Тихоокеанский альянс (Чили, Колумбия, Мексика, Перу) (2016 г.);
- 5) Коста-Рика–Колумбия (2016 г.);
- 6) Республика Корея–Колумбия (2016 г.);
- 7) Мексика–Панама (2016 г.);
- 8) Япония–Монголия (2016 г.);
- 9) Чили–Таиланд (2015 г.);
- 10) Республика Корея–Вьетнам (2015 г.);
- 11) КНР–Республика Корея (2015 г.);
- 12) Австралия–КНР (2015 г.);
- 13) Республика Корея–Новая Зеландия (2015 г.);
- 14) Канада–Республика Корея (2015 г.);
- 15) Япония–Австралия (2015 г.);
- 16) Чили–Вьетнам (2014 г.);
- 17) Канада–Гондурас (2014 г.);
- 18) Республика Корея–Австралия (2014 г.);
- 19) Гонконг–Чили (2014 г.);
- 20) Сингапур–Тайвань (2014 г.);
- 21) Новая Зеландия–Тайвань (2013 г.);
- 22) Коста-Рика–Сингапур (2013 г.);
- 23) Коста-Рика–Перу (2013 г.);
- 24) Малайзия–Австралия (2013 г.);
- 25) Канада–Панама (2013 г.);
- 26) Чили–Никарагуа (2012 г.);
- 27) Мексика–Центральная Америка (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа) (2012 г.);
- 28) Чили–Малайзия (2012 г.);
- 29) США–Панама (2012 г.);
- 30) США–Колумбия (2012 г.);
- 31) Панама–Перу (2012 г.);
- 32) Чили–Гватемала (2010 г.);

¹ По каждому торговому соглашению (в формате ЗСТ, ЗСТ+ и ТС) указан год, в котором оно вступило в силу. Источник: Regional Trade Agreements Database / WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: июль 2020).

² Указаны страны, относящиеся к АТР.

- 33) Республика Корея–США (2012 г.);
- 34) Япония–Перу (2012 г.);
- 35) Перу–Мексика (2012 г.);
- 36) КНР–Коста-Рика (2011 г.);
- 37) Канада–Колумбия (2011 г.);
- 38) Перу–Республика Корея (2011 г.);
- 39) Гонконг–Новая Зеландия (2011 г.);
- 40) Новая Зеландия–Малайзия (2010 г.);
- 41) АСЕАН–Республика Корея (2010 г.);
- 42) АСЕАН–Австралия–Новая Зеландия (2010 г.);
- 43) Перу–КНР (2010 г.);
- 44) Панама–Гватемала (2009 г.);
- 45) Перу–Чили (2009 г.);
- 46) Колумбия–страны «Северного треугольника» (Сальвадор, Гватемала, Гондурас) (2009 г.);
- 47) Панама–Никарагуа (2009 г.);
- 48) Япония–Вьетнам (2009 г.);
- 49) Чили–Колумбия (2009 г.);
- 50) Канада–Перу (2009 г.);
- 51) Перу–Сингапур (2009 г.);
- 52) Австралия–Чили (2009 г.);
- 53) КНР–Сингапур (2009 г.);
- 54) США–Перу (2009 г.);
- 55) Панама–Гондурас (2009 г.);
- 56) Чили–Гондурас (2008 г.);
- 57) Сальвадор–Гондурас–Тайвань (2008 г.);
- 58) АСЕАН–Япония (2008 г.);
- 59) Панама–Тайвань (2004 г.);
- 60) Никарагуа–Тайвань (2008 г.);
- 61) КНР–Новая Зеландия (2008 г.);
- 62) Панама–Коста-Рика (2008 г.);
- 63) Япония–Филиппины (2008 г.);
- 64) Бруней–Япония (2008 г.);
- 65) Япония–Индонезия (2008 г.);
- 66) Панама–Чили (2008 г.);
- 67) Япония–Таиланд (2007 г.);
- 68) Чили–Япония (2007 г.);
- 69) Чили–КНР (2006 г.);
- 70) Транстихоокеанское стратегическое экономическое партнерство (Бруней, Чили, Новая Зеландия, Сингапур) (2006 г.);

- 71) Панама–Сингапур (2006 г.);
- 72) Гватемала–Тайвань (2006 г.);
- 73) Япония–Малайзия (2006 г.);
- 74) Центральная Америка (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа)–США (2006 г.);
- 75) Республика Корея–Сингапур (2006 г.);
- 76) Таиланд–Новая Зеландия (2005 г.);
- 77) АСЕАН–КНР (2005 г.);
- 78) Япония–Мексика (2005 г.);
- 79) Таиланд–Австралия (2005 г.);
- 80) США–Австралия (2005 г.);
- 81) Республика Корея–Чили (2004 г.);
- 82) США–Сингапур (2004 г.);
- 83) США–Чили (2004 г.);
- 84) Панама–Сальвадор (2003 г.);
- 85) Торговое соглашение между островными тихоокеанскими государствами (Фиджи, Папуа – Новая Гвинея, Тонга и др.) (2003 г.);
- 86) КНР–Макао (2003 г.);
- 87) КНР–Гонконг (2003 г.);
- 88) Сингапур–Австралия (2003 г.);
- 89) Чили–Сальвадор (2002 г.);
- 90) Канада–Коста-Рика (2002 г.);
- 91) Япония–Сингапур (2002 г.);
- 92) Чили–Коста-Рика (2002 г.);
- 93) Новая Зеландия–Сингапур (2001 г.);
- 94) Чили–Мексика (1999 г.);
- 95) Канада–Чили (1997 г.);
- 96) Колумбия–Мексика (1995 г.);
- 97) НАФТА (США, Канада, Мексика) (1994 г.);
- 98) ЗСТ АСЕАН (1993 г.);
- 99) Андское сообщество наций (Колумбия, Эквадор, Перу) (1988 г.);
- 100) Австралия–Новая Зеландия (1989 г.);
- 101) Австралия–Папуа – Новая Гвинея (1977 г.);
- 102) Центральноамериканский общий рынок (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Панама) (1961 г.).

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТОВ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В РАМКАХ МОДЕЛИ ЧАСТИЧНОГО РАВНОВЕСИЯ

Эффект создания торговли отражает переориентацию национального рынка с менее эффективного внутреннего источника поставки товара на более эффективный импорт той страны или группы стран, с которыми осуществляется либерализация торговли. Графически эффект создания торговли выглядит следующим образом. Пусть А и В – две торгующие страны; q_0 – потребляемое количество товара, импортируемое из А в В; количество товара, импортируемое из А (A_0) и В (B_0) равно E_0 , как пересечение q_0 с линией, отражающей относительную цену между двумя товарами. Снижение таможенной пошлины на импорт из страны А снижает внутреннюю цену на товар поступающий из А, что вызывает эффект дохода, который позволяет достичь больших значений кривой q_1 . Имея прежний уровень расходов, потребители могут импортировать больше товаров из А (от A_1 до A_2) (рис. II.1).

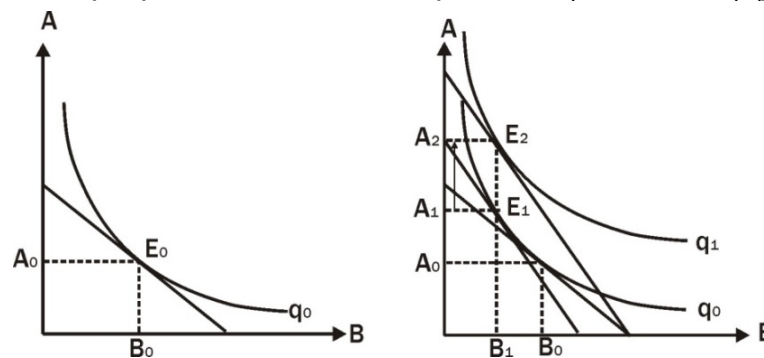


Рис. II.1. Эффект создания торговли

Источник: составлено на основе: Trade Creation / Economics Online. 2019. URL: https://www.economicsonline.co.uk/Global_economics/Trade_creation.html (дата обращения: июль 2020).

Эффект отклонения торговли означает переориентацию национального рынка с покупки определенного ряда товаров на мировом рынке на приобретение продукции из страны, с которой заключается торговое соглашение. Допустим, что сокращение импортной пошлины для страны А снижает относительную цену по сравнению с В (рис. II.2). Потребление агрегированного товара остается неизменным, но линия, отражающая относительную цену, будет круче. Это приведет к новому состоянию равновесия (E_1), при котором импорт из А увеличится (от A_0 до A_1), а импорт из В сократится (от B_0 до B_1). Данное изменение оценивается как эффект отклонения торговли. В отличие от эффекта создания торговли, эффект отклонения увеличивает только стоимостные объемы двустороннего товарооборота. В отличие от эффекта создания торговли, общий товарооборот с внешним миром за счет эффекта отклонения для страны, вступившей в торговое объединение, не увеличивается, поскольку проявляется в смещении поставок товаров от одной страны, с которой не подписано соглашение о либерализации торговли

(третьей страны), к другой, подписавшей торговое соглашение. В итоге, эффект отклонения торговли увеличивает только стоимостные объемы двустороннего товарооборота стран-участниц торгового объединения, не увеличивая их общий товарооборот с внешним миром.

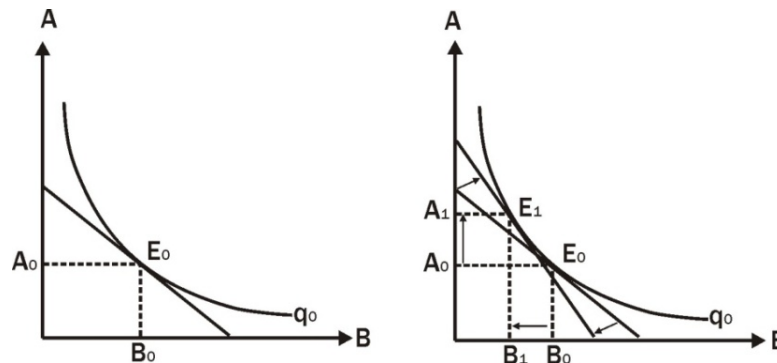


Рис. II.2. Эффект отклонения торговли

Источник: составлено на основе: Trade Creation / Economics Online. 2019. URL: https://www.economicsonline.co.uk/Global_economics/Trade_creation.html (дата обращения: июль 2020).

Поэтому, согласно теории¹, результативность либерализации торговли двух стран определяется превышением эффекта создания над эффектом отклонения торговли. В результате, масштабы торговых взаимодействий возрастают, а страны получают общий выигрыш, который может быть измерен *эффектом благосостояния*, образующимся за счет снижения цен на импорт на отечественном рынке и являющимся сочетанием *излишков потребителя и производителя*. При этом общая *тарифная выручка* бюджета, осуществляющих торговую либерализацию стран, за счет снижения отчислений от таможенных платежей сокращается, что может быть компенсировано увеличением эффективного импорта, экспорта и возникновением эффекта благосостояния. Также, *общий торговый эффект*, который представляет собой сумму эффектов создания и отклонения торговли, должен быть выше потерь тарифной выручки, в обратном случае это будет означать, что торговая либерализация не имеет экономического смысла, поскольку сокращение доходов бюджета не компенсируется общим выигрышем для национального рынка.

Приведенные ниже графики рынка импортного товара иллюстрирует связь между тарифной выручкой, излишком потребителя и благосостоянием для случая абсолютной эластичности предложения экспорта (рис. II.3).

Изменение тарифной выручки определяется вычитанием конечной ставки таможенной пошлины, умноженной на скорректированную стоимость импорта, и начальной пошлины, умноженной на исходную стоимость импорта. Представленная на рисунке I.3 левая диаграмма изображает текущую ситуацию (до сокращения пошлины), когда товару соответствует таможенная пошлина t_0 , которая включается в цену товара на внутреннем рынке – $P_w + t_0$ (P_w – цена товара на мировом

¹ Viner J. The Customs Union Issue. Oxford University Press, 2014. 256 p.

рынке), а также, учитывая структуру спроса, количество импортного товара Q_0 . Исходная тарифная выручка (TR_0) равна площади прямоугольника $Q_0 \times t_0$; исходный излишек потребителя (CS_0) равен разнице между готовностью потребителя нести расходы (предельная величина) и той суммой, которую он платит; исходные чистые издержки (DWL_0) представляет собой потери благосостояния из-за взимания пошлины t_0 с импортного товара.

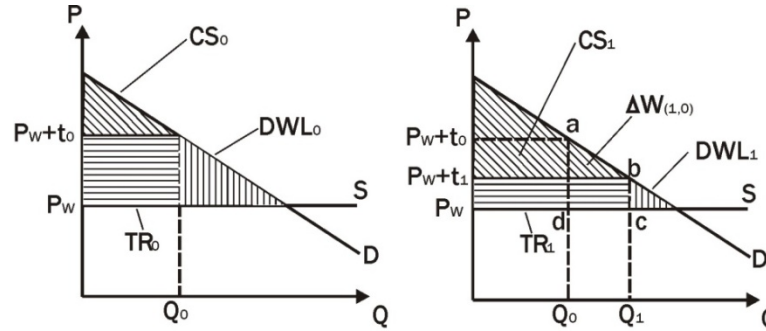


Рис. II.3. Эффекты дохода бюджета и благосостояния, излишек потребителя

Примечание: для малой страны.

Источник: составлено на основе: Effects on Tariff Revenue, Consumer Surplus and Welfare / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/SMART/Effects%20on%20Tariff%20Revenue.htm> (дата обращения: июль 2020).

На правой диаграмме (рис. II.3) отражено воздействие от сокращения таможенной пошлины с t_0 до t_1 . Цена на внутреннем рынке ($P_w + t_1$) снижается, а спрос на импорт увеличивается с Q_0 до Q_1 . Конечная тарифная выручка (TR_1) равна $Q_1 \times t_1$ и зависит от величины эластичности спроса на импорт; конечный излишек потребителя (CS_1) представлен на диаграмме трапецией; конечные чистые издержки (DWL_1) представляют потери благосостояния, которые экономика по-прежнему несет из-за имеющейся тарифной защиты национального рынка; изменение благосостояния (ΔW) представлено областью a-b-c-d, являющейся выигрышем для экономики в целом за счет снижения пошлины с t_0 до t_1 (сокращение чистых издержек). Изменение эффекта благосостояния за счет увеличения импорта включает в себя: дополнительную тарифную выручку $(Q_1 - Q_0) \times t_1$; дополнительный излишек потребителя $(Q_1 - Q_0) \times (t_0 - t_1)$.

Следует заметить, что изменение тарифной выручки вбирает в себя два противоположных эффекта: сокращение тарифной выручки, что соответствует ее передаче от государства к потребителям – $Q_0 \times (t_0 - t_1)$; увеличение тарифной выручки посредством роста налоговой базы – $(Q_1 - Q_0) \times t_1$. Используя эластичности спроса на импорт для отечественного рынка моделирование сокращения таможенных пошлин отражает, как правило, общее сокращение тарифной выручки, т. е. прироста выручки от роста импорта не достаточно, чтобы компенсировать потери доходов бюджета из-за снижения таможенной пошлины.

В модели частичного равновесия функция спроса страны j на товар i , произведенный в стране k выражается следующим образом¹:

$$M_{ijk} = f(Y_j, P_{ij}, P_{ik}), \quad (II.1)$$

где: M_{ijk} – импорт товара i в страну j из страны k ; Y_j – национальный доход страны j ; P_{ij} – цена на товар i на внутреннем рынке страны j (импортирующий рынок); P_{ik} – цена на товар i из страны k .

В свою очередь, функция предложения экспорта страны k для товара i представлена выражением:

$$X_{ikj} = f(P_{ikj}), \quad (II.2)$$

где: X_{ikj} – экспортный поток товара i из страны k в страну j ; P_{ikj} – цена на товар i из страны k , экспортируемая на рынок страны j без учета оплаты импортной пошлины в стране j .

Равновесие в торговле между странами j и k достигается следующим образом:

$$M_{ijk} = X_{ikj}. \quad (II.3)$$

В условиях свободного товарообмена, предполагающего снижение таможенных пошлин на импорт, цена товара i на импортирующем рынке j будет равна экспортной цене поставки из страны k (в ценах СИФ). В этом случае, цена товара i увеличится на сумму, эквивалентную размеру импортной пошлины t , т. е.:

$$P_{ijk} = P_{ikj} \times (1 + t_{ijk}), \quad (II.4)$$

где: P_{ijk} – цена на товар i из страны k на внутреннем рынке страны j ; t_{ijk} – размер импортной пошлины в адвалорном эквиваленте в стране j на товар i из страны k .

Для того, чтобы определить эффект создания торговли выражение (II.4) преобразуется следующим образом:

$$\Delta P_{ijk} = P_{ikj} \times \Delta t_{ijk} + (1 + t_{ijk}) \times \Delta P_{ikj}. \quad (II.5)$$

Далее, (II.4) и (II.5) подставляются в уравнение эластичности спроса на импорт²:

$$\frac{\Delta M_{ijk}}{M_{ijk}} = \eta_i^m \times \left(\frac{\Delta t_{ijk}}{(1+t_{ijk})} + \frac{\Delta P_{ijk}}{P_{ikj}} \right), \quad (II.6)$$

где: η^m – эластичность спроса на импорт к внутренней цене, Δ – изменение.

На основе (II.3) выражается тождество $\frac{\Delta M_{ijk}}{M_{ijk}} = \frac{\Delta X_{ikj}}{X_{ikj}}$ для определения эластичности предложения экспорта:

$$\frac{\Delta P_{ijk}}{P_{ikj}} = \frac{1}{\eta_i^e} \times \frac{\Delta M_{ijk}}{M_{ijk}}, \quad (II.7)$$

где η^e – эластичность предложения экспорта к цене экспорта.

При подстановке выражения (II.7) в (II.6) определяется эффект создания торговли. В итоге, исходя из (II.3) эффект создания торговли выражается через

¹ Laird S., Yeats A. The UNCTAD Trade Policy Simulation Model. A Note on the Methodology, Data and Uses / UNCTAD. 1986. October. URL: <https://wits.worldbank.org/data/public/SMARTMethodology.pdf> (дата обращения: октябрь 2020); Francois J., Hall K.H. Partial Equilibrium Modeling // Applied Methods for Trade Policy Analysis: A Handbook / Ed. by J.F. Francois, K.A. Reinert. Cambridge University Press, 1997. Pp. 122–155.

² $\frac{\Delta M_{ijk}}{M_{ijk}} = \eta_i^m \times \frac{\Delta P_{ijk}}{P_{ijk}}$.

увеличение спроса в стране j на товар i из страны-экспортера k в результате снижения цен от сокращения импортной пошлины¹:

$$TC_{ijk} = M_{ijk} \times \eta_i^m \times \frac{\Delta t_{ijk}}{(1+t_{ijk}) \times (1-(\eta_i^m/\gamma_i^e))}. \quad (II.8)$$

При расчете *эффекта отклонения торговли* важным моментом является оценка эластичности замещения между различными поставщиками (странами) товара i на рынке j . При учете качественных различий торгуемого товара i , для моделирования поведения спроса на импорт страны j в модели равновесия используется допущение Армингтона², предполагающее несовершенную конкуренцию между аналогичными товарами³, ввозимыми на рынок j из разных стран. Соответственно, данное обстоятельство предполагает наличие несовершенной эластичности замещения между различными поставщиками (странами) товара i на рынке j :

$$M_{ij} = b_{ij}^{\sigma_i} \times M_i \left(\frac{P_{ij}}{P_i} \right)^{-\sigma_i} \quad (II.9)$$

где: σ_i – эластичность замещения на рынке товара i , ввезенного из разных стран на рынок страны j ; b_{ij} – константа; P_{ij} – средняя цена импортного товара i на рынке страны j ; P_i – средняя цена товара i на рынке.

Эластичность замещения может задаваться или оцениваться:

$$\sigma_i = \frac{\Delta(\sum M_{ijk}/\sum M_{ijk})/(\sum M_{ijk}/\sum M_{ijk})}{\Delta(\sum P_{ijk}/\sum P_{ijk})/(\sum P_{ijk}/\sum P_{ijk})}, \quad (II.10)$$

где: K – группа остальных стран, экспортирующих товар i на рынок страны j .

В итоге, *эффект отклонения торговли* рассчитывается по следующему выражению:

$$TD_{ijk} = \frac{M_{ijk}}{\sum_k M_{ijk}} \times \frac{\sum_k M_{ijk} \times \sum_k M_{ijk} \times \frac{\Delta(P_{ijk}/P_{ijk})}{P_{ijk}/P_{ijk}} \times \sigma_i}{\sum_k M_{ijk} + \sum_k M_{ijk} + \sum_k M_{ijk} \times \frac{\Delta(P_{ijk}/P_{ijk})}{P_{ijk}/P_{ijk}} \times \sigma_i}, \quad (II.11)$$

где: TD_{ijk} – эффект отклонения торговли товара i , импортированного на рынок страны j из страны k . Выражение (II.11) является эквивалентом уравнения отклонения торговли⁴, которое может быть использовано для получения отдельных результатов для различных групп стран-экспортеров. Кроме того, результаты для (II.11) могут быть суммированы для одной группы, и далее могут быть распределены среди членов альтернативной группы зарубежных поставщиков в соответствии с их прежней долей в импорте из этой группы.

Тарифная выручка определяется как произведение ставки импортной пошлины (в адвалорном эквиваленте) и стоимости импорта.

¹ В случае абсолютной эластичности предложения экспорта, когда $\gamma_i^e \rightarrow \infty$, эффект создания торговли выражается следующим образом: $TC_{ijk} = M_{ijk} \times \eta_i^m \times \frac{(1+t_{ijk}^1) - (1+t_{ijk}^0)}{(1+t_{ijk}^0)}$.

² Armington P. A Theory of Demand for Products Distinguished by Place of Production // Internationally Monetary Fund Staff Paper. 1969. Vol. 16. Pp. 159–176.

³ Часто с точки зрения совпадения их кодов в рамках гармонизированной системы.

⁴ Cline W., Kawanabe N., Kronjo T.O., Williams T. Trade Negotiations in the Tokyo Round: A Quantitative Assessment. Washington, DC: Brookings Institution, 1978. 314 p.

Изменение тарифной выручки¹ (TR) рассчитывается в рамках следующего выражения (II.12):

$$TR = \sum_i \sum_k \Delta t_{ijk} P_{ijk} M_{ijk}. \quad (II.12)$$

В модели частичного равновесия оценка эффекта благосостояния отличается от измерения эквивалентных вариаций дохода в моделях общего равновесия. *Эффект благосостояния* в модели частного равновесия в основном объясняется выгодой для потребителей в стране-импортере в результате более низких импортных цен, т. е. снижение тарифной нагрузки означает передачу государственных доходов потребителям, что позволяет им заменить более дорогие отечественные или импортные товары более дешевыми, на цену которых влияет соответствующее снижение тарифной нагрузки. Рост поставок такого импорта приводит преимущественно к увеличению благосостояния потребителей. *Эффект благосостояния* (W_{ijk}^m) в случае абсолютной эластичности предложения оценивается как среднее увеличение импорта, рассчитанное до и после изменения импортных пошлин и равно излишку потребителя (CS):

$$W_{ijk}^m = \frac{\Delta t_{ijk} \times \Delta M_{ijk}}{2}. \quad (II.13)$$

Если предложение не является абсолютно эластичным, тогда эффект благосостояния представляет собой сумму *излишка потребителя* и *излишка производителя*. В этом случае излишек потребителя определяется в рамках выражения (II.13), не затрагивая излишек производителя. При неабсолютно эластичном предложении, цены на импорт в странах-импортерах снижаются меньше, чем сокращение тарифной нагрузки, что является излишком производителя (PS)². В используемой модели эффект благосостояния распределяется между потребителями и производителями в виде их излишков.

Максимизация благосостояния стран, осуществляющих снижение импортных пошлин, моделируется двухэтапной оптимизацией. Основываясь на общем индексе цен и эластичности спроса на импорт по цене выбирается оптимальный уровень расходов на потребление агрегированного товара; выбранный уровень расходов между различными видами агрегированного товара закрепляется в зависимости от их относительных цен. Величина воздействия на распределение потребления между видами товара в зависимости от относительной цены выражается через несовершенную эластичность замещения между одинаковыми товарами из разных стран. В описанной модельной конструкции предполагается сближение российской экономики со страной / группой стран АТР только в рамках ЗСТ, а более глубокие формы интеграции, предполагающие снижение барьеров на рынках труда и капитала, а также услуг не рассматриваются. Базовым годом для расчетов являлся 2014 г. Применяемая модель: описывает возможные краткосрочные эффекты; ис-

¹ В данном исследовании – потери тарифной выручки.

² $PS = P_{ikj} \times X_{ikj} \times \Delta P_{ikj} \times \left(1 + \frac{\gamma_i^e \times \Delta P_{ikj}}{2}\right)$.

ходит из того, что эластичность замещения между одинаковыми товарными группами из разных стран в модели является несовершенной; подразумевает, что через эффект отклонения увеличение торговли с одной страной приводит к сокращению торговли с третьими странами. Торговые взаимодействия между странами и экономическими территориями представлены в рамках гармонизированной системы по шестизначному коду.

В качестве основы для оценки выступает статистика тарифной нагрузки, стоимостных и физических показателей взаимных импортных потоков по 267 экономикам, массив которой был сформирован из специализированных баз данных¹. По причине недостатка статистических данных по динамике оптовых цен на импортные товары на рынках зарубежных стран, в используемых данных ценовой параметр включает только экспортную цену с учетом транспортных и страховых расходов, т. е. отражен в цене СИФ, не включая НДС и налоги на потребление. В итоге, при прочих равных условиях данная модель описывает изменение российского экспорта в страну / группу стран АТР посредством нивелирования между ними нагрузки на импорт, приведенной к адвалорному эквиваленту. Нивелирование экспортных ограничений, которые практикуются некоторыми странами АТР, в данной модельной постановке не рассматривается. В данном исследовании эластичность спроса на импорт была оценена для всех товарных групп. Для получения менее абстрактных оценок в торговле были выборочно оценены эластичности замещения между торгуемыми товарами, составляющими основу российского экспорта. Предполагается, что эластичность предложения не является абсолютной, тем не менее, является приближенной к абсолютным значениям ($\gamma=95$). Вычислительным комплексом для получения оценок в рамках частичного равновесия является модель Всемирного банка². Полученные оценки рассматриваются для случая согласования российской стороной со странами ЕАЭС интеграции России со страной / группой стран АТР.

Алгоритм оценки эффектов торговой либерализации для России со страной / группой стран АТР включает в себя два этапа³.

¹ World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default>; Customs Tariffs / Market Access Map. URL: <http://www.macmap.org/en/query/customs-duties>; World Tariff Profiles / WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/tariff_profiles_e.htm; UNCTAD (TRAINS) / World Bank. URL: [https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=UNCTAD-%7E-Trade-Analysis-Information-System-\(TRAINS\);I-TIP-Goods:Integrated-Analysis-and-Retrieval-of-Notified-Non-Tariff-Measures/WTO](https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=UNCTAD-%7E-Trade-Analysis-Information-System-(TRAINS);I-TIP-Goods:Integrated-Analysis-and-Retrieval-of-Notified-Non-Tariff-Measures/WTO). URL: <http://i-tip.wto.org/goods/Forms/MemberView.aspx?mode=modify&action=search>; Sanitary and Phytosanitary Information Management System / WTO. URL: <http://spsims.wto.org/>; Technical Barriers to Trade Information Management System / WTO. URL: <http://tbtdims.wto.org/> (дата обращения: июль 2020).

² Jammes O., Olarrega M. Explaining SMART and GSIM / The World Bank. 2005. April. URL: http://wits.worldbank.org/witsweb/download/docs/explaining_smart_and_gsim.pdf (дата обращения: октябрь 2020).

³ Изотов Д.А. Россия-АТР: перспективы либерализации торговли // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 5. С. 67–78; Izotov D.A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. Issue 3. Pp. 338–345.

На первом этапе вычисляется *полная импортная пошлина*, включающая в себя таможенные пошлины и нетарифные ограничения, переведенные к адвалорному эквиваленту. Преобразование специфических и комбинированных импортных пошлин (тарифные меры) в адвалорный эквивалент осуществлялась на основе алгоритмов ВТО и Всемирного банка¹.

Нетарифные ограничения² включают временные меры со стороны таможенных органов, представляя собой дополнительную нагрузку на импортера, к которым относятся запреты, процедуры антидемпинга применительно к рассматриваемым странам, а также квотирование поставок тех или иных товаров³. Оценка нетарифных ограничений может быть осуществлена двумя способами: 1) самостоятельная оценка на основе гравитационных уравнений адвалорного эквивалента нетарифных ограничений, исходя из теоретически обоснованных соотношений торгово-экономических взаимодействий; 2) на основе полученных в других исследованиях эмпирическим путем коэффициентов, объясняющих дополнительное воздействие нетарифных ограничений на импорт, производится взвешивание стоимостных объемов товарных групп, на которые распространена данная нагрузка. Перевод нетарифных ограничений в адвалорный эквивалент был осуществлен посредством взвешивания товарных групп импорта в рамках шестизначного кода гармонизированной системы⁴.

На втором этапе полученные значения полной импортной пошлины включаются в модельный комплекс Всемирного банка, при помощи которого оцениваются торговые эффекты, возникающие вследствие либерализации торговли на товарных рынках⁵. Используя рассчитанные значения полной импортной пошлины для каждой товарной группы могут быть получены оценки: а) эффекта создания торговли, б) эффекта отклонения торговли, в) эффекта благосостояния, г) потерь тарифной выручки в случае взаимного обнуления полной импортной пошлины России со страной / группами стран АТР.

¹ Stawowy W. Calculation of Ad Valorem Equivalents of Non-Ad Valorem Tariffs. Methodology Notes / UNCTAD. 2001. October. URL: <http://wits.worldbank.org/witsweb/download/docs/AVEmeth.doc>. (дата обращения: октябрь 2020); Incidence of Non-Ad Valorem Tariffs in Members' Tariff Schedules and Possible Approaches to the Estimation of Ad Valorem Equivalents / WTO, Negotiating Group on Market Access. 2003. May. URL: <https://wits.worldbank.org/methodology.html> (дата обращения: июль 2020).

² Существуют также другие нетарифные барьеры, которые представляют собой главным образом институциональные ограничения, затрудняющие торгово-экономические взаимодействия, которые в данном исследовании не рассматриваются.

³ Перечень нетарифных ограничений более многочислен, однако, остальные нетарифные ограничения не рассматривались, поскольку их оценка не имеет содержательного смысла, либо отсутствует статистика, позволяющая адекватно оценить вклад той или иной меры. Подробно: International Classification of Non-Tariff Measures / UNCTAD. 2012 Version. New York, Geneva, 2013. 48 p. URL: http://unctad.org/en/Publications_Library/ditctab20122_en.pdf (дата обращения: июль 2020).

⁴ Allen M. Review of the IMF's Trade Restrictiveness Index (Background Paper to the Review of Fund Work on Trade) / Prepared by the Policy Development and Review Department. 2005. February. 20 p. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2005/021405r.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁵ См., например: Izotov D.A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. Issue 3. Pp. 338–345.

ПОТЕНЦИАЛ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РОССИИ С РЕГИОНАМИ КНР

Суммарный товарооборот между регионами КНР и Россией к 2019 г. увеличился до 109 млрд долл. Доля России в совокупной торговле регионов КНР с зарубежными странами составила 2,5% (экспорт – 2,0%, импорт – 3,1%). В товарной структуре китайского экспорта в Россию выделяются несколько укрупненных товарных групп: электротехническое оборудование, бытовая и офисная техника (19,0%); оборудование и механические устройства (18,7%); предметы одежды (6,7%); мех и изделия из него (6,6%); средства наземного транспорта (4,3%); обувь (4,1%). Экспортные поставки в Россию главным образом осуществляются из включенных в глобальные и субрегиональные производственные связи приморских регионов, продукция которых доставляется до конечного потребителя преимущественно морем¹.

В среднем за 2017–2019 гг. почти половина китайского экспорта в Россию обеспечивалась тремя приморскими регионами – Чжецзян (18,6%), Гуандун (17,4%) и Цзянсу (10,1%) – в которых сосредоточены экспортные производства КНР (рис. III.1).



Рис. III.1. Распределение китайских регионов по доле экспорта в Россию, %

Примечания. В среднем за 2017–2019 гг. Расчеты осуществлялись на основе данных таможенной статистики регионов КНР, исключая реэкспорт и торговлю с международными организациями. Суммарный экспорт из регионов КНР в Россию = 100%.

Источник: рассчитано по: China Customs Statistics. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=7> (дата обращения: июль 2020).

¹ Izotov D.A. Trade Barriers between Chinese Provinces and Russia // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. Issue 2. Pp. 233–246.

Следует отметить, что до 35–40%¹ экспортной продукции в этих провинциях производится на предприятиях с иностранными инвестициями. Следовательно, приобретая китайские товары из приморских провинций, Россия является отчасти потребителем продукции, произведенной на предприятиях Японии, Республики Корея, США, стран ЕС и др.

Некоторой аномалией является то, что доля приграничных с Россией регионов Китая в суммарном экспорте на российский рынок не превышает 7% (Хэйлунцзян – 2,9%, Синьцзян-Уйгурский автономный район – 2,8%, Автономный район Внутренняя Монголия – 0,9% и Цзилинь – 0,2%). Это, вероятно, объясняется тем, что продукция из данных регионов экспортируется в основном в восточные регионы России, рынок которых по сравнению с западными регионами страны является небольшим. Доля крупных внутренних регионов КНР (Сычуань, Чунцин, Хунань, Хубэй и Хэнань) в экспорте на российский рынок мала, но вероятно, с введением новых железнодорожных маршрутов в общем экспорте в Россию их доля будет увеличиваться.

В еще большей степени проявляется географическая концентрация поставок российской продукции на китайский рынок, которая на 70% (2017–2019 гг.) состояла из углеводородного сырья (сырая нефть, природный газ и уголь). Поставки данной продукции были ориентированы на Хэйлунцзян (34,7%), Пекин (30,9%) и Шаньдун (21,8%) (рис. III.2).



Рис. III.2. Распределение китайских регионов по доле импорта из России, %

Примечания. В среднем за 2017–2019 гг. Расчеты осуществлялись на основе данных таможенной статистики регионов КНР, исключая торговлю с международными организациями. Суммарный импорт из регионов КНР в Россию = 100%.

Источник: рассчитано по: China Customs Statistics. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=7> (дата обращения: июль 2020).

¹ Рассчитано по данным таможенной статистики КНР. Подробно: China Customs Statistics. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=7> (дата обращения: июль 2020).

В Пекине фиксируются результаты разнообразных межгосударственных контрактов в нефтегазовой сфере; провинция Хэйлунцзян, являясь фактически посредником между Россией и остальным Китаем, аккумулировала значительные объемы сырьевого импорта из приграничных российских регионов; в провинцию Шаньдун стали смещаться поставки рыбной продукции, угля и сырой нефти. Также заметна доля в суммарном импорте из России провинции Ляонин и Автономного района Внутренняя Монголия (5,3% и 4,6% соответственно). Доля России в общем импорте этих двух регионов составила, соответственно, 11,2% и 9,7%.

Следует заметить, что исключение сырой нефти из российских поставок в КНР кардинально не изменяет распределение импорта из России между китайскими регионами. Доля в суммарном импорте из России составляет не более 1,0% для 20 китайских регионов, что в два раза больше, чем в случае экспорта в Россию. Это обстоятельство косвенно указывает на то, что распределение российской продукции среди регионов КНР сталкивается с более высокими барьерами в отличие от экспорта в Россию из китайских регионов. По всей видимости, существует определенный барьер, который не позволяет продукции из России поступать на рынки других провинций Китая, минуя посредников, сосредоточенных, главным образом, на Северо-Востоке КНР. Говоря иначе, российские поставщики сталкиваются на рынке КНР с монополией со стороны некоторых провинций. Возможно, снижение барьеров способно увеличить поставки российских товаров на китайский рынок. В частности, в приморские провинции, характеризующихся самым высоким в Китае среднедушевым доходом, в которых российская продукция, при соблюдении определенных стандартов качества, может продаваться по более высоким ценам.

Барьеры¹, сдерживающие торговлю китайских регионов, могут быть оценены на основе эффекта границ², который рассчитывается в рамках гравитационной зависимости. Получение несмещенных оценок в структурных гравитационных зависимостях возможно на основе рекомендаций³, сформулированных в многочисленных эмпирических исследованиях.

1) Использование панельных данных для значительного улучшения общей эффективности оценки, которые могут быть представлены интервалами с лагом 3–5 лет для корректировки изменений в торговой политике и других торговых издержек, возникающих при двусторонней торговле⁴.

2) Включение в модель внутристрановой торговли наряду с торговлей с зарубежными странами, так как в соответствии с теорией гравитационных зависи-

¹ Устранение которых является потенциалом для расширения торговли.

² Izotov D.A. Trade Barriers between Chinese Provinces and Russia // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. Issue 2. Pp. 233–246.

³ Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model / United Nations; World Trade Organization. 2016. 137 p. URL: <https://doi.org/10.30875/abc0167e-en> (дата обращения: октябрь 2020).

⁴ Olivero M.P., Yotov Y.V. Dynamic Gravity: Endogenous Country Size and Asset Accumulation // *Canadian Journal of Economics*. 2012. Vol. 45. Issue 1. Pp. 64–92.

мостей потребители выбирают между отечественными и зарубежными товарами. Это позволяет: а) идентифицировать эффекты двусторонней торговой политики¹, б) оценить эффекты недискриминационной торговой политики², в) уточнить влияние физического расстояния на торговлю³, г) получить несмещенные оценки влияния процесса глобализации на торговлю между странами⁴.

3) Включение фиксированных во времени эффектов в панельные данные для экспортеров и импортеров с целью контроля ненаблюдаемого многостороннего сопротивления и, потенциально, для любых других наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристик, которые изменяются во времени и для экспортера, и для импортера⁵.

4) Включение в модель фиксированных эффектов для торгующих пар стран / регионов способствует решению проблемы эндогенности экономической политики⁶, а также учету неизменных во времени двусторонних торговых издержек⁷. Когда одни и те же кросс-секционные объекты наблюдаемы во времени, то инструментальные переменные не нужны. В этом случае применяется оценка панельных данных с фиксированными эффектами для оценки пропущенных переменных, если корреляция между регрессорами и ошибкой возникает из независимых от времени источников.

5) Оценка гравитационной зависимости должна производиться методом квазикаксимального правдоподобия Пуассона, поскольку в этом случае может быть решена проблема, связанная с наличием гетероскедастичности⁸. Данный способ позволяет также включать «нулевые» торговые потоки в панельные данные, поскольку отсутствует необходимость их логарифмирования.

В качестве основной модели для получения количественной оценки эффекта границ выступает следующее гравитационное уравнение⁹:

$$x_{ij} = \frac{y_i y_j}{y^w} \left(\frac{t_{ij}}{P_i P_j} \right)^{1-\sigma}, \quad (\text{III.1})$$

¹ Dai M., Yotov Y.V., Zylkin T. On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements // *Economic Letters*. 2014. Vol. 122. Issue 2. Pp. 321–325.

² Heid B., Larch M., Yotov Y.V. Estimating the Effects of Non-Discriminatory Trade Policies within Structural Gravity Models / Center for Economic Studies and Ifo Institute. Working Paper No. 6735. Munich, 2017. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/173011/1/ce-sifo1_wp6735.pdf (дата обращения: июль 2020).

³ Yotov Y.V. A Simple Solution to the Distance Puzzle in International Trade // *Economics Letters*. 2012. Vol. 117. Issue 3. Pp. 794–798.

⁴ Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. Economic Integration Agreements, Border Effects, and Distance Elasticities in Gravity Equations // *European Economic Review*. 2015. Vol. 78. Pp. 307–327.

⁵ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 171–192.

⁶ Baier S.L., Bergstrand J.H. Do Free Trade Agreements Actually Increase Members' International Trade? // *Journal of International Economics*. 2007. Vol. 71. Issue 1. Pp. 72–95.

⁷ Agnosteva D., Anderson J.E., Yotov Y.V. Intra-National Trade Costs: Measures and Aggregation / NBER. Working Paper No. 19872. Cambridge, MA, 2014. URL: <http://www.nber.org/papers/w19872.pdf> (дата обращения: июль 2020).

⁸ Santos Silva J., Tenreyro S. The Log of Gravity // *Review of Economics and Statistics*. 2006. Vol. 88. Issue 4. Pp. 641–658.

⁹ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 171–192.

где: x_{ij} – товаропоток из страны i в страну j ; y_i – размер экономики страны i ; y_j – размер экономики страны j ; y^W – размер мировой экономики; P_i – цены в стране i , отражающие внешнее многостороннее сопротивление для страны-экспортера i ; P_j – цены в стране j , отражающие внутреннее многостороннее сопротивление для страны-импортера j ; σ – постоянная эластичность замещения в потреблении товаров из страны i в стране j ; t_{ij} – издержки (барьеры) двусторонней торговли между странами i и j .

В модели (III.1) барьеры двусторонней торговли оцениваются на основе следующих параметров:

$$t_{ij} = b_{ij}d_{ij}^{\rho}, \quad (\text{III.2})$$

где: b_{ij} – ненаблюдаемая переменная, отражающая эффект границ между странами i и j , определяющийся как $b_{ij} = b^{1-\delta_{ij}}$ (δ_{ij} – фиктивная переменная, принимающая значение равное единице для какого-либо признака, характеризующего торговые взаимодействия, и ноль в противном случае), d_{ij} – физическое расстояние между i и j , ρ – эластичность торговых издержек по расстоянию.

Помимо следования всем указанным рекомендациям, за исключением выделения временных интервалов в панельных данных¹, зависимая переменная была скорректирована на размер торгуемых между собой экономик i и j для решения проблемы эндогенности² и для гарантированного отсутствия значимой корреляции между ошибками и регрессорами³. Зависимость (III.1) оценивалась в нелинейной форме методом квазимаксимального правдоподобия Пуассона:

$$\frac{x_{ij}}{y_i y_j} = \exp [k + (1 - \sigma)\rho \ln d_{ij} + (1 - \sigma)\ln b_{ij} - (1 - \sigma)\ln P_i - (1 - \sigma)\ln P_j]. \quad (\text{III.3})$$

Выражение $\frac{x_{ij}}{y_i y_j}$ отражает интенсивность товаропотока между странами. Адвалорный эквивалент эффекта границ рассчитывается в рамках выражения (III.4):

$$\hat{\beta}_b = (1 - \sigma)\ln b_{ij} \Rightarrow b_{ij} - 1 = e^{\left(\frac{\hat{\beta}_b}{1-\sigma}\right)} - 1, \quad (\text{III.4})$$

Постоянная эластичность замещения (σ) задается экзогенно, путем подбора на интервале от 1 до 10, а многостороннее сопротивление контролируется в фиксированных эффектах.

Торговые потоки и размер торгующих экономик. Двусторонняя торговля китайских регионов с зарубежными странами представлена таможенной статистикой КНР по локализации экспортеров и импортеров за три года: 2017–2019 гг., охватывая 217 стран и территорий. Соответственно, экспорт представлен в ценах FOB, а импорт – в ценах CIF (включая транспортные издержки и издержки по страхованию груза). В некоторых исследованиях транспортные издержки определяются путем вычитания из импорта (в ценах CIF) «зеркального» экспорта (в це-

¹ По причине короткого временного ряда.

² Olivero M.P., Yotov Y.V. Dynamic Gravity: Endogenous Country Size and Asset Accumulation // Canadian Journal of Economics. 2012. Vol. 45. Issue 1. Pp. 64–92.

³ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: a Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol.93. Issue 1. Pp. 171–192.

нах ФОБ)¹. Таким образом, транспортные издержки уже заложены в стоимость импорта в ценах СИФ, что наряду с оценкой воздействия физического расстояния на двусторонние взаимодействия приводит к отклонению в гравитационной зависимости. Поэтому, желательно, чтобы экспорт и импорт были бы представлены в одних ценах. Для этого, импорт китайских регионов на основе косвенной оценки² по времени в пути и средним транспортным издержкам³ на основе рассчитанных нелинейных расстояний между объектами был приведен к ценам ФОБ. В массив данных по экспорту и импорту были включены также нулевые значения.

В соответствии с методическими рекомендациями, для оценки гравитационной модели необходимым элементом является включение в зависимость торговли на национальном рынке изучаемой страны. Для КНР данная рекомендация является важной по нескольким причинам.

С одной стороны, различия между регионами КНР в экономическом развитии и внешнеторговой квоте объясняются их дифференцированной во времени интеграцией с глобальной экономикой⁴. С другой стороны, в рамках национального рынка Китая, торговые взаимодействия регионов КНР сдерживаются целым рядом барьеров⁵.

Местными властями осуществляется лоббирование собственных производителей, особенно продукции сельского хозяйства и сырьевых товаров, а также промышленной продукции государственного сектора. Главным мотивом формирования барьеров местными властями, препятствующими свободному перемещению товаров в пространстве КНР, является обеспечение социально-экономической стабильности в рамках управляемой ими территории, а также максимизация доходов бюджета⁶. В пользу того обстоятельства, что региональные барьеры сдерживают торговлю, говорит и то, что административные границы продуцируют негативные эффекты при торгово-экономическом взаимодействии регионов КНР⁷. Возможно, по этой причине внутренние регионы Китая долгое время

¹ Подробно: Taglioni D. Exchange Rate Volatility as a Barrier to Trade: New Methodologies and Recent Evidence // *Economie Internationale*. 2002. Issue 89–90. Pp. 227–259.

² Hummels D.L., Schaur G. Time as a Trade Barrier // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. Issue 7. Pp. 2935–2959.

³ Издержки морских и трансокеанских перевозок составляют 0,6% стоимости товара в сутки, железнодорожные и автомобильные – до 2%. Среднесуточная скорость морских и трансокеанских перевозок принята на интервале до 34 км/ч, железнодорожных и автомобильных – до 80 км/ч.

⁴ Ma J., Shi J., Luo D., Che Y. Effect of Trade Openness on Regional Economic Growth in China: Revisiting the Discussion // *Applied Economics Letters*. 2019. Vol. 26. Issue 16. Pp. 1313–1316; Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // *Пространственная экономика*. 2008. № 1. С. 43–61.

⁵ Zhao Y., Ni J. The Border Effects of Domestic Trade in Transitional China: Local Governments' Preference and Protectionism // *The Chinese Economy*. 2018. Vol. 51. Issue 5. Pp. 413–431.

⁶ Подробно: Poncet S. A Fragmented China: Measure and Determinants of Chinese Domestic Market Disintegration // *Review of International Economics*. 2005. Vol. 13. Issue 2. Pp. 409–430; Yang Z., Ye Z. Domestic Market Integration in China: The Role of the Financial Sector // *The Chinese Economy*. 2016. Vol. 49. Issue 5. Pp. 343–358.

⁷ Partridge M.D., Yang B., Chen A. Do Border Effects Alter Regional Development: Evidence from China / MPRA. Paper 82080. 2017. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/82080/1/MPRA_paper_82080.pdf (дата обращения: июль 2020).

не могли получить дополнительный импульс в развитии экономики со стороны приморских провинций¹.

Для разграничения эффекта границ, возникающего внутри регионов КНР и при их торговых взаимодействиях друг с другом, в модель была включена внутри- и межрегиональная торговля. В рамках имеющегося массива данных, внутрирегиональная торговля КНР представлена статистикой товарооборота оптовой и розничной торговли за исключением экспорта и импорта². Динамика межрегиональной торговли была вычислена на основе пропорций ранних таблиц «затраты – выпуск»³, а в качестве базового показателя для оценки использовался экспорт и импорт товаров для соответствующих регионов за 2017–2019 гг.

Как показала оценка, различие в масштабах торговых взаимодействий регионов КНР с отечественным и зарубежным рынками довольно значительное. Товарооборот на отечественном рынке КНР превосходил торговлю с зарубежными странами более чем в семь раз⁴.

Существенное отклонение торговли в пользу отечественного рынка, как правило, является основанием для использования данного показателя в качестве эталона (benchmark) при оценке эффекта границ, который исключается из числа фиктивных переменных в модели. Размер экономик (ВВП) зарубежных стран был представлен существующими и прогнозными значениями МВФ, региональных экономик Китая (ВРП) – данными государственного статистического бюро КНР, прогнозными оценками агентств Bloomberg, the Economist Intelligence Unit, HKTDC Research и статистических органов ряда китайских провинций⁵.

Стоимостные показатели выражены в долларах США в текущих ценах. Таким образом, представленный массив нефиктивных статистических показателей в рамках используемой методики оценки позволяет избежать наличия распространенных ошибок, возникающих в эмпирических оценках гравитационных зависимостей⁶.

¹ Brun J.F., Combes J.L., Renard M.F. Are There Spillover Effects between Coastal and Noncoastal Regions in China? // *China Economic Review*. 2002. Vol. 13. Pp. 161–169.

² Недостающие данные за 2019 г. были рассчитаны методом скользящей средней за 12 предыдущих лет.

³ Mi Z., Meng J., Zheng H., Shan Y., Wei Y., Guan D. A Multi-Regional Input-Output Table Mapping China's Economic Outputs and Interdependencies in 2012 // *Scientific Data*. 2018. Vol. 5. 180155.

⁴ Товарооборот внутри регионов и между регионами КНР представляют собой торговлю с отечественным рынком. Динамика межрегиональной торговли Китая была вычислена на основе пропорций таблиц «затраты – выпуск» за более ранние годы. Внутрирегиональная торговля КНР представлена статистикой товарооборота оптовой и розничной торговли за исключением экспорта и импорта, а данные по 2019 г. определены на основе скользящей средней. Торговля с зарубежными странами китайских регионов представлена таможенной статистикой КНР. Рассчитано по: China Customs Statistics. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=7>; National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: июль 2020); Mi Z., Meng J., Zheng H., Shan Y., Wei Y., Guan D. A Multi-Regional Input-Output Table Mapping China's Economic Outputs and Interdependencies in 2012 // *Scientific Data*. 2018. Vol. 5. 180155.

⁵ Подробно: Izotov D.A. Trade Barriers between Chinese Provinces and Russia // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. Issue 2. Pp. 233–246.

⁶ Подробно: Baldwin R.E., Taglioni D. Gravity for Dummies and Dummies for Gravity Equations / NBER. Working Paper No. w12516. 2006. September. 31 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w12516.pdf>; A Practical Guide to Trade Policy Analysis. WTO and UNCTAD Co-Publication, 2012. 200 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wto_unctad12_e.pdf (дата обращения: июль 2020).

Измерение расстояний. Физические расстояния между анализируемыми объектами могут быть представлены различными способами¹. Существуют базы данных по расстояниям между странами специально для целей гравитационного моделирования (например, CEPIL²). Однако, как показал анализ, эти базы данных представляют собой линейные расстояния между национальными экономиками, которые в большинстве случаев значительно меньше нелинейных (реальных) расстояний. По этой причине в данном исследовании расстояния вычислялись самостоятельно: для морских и трансокеанских перевозок³ и для сухопутных перевозок⁴ в километрах. Следует заметить, что для стран Северной и Южной Америки, Австралии и Океании, Африки, Западной Европы и для большинства стран Азии и Центральной Европы торговля с КНР осуществляется главным образом в рамках морских и трансокеанских перевозок. Поэтому для подавляющего числа рассматриваемых стран – торговых партнеров Китая – расстояние до китайской территории вначале вычислялись до ближайшего крупнейшего порта (Шанхай, Гуанчжоу, Далянь и т. д.), а далее, до остальных регионов КНР – на основе расстояний автомобильных и железнодорожных магистралей. Остальные страны имеют выход на транзитную железнодорожную и автомобильную инфраструктуру с пограничными пунктами пропуска с внутренними регионами КНР или обладают возможностью доступа к ней через третью страну: большинство стран постсоветского пространства, некоторые страны Центральной Европы, Финляндия, Монголия, Пакистан, ряд стран Южной Азии и ЮВА. Для большинства этих стран расстояние до приграничных внутренних регионов КНР вычислялось на основе прямых автомобильных и железнодорожных магистралей, с прочими регионами – вначале морскими и трансокеанскими перевозками, затем – сухопутными.

Особый случай для определения расстояния с регионами КНР представляет собой Россия, поскольку она сильно растянута в пространстве, при этом экспорт из Китая главным образом ориентируется на западные регионы России, импорт в КНР – преимущественно осуществляется из восточных российских регионов. Поэтому для экспортного и импортного потоков расстояния должны отличаться. Для экспорта в Россию из китайских провинций конечной точкой был принят г. Москва, для импорта из России – г. Иркутск.

Удаленность внутри регионов КНР определена как расстояние между двумя крупнейшими региональными агломерациями (для случаев городов центрального подчинения – Пекина, Тяньцзиня, Чунцина и Шанхая – расстояние между самыми отдаленными друг от друга районами) по автомобильным и железнодорожным ма-

¹ Taglioni D. Exchange Rate Volatility as a Barrier to Trade: New Methodologies and Recent Evidence // *Economie Internationale*. 2002. Issue 89–90. Pp. 227–259.

² GeoDist / CEPIL. URL: http://www.cepii.fr/cepii/en/bdd_modele/presentation.asp?id=6 (дата обращения: июль 2020).

³ Sea Distances / Port Distances. URL: <https://sea-distances.org/> (дата обращения: июль 2020).

⁴ Distance calculator. URL: <https://www.distance.to/> (дата обращения: июль 2020).

гистралям. Расстояния между регионами КНР рассчитаны как по автомобильным и железнодорожным, так и морским маршрутам.

Модель. Зависимость (III.3), используемая для оценок, представлена в следующем виде¹:

$$\frac{x/im_{ijt}}{y_it y_jt} = \exp [\beta_0 + \beta_1 \ln d_{ij} + \beta_2 CONT_{ij} + \beta_{3...n}(CN_{1...31} \times N_{1...m}) + \lambda_i + \lambda_j + \eta_t] \times \exp^{\varepsilon_{ijt}} \quad (III.5)$$

где: x/im_{ij} – экспорт / импорт из страны / региона i в страну / регион j ; y_i – ВВП страны / ВРП региона i ; y_j – ВВП страны / ВРП региона j ; t – временной промежуток; d_{ij} – расстояние в километрах между i и j . Остальные независимые переменные являются фиктивными, принимающие значение, равное единице в случае наличия признака и ноль – в противном случае. Фиктивная переменная $CONT_{ij}$ отражает наличие совместных границ между китайским регионом i с его зарубежным торговым партнером j . Другие фиктивные переменные характеризуют эффекты границ в рамках торговых взаимодействий 31 китайского региона (CN) с объектами, относящимися к отечественному и зарубежному рынкам (N), т. е. к 31 региону КНР и 217 странам и территориям мира.

Меняющиеся во времени и для территориальных объектов факторы контролировались включением фиксированных эффектов по времени – η и по странам / регионам – экспортерам и импортерам – λ . Исходный массив данных, описывающих торговые взаимосвязи между объектами, представлен тремя годами (2017–2019 гг.) и включает 43244 наблюдения (экспорт вместе с импортом) для оценки экспортных и импортных потоков.

Эффект границ для экспортных потоков из регионов КНР. Расчеты показали, что торговля внутри регионов КНР характеризуется наименьшими значениями эффекта границ по сравнению с торговлей между регионами Китая и торговыми взаимодействиями китайских регионов с зарубежными странами. Эффект границ для торговли внутри регионов КНР был выбран в качестве эталона для сравнительной оценки. В связи с большим количеством торговых партнеров КНР для анализа были выделены только основные партнеры, а остальные были либо сгруппированы с точки зрения их принадлежности к экономическим образованиям, либо отнесены к прочим.

Наличие у китайского региона совместной границы с зарубежной страной способствовало значительному увеличению его экспорта – в 12,4 раза ($e^{2,60}-1$) по сравнению с другими регионами КНР. Однако в случае России, имеющей протяженную сухопутную границу с Китаем, этот фактор лишь частично объясняет диспропорциональность в торговле китайских регионов с российской стороной.

Основная доля экспорта в Россию приходится на регионы, не имеющие с ней сухопутной границы. Возможное объяснение заключается в том, что приграничные регионы КНР, как правило, характеризуются высокой долей государственного

¹ Izotov D.A. Trade Barriers between Chinese Provinces and Russia // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. Issue 2. Pp. 233–246.

сектора и слабой включенностью в глобальные производственные связи. В некоторых исследованиях¹ также указывается на то, что наличие государственной границы с тем или иным регионом КНР не способствует экономическому росту приграничных стран из-за отсутствия согласованной политики развития.

В ряде случаев, эффект границ между китайскими регионами выше, чем с рядом зарубежных стран, что подтверждает наличие высоких барьеров внутри отечественного рынка Китая. Оценка показала, что наибольшими значениями эффекта границ с регионами КНР из зарубежных стран характеризовалась Япония, Казахстан и страны АСЕАН (97,7%, 85,4% и 81,5% в адвалорном эквиваленте соответственно).

Эффект границ для торговых взаимодействий между Россией и китайскими регионами составлял 75,7%, что выше по сравнению с большинством стран – торговых партнеров КНР (табл. III.1).

Таблица III.1

Значения коэффициентов регрессии модели (III.5) для экспорта и адвалорный эквивалент эффекта границ для регионов КНР

Переменные	β	s.e.	Эффект границ, %
CN x CN (вывоз из одного региона КНР в другой)	-1,94*	0,12	62,28
CN x RU (экспорт в Россию)	-2,25*	0,22	75,68
CN x JP (экспорт в Японию)	-2,73*	0,20	97,65
CN x EU (экспорт в страны ЕС-28)	-1,21*	0,24	35,40
CN x AUSTNZ (экспорт в Австралию и Новую Зеландию)	-1,69*	0,23	52,57
CN x AFRICA (экспорт в африканские страны)	-1,14*	0,24	33,12
CN x SAMERICA (экспорт в страны Южной Америки)	-0,99*	0,24	28,19
CN x KZ (экспорт в Казахстан)	-2,47*	0,21	85,42
CN x PAK (экспорт в Пакистан)	-1,73*	0,22	54,12
CN x GULF (экспорт в страны Персидского залива)	-1,67*	0,23	51,96
CN x ASEAN (экспорт в страны АСЕАН)	-2,38*	0,20	81,50
CN x OTHERS (экспорт в прочие страны)	-1,23*	0,24	35,97
CONT (совместная граница)	2,60*	0,12	–
Ind (расстояние)	-0,82*	0,03	–
Константа	-24,44*	0,22	–
Pseudo R ²	0,56	–	–

Примечания. * – $p < 0,01$; s.e. – значения стандартных ошибок. Адвалорный эквивалент эффекта границ (в %) рассчитан по отношению к внутрирегиональным оптовым и розничным продажам, исходя из $\sigma=5$. По причине наличия мультиколлинеарности, экспорт из китайских регионов в некоторые ключевые страны был отнесен либо к прочим странам, либо исключен из фиктивных переменных модели.

Источник: расчеты автора.

Полученные оценки указали на негативное влияние физического расстояния на торговлю регионов КНР, однако влияние этого фактора не являлось большим. С одной стороны, предпосылка о меньшем влиянии транспортных издержек (расстояния) на торговлю в определенном смысле уже заложена в используемую для оценки модель² по сравнению с методом наименьших квадратов. С другой стороны, однозначная обратная связь, которая заключается в том, что чем больше рас-

¹ Zhang X., Li C., Li W., Song J., Yang C. Do Administrative Boundaries Matter for Uneven Economic Development? A Case Study of China's Provincial Border Counties // Growth and Change. 2017. Vol. 48. Pp. 883–908.

² Santos Silva J., Tenreiro S. The Log of Gravity // Review of Economics and Statistics. 2006. Vol. 88. Issue 4. Pp. 641–658.

стояние между регионом и торгуемой с ним страной (регионом), тем выше между ними издержки, и, соответственно, значения эффекта границ, проявляется недостаточно четко.

Следует также отметить, что благодаря эффекту масштаба относительные издержки по транспортировке товаров между территориально удаленными экономиками значительно сократились. Наиболее сильно эффект масштаба корректирует значение издержек в случае трансокеанских перевозок¹, то есть даже если страны находятся друг от друга на значительном расстоянии, но их торговля включена в трансокеанские логистические маршруты, то эффект границ между ними может быть меньше, чем в случае торговли с близлежащими странами. Кроме того, включение объемов торговли на отечественном рынке в массив анализируемых данных ослабляет влияние физического расстояния на зависимую переменную по причине относительно больших объемов торговли как внутри, так и между регионами КНР по сравнению с торговлей с зарубежными странами.

Эффект границ для экспортных потоков каждого региона КНР в Россию. Расчеты показали, что с точки зрения статистической значимости коэффициентов модели в качестве эталона для сравнения эффекта границ для экспорта каждого региона КНР подходит совокупный показатель торгового взаимодействия регионов с отечественным рынком (вывоз из одного региона в другой и внутрирегиональные оптовые и розничные продажи). В итоге были оценены регрессионные зависимости для 31 региона КНР, включающие до 744 наблюдений для каждого из них.

Значения эффекта границ в адвалорном эквиваленте для экспортных потоков каждого региона Китая в Россию представлены на *рис. III.3*.



Рис. III.3. Значения эффекта границ для экспортных потоков каждого региона КНР в Россию, %

Источник: расчеты автора.

¹ Hummels D.L., Schaur G. Time as a Trade Barrier // American Economic Review. 2013. Vol. 103. Issue 7. Pp. 2935–2959.

Для большинства китайских регионов (20 регионов) эффект границ для экспорта в Россию составлял от 30 до 50% по отношению к торговле с отечественным рынком. Медианное значение эффекта границ для экспорта из регионов Китая в Россию, таким образом, составило 40,3%. Высокими значениями эффекта границ экспорта в Россию характеризовались некоторые приморские провинции, на которые суммарно приходилось около 40% китайских поставок на российский рынок – Гуандун и Чжецзян, что может быть связано с реэкспортом продукции данных провинций через другие таможенные юрисдикции в связи с включенностью этих территорий в производственно-логистические связи глобального бизнеса. Также, высокие значения эффекта границ были обнаружены для ряда периферийных китайских регионов, которые в основном ориентированы на внутренний рынок в поставках своей продукции.

Наименьшие значения эффекта границ были получены для приграничных с Россией регионов (Автономный район Внутренняя Монголия и Хэйлуцзян), а также Хунани, причем коэффициенты для данных регрессионных зависимостей были близки к критическим. Если для провинции Хунань данное обстоятельство может быть связано с особенностью поставок на российский рынок товаров легкой промышленности, то для Хэйлуцзян и Автономный район Внутренняя Монголия, вероятно, объясняется наличием сопряженной железнодорожной инфраструктуры с Россией.

При нивелировании барьеров для китайских товаров экспорт в Россию может видимо увеличиться за счет двух приморских провинций: Гуандун и Чжецзян. Доли этих провинций в региональной структуре экспорта Китая в Россию могут увеличиться на 5,2 и 3,8 п. п., соответственно. Остальные регионы КНР за исключением Шанси, могут сократить доли в региональной структуре экспорта в Россию. Это означает, что преимущества доступа на российский рынок еще больше укрепят приморские регионы КНР, а экспорт в Россию может стать еще более неравномерным между регионами Китая.

Эффект границ для импортных потоков в регионы КНР. Как и для экспорта, для общей совокупности в качестве эталона использовалась торговля внутри регионов КНР, по причине наименьших значений эффекта границ. Для соразмерного представления импортных потоков внутрирегиональная торговля КНР была скорректирована на величину покупок в рамках оптовой и розничной торговли. В межрегиональной торговле учитывалась только величина ввоза товаров из одного региона в другой.

В соответствии с расчетами, эффект границ для поставок российской продукции в китайские регионы был выше, чем со всеми основными странами – торговыми партнерами КНР. Исключение составил только Гонконг – территория, официально входящая в КНР, специализирующаяся в реэкспорте китайских товаров на глобальном рынке и практически не поставляющая товары на рынок Китая.

Сопоставимыми, но немного меньшими значениями эффекта границ характеризовалась Республика Корея, бизнес которой нарастил прямые инвестиции в производственный сектор целого ряда китайских регионов. В том числе по этой причине корейские поставки в китайские регионы за последние годы стали менее масштабными, чем раньше (табл. III.2).

Таблица III.2

Значения коэффициентов регрессии модели (III.5) для импорта и адвалорный эквивалент эффекта границ для регионов КНР

Переменные	β	s.e.	Эффект границ, %
CN x CN (ввоз из одного региона КНР в другой)	-1,74*	0,12	54,31
CN x RU (импорт из России)	-2,78*	0,21	100,41
CN x JP (импорт из Японии)	-2,70*	0,20	96,57
CN x KR (импорт из Республики Корея)	-2,78*	0,20	100,37
CN x USA (импорт из США)	-1,60*	0,23	49,12
CN x EU (импорт из стран ЕС-28)	-0,93*	0,24	26,14
CN x HK (импорт из Гонконга)	-3,66*	0,19	149,57
CN x TW (импорт из Тайваня)	-2,08*	0,20	68,16
CN x AUSNZ (импорт из Австралии и Новой Зеландии)	-1,43*	0,22	42,79
CN x AFRICA (импорт из африканских стран)	-0,94*	0,24	26,40
CN x SAMERICA (импорт из стран Южной Америки)	-1,08*	0,23	30,93
CN x CAN (импорт из Канады)	-1,62*	0,22	49,76
CN x MEX (импорт из Мексики)	-1,47*	0,23	44,55
CN x KZ (импорт из Казахстана)	-2,45*	0,21	84,48
CN x PAK (импорт из Пакистана)	-1,90*	0,22	60,98
CN x IND (импорт из Индии)	-2,21*	0,22	73,56
CN x GULF (импорт из стран Персидского залива)	-0,96*	0,23	27,24
CN x ASEAN (импорт из стран АСЕАН)	-1,66*	0,22	51,32
CN x OTHERS (импорт из прочих стран)	-0,57**	0,24	15,28
CONT (совместная граница)	2,67*	0,12	-
Ind (расстояние)	-0,99*	0,03	-
Константа	-23,23*	0,22	-
Pseudo R ²	0,60	-	-

Примечания. * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$. s.e. – значения стандартных ошибок. Адвалорный эквивалент эффекта границ (в %) рассчитан по отношению к внутрирегиональным оптовым и розничным покупкам, исходя из $\sigma=5$.

Источник: расчеты автора.

Можно заключить, что барьеры для доступа российской продукции на рынки китайских регионов в адвалорном эквиваленте выше, чем для продукции большинства других стран. Это может быть интерпретировано, как наличие монополии в условиях концентрации сырьевого импорта из России только в нескольких регионах Китая. Вероятно, это объясняет меньшие значения эффекта границ с регионами Китая для экономик, поставляющих в КНР комплементарные с российскими товарные позиции, в значительной степени являющиеся конкурентными и / или входящими в глобальные производственно-технологические цепочки.

Расчеты также подтвердили наличие высоких барьеров на внутреннем рынке Китая. Причем, как и для случая экспорта, эффект границ между регионами КНР имел более высокие значения по сравнению с рядом зарубежных стран. Расчеты показали, что совместная граница способствовала увеличению импорта в китайский регион из соседней страны в 13,4 раза ($e^{2,67}-1$) по сравнению с другими регионами Китая. Негативное влияние физического расстояния на импорт в регионы

КНР не отличалось высоким значением, которое по модулю было больше, чем для экспортных потоков, что отчасти объясняет проявление эффекта масштаба при перемещении китайских товаров в глобальном пространстве, а также улучшение их качественных характеристик. Действительно, географический охват экспорта товаров из китайских регионов значительно шире, чем импорта: для 2017–2019 гг. количество «нулевых» торговых потоков экспорта китайских регионов значительно меньше по сравнению с импортом (2645 против 7868). С этой точки зрения расширение географии экспорта и его товарного ассортимента определяет меньшее влияние физического расстояния на экспортные потоки регионов КНР в отличие от импорта.

Эффект границ для импортных потоков в каждый регион КНР из России. Оценка пространственного распределения эффекта границ по импорту из России для отдельных китайских регионов показала, что в качестве эталона для сравнения эффекта границ импортных потоков каждого региона КНР наилучшим образом подходит совокупный показатель торгового взаимодействия регионов с отечественным рынком (ввоз из одного региона в другой и внутрирегиональные оптовые и розничные покупки)¹. Результаты оценки эффекта границ для импортных потоков из России для каждого региона Китая представлены на *рисунке III.4*.



Рис. III.4. Значения эффекта границ для импортных потоков каждого региона КНР из России, %

Источник: расчеты автора.

Несмотря на то, что низкие значения эффекта границ были обнаружены для регионов, характеризующихся высокой долей в импорте из России в КНР (Хэйлуцзянь, Шаньдун, Пекин и Автономный район Внутренняя Монголия), а также для целого ряда приморских (Цзянсу, Шанхай, Чжецзянь, Фуцзянь, Гуандун) и некоторых внутренних регионов (Чунцин и Шаньси), оценка показала, что эффект границ

¹ Оценены регрессии для всех регионов Китая, включающие до 744 наблюдений для каждой зависимости.

для импорта из России для большинства регионов КНР (20 регионов) был более 50% по отношению к торговле с отечественным рынком. Более трети регионов характеризовались значениями эффекта границ в диапазоне 50–70%. Медианное значение эффекта границ для импорта из России составило 59,2%. Полученные значения из России указывают на большой разрыв в барьерах между регионами КНР для импорта по сравнению с экспортом.

Помимо некоторых периферийных и ориентированных на внутренний рынок регионов КНР, высокими значениями эффекта границ характеризовались три китайских региона, территориально близкие к России: Синьцзян-Уйгурский автономный район (130,9%), Ляонин (119,8%) и Цзилинь (108,9%). Высокие значения эффекта границ для Ляонин и Цзилинь могут объясняться тем, что бизнес из провинции Хэйлунцзян осуществляет в данные китайские регионы реэкспорт в том или ином виде сырьевых товаров из России, который не учитывается в таможенной статистике. Говоря иначе, посреднические структуры в провинции Хэйлунцзян осуществляют контроль над потоками российских товаров на Северо-Востоке КНР. С этой точки зрения, российским поставщикам вероятно необходимо диверсифицировать поставки товаров в другие регионы КНР с целью обхода посредников. Импорт в Синьцзян-Уйгурский автономный район из России незначителен в условиях сильной конкуренции со стороны сырьевой продукции из Казахстана, стран Средней и Южной Азии. Это связано с тем, что Россия, обладая сухопутным участком границы с Синьцзян-Уйгурским автономным районом, не имеет технических возможностей построить транспортную инфраструктуру прямого доступа в данный регион КНР, осуществляя текущие торговые взаимодействия через Казахстан.

При существенном сокращении барьеров, оцененных посредством эффекта границ, стоимостной объем импорта из России в китайские регионы может увеличиться за счет прироста поставок российской продукции практически во все регионы. При этом может произойти более равномерное распределение импорта из России между регионами КНР: доля в импорте провинции Ляонин увеличится на 3,3 п. п., а доли Пекина, Хэйлунцзяна, Шандуна и Автономного района Внутренняя Монголия сократятся. В итоге, при нивелировании барьеров для китайских товаров преимущества доступа на российский рынок еще больше укрепят приморские регионы КНР, а экспорт в Россию может стать еще более неравномерным между регионами Китая. В общем случае наличие совместной границы между китайским регионом и зарубежной страной способствует увеличению торговых взаимодействий между ними. Для случая китайско-российской торговли, низкие значения эффекта границ были зафиксированы только для двух приграничных с Россией регионов (Хэйлунцзян и Автономный район Внутренняя Монголия), что объясняется наличием сопряженной с российской стороной транспортной инфраструктурой.

Таким образом, полученные оценки дают основание утверждать, что поставки российской продукции в регионы КНР сталкиваются с большими барьерами по

сравнению с поставками продукции на российский рынок из китайских регионов. С точки зрения влияния различного рода институциональных ограничений, следует отметить особенность функционирования как российской и китайской экономик в целом, так и их внешнеторговых секторов в частности. Торговые барьеры для поставок товаров в Россию из регионов КНР характеризовались довольно высокими значениями, а барьеры, сдерживающие доступ российской продукции на рынки китайских регионов в адвалорном эквиваленте были выше, чем для остальных зарубежных стран даже в случае сопоставимой номенклатуры поставок, так как импорт из России концентрируется только в нескольких регионах Китая. Данное обстоятельство объясняет проявление эффекта монополии посредством барьеров в форме посреднических структур, расположенных в ряде провинций КНР, осуществляющих контроль над потоками российских товаров, поступающих на китайскую территорию. Поэтому, российским поставщикам необходимо диверсифицировать поставки товаров в другие регионы КНР с целью обхода посредников и освоения новых региональных рынков сбыта в Китае. При существенном сокращении барьеров, стоимостной объем поставок из России в китайские регионы может увеличиться за счет прироста ввоза российской продукции практически во все регионы, т. е. может произойти более равномерное распределение импорта из России между регионами КНР. В этом случае, положительные эффекты от интеграции для России с КНР могут возрасти, способствуя диверсификации российского экспорта.